

Министерство
образования
и науки
Российской
Федерации

ИНОЦЕНТР
(Информация. Наука.
Образование)

Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)

Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)

Фонд Джона Д. и
Кэтрин Т. МакАртуров
(США)

Данное издание осуществлено в рамках программы "Межрегиональные исследования в общественных науках", реализуемой совместно Министерством образования РФ, "ИНОЦЕНТРОМ (Информация. Наука. Образование)" и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном издании может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов программы

Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский государственный университет им. А.М. Горького
Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
Шуменский университет «Епископ Константин Преславский»
Уральский межрегиональный институт общественных наук
Институт всеобщей истории РАН

РОССИЯ – КРЫМ – БАЛКАНЫ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Издательство «Волот»
Екатеринбург
2004

ББК ТЗ(2)6-7
Р 768

Печатается по решению Совета научных кураторов Программы "Межрегиональные исследования в общественных науках"

РОССИЯ – КРЫМ – БАЛКАНЫ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР: Научные доклады международной конференции (Севастополь, 6-10 сентября 2004 г.)
Екатеринбург: НППМ "Волот", 2004. 390 с.
ISBN 5-89088-028-4

Сборник материалов международной конференции историков "Россия – Крым – Балканы: диалог культур" (Национальный заповедник "Херсонес Таврический", Севастополь, 6–10 сентября 2004 г.), является одной из форм реализации проекта "Медиативная миссия России в цивилизационном взаимодействии Европы и Азии", выполняемого историческим факультетом Уральского государственного университета совместно с УрМИОНОм как часть проекта "Диалог культур и цивилизаций" под руководством ИВИ РАН. Сборник отражает изыскания ученых Урала, Москвы, Санкт-Петербурга, Сибири, Крыма, Украины, Болгарии выявляющих конкретные проявления развития толерантности в контексте взаимоотношений народов, социальных и политических групп, связанных общностью исторических судеб на пространстве Россия – Крым – Балканы. Конкретно-исторические явления, выявляющие природу толерантности в данной контактной зоне, рассматриваются в рамках таких направлений как античная история и археология, Византия и страны ее круга, археологические памятники средневековья, средневековая культура Балкан и Причерноморья, Россия, Крым, Балканы в новое и новейшее время.

ББК ТЗ(2)6-7
Р 768

Книга распространяется бесплатно

Редакционная коллегия:

д.и.н., проф. **В.П. Степаненко**, к.и.н., доц. **Н.Н. Баранов**, к.и.н., доц. **С.В. Горшков**,
к.и.н., доц. **А.С. Козлов**, к.и.н., доц. **А.С. Мохов**, к.и.н., доц. **А.В. Шаманасев**

Рецензенты:

д.и.н., проф. **В.Н. Земцов**, д.и.н., проф. **С.В. Кондратьев**

ISBN 5-89088-028-4

© "ИНО-Центр", 2004
© НППМ "Волот", 2004

Н.Н. БАРАНОВ, Д.В. БУГРОВ, А.С. КОЗЛОВ
ЕКАТЕРИНБУРГ

ПРОБЛЕМЫ ДИАЛОГА КУЛЬТУР НА ИСТОРИЧЕСКОЙ ОСИ «РОССИЯ – КРЫМ – БАЛКАНЫ»

При поразительном многообразии определений термина «цивилизация», имеющих хождение в современной научной литературе, они сводятся всего лишь к двум подходам: типологическому и структурному. Первый, представленный множеством вариантов, исходит из дифференциации цивилизаций в качестве элементов, составных частей сложного всемирного целого, что выражается в их определении через понятие «культурно-исторический тип». Второй идет от представления о цивилизации как структуре, отношении элементов культурно-исторической общности. При этом цивилизация понимается как пространственно-временная локализация диалога культур. Важным преимуществом структурного подхода выступает способность снять возражения тех, кто не считает концепт «цивилизация» неперменным в инструментарии социальных наук, рассматривая его как синоним понятия культура в широком смысле. Главное с точки зрения системного подхода – примат отношений над элементами в системе. Таким образом, цивилизационный процесс возникает там и тогда, где и когда возникают отношения диалога культур. С особой интенсивностью эти отношения протекают в так называемых контактных зонах, соединяющих различные культуры.

С этой точки зрения исторической судьбой Крыма стало его превращение в важнейший нервный узел контактной зоны, в которой сходились и сходятся этносы, конфессии и культуры, подчиняющиеся логике поведения пространственной Оси, соединяющей Евразию, Юго-Восточную Европу и Ближний Восток. Встречные движения людей на этом поле – от масштабно-трагических до лично-мажорных, – начинаясь в просматриваемой с трудом Гомеровской эпохе, – получили немалое отражение в разных формах исторической мысли. Мысль эта,

выливаясь в историографически уже очерченном, но до сих пор не обретшем устойчивый рельеф ложе метафорического каньона, исходила в фольклорном и письменном виде ранее всего из Балкано-Эгейского пространства. Расходясь волнами из эпицентра и достигнув Северного Причерноморья, она обрела устойчивый вид в «скифском рассказе» Геродота и в целом сохраняла заложенные в этом рассказе базовые исторические идеи до раннего средневековья¹. И тогда произошла ее встреча с другим потоком исторической мысли, идущим с севера, из глубинных пространств той же Скифии, постепенно обретающей вид Руси-России, потоком, начинающимся с животворно-космического взгляда на историю Иллариона Киевского. Взаимообогащение движущихся навстречу друг другу историографических потоков стало неоспоримым фактом; и сегодня становится яснее как никогда то, что Крым во многом оказывался тем плавильным горнилом, где при встрече народов и интеллектов рождались идеи, служащие новыми импульсами в понимании истории Евразийского и Средиземноморского пространств².

Совершающуюся в пространстве контактной зоны историю народов и государств, как и всякую другую, принято обсуждать в логике и терминологии научной дисциплины. Но не всегда в фокусе взгляда оказывается то, что составляет главное содержание взаимодействия исторической мысли и порождающих ее пространственно-эмпирических условий, которые диктуют специалисту конкретно-проблемный интерес. Отсюда – и наш эксперимент, заключающийся в обмене (в рамках данного издания) мнениями именно тех историков, чья деятельность связана, во-первых, с традициями интеллектуального взаимовлияния их научных школ, – во-вторых, с пониманием значения Таврики как не только решающего для этой зоны регионально-исторического узла, но и как могучего источника для порождения новых историографических идей. Наблюдения в русле темы «Россия – Крым – Балканы: диалог культур» органически связаны, с другой стороны, с развитием парадигмы целостности истории Европы и Евразии, – парадигмы, фундаментально развернутой в первую очередь Институтом всеобщей истории РАН, но параллельно развивающейся и в научных коллективах Санкт-Петербурга, Урала, Болгарии и самого Крыма. Сходные идеи по-

¹ См.: MORAVCSIK G. *Byzantinoturcica*. В., 1958. Bd. 2. S. 281 u. folg.; Биби-ков М.В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1981. С. 102.

² Cp.: *Conflict and Peacemaking in Multiethnic Societies* / Ed. by J.V. MONTVILLE., Canada, Lexington Books, 1990. P. 19 f.

рождаются синхронными историографическими процессами вдоль Оси. В известном смысле эксперимент сборника – начало суммарного (под патронажем МИОН) отсчета в апробировании этих идей при непосредственном контакте ученых, разделяющих основную концепцию – не только *цельности* истории названных геополитических пространств, но и *неразрывности и общности* их судеб. Что особенно актуально для драматических обстоятельств бытия этих цельностей в начале ХХI века.

Инициаторы данного сборника, фокусируя основное внимание на медиативной миссии России в диалоге культур, исходят, прежде всего, из того несомненного факта, что без существования исторической Оси «Россия – Крым – Балканы» этот диалог был бы вообще невозможен. Основанием подобного понимания послужили следующие подтверждаемые историей явления:

- во-первых, социальные организмы вдоль названной Оси исторически оказались *единым полем* различных и множественных кросскультурных влияний, сделавшись уникальным объектом восприятия последствий социально-культурного соседства Европы и Азии;

- во-вторых, народы и государства выступают традиционными посредниками во взаимной трансляции и рецепции базовых ценностей Востока и Запада;

- в-третьих, они сами служат субъектом межкультурного взаимопроникновения, в результате которого происходит адаптация друг к другу «иных» цивилизационных опытов и генерация качественно новых.

При этом практически все авторы представленного сборника разделяют положение о том, что всякая цивилизация как форма социальной общности складывается и поддерживается в истории программами самовоспроизводства, и выявление существа этих программ позволяет дифференцировать природу цивилизаций, а значит – природу диалога их культур. Социальные организмы рассматриваемой нами контактной зоны, с зари средневековья объединенные в значительной степени принадлежностью к традиционным цивилизациям, оказались обладателями преимущественно охранительной доминанты, сфокусированной на сакральных началах (божественности власти и сверхкосмической всевластности Бога); преодоление традиционности оказалось в этом случае связанным с глубочайшими драмами гуманитарных переворотов именно в *диалогах культур*, позволивших человеку взять на себя функции, ранее считавшиеся трансцендентными, – функции обустройства *общего*

дома, держав, через личное участие³. Именно в глубинах подобных переворотов надо видеть и глубочайший трагизм и одновременно – высочайшую гражданственность пафоса Христо Ботева, мучительность поиска многонациональным Крымом своей государственной идентичности в XVIII–XX вв. и глубокую правду мысли Ю.Ф. Самарина, что все средства «слабы против страсти “пытать и толковать от себя”, со дня на день неуловимо распространявшейся»⁴. Так в диалоге культур вдоль вектора контактной зоны рождалась специфическая, *государственно* отмеченная свобода выбора, означавшая *формальную* десакрализацию социальной жизни и создававшая своеобразнейшие, мало похожие на европейские, способы выхода из традиции. Применительно к пониманию общности судеб народов этих суперрегионов в Новое и Новейшее время это означало историографическое осмысление ими следующих линий своего развития:

– культуры России, Крыма и Балкан в ходе своего диалога вышли из традиционных цивилизаций, но не вошли в инновационные; причина, отмеченная еще классиками (и признанная, кстати, на Западе О. Шпенглером и А. Тойнби) – отсутствие метафизического, нравственного оправдания модернизации; человеческое начало здесь оказалось редуцировано патронажным государственным началом;

– диалог культур на названном пространстве породил лишь европейские *формы* сходных гуманитарных ценностей (недаром осмысливавший подобную ситуацию Н.Я. Данилевский с пронзительной ясностью указал на наличие *разлома* между Россией и Европой); включаясь в Европу географически, наши страны оказались цивилизационно «несколько» иными, что множит к началу XXI в. все большие проблемы, учитывая высокую консолидированность Европы в границах западному понимаемого комфорта и восприятие многими этого комфорта как высшей ценности; отсюда – надрывные попытки немалых социально-политических групп в границах рассматриваемого пространства к сопряжению своего устройства с европейским, что очень часто ведет к его блокировке и банкротству реформаторских усилий России, Крыма и некоторых балканских государств...⁵

³ Ср.: Ильин В.В., АХИЕЗЕР А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000. С. 23–24.

⁴ САМАРИН Ю.Ф. Избранные произведения. М., 1996. С. 61.

⁵ Здесь уместно отметить точку зрения ряда специалистов на то, что глобальная экспансия западных экономических, политических и культурных стандартов, искусственное насаждение западных образцов культуры в странах восточного региона обостряют и осложняют противоречие между Западом и Востоком,

Диалог наших культур вел не к воспроизводству западной цивилизационной модели, а к такой модели культурной целостности, для которой характерна высокая духовность (в отличие от формалистичного Запада); в результате этого странам Оси предстоит строить собственную дорогу – высокотехнологичными, равными западным, приемами, – лишёнными, однако, токсичности калькуляций вестерна.

Не случайно на рубеже XX–XXI вв. концепция диалога цивилизаций и культур даже на уровне ЮНЕСКО была пересмотрена и дополнена видением конкретных препятствий на пути этого диалога, включая старые и новые предубеждения и предрассудки, которые способны привести к новым разрывам отношений и конфликтам, особенно на уровне локальных сообществ.

Специалисты все чаще соглашаются, что можно спорить о возможности слияния культур в прошлом и настоящем или об их конфликте, но очевидно то, что ни столкновение, предполагающее «разность» и «разделение», ни понимание «цивилизации вообще» как гомогенного целостного единства, не соответствует реалиям современного мира с его повсеместным взаимопроникновением культур. Отсюда тем более актуален взгляд в прошлое тех регионов (в том числе и наших), где этот диалог культур сопровождался наиболее конструктивными формами взаимодействия.

Тривиальным на сегодняшний день является признание того, что в ходе исторического диалога в связке «Россия – Крым – Балканы» возникла особая открытость существования этих культур, порождая толерантность как *допущение существования социального другого*. Эмпирический материал истории диалога в границах Оси подчеркивает, что на любых этапах исторического взаимодействия толерантность оказывалась необходимым условием для оптимального действия механизмов саморегулирования общества. Судьба античного Херсонеса, самой яркой точки во взаимовлияниях культур Оси в процессе диалога, здесь особенно показательна: этот центр благодаря своей открытости сумел в жесточайших периферийных условиях плавно войти в средневековое бытие как Херсон, давая в ходе *византийского тысячелетия* (термин

превращают культуру в товар, обмениваемый на широком рынке, где все ценности, складываясь, взаимно аннулируются и где вместо понятия «диалога культур» возникает понятие «обмен продуктами культуры». Рассуждая по этому поводу еще четверть века назад, К. Леви-Строс писал: «Современный человек старается понять различия культур, одновременно уничтожая то, что в них его не устраивает». Цит. по: БЕРНАР Э. Диалог культур. 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 22.

Х.-Г. Бека)⁶ пример политической гибкости и этнической терпимости. Если правы те, кто утверждает, что динамика бытия есть чередование синергетических и системно устойчивых состояний природных и общественных организмов, то приводимая в сборнике историческая эмпирика, на наш взгляд, показывает: толерантность может рассматриваться как необходимое условие такого функционирования механизмов саморегулирования и средневекового и индустриального общества, при котором возрастает его устойчивость, тормозится переход системы в синергетическое состояние. Подобная исследовательская стратегия, по мнению авторов сборника, достаточно перспективна.

Авторский коллектив представляемого сборника ни в коем случае не претендует на оригинальность в формулировке *общей* темы исследований (место толерантности в диалогах культур). Он полностью осознает, что принципиальные изыскания в области подобного диалога берут начало еще на рубеже веков – в штудиях Н.Я. Данилевского, К. Лампрехта, Й. Хейзинги, М.И. Ростовцева и др. Он един в том мнении, что после Первой мировой войны изучение такого рода проблематики было диверсифицировано по многим отраслям гуманитарного знания, составившим динамично развивающееся интеллектуальное пространство осмысления межкультурного диалога и такой основополагающей его черты как степень присутствия толерантности.

Вопреки социологизирующим концепциям «модерна», основы которых были заложены во второй половине XIX – начале XX в. трудами Э. Дюркгейма, К. Маркса и Ф. Тенниса, утверждавшим парадигму разрушения семейного, родового начала и торжество «товарного фетишизма», народы Оси сохранили этот «палладиум» общинности на всем векторе своего исторического развития.

Авторский коллектив полагает, что первая половина XX в. внесла особый вклад в эволюцию представлений о кросскультурных коммуникациях, – через изыскания М. Вебера и его последователей, структурную лингвистику Ф. де Соссюра, социальную психологию Н. Михайловского, Г. Лебона, сочетание последней с крайними формами социальных оценок Б.Ф. Поршнева. В рамках сугубо исторических исследований мы выделяем представителей школы «Анналов» в лице, прежде всего, М. Блока и Л. Февра как выдающихся эмпирико-позитивистов в области познания механизмов конкретно-исторической толерантности. По нашему мнению, решающим в развитии названной проблематики явились – «лингвистический поворот» 60–70-х г. XX в., резко возросшая диффузность дисциплинарных границ и наметивший-

⁶ BECK H.-G. Das byzantinische Jahrtausend. München, 1994. S. 29 u. folg.

ся пересмотр модернистской парадигмы научного гуманитарного знания. Этот процесс явно сопровождался формированием междисциплинарного исследовательского поля и общей антропологизацией исторического знания. В итоге современная гуманитаристика стала формировать принципиально иные подходы к изучению диалога культур и цивилизаций, в том числе – и через призму конкретно-исторических форм толерантности.

Здесь прежде всего следует выделить исследовательские методики, предложенные «московско-тартуской» школой Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, а также весьма продуктивные (хотя, на наш взгляд, и весьма непоследовательные с точки зрения единства концептуальности) поиски коллектива авторов альманаха «Одиссей: человек в истории» (под руководством А.Я. Гуревича). Весьма плодотворным в том же плане явилось издание альманаха «Цивилизации» под редакцией В.М. Хачатурян.

Вместе с тем, инициаторы данного сборника считают, что на сегодняшний день так и не произошло глубокой и органичной интеграции означенного выше подхода с традиционными конкретно-историческими исследованиями, посвященными проблемам диалога культур и порождаемыми ими формами толерантности.

В этой связи особую актуальность приобрел совместный проект ИВИ РАН, исторического факультета Уральского государственного университета и Уральского МИОНа «Диалог культур и цивилизаций», частью реализации которого является предлагаемый сборник, представляющий собой один из возможных вариантов решения данной проблемы.

Инициаторы сборника разделяют базовые методологические принципы, декларированные в вышеназванном проекте, в частности, идеи о семиосфере, о структурированности исторического пространства, о компаративистике как средстве изучения диалога культур и цивилизаций. Немалое место в наших исследованиях занимает учет последствий антропологического поворота в современном историческом знании, – поворота, обусловившего использование таких современных направлений в исторической науке как история повседневности (с учетом, прежде всего, алгоритмов немецкой школы), история ментальностей (с глубоким пиететом к методике коллег из Франции), интеллектуальной истории (представляемой, на наш взгляд, прежде всего, англосаксонской историографией) и другими направлениями «новой исторической науки».

В эмпирике статей предлагаемого сборника прослеживаются проблемы соотношения конкретно-исторических воплощений массового и индивидуального, частного и публичного в диалоге социумов России, Крыма и Балкан. На конкретном материале с VI в. до н.э. и до XX сто-

летия включительно исследуются проявления таких проблем исторической толерантности, как дискретность культур и этносов, кризисные ситуации и кризисные зоны в межкультурном диалоге, а также проблемы «непереводимости культур», тупиков «радикального перевода» и «референциальной неопределенности».

К сказанному необходимо добавить, что отработанной методологии конкретно-исторических исследований толерантности в России пока не сложилось. Причины этого многообразны и глубоки, но в итоге проистекают из нынешней непростой ситуации в некоторых направлениях отечественной исторической науки. Корни такой ситуации, с одной стороны, уходят в недавнюю традицию идеологизации социально-исторического поиска, с другой – в интенсивное (за истекшее двадцатилетие) внедрение либо модернистски-вестернизаторских, либо, восходящих, например, к Д.И. Иловайскому, легковесных описательно-«сверхоценочных» парадигм. Речь идет, прежде всего, о новейшей истории; применительно к изысканиям в областях предыдущих эпох ситуация благополучнее. Отсюда – возможность, опираясь, в частности, на относительную незамутненность рефлексии медиевистов или специалистов по новому времени на линии «Россия – Крым – Балканы», сверить в совместных сборниках и на круглых столах опыт конкретных исследований исторических феноменов толерантности.

Для привлеченных в настоящий сборник антиковедов, историков средневековья и специалистов в области исторического регионоведения (в том числе и знатоков крымского прошлого) проблема подобного рода намного облегчается многолетними контактами, как целых школ, так и отдельных ученых. Исследования коллег, например, из Софии, Шумена и Афин, касающиеся конкретной проблематики кросскультурных контактов Балкан и Причерноморья, теснейшим образом соприкасаются с вопросами изучения типологически сходных объектов Таврики и южной части России, которые плодотворно разрабатываются харьковской, киевской, Санкт-Петербургской и уральской школами античников и византинистов (расшифровка форм диалога в рамках древнего и средневекового города, проявления интеллектуально-творческой толерантности в конкретных нарративных и материальных памятниках – от архаической Эллады до поздневизантийской эпохи и т.д.). Выходящий в свет не один десяток лет многостраничный альманах «Античная древность и средние века», формируемый одной из групп инициаторов нашего сборника и соответствующей конференции, давно завоевал мировую известность именно координацией усилий коллег из Крыма, Санкт-Петербурга, Урала и Сибири, Болгарии и Германии – по исследованию исторических воплощений социального, политического и культурного

диалога. Научный мир Симферополя и Севастополя, имея фундаментальную традицию аккумуляции схожих изысканий в области истории Причерноморья в целом, воплощает ее в многотомных «Материалах по истории, археологии и этнографии Таврики» (Крымский филиал Института востоковедения РАН), в блестяще возрожденном «Херсонесском сборнике» (Национальный заповедник «Херсонес Таврический»), в оперативных препринтах Крымского филиала Института археологии РАН (издаваемых одной из самых плодотворных в СНГ Южно-Крымской экспедицией, проводимой совместно с Государственным Эрмитажем).

Примеры можно продолжать, но главное – сегодня становится ясно, в чем преимущество творческих забот названных коллективов археологов, этнографов и историков. Речь идет о методически безупречной эвристике культурно-исторических фактов и непосредственном сопоставлении проявлений исторических реалий диалога культур и форм становления толерантности. Удовлетвориться этим, однако, нельзя, поскольку эмпирические исследования обретают подлинную силу лишь в *системе историографического постоянного диалога специалистов*. Лишь сборники и конференции предлагаемого нами типа ставят способ постижения картины в целом, ибо задают отшлифованную многолетним положительным опытом универсально-необходимую, теоретико-аподиктическую форму такого диалога.

Жесткая логика таких подходов определила широкое привлечение региональных источников и, как следствие, расширение парадигмальных границ новой культурной истории.

Авторы сборника считают методологически необходимым учитывать результаты состоявшихся в последнее время на пространствах СНГ многих научных форумов, посвященных проблематике диалога культур (особенно в аспекте истории толерантности).

Начиная с изучения материалов круглого стола «Мир на Северном Кавказе через диалог культур» (июнь 1998 г., Пятигорск), мы особенно обратили внимание на наблюдения коллег, сделанные на Форуме интеллигенции «Религия, образование, культура: необходимость диалога» (ноябрь 2000 г., Уфа), Международной научной конференции «Лингвокультурологические проблемы толерантности» (октябрь 2001 г., Екатеринбург), III Российском философском конгрессе (круглый стол «Мир религии и диалог культур», сентябрь 2002 г., Ростов-на-Дону), Международной научной конференции, организованной Институтом мировой литературы РАН, «Диалог культур: Хафиз, Гете, Пушкин» (апрель 2003 г.), Международной конференции «Санкт-Петербург в диалоге цивилизаций Запада», проведенной РАН и Международным фондом

Николая Кондратьева – Питирима Сорокина (Круглый стол «Диалог культур и цивилизаций Востока и Запада», сентябрь 2003 г., Санкт-Петербург), Российско-германского семинара «Диалог культур» (Мурманск, март 2004 г.), Всероссийской научной конференции «Межкультурное взаимодействие и его интерпретации» (апрель 2004 г., Москва). Для нашей дальнейшей работы будут очень важны результаты форума «Евразия в XXI веке – диалог культур или конфликт цивилизаций?» (10-11 июня 2004г., Иссык-Куль, Кыргызстан), подготовленной в рамках ЮНЕСКО.

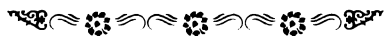
И мы полностью разделяем ключевую идею, заложенную в концепции этого форума:

«Потребность в диалоге между цивилизациями так же стара, как и сами цивилизации, а проблемы глобализации, новые вызовы и угрозы человечеству делают эту потребность острее, чем когда-либо. В этой связи вызывает оптимизм осознание подавляющим большинством людей на евразийском континенте необходимости диалога между цивилизациями, взаимообмена и взаимообогащения идеями и культурными ценностями»⁷.

⁷ [http:// www.unesco.kg/ forum/ concept.html](http://www.unesco.kg/forum/concept.html)

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

М.Ю. ЛАПТЕВА
ТОВОЛЬСК

АФИНЫ И ПИЛОС В ИОНИЙСКОЙ МИГРАЦИИ

Поселения разнородных греческих племен и родовых групп Балканской Греции и островов Эгеиды, именующих себя ионийцами, возникали в центральной части западного побережья Малой Азии на протяжении, по меньшей мере, двух последних столетий II тыс. до н.э.

Эти события были одним из заключительных этапов переселений индоевропейских племен, длившихся не менее столетия и сопровождавшихся крушением или упадком восточных держав, гибелью ахейских государств Пелопоннеса, бегством уцелевшего населения в наименее затронутые войнами и разрушениями районы.

Тема ионийской миграции оживленно обсуждается в научной литературе уже более века. Наиболее дискуссионными проблемами можно считать следующие: значение минойского и ахейского периодов в освоении греческими племенами западного побережья Анатолии, хронология миграции, время образования и роль Панионийского союза, исходные и направляющие центры миграции.

Выяснение не только происхождения мигрантов, но и того, какие именно центры Ахейской Греции, собирали и направляли миграционные потоки балканских племен в сторону западного побережья Малой Азии представляется существенным для воссоздания общей картины переселения индоевропейцев в конце бронзового века. Это важно также для понимания своеобразия восточногреческих полисов (становление которых началось в последующие гомеровский и архаический периоды), впитавших в себя различные традиции как крито-микенской эпохи, так и восточных государств.

До начала систематических раскопок в Ионии основным источником по ионийской миграции были сведения легендарной и хронографи-

ческой традиций, отразившейся в работах Геродота, Страбона, Павсания, Евсевия и других авторов, а также в ионийской лирике (Мимнерм).

Античная традиция всегда отмечала разнородный состав мигрантов, происхождение их из различных центров Балканской и островной Греции, а также, несостоятельность их претензий на ионийскую чистокровность. Геродот пишет, что ионийский этнос в Малой Азии состоял не только из ионийцев Ахайи, но, в значительной степени, из неионийского племени абантов Эвбеи, различных ахейских и даже догреческих (например, пеласгических аркадцев) племен Беотии и Пелопоннеса, кроме того – дорийцев из Эпидавра, а также многих других племен, в том числе – малоазийских карийцев (I, 146-147).

Что же касается организующих миграцию центров, то в качестве таковых в легендарной традиции чаще всего выступают Афины. Впрочем, нередко назывались и другие центры Пелопоннеса, Беотии и Эвбеи, направлявшие свое население в Малую Азию минуя Афины (e.g.: Her., I, 146-147; Strab., XIV, 1, 3; Paus., II, 13, 2; VII, 2, 3-6; 4, 2, 9). Среди этих центров особое место в источниках занимает Пилос.

Согласно афинской версии миграции, сыновья и внуки афинского басилея Кодра, сына Меланфа, потомка пилосского правителя Нелея, возглавили переселение ахейских беженцев, спасавшихся от дорийцев в Аттике и переполнивших эту область к началу XI в. до н. э. Эти потомки Кодра (Кодриды) стали ойкистами вновь основанных в центральной части западного побережья Малой Азии, поселений (Her., I, 147; Strab., XIV, 1, 3; Paus., II, 18, 8-9; VII, 1, 5-9; 2, 1-11; 3, 3, 5-10; 4, 2). Именно поэтому в архаический и классический периоды Афины единодушно считались метрополией ионийских городов (e.g.: Her., V, 97).

Кроме афинской версии античная традиция знала и другие варианты основания ионийских городов, согласно которым, родиной ионийских ойкистов были различные области Южной и Средней Греции, а также Крит. Одним из примеров может быть основание Колофона. Колофонский поэт VI в. до н.э. Мимнерм в поэме «Нанно» (fr. 12 Diehl) пишет, что некогда его предки, покинув «высокий Пилос, город Нелея», осели в «желанном Колофоне».

В историографии первой половины XX в. было принято противопоставлять афинский и иные, в том числе – пилосский, варианты традиции. Последнему отдавалось явное предпочтение, как местному, афинская же версия считалась исследователями искусственной: это был политический миф, возникший в период пентеконтаэтии ради обоснования законности политических амбиций Афин (Р. Пельман, Ю. Белох, Дж. Манро, Дж. Бэррон, С.Я. Лурье и в последнее десятилетие XX в. –

Ю.В. Андреев с его отрицанием легендарной традиции как таковой). Кроме того, считалась неправдоподобной связь между Афинами, как сборным миграционным центром, и Пилосом, по той причине, что по меньшей мере 150 лет отделяют разрушение Пилоса от самых ранних переселений через Эгеиду (М. Финли).

Отрицательное отношение к Афинам как организующему и направляющему центру ионийской миграции было поколеблено с началом систематического археологического изучения Ионии после Второй мировой войны. Открытие субмикенской и протогеометрической керамики (датируемой серединой XI в. до н.э.) на всем ионийском побережье, создание ее классификации и установление сходства между керамическими стилями Ионии и Афин побудило часть исследователей пересмотреть негативное отношение к афинскому варианту традиции о миграции. Сходство протогеометрической керамики Афин и Милета стало считаться либо доказательством афинского происхождения мигрантов, либо свидетельством несомненной связи мигрантов с Афинами как организующим центром миграции.

В итоге появилась возможность реабилитации античной литературной традиции и комплексного изучения ее данных в сочетании с археологическими свидетельствами. Признание как разнородности ионийских мигрантов, так и существования нескольких исходных центров миграции (что было общим местом в литературной традиции) стало главным результатом такого комплексного изучения источников.

Впрочем, в вопросе о сборных пунктах миграции и возможном лидерстве одного из них нет еще окончательного решения. И в концепции афинского центра миграции и в аргументации противников этой теории, считающих более предпочтительной местную ионийскую традицию, есть уязвимые положения.

Так теория афинского фокуса миграции ослабляется доводами авторов, считающих ее афинской политической фикцией VI–V вв. до н.э. Вряд ли правомерна также характеристика Афин XI в. до н.э. как «великой морской державы» (Дж. Кук). Именно с помощью этого постулата сторонники афинского лидерства пытаются доказать, что в конце II тысячелетия до н.э. Афины были в состоянии организовать переселение в Малую Азию многочисленных племен. Также и сходство протогеометрической керамики Афин и Ионии можно истолковывать различно, например, как свидетельство художественного влияния, а не афинского присутствия в Ионии XI в. до н.э.

Не в пользу афинского варианта миграции – совпадение некоторых культов, политических институтов и терминологии Ионии и Пилоса, находки протогеометрической керамики в Мессении.

Однако если предпочесть пилосский вариант, то оказываются диссонансом 150 лет между отчетливо фиксируемым археологически разрушением Пилоса в конце XIII в. до н.э. и появлением новых поселенцев в Ионии, датируемого скоплением протогеометрической керамики в местах известных ионийских городов. Противоречат этой концепции и факты культурного, а также религиозного родства ионийцев с Афинами: культы Афины, Деметры и Посейдона Геликонского, праздники (Апатурии), календарь, четыре филы, общие для ионийцев и афинян. Афинское лидерство подчеркивалось и в местной малоазийской традиции (Паниасис Галикарнасский). Нельзя, к тому же, совершенно пренебрегать мнением историографии V в. до н.э., принимавшей традицию об Афинах как метрополии мигрантов.

Как нам представляется, в исторической традиции нет противопоставления афинского варианта миграции пилосскому или иному – неафинскому. Эта альтернатива – порождение историографии нового и новейшего времени. В источниках оба варианта хотя и присутствуют, но не противопоставляются. Так Страбон (XIV, 1, 3) в отличие, например, от Павсания (VII, 2, 1), выводит колофония и милетян во главе с Нелеем из Пилоса, но не пренебрегает в то же время фактами об ойкистах ионийских поселений – Кодридах (XIV, 1, 3; 1, 21). В сообщениях Страбона и Павсания, наших основных источников относительно миграции, гораздо больше сходства, чем различий. Не противоречат по духу этим источникам более лаконичные по содержанию сведения Геродота (I, 146-147).

Вероятно, противопоставление в современной историографии кодридского варианта миграции пилосскому и остальным неафинским возникло в результате рассмотрения всех данных традиции о миграции в едином временном контексте, а также – без учета данных археологии, которая в первой половине XX в. делала только первые шаги в изучении греческих поселений Малой Азии.

Археологическое изучение западного побережья Малой Азии показало большую древность греческих поселений, чем это представлялось до Второй мировой войны. Еще до середины 60-х гг. XX в. историю ионийских поселений начинали, в лучшем случае, с X в. до н.э., считая первым греческим населением междуречья Герма и Меандра те переселявшиеся в конце бронзового века ахейские и отчасти дорийские племена, которые осознавали себя ионийцами.

Раскопки двух последних десятилетий XX в. обнаружили в Ионии древние минойские поселения, обнесенные стенами. После крушения минойской талассократии и прихода в эти земли ахейцев эти поселения продолжали свое существование теперь уже как ахейские, а затем, начиная с XI в., преимущественно как ионийские (поселения на Самосе и Хиосе, Милет, Эрифры, Миунт и Колофон, Клазомены).

Успехи современной анатолийской археологии, накопившийся богатый археологический материал по древнейшим периодам истории Малой Азии (для глубинных районов – с периода неолита, для западного побережья и островов – с конца III тыс. до н.э.) позволяют сопоставить эти свидетельства с различными вариантами легендарной традиции и выстроить последние, насколько это возможно, во временной последовательности.

Покажем это на примере Колофона. Согласно легендарному преданию, первоначальным населением Колофона были карийцы, затем на его земли переселились критяне во главе с Ракием, основав здесь свое поселение (Paus., VII, 3, 1).

После взятия аргосцами Фив, в Колофон прибыли фиванцы (среди которых была дочь прорицателя Тиресия, Манто) и поселились совместно с критянами (Paus., VII, 3, 2). После Троянской войны Колофон вместе с возвращающимися ахейцами посещает прорицатель Калхант. Здесь он состоитается в искусстве прорицания с сыном Манто и Ракия, Мопсом (Apoll., Epit., VI, 2-4; Strab., XIV, 1, 27).

Затем следует, очевидно, поставить сообщение Страбона о переселении в Колофон пилосцев во главе с Андремоном (XIV, 1, 3). И, наконец, финальным событием этой легендарной истории является миграция ионийцев во главе с Кодридами, Дамасихтоном и Прометом (Paus., VII, 3, 3).

Этим легендарным фактам соответствуют вполне определенные археологические аналогии. Присутствие критян в областях будущей Ионии засвидетельствовано не только находками минойской керамики, но и поселениями со следами критских култов и фрагментами линейного письма А.

Прибытие фиванцев, а затем посещение Колофона ахейцами, захватившими Трою, занимает в традиции два поколения. Соотношение этих фактов и временной интервал между ними приблизительно соответствует археологическим датировкам разрушения Фив (конец XIV в. до н.э.) и Троянской войны (середина XIII в. до н.э.). О связях с ахейской Грецией, а также, возможно, ахейском поселении в Колофоне свидетельствует и купольная гробница с позднемикенской керамикой.

Переселение пилосцев в Колофон, о котором, цитируя Мимнерма, рассказывает Страбон (XIV, 1, 4), следует, на наш взгляд, датировать рубежом XIII–XII вв. до н.э., т.е. временем сразу же после разрушения пилосского дворца.

Следующий этап – появление ионийцев во главе с Кодридами, связывается с находками протогеометрической керамики, датированной XI в. до н.э.

Таким образом, сопоставление литературной традиции и археологических источников показывает, что нет необходимости противопоставлять афинский и пилосский варианты предания о переселении греков в Колофон. Эти переселения происходили в разное время.

Как нам представляется, история заселения критянами и греками западного побережья Малой Азии не сводима только к трем этапам: критскому, микенскому и ионийскому. Вполне вероятно, что между ними были периоды переселений отдельных племен или общин. Такое впечатление складывается при изучении, например, легендарной истории Самоса, Хиоса, Колофона и Теоса.

Что же касается ионийской миграции, то она, вероятно, представляла собой многоэтапный, длительный процесс, начавшийся еще в конце XIII в. до н.э. и «упростившийся» в устной и последующей литературной традиции до одной экспедиции – переселения Кодридов в Малую Азию, подобно тому как длительный и сложный период миграций и вторжений различных племен в Балканскую Грецию XII–XI вв. до н.э. предстает в традиции возвращением Гераклидов в родовые земли.

А. В. ЗАЙКОВ
ЕКАТЕРИНБУРГ

СКИФСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СПАРТАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ
АРХАИЧЕСКОЙ И КЛАССИЧЕСКОЙ ЭПОХ
(К ПРОБЛЕМЕ ВИРТУАЛЬНОГО СПАРТАНСКОГО НОМАДИЗМА)¹

Тема спартано-скифских параллелей, контактов и возможных взаимовлияний хотя и не относится к числу основательно изученных, тем не менее неоднократно привлекала к себе внимание современных исследователей. Из не столь давних примеров назовем знаменитую монографию Франсуа Артога «Зеркало Геродота» (Париж, 1980), в которой автор, помимо прочего, рассматривает параллелизм в изображении «отцом истории» царских погребальных обычаев у скифов и спартанцев². Упомянем также статью Дэвида Браунда о схожести Геродотовых скифов со спартанцами в 9-м томе сборника «Colloquia Pontica», составленном на основе материалов конференции, проведенной в Университете Ливерпуля в январе 1997 г.³, а также наш собственный доклад, представленный на той же конференции и посвященный образу Колаксаева коня в спартанской ритуальной поэзии⁴. Цель настоящего доклада состоит в следующем:

– во-первых, представить в систематизированном виде перечень наиболее существенных примеров скифских параллелей и скифских

¹ Доклад подготовлен в рамках проекта «Пространство демократии: природно-географический фактор в политических идеях Древней Греции», осуществляемого при поддержке РФФИ (грант № 04-06-80279).

² HARTOG F. The Mirror of Herodotus / Transl. by J. LLOYD. Berkeley, 1988. P. 152-155.

³ BRAUND D. Herodotus' Spartan Scythians // Pontus and the Outside World. Studies in Black Sea History, Historiography, and Archaeology / Ed. by C.J. TUPLIN. (Colloquia Pontica, Vol. 9). Leiden, Boston, 2004. P. 25-42.

⁴ ЗАЙКОВ А. Alcman and the Image of Scythian Steed // Ibid. P. 69-84.

контактов в спартанском образе жизни, культуре и политике, которые можно обнаружить в античной литературной традиции и которые относятся этой традицией к архаическим и классическим временам;

– во-вторых, попытаться ответить на вопрос о природе этих элементов, или, другими словами, выяснить, объясняются ли все эти фиксируемые в античных литературных текстах примеры спартаноскифских параллелей и контактов исключительно типологической близостью таких явлений, как «спартанский мираж» и «скифский мираж», либо за ними можно обнаружить и некоторую другую – реальную или виртуальную – основу.

1. ПРЯМЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПРЯМЫХ КОНТАКТАХ

1.1. Согласно традиции, переданной Флавием Филостратом в его «Жизнеописании Аполлония Тианского», знаменитый спартанский культ Артемиды, включавший жестокий обряд истязания юношей, имел скифское происхождение и установлен был по повелению бога именно как культ Артемиды Скифской.

1.2. Храм Коры Спасительницы в Лакедемонe, согласно одной из версий, переданной Павсанием, был построен Абарисом, скифом из гиперборейской страны.

1.3. У Ямвлиха также сохранилось предание об Абарисе (в которое, впрочем, Геродот не желает верить). Важным элементом этой легенды являются ритуальные очищения Абариса, осуществленные им в Лакедемонe и Кноссе с помощью особых отворотных жертв; при этом какую-то весьма существенную роль в этих ритуалах выполняла «стрела» – явный признак скифской культуры.

1.4. Геродот повествует о посольстве скифов в Спарту, имевшем целью склонить правительство Лакедемона к союзу против Дария. Хотя данная миссия по сути своей была очень похожа на посольство ионийцев, скифы в Спарте встретили более теплый прием.

1.5. В ходе этих переговоров с послами очень тесно общался царь Клеомен, которого они научили пить вино «по-скифски», не разбавляя водой. Согласно лаконской версии, именно это обстоятельство стало причиной безумия, постигшего позднее царя (сам Геродот считает это объяснение невероятным). Так или иначе, о привнесении данного элемента бытовой культуры к спартанцам непосредственно от скифов говорят и другие авторы (например, Афиней).

1.6. Геродот передает пелопонесскую (видимо, лаконскую) традицию, согласно которой скиф Анахарсис после посещения различных греческих городов вернулся на родину с мнением, что все эллины, кроме лакедемонян, стремятся все узнать и стать мудрыми, но при этом

одни только лакедемоняне «слушают и говорят правильно». Сам Геродот называет эту версию «вздорной выдумкой». Однако такое эмоциональное высказывание вполне может быть объяснено некоторым желанием автора понравиться своей афинской аудитории, которая в период написания «Истории» могла уже начинать привыкать к мысли о том, что именно Афины – «школа Эллады» и средоточие всякой мудрости. Как бы то ни было, для нас важно другое: данный рассказ прочно связывает скифа Анахарсиса именно со Спартой.

2. ДАННЫЕ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩИЕ О ЗНАКОМСТВЕ СПАРТАНЦЕВ СО СКИФАМИ

2.1. Спартанский поэт Алкман (VII в. до н. э.) в своем «Парфении» при сравнении девушек, принимающих участие в танце, с прекрасными лошадьми упоминает – среди прочего – легендарного скакуна скифского царя Колаксия. Характер этой метафоры, а также сам жанр поэтического произведения предполагают, что аудитория, к которой адресовался Алкман, прекрасно понимала, о ком и о чем говорит поэт.

2.2. В одном из фрагментов того же спартанского поэта обнаруживается упоминание исседонов (в формы «эсседоны» – fr. 156 Page), одного из скифских племен. Добавим к этому, что Алкман писал и о Рипейских горах (fr. 90 Page).

3. ЭЛЕМЕНТЫ СПАРТАНО-СКИФСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА

3.1. Наиболее ярким примером близости спартанских обычаев с обычаями скифскими являются погребальные царские ритуалы у этих двух народов, описанные Геродотом. Последний прямо заявляет, что похороны царей в Лакедемонии очень похожи на соответствующие ритуалы азиатских варваров. Под этим обобщенным обозначением – «азиатские варвары» – он, вероятно, имеет в виду также и скифов, а не одних только персов и египтян, некоторые элементы погребальной культуры которых имели очевидные аналогии в соответствующих спартанских обрядах, о чем Геродот в дальнейшем упоминает специально.

3.2. Элитный корпус, состоявший из 300 молодых спартанцев, назывался «всадниками», хотя к конной службе они не имели никакого отношения.

3.3. Тактика, использовавшаяся участниками спартанских *криптий* (тайные предприятия, объектом которых часто становились илоты), напоминает тактику скифов.

3.4. Есть целая серия других аспектов спартанской повседневности и культуры (реальных или виртуальных), которые удивительным образом вызывают в памяти скифский образ жизни. На эти моменты обратил

внимание Д. Браунд в упомянутой выше работе. Сюда относятся следующие элементы: (1) знаменитая спартанская враждебность к иностранным влияниям и чуждому образу жизни, которая является, безусловно, одним из наиболее ярких проявлений «спартанского миража»; при этом мы должны отдавать себе отчет в том, что такая враждебность в значительной степени представляла собой мифологему, которая зачастую имела весьма отдаленное отношение к реальному положению дел⁵; с другой стороны, Геродот акцентирует наше внимание на такой характернейшей скифской черте, как враждебность ко всему чуждому и особенно к греческим культурным влияниям; (2) из всех греков именно у спартанцев, как и у варваров, ремесленники пользуются наименьшим почетом; (3) спартанская афористическая и несколько грубоватая речь оказывается очень близкой тому, что Геродот определяет как «скифская речь»; (4) отсутствие стен у города Спарты придает этому поселению некоторый «номадический характер»; (5) типичная для взрослого спартиата прическа напоминает скифский обычай носить длинную шевелюру; (6) спартанская аскетическая пища до известной степени может быть соотнесена со скифской диетой: если наиболее известным лаконским блюдом была «черная похлебка» из бычьей крови, то скифы славились своим напитком из белого кобыльего молока; (7) и у спартанцев, и у скифов не было покупных рабов; (8) положение царей в этих двух обществах оказывается подчиненным по отношению к *номосу*; (9) для двух народов – в отличие от ионийцев – характерна страстная приверженность свободе, что ярко проявляется в отношениях с персами; (10) для спартанцев, как и для скифов, верность религиозным обычаям составляет один из ключевых элементов в системе подчинения закону; (11) наконец, самое важное – спартанцы, как и скифы, были в глазах некоторых греков V в. до н. э. (Эсхила, Геродота) создателями наилучшим образом устроенных систем общежития, и те и другие, согласно этим взглядам, обладали собственными *эвномиями*.

4. ДРУГИЕ ПРИМЕРЫ СОЕДИНЕНИЯ СПАРТАНЦЕВ И СКИФОВ В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

4.1. У Эсхила в «Эвменидах» Афина заявляет, что Ареопаг в роли оплота правосудия будет лучше, чем что-либо у скифов и пелопоннесцев (700-703). Хотя лакедемоняне здесь прямо не названы, именно они, судя по всему, угадываются за «пелопоннесцами».

4.2. Один из тезисов в «Никомаховой этике» Аристотеля поясняется следующим любопытным примером: «Например, никто из лакедемо-

⁵ См. нашу статью: Зайков А.В. Спартанские ксенеласии // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 6-25.

нян не решает, какое государственное устройство было бы наилучшим для скифов, ибо здесь ничего от нас не зависит» (Aristot. Eth. Nic. 1112a 29). Это ничего, на первый взгляд, не значащее сочетание лакедемонян со скифами в подобном необязательном контексте теперь кажется нам не таким уж случайным.

4.3. У Псевдо-Гераклита (Письма. IX. 2) находим рассуждение в том духе, что лакедемонян следует похвалить за то, что спартиатами провозглашаются не на основании письменных декретов, а на основании поведения: «Кто угодно – хоть скиф, хоть трибалл, хоть пафлагонец, хоть уроженец неизвестной страны, – придя [в Спарту] и выдержав суровую Ликургову дисциплину, становится лаконцем, так что всякий получивший права гражданства приходит, неся родину в самом себе, пусть он хоть числится на стелах в центре города, зато порок живет в изгнании вдали от города». И в этом случае получение потенциальным скифом, как и уроженцами других варварских стран, спартиатского гражданства является сугубо виртуальным, автор этих слов, возможно, не знал ни одного конкретного примера подобной натурализации. Но в свете рассмотренных выше пунктов это рассуждение также оказывается весьма характерным и, не исключено, отражает некую устойчивую ассоциацию между скифами и спартамцами, существовавшую в головах многих греческих интеллектуалов.

5. ГИПОТЕЗА О ПРИРОДЕ СПАРТАНО-СКИФСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Представленный каталог спартано-скифских параллелей, очевидно, далек от того, чтобы быть исчерпывающим. Однако и на этой основе можно выдвинуть некоторые предварительные положения, нуждающиеся, впрочем, в дальнейшем исследовании для своего подтверждения или опровержения.

Проще всего рассмотренный нами параллелизм объясняется с позиций «спартанского миража» и «скифского миража» – особых литературных явлений, представляющих собой комплекс представлений, бытовавших в греческой литературе (не спартанской и, естественно, не скифской) в достаточно сложившейся форме уже в V в. до н.э. Эти представления, созданные за пределами Лакедемона и Скифии, представляли собой идеализированные (или, напротив, демонизированные) картины, существеннейшим элементом которых была благоустроенная государственная жизнь (*эвномия*). Еще раз подчеркнем – данные «миражи» создавались не спартамцами для не спартамцев.

Однако при внимательном чтении приведенных выше примеров спартано-скифского параллелизма можно заметить, что далеко не все пункты этого перечня укладываются в понятие «спартанского» и «скиф-

ского миража». Кроме того, некоторые отмеченные нами элементы по своему бытованию относятся к значительно более ранней эпохе, нежели появление названного литературного явления. Так, например, к «миражу» никакого отношения, конечно же, не имеют ссылки Алкмана на скифский этникон и на скифский мифологический образ. Геродот говорит о посольстве скифов в Спарту во времена Клеомена как о безусловно историческом событии. Кроме того, нам представляется, что традиция о скифском происхождении некоторых спартанских культов также не имеет ничего общего с «миражами».

Итак, за некоторыми отмеченными в греческой литературе элементами близости между скифами и спартамцами могут стоять, во-первых, реальные взаимовлияния и исторически достоверные контакты; во-вторых, за этими параллелями может скрываться также и другое интереснейшее явление, которое мы условно определяем как *спартанский виртуальный номадизм*. Природа этого явления до некоторой степени близка природе «спартанского миража», но сходство это ограничивается лишь тем, что оба они представляют собой творения идеализирующего и мифологизирующего коллективного разума. Более существенными оказываются различия. Предполагаемый нами спартанский виртуальный номадизм родился в головах самих спартанцев и нужен он был самим спартамцам. Следует обратить внимание, что многие элементы рассмотренной литературной традиции прямо указывают на свое лаконское происхождение. Создается ощущение, что спартамцы архаического и отчасти классического периодов, будучи оседлым народом, проживая на полуострове, окруженном со всех сторон морем, и имея экономику, основанную, главным образом, на земледелии, по каким-то не вполне пока для нас понятным причинам *желали чувствовать себя* до некоторой степени жителями бескрайних сухопутных просторов. Элементы этого *самомиража*, фиксируемые нами в примерах спартано-скифского параллелизма, переплетаются с элементами «спартанского» и «скифского миража», а также со свидетельствами о исторически достоверных контактах. Дальнейшей целью нашего исследования будет проверка выдвинутой гипотезы на более широкой источниковой базе.

Т.П. ЕВСЕЕНКО
ИЖЕВСК

ГЕГЕМОНИСТСКАЯ СИММАХИЯ КАК ФОРМА ПОСТРОЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В АНТИЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

1. Формирование полисного типа государственности привело к значительным различиям в развитии античных и восточных обществ. Наличие государственных и правовых институтов, которые на Востоке либо не вышли из зародышевых форм, либо не сформировались совсем, усложнило процессы формирования крупных территориальных государств указанного региона. Здесь не могло быть и речи о простом слиянии общин в рамках крупного унитарного государства (подобно Египту или Двуречью).

2. Не могли разрешить проблему политического объединения и различного рода союзные государства, основанные на равном статусе членов. Во-первых, сохранение сепаратистских настроений в обществе не позволяло отказаться от применения силовых методов при создании и функционировании подобных союзов. А это исключало последовательное соблюдение принципа равноправия полисов, вошедших в союз. В свою очередь, неравноправие вело к росту сепаратизма. Во-вторых, идея равноправия субъектов, в тех условиях, делала невозможным включение в союз варварских государств. Мысль о равных правах для греков и «варваров» казалась древним эллинам абсурдной. В-третьих, признание равных прав за всеми полисами усложняло формирование союзного бюджета. На сбор средств на общесоюзные нужды, требовалось согласие верхушки каждого полиса.

Следовательно, «равноправная (равностатусная) федерация» в тех конкретных условиях оказывалась тупиковой ветвью развития полисного государства.

3. Единственной возможностью для перехода на новый уровень государственного строительства становилось создание гегемонистской симмахии, т.е. постоянного военно-политического союза, возглавляемого мощным в военном отношении полисом. Во-первых, именно такие объединения позволяли упорядочить межполисные отношения и действительно координировать политику множества государств. Во-вторых, отказ от принципа равноправия открывал доступ в состав симмахии и «варварам». Наконец, в-третьих, в чрезвычайных обстоятельствах полис-гегемон мог оперативно распорядиться силами и средствами союзников, без долгих уговоров и согласований.

Примерами могут служить Афинская архэ и Карфагенская держава.

4. Афинская архэ сложилась на базе Делосского союза полисов, основанного в 478 г. до н.э. Уже в первые годы существования союза в него вошли и не греческие (карийские и ликийские) общины. В 60-е гг. V в. до н.э. большинство союзников вместо доставки войска и кораблей стали вносить деньги в общесоюзную казну. Так возникли предпосылки для разделения союзников на две группы: собственно союзников, поставлявших вооруженные силы, и подданных, плативших основную часть фороса. Первые, вместе с Афинами, составили ядро морской державы. Вторые постепенно утрачивают самостоятельность. К середине V в. до н.э. Афины приступают к выведению так называемых клерухий на их землю. Благодаря этому снижалось денежное обложение, но зато клерухии, являвшиеся своеобразными военными гарнизонами, способствовали усилению афинского контроля над «подданными».

5. Контроль скоро стал всеобъемлющим. Он, охвативший финансовую и судебную сферы, привел к тому, что союзникам были навязаны и афинский суд, и афинская монета, и афинские стандарты мер и весов. Можно говорить также о единстве, в значительной степени, законодательства и военной организации. Последовавшее затем создание так называемых «налоговых округов» для упорядочения сбора фороса стало первым шагом к введению нового, искусственного административно-территориального деления. А направление в «союзные» полисы афинских магистратов позволило влиять и на их внутреннюю жизнь. Возникшее образование ученые иногда именовали «Афинской империей». Но большинство исследователей отмечали, что до подлинной империи здесь было ещё далеко. Афины с трудом удерживали подвластную территорию.

6. Формирование Карфагенской державы началось раньше, чем Афинской – в VI в. до н.э. Ее ядро составляли, сам Карфаген со своей

хорой и группой привилегированных общин. Карфагенская хора, расположенная в Африке непосредственно за стенами города, делилась на территориальные округа («земли»). С Карфагеном были тесно связаны его колонии, которые, в отличие от греческих, в административном отношении подчинялись метрополии, посылавшей туда своего резидента. Некоторые древнейшие финикийские города, (ранее – колонии Тира), признавались формально равноправными с Карфагеном. Они выпускали свою монету, имели собственные вооружённые силы.

7. Прочие финикийские города юридически занимали более низкое положение. Источники называют их подчиненными карфагенянам и имеющими одинаковые с ними законы. Они не могли содержать войско, военные суда, вступать в договорные отношения с другими государствами. Их политическое устройство копировало карфагенское. Источники упоминают также ливофиникийцев, обладавших правом на законный брак с карфагенянами. Можно предположить, что ливофиникийцами именовались общины со смешанным населением, а также некоторые африканские, которые занимали положение, привилегированное по сравнению с прочими ливийцами.

Таким образом, ядро державы образовывали сравнительно разнородные полисы. Обладая привилегиями в отношении внешнего мира, они находились в различном положении перед лицом Карфагена, что, облегчало последнему контроль над ними.

8. Следующей категорией были племена и народы, находившиеся в подданстве карфагенян. Это ливийцы, жившие вне хоры, подчиненные племена Испании и Сардинии. Во внутренние дела подданных карфагеняне без необходимости не вмешивались, позволяя им сохранять старую племенную или государственную структуру. Наконец, карфагеняне имели и «союзников». Сюда относились нумидийские, испанские, а порой и галльские племена, и даже итальянские общины. Отношения карфагенян и «союзников» варьировались в зависимости от конкретных обстоятельств.

9. На весь этот разнородный конгломерат городов, народов, племен накладывалась сетка нового, искусственного территориального деления. Округа («провинции») могли делиться на более мелкие территориальные подразделения, подобные «землям» карфагенской хоры. Особенно важно, что вне карфагенской хоры эти округа охватывали и финикийское, и туземное население. Представляется, что это способствовало стабильности державы, постепенно нивелируя изначально разнородные территории.

10. Опыт обеих держав позволяет выявить некоторые общие закономерности организации гегемонистской симмахии. Прежде всего, один полис не в состоянии удерживать под контролем массу «подданных». Следовательно, вокруг него должно сложиться «ядро» – группа общин, заинтересованных в существовании державы, поскольку им дозволено получать от этого выгоды вместе с самим полисом-гегемоном.

«Ядру» державы противостоит масса «подданных» общин. Обычно, с каждой из них полис-гегемон заключает отдельный договор. Договоры заключаются и с общинами первой группы, но имеется качественное различие – условия договоров. Общины-подданные не обладают особыми правами и привилегиями, которые остаются в руках «ядра». Административная и правовая обособленность подданных друг от друга снижает способность их успешного противодействия «центральной власти», облегчая последней возможность использовать одних подданных для подчинения других. В число подданных симмахии могут входить и общины не полисного типа (племена, их союзы).

11. Гегемонистская симмахия выступила в качестве такой организации государств античности, которая позволяла наилучшим образом объединить разнородные государственные и племенные образования в рамках одного политического организма. Она оказалась государственной формой, подготовившей почву для создания в Средиземноморье новой, имперской государственности.

А.В. ШЕВЧЕНКО
СЕВАСТОПОЛЬ

КУЛЬТ КИБЕЛЫ В АНТИЧНОМ ХЕРСОНЕСЕ

«Великая мать богов» Кибела, чей культ являлся одним из самых почитаемых в Малой Азии, попала на территорию херсонесского полиса, по всей видимости, с первыми переселенцами. Первоначально культ ее, скорее всего, не выходил за пределы частных, о чем говорят немногочисленные скульптурные находки и эпиграфические памятники – граффити на чернолаковой керамике, относящиеся к IV–III вв. до н.э. Какова роль Кибелы, как богини земледелия и всего живущего на земле, на территории херсонесского полиса в этот период сказать что-либо определенное трудно. Она явно уступает стоящим в первом ряду Деметре и Дионису. Но, как богиня земледельческого круга, Кибела являлась богиней хтонической и, видимо, в этом качестве она оказалась близка херсонеситам.

В 1910 и 1913 гг. на некрополе были найдены две терракоты Кибелы с модием на голове (головной убор хтонической богини). Несколько граффити с монограммой МА также обнаружены на некрополе (в его юго-восточной части). Примечательно, что имя богини нигде не фигурирует, оно «скрыто» в лигатуре МА и в монограмме МАТ. Есть мнение, что эта особенность вызвана «магическими соображениями и характерна для восточных религий»². Однако ко II в. до н.э. роль Кибелы в херсонесском полисе резко возрастает. На фоне участвовавших столкновений со скифами среди многочисленных функций Кибелы херсонеситы особенно выделяют сотерическую («защитную»). По всей видимости, в эпоху позднего эллинизма культ Кибелы в Херсонесе становится государственным. К сожалению, нам неизвестны «детали» от-

¹ См.: Словарь античности. М., 1989. С. 260.

² Лурье С.Я. Культ Матери и Девы в Боспорском царстве // ВДИ. 1948. № 3. С. 205.

правления этого культа на территории полиса. Очевидно, он носил мистериальный характер, что было обусловлено хтонической ролью богини. Ее атрибуты (тимпан, фиала) могут указывать на оргиастический характер данного культа (пляски, шествия, возлияния). С культом Кибелы тесно связан Аттис (олицетворение жизненных сил природы); он же – охранитель могил (терракота Аттиса найдена в детской гробнице 611, раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича 1896 г.). «Пик» популярности культа Кибелы в Херсонесе приходится на III–II вв. до н.э., что связано, в первую очередь, с ее ролью Сотейры. В период экономического упадка, связанного со скифо-херсонесскими войнами, Кибела выступала как «помощница» главным защитникам херсонесского полиса – Деве и Гераклу. В это время появляются ее изображения в головном уборе в форме крепостной башни.

Роль культа Кибелы в Херсонесе не претерпела особых изменений и в первые два века н.э. Именно на это время приходится основное число ее скульптурных изображений. Они традиционны и восходят ко времени поздней классики. Аналогичная картина складывается в I–II вв. н.э. на Боспоре, где культ Кибелы также занимал видное место (что возможно объяснить «значимостью аграрного производства»³).

Таким образом, культ малоазийской «Великой Матери богов» известен на территории херсонесского полиса со времени его возникновения. Однако при всех «широких возможностях» этой богини, херсонеситы особенно выделяли две ее ипостаси, а именно – богиня хтоническая, имевшая отношение к земледельческому циклу, и богиня «защитница» (Сотейра).

³ РЯБЕНКО В.Я. Культ Великой Матери богов и Аттиса в Риме // ПИФК. 2001. Вып. 10. С. 50.

С.В. УШАКОВ
СЕВАСТОПОЛЬ

О ТРЕХ ГРУППАХ КРАСНОЛАКОВОЙ КЕРАМИКИ ИЗ ХЕРСОНЕСА

Херсонесское городище исследуется уже много десятилетий, но не все материалы из его раскопок стали полноценными историческими источниками. В последние годы большинство исследователей Херсонеса обратили внимание на византийский и позднеантичный (римский) периоды его истории. Тем не менее, можно говорить об определенных проблемах, связанных с его изучением. Одна из них – недостаточная изученность массового археологического материала.

Характерный пример. Известно, что основной район дислокации римских воинских контингентов в Херсонесе, – это так называемая Цитадель в портовом районе. Однако именно там до сих пор остается совершенно малоизвестным (неопубликованным) археологический материал многолетних раскопок (например, амфоры и столовая посуда). До сих пор изучались в основном эпиграфические памятники, которые, тем не менее, при почти полном отсутствии нарративного материала отнюдь не могут заменить археологию – она поставляет основную информацию о памятниках Херсонеса, и не только этого периода. Массовый археологический материал недостаточно представлен в научных публикациях, посвященных позднеантичному периоду. И не только ему.

Может быть, в Херсонесе отсутствуют археологические слои позднеантичного времени? Совсем нет. Может быть они бедны материалом? Тоже нет.

В связи со сказанным, в настоящем сообщении хочу обратить внимание на одну важную категорию археологического материала, повсеместно и массово встречающегося в слоях первой половины I тысячелетия н.э. Херсонеса и всего Западного и Центрального Крыма.

Речь пойдет о краснолаковой керамике, точнее – только о столовой посуде. Преимущественно, будут использованы материалы раскопок

экспедиции М.И. Золотарева, в составе которой мне пришлось работать более полутора десятилетий в трех основных районах Херсонесского городища: 1) Северо-восточном (жилые комплексы античного и средневекового времени, Базилика Крузе); 2) Портовом («Казарма»); 3) Северном (район «Базилики 1935 г.»). К этому перечню можно добавить еще материалы раскопок могильников Крыма эпохи Великого переселения народов, многие из которых сейчас достаточно хорошо известны.

Что касается громадных «залежей» неопубликованных херсонесских материалов (разных экспедиций), то воспользоваться ими почти невозможно – не столько из-за «авторского права», сколько из-за отсутствия унифицированной системы фиксации и описания массовых археологических находок.

Многолетние наблюдения показывают, что в археологических слоях Херсонесского городища, а также в заполнении многочисленных цистерн и колодцев (условно закрытых комплексов), хорошо выделяется такая категория массового керамического материала как краснолаковая посуда.

Типологически она исключительно многообразна. Изучить детально и представить все типы и формы в графических таблицах в настоящий момент еще не представляется возможным – это специальная задача. Тем не менее, можно утверждать, что при первичной обработке находок выделяются три основные группы этого материала, различающиеся, по крайней мере, по таким показателям, как (1) морфология (типы, варианты покрытия сосудов, глин), (2) происхождение (центры производства), (3) хронология.

К первой группе можно отнести посуду импортного производства, происхождение которой определяется на основании внешних признаков (Самос, Пергам, Чандарли и т.д.). Она представлена в основном тарелками с вертикальным бортиком, разнообразными мисками и блюдами, покрытыми, как правило, относительно насыщенным цветом блестящим лаком. Есть посуда с накладным орнаментом типа «барботин». Хронология посуды этой группы – со второй половины I в. до н.э. до I–II, может быть, начала III вв. н.э.

Основные формы описаны в работах Книпович, Силантьевой, а также многочисленных публикациях отдельных комплексов, происходящих из раскопок античных слоев причерноморских городов и могильников (поздние скифы и сарматы). Наиболее информативными из последних работ являются публикации Журавлева. Кроме Херсонеса, можно назвать и многие пункты Западного Крыма, где присутствует эта керамика: Кара-Тобе, Саки, могильники Бельбекской долины, хора Херсонеса и т.д.

Ко второй группе можно отнести посуду херсонесского производства («Херсонесскую сигилляту»). Она была выделена по характерному пережженному и вздувшемуся черепку некоторых сосудов, которые являются керамическим браком. Мною были выделены и описаны пять типов открытых сосудов (миски, блюда, чашки), в каждом типе – до пяти вариантов; и два типа (VI и VII: кубки и кувшины) сосудов закрытого типа, которые также можно разделить на свои варианты. Хронология их пока не разработана. Самые многочисленные типы сосудов – миски на кольцевом поддоне с загнутым краем и чашки с вертикальным бортиком и врезными линиями на его внешней поверхности могут относиться к III–IV вв., другие – ко II–III вв. н.э. Кроме собственно Херсонеса, отмеченная керамика обильно встречается на Гераклейском полуострове, представлена в слоях городищ Западного Крыма, в том числе Калос-Лимена, в святилище на Сакской пересыпи, в могильниках Юго-Западного Крыма.

Третья группа краснолаковой керамики из Херсонеса исследована, казалось, лучше прочих. Это, если употреблять археологический жаргон, «поздняя краснолаковая керамика», называемая в литературе чаще «ранневизантийской». Морфологически она также исключительно многообразна, но легко выделяется среди других групп. Типичны три основные формы сосудов (они преобладают и численно): (1) Миски с утолщенным, нависающим («клювовидным») венчиком на кольцевом поддоне. Это «фокейская сигиллята». А. Хейс сосуды подобной формы относил к типу позднееримскому С, формы 3. На днищах и стенках многих из них – клейма-штампы, в основном в виде крестов. (2) Глубокие, толстостенные блюда, со слегка заостренным вертикальным, или немного загнутым краем на широком кольцевом поддоне. Они близки по морфологии к африканским краснолаковым сосудам, выделенным А. Хейсом. Однако к Африке, как уже указывалось неоднократно, они отношения не имеют. К. Домжальский относит их к понтийской позднееримской группе, которая подражает африканским формам. (3) Блюда с широкой отогнутой закраиной с орнаментом «полосами» в виде концентрических окружностей, звезд и волн. Это тип позднееримский С, формы 2. По А. Хейсу они датируются (в Средиземноморье) серединой IV – второй четвертью V в. А.В. Сазанов относит их бытование в Херсонесе к концу IV – второй четверти VI в. К. Домжальский включает эти сосуды в состав понтийской позднееримской группы.

В научной литературе общепринятыми считаются наименования и датировки А. Хейса, поддержанные А.В. Сазановым, который, правда, расширил их хронологию. Однако сам А. Хейс склонен выделять «Понтийскую сигилляту», так же, как и идущий за ним К. Домжальский. Ти-

пологические и хронологические определения А.В. Сазанова, все чаще вызывают критику. Похоже, он несколько омолаживает комплексы. Описанная выше «поздняя» (третья) группа краснолаковой керамики повсеместно встречается в слоях Херсонеса IV–V вв. и в могильниках Юго-Западного Крыма (Карши-Баир, Суворово и др.).

Некоторые итоги этого краткого обзора.

Первая группа керамики (несомненно, импортная) самая ранняя хронологически, позволяет судить о направлении и интенсивности торговых связей Херсонеса со многими античными центрами и могла послужить образцом в производстве местной посуды. Вторая группа – «Херсонесская сигиллята» – хронологически несколько более поздняя (II–IV вв., хронология требует уточнения) свидетельствует о местном керамическом производстве и связях Херсонеса с поселениями Западного и Центрального Крыма позднеантичной эпохи. Керамика третьей группы самая поздняя по датировкам. Она неоднородна по происхождению (это замечание относится, в принципе, ко всей краснолаковой посуде) и бытовала, в основном, в IV–V – первой половине VI в.

«Понтийская сигиллята» (точнее, ее отдельные формы) могла производиться и в Херсонесе. Не исключено, таким образом, «пересечение» двух (вторая и третья) последних групп керамики.

Основными задачами дальнейшего изучения описанных групп керамики могут быть: 1) выделение (по целым формам) основных типов и вариантов сосудов, 2) разработка их детальной хронологии, 3) определение производственных традиций и, таким образом, центров производства. Это позволит, в свою очередь, определить роль экономических связей в облике материальной культуры всего Восточно-Средиземноморского и Понтийского регионов в целом, и отдельных его районов в частности.

В.В. СЕРОВ
БАРНАУЛ

О РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТАХ В ФОНДАХ МУЗЕЕВ ЭРМИТАЖ И «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»

Для успешной исследовательской деятельности необходимо, кроме прочего, также обновление источниковой базы и расширение методики ее обработки. Нумизматический материал предоставляет поистине неограниченные возможности источниковедческого характера. Кроме новых монетных находок, источником научной информации могут быть и уже сформированные нумизматические собрания, единицы хранения в которых, в массе своей, не подвергались детальной систематизации.

Немалое значение для изучения истории ранней Византии представляют нумизматические фонды крупнейших музейных центров. Наличие в них огромного количества ранневизантийских монет позволяет применить методику статистической обработки массовых источников, что в специальной литературе еще не производилось.

В обозначенной перспективе могут быть признаны небезынтересными итоги систематической обработки данных из книг поступлений в нумизматические собрания двух известных музеев – Государственного Эрмитажа и Национального заповедника «Херсонес Таврический». Итоги проделанной работы следует признать предварительными. Окончательные выводы получают право на существование только после проверки результатов предварительной работы с нумизматическим материалом, а также после обработки фондов других крупных хранилищ византийских монет (в первую очередь, ГИМа). Количественные данные по ранневизантийским монетам, обнаруженным в ходе раскопок на территории Херсонеса Таврического в 1888–2002 гг., представлены в следующей таблице:

император	количество монет в хранении	в т.ч., так называемых сомнительных*	монет в состоянии «Very Fine»	приблизительное количество типов
ВАЛЕНТ	36	4	2	4
ПРОКОПИЙ	1		1	1
ФЕОДОСИЙ I	513	77	59	8
АРКАДИЙ	292	28	31	6
ФЕОДОСИЙ II	75	36	8	2
МАРКИАН	1		1	1
ЛЕВ	474	16	33	3
ЗЕНОН	102	13	16	4
АНАСТАСИЙ	368	38	43	5
ЮСТИН I	90	11	22	7
ЮСТИНИАН	785	68	93	9
ЮСТИН II	25	2	7	4
ТИВЕРИЙ	2		1	2
МАВРИКИЙ	125	9	19	7
ФОКА	6	3	1	4
ИРАКЛИЙ	15	2	4	4
АНОНИМНЫЕ МОНЕТЫ**	304			не менее 10

* Монеты в плохом состоянии, которые, однако, несут на себе признаки того или иного правления и имеют сходство с определенными типами.

** Монеты, которые трудно отнести к какому-либо одному правлению, но типологически и хронологически относящиеся к эпохе ранней Византии.

А.А. ЧЕКАЛОВА
МОСКВА

ИМПЕРАТОРСКАЯ ИДЕЯ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ: ТЕОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Византия являлась самой неограниченной монархией средневекового мира. Византийский император, которого сами византийцы называли василевсом, т.е. царем, являлся для них сакральной фигурой. Императора обожествляли как божьего избранника. Культ василевса составлял один из существенных элементов государственной религии Византии. Вместе с тем, трудно представить себе более непрочную власть, чем власть византийских василевсов. Почти половина византийских императоров была насильственно лишена престола. Большая часть императоров достигала власти кровопролитием и убийством. В Византии долгое время не было наследственности императорской власти: автоматического перехода отцовского престола к сыну византийское государственное право не знало. И хотя с самого начала здесь создавались свои династии (династия Константина, Феодосия, Юстиниана), сын или родственник усопшего василевса вступал на царский престол не в качестве ближайшего родственника, а потому, что был избран, причем далеко не всегда формально, сенатом, армией, народом, и этот выбор был одобрен церковью в лице патриарха. Именно соблюдение этого обряда рассматривалось византийцами как воплощение теории «божьего выбора».

При всем том, что император считался помазанником Божьим, критика его как личности, недостойной трона, являлось делом достаточно обычным. Дело в том, что в глазах греческого Востока, входившего в состав Римской империи, до возникновения Константинополя и появления там императорского двора и многочисленных чиновников, императорская власть, которая не слишком на него давила и предоставляла

ему возможность жить по своим законам и обычаям, была гарантом мирной жизни и процветания «золотой цепью, соединяющей города». С появлением имперского аппарата в непосредственной близости к греческим полисам, ситуация резко изменилась. Императорская власть представлялась отныне жителям греческого Востока чрезвычайно жесткой. Именно поэтому проблема взаимоотношения власти и подданных, стала необычайно злободневной уже в IV в. И именно поэтому представление византийцев об императоре как о помазаннике Божьем оказалось лишь одной из сторон в богатом спектре восприятия ими императорской власти, начиная от признания ее божественности и заканчивая идеями тираноборчества. Важное место в византийской концепции василевса занимало отношение к нему как к гаранту благополучия подданных. Когда же император не пекся о своем народе «как пастух о стаде», он, даже если был венчан на царство с соблюдением всех приличествующих случаю обрядов, из законно избранного василевса превращался в глазах своих подданных в тирана. Именно на этом основании представитель культурной элиты VI в. Прокопий Кесарийский считал тираном императора Юстиниана, хотя сам историк не отрицал законности его восшествия на престол.

Надо сказать, что общественно-политический и культурный климат в ранней Византии в значительной мере определяли представители свободных профессий, т.е. интеллектуалы. Особенно это было характерно для IV в., когда эти лица, еще не забывшие прошлые времена, вполне осознавали за собой особую функцию в обществе и считали своим долгом влиять на управлявшую их обществом власть, в первую очередь, на власть императора, подвергая ее порицанию или восхвалению. Следует отметить, что предназначенных для широкой публики критических сочинений до нас дошло не много, однако, невозможно недооценивать их важность. Для власть предержащих они служили своего рода предостережением о том, что и им, в том случае, если они не будут отвечать представлениям о справедливом императоре, ничего не останется, как быть запечатленными для потомства в ужасающе черных красках, подобно тем императорам, галерея отталкивающих портретов которых родилась под пером талантливого историка Аммиана Марцеллина. К критике прибегали порой и при жизни правящего императора, но подобного рода сочинения отнюдь не предназначались для широкого круга лиц. Напротив, они создавались в расчете на весьма узкий круг читателей. Именно таковым являлось знаменитое сочинение Синесия Киренского «О царстве». В противоположность тому, что принято о ней

думать, эта речь не была произнесена перед императором Аркадием, которому она посвящена, просто потому, что она в 10 раз превышает объем речей, относившихся к жанру *logos stephanikos* и сопровождавших поднесение императору в качестве дара от того или иного города *augur coropagium*. Содержание сочинения также заметно отступает от канонов таких речей. Отнюдь не тронную речь, а своего рода памфлет против всесильного временщика Евтропия создавал Синесий. Тем самым он отражал борьбу различных группировок при византийском дворе конца IV – начала V в. Речь Синесия, видимо, передававшаяся из рук в руки, сыграла свою роль. Евтропий пал и был предан казни, а его противник Аврелиан получил самый важный пост в имперской администрации – должность префекта претория Востока. Таким образом критика, хотя и высказанная не в открытой форме, могла оказать важное влияние на ход политических событий и на сами структуры власти.

Однако более существенную роль во взаимоотношениях между интеллектуальной элитой и властью играли не сочинения критического направления, а (как это ни покажется странным) панегирики. Ранневизантийское время по справедливости можно назвать эпохой панегириков. И дело вовсе не в том, что риторы этого времени отличались низкоклонством или раболепием. Вовсе нет. Причины заключались в особых социально-политических реалиях того времени, в той особой атмосфере, которой были окружены императоры. Особа василевса, считавшегося помазанником Божиим и окруженного пышным церемониалом, едва ли могла воспринять нелицеприятные, а то и просто резкие речи в собственный адрес. Именно по этой причине ранневизантийские интеллектуалы предпочитали влиять на власть своими энкомиями, в которых восхваления перемежались с советами и главное – в лестной для императора форме он уподоблялся идеальному правителю, обладавшему такими важными чертами, как благочестие, филантропия, забота о благе подданных. Было бы заблуждением думать, что императоры с величайшей готовностью следовали этим литературным образцам, но эти образцы служили смягчению жестких форм власти. В то время как одни риторы (Либаний, например) считали, что им следует быть свободными в своих суждениях и сторониться власть предержащих, другие (как Фемистий), напротив, полагали, что интеллектуалы должны идти на государственную службу и вообще не отдаляться от тех, кто вершит судьбами государства. Только таким образом можно было оказать влияние на формы отправления власти, сделать их более гибки-

ми и мягкими. Советником, а не слугой императора считал себя язычник-философ Фемистий. Он служил обществу, воспринимая свою деятельность как гражданский долг. В то время как одни метали громы и молнии или свержали статуи императоров, другие, вроде Фемистия, решили действовать иначе – через восхваление и создание образа идеального императора к подобию разумного правления, смягченного мудрым советником-философом, функцию которого уже в ранневизантийский период восприняли христианские епископы и монахи.

Как бы то ни было, императорская власть на греческом Востоке, по большей части воспринималась как власть трудная и жесткая. Это было связано и с тяжестью налогового бремени, и с нарушением правосудия, и со стремлением императоров к унификации в вопросах веры. Именно поэтому, когда у границ Византии появились арабы, не владевшие осадной техникой и другими преимуществами византийцев, они без особого труда овладели значительными территориями Византии, которая превратилась в сравнительно небольшое средневековое государство.

П. В. РУБЦОВ
БАРНАУЛ

ВОПРОС О НАСЛЕДСТВЕННОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ В ЛАТИНСКИХ ПАНЕГИРИКАХ

В рамках дискуссий о характере позднеримской эпохи важное место занимает вопрос о том, утвердился ли в период доминаты исключительно династийный принцип передачи императорской власти. Сведения латинских панегириков, созданных с периода тетрархий по начало V в., дают возможность проследить, насколько указанный принцип был развит в императорской пропаганде и, соответственно, рассматривался императорами как инструмент легитимации их власти.

В представлении панегиристов о преемственности императорской власти выделяются две основные линии: получение императорских инсигний за обладание определенными достоинствами и по праву родства. Помимо того, что обе линии можно связать с панегирическим «каноном» (с одной стороны, правящий император представлялся как *optimus princeps*, а с другой – неотъемлемой частью панегирика было прославление рода императора), они отражают мнения современников об основах легитимности императорской власти. Создаваемые в конкретных политических условиях и преследующие соответствующие цели, панегирики дают зачастую достаточно сложную комбинацию обоих указанных принципов, с преобладанием того или другого.

Уже в панегириках периода диархии, адресованных Максимиану, пропаганда «родственных» связей императоров занимает заметное место. Так, отождествление августов с Юпитером и Геркулесом имплицитно указывает на «родство» Диоклетиана и Максимиана (ср. Pan. Lat. X. 3. 1: *a cognato tibi Diocletiani numine fueris invocatus*). Более того, единодушие обоих императоров выражается через применяемый к ним термин «братья» (Pan. Lat. X. 1. 5; 4. 1; 9. 3; XI. 7. 4-6). Но при этом отмечается, что братьями императоров делает не кровное родство,

а их *virtutes* (Pan. Lat. X. 9. 3; XI. 7. 4-6), что возвышает их еще больше. Кроме того, традиционная для панегиристов доблесть *pietas* в данном случае получает дополнительный смысл благочестия по отношению к родственникам, что выражается в совместной заботе об общей «собственности» – Империи (Pan. XI. 6. 3).

Создание тетрархии и адаптация августиами цезарей определили усиление династийных мотивов в панегириках. Во-первых, отношения август-цезарь теперь определяются в рамках родственной связи отец-сын (Pan. Lat. VIII. 3. 3; IX. 8. 1), что дает возможность выстроить императорскую генеалогию, берущую начало от божества. Во-вторых, появляется идея наследования императорской власти прямыми потомками правящих императоров (Pan. Lat. VIII. 19. 4-20. 1), что шло в разрез с принципами передачи императорской власти в первой тетрархии, но может рассматриваться как реакция на связавший Констанция и Максимиана брак (ср. Pan. Lat. VII. 14. 7).

Идея наследования императорской власти окончательно утверждается в пропаганде Константина. Уже в панегирике 307 г., адресованном Максимиану и Константину, превалирующим аргументом в пользу получения последним титула августа служат династические принципы. При этом легитимизации власти Константина служат несколько оснований: с одной стороны, императорская власть (цезарат) оставлена ему отцом, с другой – *senior Augustus* Максимиан провозгласил Константина августом. Создается династическая линия «вечных Геркулиев», в которой Константин по отношению к Максимиану является внуком *iure adoptionis*, сыном *maiestatis ordine* и зятем (Pan. Lat. VII. 3. 3). Тем не менее, в панегирике определенное место отводится и принципу провозглашения императором согласно доблестям – Константин ждет провозглашения его августом, чтобы принять власть не по праву родства, но согласно своим *virtutes* (Pan. Lat. VII. 5. 3).

Разрыв с Максимианом привел к поиску панегиристами новой основы легитимности власти Константина. В связи с этим в панегирике 310 г. династизм выражен, пожалуй, в наибольшей степени. Панегирист напрямую говорит, что Константин приобрел императорскую власть рождением (Pan. Lat. VI. 3. 1: *imperium nascendo meruisti*), в противоположность тем, кто добивается ее трудами всей жизни. Тем самым доблести «императорского дома» ставятся выше индивидуальных доблестей кандидатов на трон. В противоположность панегирику 307 г., здесь выстраивается новая генеалогия, восходящая к Клавдию II Готскому (Pan. Lat. VI. 2; ср. V. 2. 5; 4. 2). Характерно, что как и в предыдущем панегирике, Константин представлен третьим носителем императорской

власти из рода, но наследование происходит не по праву адаптации, а по кровному родству. Константин как старший сын Констанция является законным наследником (Pan. Lat. VI. 1-2: *successor legitimus*).

Упрочение власти Константина снизило значение пропаганды династизма в панегириках. Новый этап в разработке идеи наследственной передачи императорской власти связан с установлением новых династий Валентинианом I и Феодосием Великим. В отношении родоначальников у панегиристов, естественно, преобладает прославление их персональных добродетелей, ставших основой для провозглашения их августами. Симмах в первом панегирике Валентиниану значительное внимание уделяет не только персональным *virtutes*, выделявшим будущего императора из всех кандидатов на трон, но и правильности легитимационных процедур (Symm. Or. I. 8-9). Пакат обосновывает право Феодосия на верховную власть прямо противоположным образом, чем панегирист 310 г.: *virtus tuam meruit imprium* (Pan. Lat. II. 7. 1). Кроме того, Пакат специально подчеркивает отсутствие связи Феодосия с императорским домом (Pan. Lat. II. 12. 1), хотя Феодосий Старший рассматривается им как человек, который мог бы стать императором и был достоин этого (Pan. Lat. II. 6. 2).

Тем не менее, в отношении потомков Валентиниана или Феодосия династический принцип передачи власти не отрицается, хотя панегиристы по-разному касаются этого вопроса. Для Паката он не существен и упоминается вскользь (Pan. Lat. II. 11. 4; 47. 5). Симмах и Авсоний в большей степени останавливаются на персональных достоинствах Грациана. Но Симмах подчеркивает подготовленность Грациана к принятию власти, обусловленную происхождением (Symm. Or. I. 3). В панегирике Грациану, которого Валентиниан провозгласил августом, Симмах соединяет мотивы династизма с концепцией предоставления императорской власти за определенные достоинства: как сын Грациан выражает уважение к старшему августу, но как коллега демонстрирует *virtutes* (Symm. Or. 3. 10).

Соединение указанных принципов характерно и для панегириков Клавдиана. Императорскую власть Аркадий и Гонорий получают, прежде всего, по праву рождения. Задачи Клавдиана как пропагандиста наложили отпечаток и на трактовку вопроса о наследовании власти. Несмотря на то, что братья постоянно предстают как равные и согласные между собой правители, Гонорий противопоставляется Аркадию как получивший власть от рождения, так как был рожден после получения Феодосием инсигний (III Cons. Hon. 14-17; IV Cons. Hon. 121-127). Но даже в этом случае Клавдиан указывает на то, что римского импера-

тора, в отличие от восточных царей, украшает не знатность крови, а доблесть (IV Cons. Non. 220). Virtutes же юных императоров зависят как от доблестей их рода, так и от воспитания при дворе (напр. III Cons. Non. 13 sqq.). Пропаганда наследственности императорской власти у Клавдиана тесно связана с фигурой Стилихона, что накладывает определенные особенности на трактовку династических принципов, представляя Стилихона гарантом передачи власти потомкам Гонория.

Таким образом, в панегириках династизм не представлен, как правило, единственной гарантией легитимности императорской власти. Панегирики 307 г. и 310 г. скорее являются исключением, обусловленным легитимизацией Константином своей власти августа. Но сам принцип передачи верховной власти по наследству никогда не пропадал из поля зрения панегиристов. Согласно другим источникам (например, Аммиану) выдвижение сыновей императоров на престол рассматривалось как гарантия стабильности против возможных попыток узурпации. То есть пропаганда династизма была необходима, прежде всего, в периоды нестабильности и укрепления новой династии, тогда как в периоды стабилизации в панегириках на первый план выдвигаются другие мотивы, связанные с концепцией *optimus princeps*.

А.Н. ДОМАНОВСКИЙ
ХАРЬКОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ИНОЗЕМНЫМИ ТОРГОВЦАМИ В ПРЕДЕЛАХ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В IV–VI ВВ.

Период IV–VI вв. был в истории внешнеторговой политики Византийской империи временем явного стремления государства ограничить международную торговлю рядом специализированных пограничных городов, в пределах которых должны были происходить все внешнеторговые сношения¹. Торговцы с обеих сторон могли «встречаться и торговать на нейтральных, вернее, дозволенных для этой цели пунктах»², вне которых любые и международные торговые операции воспрещались. В целом византийское правительство уделяло весьма значительное внимание мероприятиям, которые должны были воспрепятствовать проникновению варваров в пределы Византии³. Однако даже в IV–VI вв., времени расцвета стратегии пограничных торговых городов и стойкого негативного отношения к варварам, ярко отразившегося в имперском законодательстве⁴, иноземцы все же попадали на территорию империи ромеев с целью ведения торговли.

Одной из традиционных форм проникновения иностранцев в пределы византийского государства с торговыми целями были, прежде все-

¹ История Византии. М., 1967. Т. I. С. 116.

² Сукиасян В.Г. Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма (III–IX вв.). Ереван, 1963. С. 83.

³ Ермолова И.Е. Варвары в кодексах Феодосия и Юстиниана // Античность в современном измерении: Тез. докл. Всероссийской науч. конф., посвященной 35-летию научного кружка «Античный понедельник». Казань, 14–16 ноября 2001 г. Казань, 2001. С. 52.

⁴ Там же. С. 51–53.

го, дипломатические миссии. По условиям византийско-персидского договора 562 г., иноземным послам во время посещения Византийской империи было разрешено вести торговлю беспрепятственно и беспошлинно⁵, причем, очевидно, не только в предназначенных для внешне-торгового обмена городах, но и на всей территории государства⁶. О том, что прибытие чужеземцев в Константинополь было делом вполне обычным и перманентным, свидетельствует сообщение Прокопия Кесарийского о том, что император Юстиниан определенным образом «позаботился ... об иноземцах, которым приходилось жить в городе известное время»⁷. Думается, значительную часть из этих охваченных императорской заботой пришельцев составляли не только подданные империи, прибывавшие в столицу из провинции, но также иностранцы. Вполне логично также допустить, что торговля должна была занимать далеко не последнее место в перечне их непосредственных целей.

Послам предписывалось не задерживаться слишком долго в пределах страны, куда их направляли. В случае же длительного поста в том или ином месте, им надлежало не злоупотреблять своим положением и подчиняться обязательным для остальных правилам ведения торговли⁸. Такое внимание к ведению торговли дипломатическими миссиями позволяет предположить, что, зачастую, посольства являлись завуалированной формой ведения торговли между государствами. Аналогичная «дипломатическая торговля» существовала в средневековом Китае, куда под видом посольских миссий прибывали обычные торговые караваны⁹.

⁵ Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой. Отрывок 11 / Пер. с греч. Сп. Дестуниса, прим. Г. Дестуниса // Византийские историки: Дексипп, Малх, Петр Патрикий, Менандр, Кондид, Ноннос, Феофан Византиец. СПб., 1860. С. 343. См. об этом: СЖ. IV.61.8; СЖ. IV.14.8; Бардола К.Ю. Некоторые аспекты таможенной политики ранней Византии (IV-VI вв.) // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Харків, 2001. С. 35.

⁶ Пигулевская Н.В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V-VII вв. // ВВ. 1947. Т. 1 (26). С. 188; Она же. Византия на путях в Индию. Из истории торговли с Востоком в IV-VII вв. М.; Л., 1951. С. 189.

⁷ Прокопий Кесарийский. О постройках / Пер. С.П. Кондратьева // ВДИ. 1939. № 4. С. 240.

⁸ СЖ. IV.63.4; Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой. Отрывок 11. С. 342; Пигулевская Н.В. Византийская дипломатия... С. 188; Она же. Византия на путях в Индию. С. 190.

⁹ Лубо-Лесниченко Е.И. Великий Шелковый путь // ВИ. 1985. № 9. С. 95-96; Он же. Китай на Шелковом пути (Шелк и внешние связи древнего и ранне-средневекового Китая). М., 1994. С. 249-252.

Об определенной «дипломатической» торговле, правда для более позднего периода (VIII–XII вв.) считали возможным говорить С.Б. Сорочан и А. Лайу¹⁰. В любом случае, то или иное посольство обычно должно было сопровождать значительное количество торговцев, желавших воспользоваться столь льготными условиями ведения торговли, что и вызвало упомянутые ограничения.

Иноземцы, которые тем или иным путем проникали в пределы империи, брались под строгий контроль¹¹. Как о чем-то необычном пишет Прокопий Кесарийский о персидском после Исдигусне, который «из всех послов ... один не находился под надзором; и сам он, и те варвары, которые следовали за ним, имели полное право встречаться и беседовать с кем угодно, покупать и продавать, что заблагорассудится, составлять контракты и заниматься торговыми сделками вполне безопасно, как будто в своем собственном городе, причем никто из римлян не сопровождал их и не считал нужным, как бывало прежде, наблюдать за ними»¹². Следовательно, обычно за иностранными посольствами на территории империи осуществлялся строгий надзор¹³, и они, помимо прочих ограничений (свободы передвижения, контактов и тому подобное) не имели также права «покупать и продавать, что заблагорассудится».

Как представляется, следить за иноземцами, которые вели торговлю на территории Византийской империи, должен был квестор (*quaestor*, *следователь*), должность которого появилась в Константинополе в 539 г.¹⁴ Основной обязанностью этого чиновника было поддержание правопорядка в столице, надзор за всеми приезжими из провинций, сбор данных о них, трудоустройство безработных и высылка

¹⁰ СОРОЧАН С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена. Харьков, 2001. С. 293. Ср.: LAIOU A.E. Exchange and Trade, Seventh-Twelfth Centuries // *The Economic History of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century*. Washington, 2002. Vol. 2. P. 691-692, 707-710, 730-732.

¹¹ ДОСТАЛОВА Р. Напряженность социальной обстановки в Византии V–VI вв. в отражении анонимного трактата «*Peri politikēs epistēmēs*» // ВВ. 1990. Т. 51. С. 51.

¹² Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. с греч. С.П. КОНДРАТЬЕВА. М., 1950. С. 426.

¹³ Анонимный трактат «*Peri politikēs epistēmēs*» упоминает о существовании специальной комиссии по надзору за иностранными посольствами (ДОСТАЛОВА Р. Напряженность социальной обстановки... С. 52).

¹⁴ Nov. Just. XIII; КУЛАКОВСКИЙ Ю.А. История Византии. СПб., 1996. Т. 2. С. 257.

из города неблагонадежных элементов¹⁵. К последним, безусловно, нередко относились торговцы и моряки, люди беспокойные, и, согласно устойчивой традиции риторики и эпистолографии, «болтливые», «наглые» и «не знающие приличий»¹⁶. Наличие у квестора в VI в. полномочий по наблюдению за пребывающими в столице иноземцами подтверждается относящимся к этому периоду анонимным политическим трактатом. Согласно этому сочинению, некий неназванный чиновник, выполнявший функции, сходные с функциями квестора, занимался также выслойкой из страны чужеземцев, без важных причин пребывающих в государстве, а также надзирал за «варварами», явившимися в страну по разным поводам, в том числе и с торговыми целями¹⁷. К концу IX в. квестор, согласно Клиторологии Филофея, занимал 34-е по рангу место в иерархии чиновников, и имел значительную по составу канцелярию¹⁸.

Очевидно, за прибывавшими в города империи иноземными торговцами должны были следить и начальники городских районов – гитониархи, на которых, согласно данным «Законов химьяритов», возлагалась обязанность наблюдать за постоянными дворами и, следовательно, за останавливающимися в них путешественниками¹⁹. За приезжими и их поведением должны были следить также хозяева-управители постоянных дворов, которые отвечали за своих постояльцев²⁰.

¹⁵ Nov. Just. XIII; АНГЕЛОВ Д. История на Византия. София, 1963. Ч. 2. С. 39; Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 2. С. 257-258; СОРОЧАН С.Б. Византия IV–IX вв. С. 255.

¹⁶ Либаний. Похвала Антиохии / Пер. с греч., с прим. С. Шестаков // Либаний. Речи. Казань, 1916. Т. 2. С. 353; Либаний. Хвалебная речь в честь Антиохии / Пер. М. ГРАБАРЬ-ПАССЕК // Поздняя греческая проза. М., 1960. С. 592; Император Юлиан. Письма / Вступ. ст., пер. Д.Е. ФУРМАНА, под ред. А.Ч. КОЗАРЖЕВСКОГО // ВДИ. 1970. № 1. С. 237; Юлиан. Письма / Пер. Ю. ШУЛЬЦА // Поздняя греческая проза. М., 1960. С. 646.

¹⁷ См.: ДОСТАЛОВА Р. Напряженность социальной обстановки... С. 51.

¹⁸ BURY J. The Imperial Administrative System in the Ninth Century, with a revised text of the Kletorologion of Philotheos. L., 1911. P. 73, 136, 140; OIKONOMIDE II S N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. P., 1972. P. 100, 101; СОРОЧАН С.Б. Византия IV–IX вв. С. 255.

¹⁹ Gregentii episc. Tapharensis. Homeritarum leges (Nomoi ton Omeriton) // PG. Turnhout: Brepols, 1976. Т. 86 А. Col. 580, 1; ПИГУЛЕВСКАЯ Н.В. Законы химьяритов // ПИГУЛЕВСКАЯ Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб., 2000. С. 445.

²⁰ Dig. IV.9.2; Дигесты Юстиниана / Пер. И.С. ПЕРЕТЕРСКОГО // Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М., 1997. С. 247;

Итак, как представляется, допуск на территорию империи определенного количества чужеземных торговцев в составе дипломатических миссий вовсе не означал отказа от стратегии ограничения внешней торговли пограничными торговыми городами, но успешно сочетался с последней. Очевидно, дипломатические миссии продолжали свой путь уже в пределах Византии скорее всего из тех находившихся на границе пунктов, где заканчивалось путешествие обычных, не обладавших посольским статусом торговцев.

Впрочем, проникновение иноземных купцов в пределы империи ромеев воспринималось в ранневизантийский период скорее как исключение, чем как правило. Думается, именно в связи с этим обязанность надзора за ними возлагалась на представителей различных подструктур административной системы государства – от начальников кварталов – гитониархов и хозяев гостиниц до знатоков законов – квесторов. Лишь со временем, когда, в сложной для империи геополитической обстановке византийское правительство не смогло более удерживать торговцев – ксенов на границах государства и вынуждено было открыть для них массовый доступ в пределы страны, функции по надзору за ними были возложены вначале на ведомство логофета дрома, а затем были аккумулярованы секретом эпарха города²¹.

В целом же надзор за иноземными купцами преследовал как экономические, так и внеэкономические цели. Он позволял обеспечить безопасность и урегулированность торгового обмена между подданными империи и иноземцами, предотвратить вывоз запрещенных товаров за рубеж, обеспечить условия, исключающие возможность шпионажа и вредительской деятельности со стороны пришельцев. Характерно, что, если в средневизантийский период логофет дрома осуществлял преимущественно политический контроль за иностранными купцами, то эпарх города Константинополя и подчиненный ему лигатарий выполняли контроль экономический. Последний был весьма жестким и осуществлялся полностью в интересах местного византийского, точнее – константинопольского купечества и корпораций, и был, таким

СОРОЧАН С.Б. Организация гостиничной службы в ранней Византии // Античность и средневековые Европы. Пермь, 1994. С. 171; Он же. Византия IV–IX вв. С. 247.

²¹ СОРОЧАН С.Б. Организация контроля за купечеством в сфере внешней торговли Византии VII–IX вв. // Международные связи в средневековой Европе: Тез. докл. и сообщ. Всесоюзного науч. семинара (25-27 апреля 1991 г.). Запорожье, 1991. С. 19-21.

образом, явно протекционистской мерой²². В ранневизантийский период и политические, и экономические функции надзора за иностранными торговцами в пределах империи были менее дифференцированными и осуществлялись одними и теми же чиновниками. Это, вероятно, объясняется относительной немногочисленностью торговцев, пересекавших черту пограничных торговых городов. Нужно также учесть, что в подавляющем своем большинстве эти купцы были включены в посольские миссии, и, следовательно, сугубо экономический контроль за ними был невозможен.

²² Ср.: БАРДОЛА К.Ю. Политика протекционизма византийского государства в IV–VI вв. // Проблемы истории и археологии Украины: Тез. докл. науч. конф. (Харьков, 21-30 октября 1999 г.). Харьков, 1999. С. 63-64; СОРОЧАН С.Б. Об элементах меркантилизма в торгово-экономической политике Византии VII–IX вв. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневекье (IV–IX вв.). Матер. межд. конф. Симферополь, 1994. С. 70-71; Он же. Случайность или система? Раннесредневековый византийский «меркантилизм» // Древности. Харьков, 1995. С. 122-132.

А. С. Козлов
ЕКАТЕРИНБУРГ

БАЛКАНЫ В V – СЕРЕДИНЕ VI В. В ИЗОБРАЖЕНИИ КОМИТА МАРЦЕЛЛИНА

Речь пойдет не столько об этнопсихологической позиции известного латиноязычного хрониста VI в. (раскрывающейся через экспрессивные представления о «своих» и «чужих»)¹, сколько о характере преподнесения им читателю (слушателю) пространственно-региональных явлений Римской империи. При этом сразу следует оговориться, что понятие «Балканы» ни в географическом, ни в историческом смысле он (точно так же как его предшественники и современники) не использует. Зато в «Хрониконе» Марцеллина (как и в иных сочинениях подобного рода) есть региональные сюжеты, содержащие административные и географические реалии, способные отчасти сопрягаться с данностями Балканского полуострова.

Давно известно, что комит Марцеллин уже в *praefatio* к своему труду сообщал о намерении (в отличие от предшественников – Евсевия и Иеронима) сосредоточиться на описании событий, происходивших на Востоке². В целом он соблюдает данный принцип, а с эпизодов 490 г. вообще не обращает внимания на Запад (за исключением фиксации папских понтификатов). К тому же собственно первые сюжеты «Хроникона» позволяют высказать предположение об отношении Марцеллина к Востоку и даже о географических приоритетах автора. Он сообщает о назначении испанца Феодосия императором Востока (а.379.1) и в последующих шести сюжетах-рассказах не отвлекается от восточно-

¹ См.: Козлов А.С. Комит Марцеллин, Виктор Туннунский и Марий Аваншский о «чужих» народах // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 60-91.

² MGH, AA. T. XI. Vol. 2. P. 60.8. Далее используется это издание – с указанием на разделы «Хроникона» аббревиатурой (а.) – *annus*.

имперской тематики. Затем — две коротких заметки о переменах на папском престоле (а.382.3; 383.1), вновь обращение к восточному материалу (информация о начале соправительства Аркадия), опять краткая заметка о гибели западного императора Грациана в Лугдунуме (а.383.3) и далее — снова шесть сюжетов-сообщений о событиях в Восточной империи. Такого рода сюжетная ритмика (с некоторыми редкими отклонениями от правила) характерна для большей части сочинения.

Специалистам хорошо известна весьма убедительная гипотеза о происхождении Марцеллина из некоей латиноязычной провинции префектуры Илирик, о том, что он, подобно своим землякам, будущим императорам Юстину I и Юстиниану I, прибыл в Константинополь для служебной карьеры³. Этим отчасти объясняется определенная пристрастность хрониста к илирийским сюжетам. В литературе в первую очередь отмечается набор положительных эпитетов, адресованных магистру илирийских войск Савиниану Магну, поддержавшему «дряхлаую курию (сенат? — А.К.) и контроль над государством», «добросовестному установителю» дисциплины в войсках, — что, по Марцеллину, позволяет сравнить его с древними римскими полководцами; Савиниан доблестно отразил гота Теодориха Валамира, свирепствовавшего в Греции, а гибель его — удар по государству и по всему «этому грешному миру» (а.479; 481.2)⁴. Не менее эмоционально описание поражения на реке Тзурта (от болгар) магистра илирийских войск Ариста и более четырех тысяч «наших»: «так и погибла илирийская военная доблесть» (а.499.1). Примечательно, что данный сюжет — один из немногих, где хронист перечисляет имена павших в битве восточно-римских командиров.

Иллирийцы не только доблестные войны. Весьма подробен в «Хрониконе» рассказ о попытке императора Анастасия оказать давление на пятерых православных епископов Илирика (опять приводятся их имена). Из этих епископов двое были возвращены на свои кафедры («из боязни илирийского правоверного солдата»), а Лаврентий Лихнидский, побывавший в ссылке и будучи исцеленным в предхрамье

³ См. в первую очередь: MGH, AA. T. XI. Vol. 2. Fasc. I. P. 42; SCHANZ M., HOSIUS C., KRÜGER G. Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian. München, 1959. Bd. 2. T. 4. S. 112; Marcellinus, 9 // PLRE. 1980. Vol. 2. P. 711; CROKE B. The Chronicle of Marcellinus. A Translation and Commentary. Sidney, 1995. P. XIX-XX.

⁴ См.: CROKE B. The Chronicle of Marcellinus. P. 102, 104; PLRE. P. 967.

Космы и Дамиана, «невредимым возвращается в отечество свое» (a.516.3).

Тем не менее, при упоминаниях в «Хрониконе» Иллирика, военно-политическая тематика решительно преобладает. Вообще эта префектура впервые упомянута Марцеллином при описании вторжения в нее тысячных полчищ гуннов в 441 г. Особое отношение хрониста к этому сюжету просматривается в следующих обстоятельствах. С одной стороны, он помещен в ряду из трех близких по содержанию рассказов, из которых первый – о вторжениях в империю персов, сарацин, тзаннов, исавров и гуннов, с которыми заключили мир на один год магистры войск Анатолий и Аспар, а второй – о гибели во Фракии из-за происков Арнигискла магистра войск Иоанна; примечательно, что только в «иллирийском сюжете» присутствуют пункты, оказавшиеся жертвами войны, – «Наис, Сингидун и другие города и многочисленнейшие городки» (a.441.3). С другой стороны, отсутствие в «Хрониконе» каких-либо упоминаний Иллирика до этой трагедии должно вызвать вопрос – почему так? Не менее примечательно, что под следующим годом помещена информация об опустошениях Иллирика и Фракии царями Бледой и Атиллой, плюс – предваряющее эту информацию сообщение о явлении в небе мохнатой, долго пылавшей кометы (a.442) (зафиксированной также испанцем Идасием⁵), явном знамении крупных несчастий⁶. Подобный прием преподнесения «иллирийского материала» поднимает последний до универсального, общеимперского уровня. То, что Марцеллин придает упомянутой выше гибели Савиниана Магна также универсалистское значение, делает оба сюжета работающими в едином ключе, подчеркивающими весомость Иллирика в пределах империи. Подтверждается такое наблюдение и тем, что только при описании очередных бедствий этих провинций (подвергнувшихся вторжениям конных гетов, которые опустошили Македонию, Фессалию и дошли до Фермопил и Эпира) хронист единственный раз во всем своем сочинении апеллирует к Библии, а именно – к знаменитому месту из книги Иеремии о грозном народе, идущем из Северной страны (Иер. 6:22), который в данном случае ранил «наибольшую часть Иллирика» своими дротиками (a.517). Экспрессивное обращение к пророчеству Иеремии органически дополняется последующим рассказом – о подробностях землетрясения, обрушившегося на провинцию Дарданию, где «в одну минуту обрушились двадцать четыре крепости» (следует мрачное перечисление

⁵ MGH, AA. T. XI. P. 24.

⁶ См.: GRUMEL P. La chronologie Byzantine. P., 1958. P. 470.

деталей, позволяющее думать о прекрасной осведомленности хрониста). Особенно выделяет Марцеллин ужасную судьбу города Скуп и его жителей, а также крепости Сарнонтон. Землетрясение породило пропасть шириной в двенадцать футов и длиной тридцать тысяч шагов, — куда падали жители укреплений, бегущие и от обрушивающихся скал и от врагов, продолжавших свои вторжения (а.518.1).

Черта под описаниями бедствий Иллирика (большая часть которых как нетрудно заметить, приходится на правление таких малопочтенных для хрониста императоров как Зинон и Анастасий) подводится при описании действий магистра иллирийских войск Мундона. Он «первым из всех римских командиров напал на гетов, ранее споро разъезжавших по Иллирику, и тех, немногих из них, кои не были уничтожены, обратил в бегство». Затем сей отважный командир поспешил во Фракию и победил грабивших ее булгар (а.530). Опять следует обратить внимание на характер сюжетов, в обрамлении которых находится рассказ о Мундоне. Под 527 г. хронист помещает сообщение о том, как Юстин I делает своим соправителем Юстиниана, под 528 — восторженный рассказ о постройках Юстиниана в столичном цирке, под 529 — не менее мажорную информацию о подготовке победоносных войн на Востоке (с «парфянами») и в Африке (с вандалами). После рассказа о подвигах Мундона следует сообщение об объявлении «роду человеческому» кодекса Юстиниана. Если добавить к сказанному, что в сюжете о постройках Юстиниан назван «победоносным государем», а портики для сенаторов при цирке воздвиг «по обыкновенному великодушию» своему (а.528), то официальность перечисленных сообщений, в том числе и «иллирийского» становится вполне наглядной. Впечатление от этого только усиливается характером рассказа о восстании Ника, спровоцированного, по Марцеллину, действиями Ипатия, Помпея и Проба, «устремившихся к овладению императорской властью»⁷. Если деяния этих «тиранов» названы «безбожными», а их соучастники — «злодеями», то противостоящий им Юстиниан — «благочестивейшим государем» (а.532), — эпитет, вполне сопрягаемый с характеристиками действий юстиниановых земляков, иллирийских епископов, пострадавших от неправославных действий Анастасия.

⁷ Об официальности подобной трактовки см.: ЧЕКАЛОВА А.А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. М., 1986. С. 12; McCORMICK M. *Eternal Victory*. Cambridge, P., 1986. P. 65. Cp.: SCOTT R.D. *Malalas and Justinian's Codification // Byzantine Papers* / Ed. E.M. JEFFREYS, M.J. JEFFREYS, A. MOFFATT. Canberra, 1981. P. 17-18.

Таким образом характер преподнесения принципиального для Марцеллина регионального материала (а именно – иллирийского) оказывается основанием для обозначения хронологических рамок явления, вынесенного в заголовок статьи. Хотя «Хроникон» начинает фиксировать события с воцарения на Востоке Феодосия I, сколько-нибудь значительная информация о судьбах именно Иллирика (причем, как мы увидели, информация системного характера) начинается с описания гуннского вторжения 441 г. Более того – упоминания административных, топонимических и прочих подобных реалий, соотносимых обычно с Балканами, до данного эпизода в «Хрониконе» редки и ничего подобного вышеотмеченной системе не образуют. Даже Греция упомянута всего один раз – туда временщик Руфин направил короля готов Алариха, сделав его «небезопасным для государства» (а.395.4); о бедствиях, причиненных тогда Элладу (наиболее красочно и подробно о них рассказал Зосим)⁸, Марцеллин не сообщает. Мимоходом упомянута Фессалоника – в ней, возвращаясь в Италию из Константинополя, после женитьбы на Евдоксии, перезимовал император Валентиниан (а.437). Дважды фигурирует в примечательных для хрониста событиях омывающее Балканы море: между Херсонесом и Геллеспонтом происходит морская битва между имперским флотом и мятежником Гайной (а.400); на следующий же год Понтийское море было так сковано льдами, что на Пропонтиде образовались ледяные нагромождения (а.401.2). Среди такой скудной регионально-географической информации несколько выделяется группа сведений, касающаяся такой соседки Иллирика как Фракия. Эту страну, подвергнувшуюся нападению со стороны некоего неприятеля, защитил император Феодосий (а.386.1), который всегда изображается Марцеллином как защитник границ империи, гарант ее стабильности, «муж весьма религиозный, распространитель правоверной церкви, а потому достойный быть поставленным выше всех восточных государей...» (а.379.1)⁹. Заявление для Марцеллина – очень сильное, если иметь в виду уже упомянутые выше эпитеты в адрес Юстиниана. Очень соблазнительно видеть в подобной характеристике действий Феодосия скрытый намек Юстиниану – достичь величины Феодосия, причем

⁸ См.: Zosimi comitis et exadvocati fisci Historia nova / Ed. L. MENDELSSOHN. Lipsiae, 1887. V, 5.4-7. Об этих фактах в восприятии западного, не менее информированного автора, Клавдия Клавдиана, см.: CAMERON A. Claudian. Poetry and Propaganda at the Court of Honorius. Oxford, 1970. P. 71-74.

⁹ См.: Козлов А.С. Социальные симпатии и антипатии комита Марцеллина // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 58-59.

не только активной защитой правопорядка, но и обороной имперских территорий, что, кажется, начинает воплощаться в жизнь (экспедиции Мундона в Иллирике и во Фракии). Недаром после упомянутого рассказа о защите Феодосием Фракии именно эта территория в скором времени фигурирует как единственно конкретная провинция Балкан, разоренная гуннами (а.422.3). Далее негативные по отношению к этой стране события (до воцарения Юстиниана) в сочинении Марцеллина постепенно идут по нарастающей.

Конечно, исключением из такого рода информации является сообщения, касающиеся самой выдающейся географической и политико-исторической единицы Балкан — Константинополя. Я уже отмечал, что наибольшим вниманием нашего хрониста пользуется крупный город; средний и малый центр в анализируемом сочинении просматривается плохо, — но как раз на конъюнктурном иллирийском материале¹⁰. Константинополь во всех сообщениях «Хроникона» — прежде всего императорская резиденция, центр управления империей, в котором разыгрываются основные политические события, фиксируемые Марцеллином¹¹. В то же время это не только августейший (а.381.1; 435.2; 436; 438.2; 501.3), царственный (а.433; 446.2; 480.1; 487; 527; 528; 535.4) и священный (а.509.1; 511) город. Хронист фиксирует во внутренней жизни Константинополя постройку важных общественных сооружений — цистерн и терм (а.427.2; 443.3), форума Феодосия в Гелиане (а.435.1), считает нужным отметить указ императора Маркиана о необходимости кандидатам в консулы жертвовать деньги на строительство городского водопровода (а.452.1). В «Хрониконе» упоминается восстановление епископом Аттіком главной церкви столицы (а.415.1), а также усовершенствование Юстинианом архитектурного облика столичного цирка (а.538). Также отмечается восстановление городских стен префектом претория Константином (а.447.3), портиков и башен — Антиохом (а.448.2). Не раз фиксируется водружение в столице императорских статуй (а.390.3; 403.2; 421.2). Применительно к другим городам Балкан (да практически

¹⁰ См.: Козлов А.С. Комит Марцеллин о позднеантичном городе // АДСВ. 1992. Вып. 26. С. 46-55.

¹¹ Еще О. Хольдер-Еггер полагал «более чем вероятным», что Марцеллин написал свое сочинение в Константинополе. «Его интерес привлекают преимущественно события, которые касаются этого города» (HOLDER-EGGER O. Die Chronik des Marcellinus Comes und die oströmischen Fasten // Neues Archiv der Gesellschaft für älteste deutsche Geschichte. Hannover, 1977. Bd. 2. S. 54).

и всей империи) строительство как сюжет самостоятельного рассказа в «Хрониконе» не представлено.

Наконец, именно для Константинополя хронист фиксирует социальную и политическую активность «граждан» (*cives*) – причем почти неуловимо намеченные черты различий внутри «гражданства» тяготеют к картине резкого социального контраста: «средние» социальные группы в такой палитре почти неуловимы¹².

Таким образом, если информация об Иллирике и Фракии в сочинении Марцеллина тяготеет к развивающейся системе, подчиненной, вероятно, «иллирийскому патриотизму» автора, то данные о Константинополе представляются статичными, единообразно, но ярко подчеркивающими незыблемое величие столицы империи.

¹² См. подробнее: Козлов А.С. Комит Марцеллин о позднеантичном городе. С. 47-48.

Е.П. Глушанин
БАРНАУЛ

ЮСТИНИАН ВЕЛИКИЙ КАК ТИП ВОЕННОГО РЕФОРМАТОРА

На протяжении своей долгой истории позднеантично-ранневизантийская военная организация неоднократно подвергалась как крупным реформам, так и менее значительным нововведениям. Первые были результатом неотложной необходимости преодоления серьезных системно-кризисных явлений общегосударственного масштаба как во внешней политике, обороноспособности, так и эффективного поддержания силовыми методами стабильности внутренней политики. Они с неизбежностью затрагивали не только военно-технические аспекты, но и влекли за собой зачастую радикальную, принудительную реструктуризацию государством экономики, финансов, социальной сферы, административной организации. Вторые были либо заключительными фазами крупных реформ, определяющими более точный баланс уже сложившихся институтов в военной организации, либо вводили новые, одиночные структуры в силу как армейской, так и политической конъюнктуры (например, учреждение экскувитов, кандидатов, скрибонов и пр.). Несомненно, что в периоды между крупными реформами военная организация эволюционировала также и в режиме *ad hoc*.

В историографии традиционным методом изучения эволюции, (и, главным образом, ее итогов) военной организации ранней Византии является сравнение состояния вооруженных сил IV в. (после реформ Диоклетиана и Константина) и VI в. (долгое правление Юстиниана I, ситуацию на начало и конец его эпохи). Как правило подчеркивается серьезная разница диоклетиановой и юстиниановой армии; аналогии и степень преемственности исследуются гораздо реже. Как известно, в течение своего продолжительного (527–565) правления Юстиниан провел целый ряд крупных реформ. Специалисты утверждают, что у императора, вознамерившегося дать государству «новый расцвет»,

существовала целая программа реформировать все. В этой связи закономерен вопрос и о военных реформах Юстиниана I, и о самом Юстиниане как типе военного реформатора. Насколько нам известно, именно в такой постановке эта проблематика не рассматривалась.

К проблематике военных реформ относятся: социальная, экономическая, политическая ориентированность и методы рекрутирования вооруженных сил, снабжения их принятыми (либо доступными) видами довольствия и оружием, организация обороны границ и баланс категоризации армии, управление войсками и обеспечение их лояльности, стратегическое планирование, использование для полицейских и хозяйственных целей. Наконец, личностные характеристики реформаторов.

К числу крупных военных реформаторов позднеантичной эпохи следует отнести Диоклетиана, Константина I и Феодосия I. Реформаторами «второй уровня» были Констанций II, Валентиниан I, Маркиан, Аспар, Зенон, Анастасий I, в известной мере Тиберий II Константин и Маврикий. За исключением Констанция II, участвовавшего, тем не менее, персонально в ряде боевых кампаний, и Анастасия все они были профессиональными военными, знавшими нужды армии не понаслышке. Военная карьера Юстиниана носила скоротечный и парадный характер: 518–520 гг. – *scholaris* и *candidatus*; 520–527 гг. – *magister militum praesentalis* (PLRE. II.646), а «боевые подвиги» выразились в организации убийства Виталиана. Поведение Юстиниана во время восстания «Ника» также хорошо известно; реально мятеж подавили профессиональные военные Мунд и Велизарий¹.

Юстиниан тем не менее отличался скрупулезным изучением каждой сферы жизнедеятельности империи, хотя и на «кабинетном» уровне, беспрестанно советуясь с многочисленными практиками вне рамок придворно-иерархического этикета. Многократно обдумывая в одиночку свои решения он получил от современников характеристику императора «который никогда не спит». Степень автократизма его предписаний, несомненно, была велика, но не абсолютна: Юстиниан обладал умением хорошо разбираться в людях и подбирать себе советников и исполнителей, не считаясь с сословно-социальными принципами и общественным мнением. Некоторые его реформы не были доведены до логического завершения, были брошены либо даже свернуты; другие принесли ему всемирную славу (кодификация права). Говорить о степени их взаимозависимости, взаимопереплетенности приходится с осторожностью, и устанавливать баланс в каждом конкретном случае.

¹ Глушанин Е.П. Военные в восстании Ника // АДСВ. 1992. Вып. 26. С. 24–36.

Проведение реформ Юстиниана протекало на фоне более сложного внешнеполитического положения империи, чем это имело место при его предшественниках. Константин I, например, быстро реализовал свои замыслы после фактически полного умиротворения на границах; острой проблемы «Византия между Востоком и Западом» в 324–337 гг. фактически не существовало, чего не скажешь об эпохе Юстиниана.

Юстиниан получил в 527 г. достаточно боеспособную армию и унаследовал ее проблемы, накопившиеся при Зеноне и Анастасии, связанные с пошатнувшимся положением управления войсками, их набором и снабжением. Новации Юстиниана в отношении военной организации отличались значительным противоречием, сочетанием консерватизма и учета новых реалий.

Военные реформы начались с того, что в июле 530 г. Юстиниан точно определяет статус официальных *milites*: во-первых они либо *maiores* либо *minores* (точного определения ни одним, ни другим законодатель не дал); во-вторых это солдаты, служащие под командованием магистров войск, одиннадцать *схол* и федераты (CJ. IV.65.35). Обращает на себя внимание полное отсутствие в этом законе прежней официальной терминологии: *palatini*, *comitatenses*, *limitanei* (последние изредка будут появляться в источниках). В своем Кодексе Юстиниан реципировал принципиальные конституции своих предшественников, отразивших устойчивость действующих военных институтов, мало что изменяя в них; и, наоборот, в Новеллах отчетливо представлена программа реформирования отдельных аспектов военной организации. Несомненно это было связано с началом «реконкисты» на Западе. В восточных и балканских провинциях Юстиниана настойчиво проводил ломку командных структур, переподчинив военные власти среднего звена гражданским, совершенно в разрез с нормами диоклетиано-константиновой конституции. В отношении высших армейских рангов этого не произошло, но резко увеличивается, по сравнению с робкими экспериментами его предшественников, создание новых стратегий-автократий во главе с магистрами войск с подчинением им гражданской администрации. Именно последняя модель, под воздействием боевых обстоятельств, последовательно применялась на Западе (конституция 534 г. так и осталась нереализованной идеальной схемой – CJ. I.27), окончательно сместив баланс власти в пользу военных. Целый ряд новаций *ad hoc* Юстиниана в отношении армии не был оформлен в кодифицированном законодательстве. Они были закреплены, очевидно, рескриптами, обладавшими общеимперским императивом и сохранившимися в описательной форме в нарративных источниках.

В обстановке почти непрекращающихся войн происходит неоспариваемый императором процесс смешения, без возвращения в перспективе к *status quo*, категорий войск и ломка титулатуры *Rangordnung* в экспедиционных и пограничных армиях. Отдельные категории армии (*limitanei*, приграничные *comitatenses*) подверглись принудительной деградации. Фактически создаются реальные предпосылки для перехода к фемному строю.

Демографический и экономический кризисы заставили на практике признать существование букеллариата, запрещаемого законодательно (CJ. IX.12.10; Nov. Just. 30.7.1; 116.1). Юстиниану удалось трансформировать их частный статус в государственный. Те же обстоятельства привели в сфере рекрутирования войск, особенно походных, к большему, чем прежде, и вне зависимости от воли императора, смещению к внутреннему и внешнему наемничеству; набор в пограничные части окончательно регионализировался.

В своем грандиозном оборонном строительстве Юстиниан не смог достигнуть системы прежнего лимеса, выборочно используя его остатки и закрепляя выработанные его ближайшими предшественниками фортификационные конфигурации.

Юстиниан как тип военного реформатора (каковым он все-таки был) представлял собой, фигурально выражаясь, «Диоклетиана наоборот». Именно мера последствий новаций Юстиниана позволяет сравнивать его с Диоклетианом. Но если Диоклетиан, закрепляя жизнеспособные военные структуры, сложившиеся в ходе кризиса III в., создавал на их основе новые армейские, позднеантичные по своей сути, институты, открыв новую эпоху в истории римской военной организации, то Юстиниан, декларируя свою приверженность «непогрешимой древности», своими мероприятиями заложил бесповоротное окончание позднеантично-ранневизантийской военной системы.

М. ВАКЛИНОВА
СОФИЯ

ЕПИСКОПИЯ НИКОПОЛИС НА МЕСТЕ (NICOPOLIS AD NESTUM)

Nicopolis ad Nestum является самым крупным городским центром в долине верхнего течения реки Месты. Он расположен на важном пути, который связывал Эгейское побережье с внутренними районами Балканского полуострова. «Город победы на Несте», возникший еще во II в. в области с многочисленным фракийским населением, с благодатным климатом и плодородными землями, с богатыми природными ресурсами, контролировал обширную территорию. Его значение возрастает в последующие столетия, благодаря близости крупных раннехристианских центров на Эгейском побережье и традиционным связям с ними фракийского населения этой части Балканского полуострова. Археологические исследования на его территории свидетельствуют о процессе массовой христианизации местного населения во второй половине IV в. Тогда, очевидно, Никополис становится и центром епископии. Найденная на территории города надпись с именем провинции Родопы подтверждает сведения христианского писателя Сократа Схоластика, что это одна из семи епископий упомянутой провинции.

В укрепленной части города, где в течение нескольких лет проводились археологические раскопки, не были найдены христианские культовые сооружения. Но они, безусловно, существовали, о чем свидетельствуют обнаруженные детали каменного декора и предметы, связанные с интерьером литургических частей христианского храма. Кроме того, в ближайшей округе открыты три базилики IV–VI вв. с великолепными мозаиками и остатками настенной живописи, высокохудожественными мраморными архитектурными элементами. Наряду с другими раннехристианскими памятниками этого района они дают информацию о характере и источниках строительных и декоратив-

ных моделей и устанавливают очевидную связь со школами раннехристианского зодчества на балканской почве и, прежде всего, с крупнейшими центрами полуострова.

Наиболее поздние из монет (императора Юстина II и Софьи), открытые в кладах и слоях разрушения, свидетельствуют, что город был уничтожен во второй половине VI в. Скорее всего, в результате славянских вторжений. Тогда же погибает другая крупнейшая епископия на реке Стримон, известная как Сандански, по имени современного города возникшего на ее руинах.

В епархиальных списках начала IX в. (при патриархе Никифоре) и второй половины IX в. (во время патриарха Фотия) епископия Никополис продолжает присутствовать, хотя нет никаких археологических доказательств о заселении этой территории во время, последовавшее за его разрушением.

Жизнь в укрепленной части Никополиса возникает вновь во второй половине X в. Стены крепости восстанавливаются, руины расчищаются, в них устраиваются жилища и производственные помещения. Новые жители практикуют различные ремесла, среди которых особое значение имеет гончарное производство. Возможно, это именно тот Никополис, один из тридцати двух городов провинции Новая Македония, который упомянут императором Константином Багрянородным в сочинении «О фемах». Доказательств того, что в это время город являлся религиозным центром не существует. Во время первых болгарских христианских владетелей территория Никополиса, вероятно, входила в епархию «Великия» Климента Охридского – ученика Кирилла и Мефодия. Можно констатировать, что византийские епископы Никополиса упоминаются вплоть до начала XI в. Впоследствии епископия перемещается в Неврокоп. Этот город, расположенный в нескольких километрах от Никополиса, оставался религиозным центром в последующие столетия.

И. ЩЕРЕВА
СОФИЯ

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ЕПИСКОПСКИЙ ЦЕНТР ЦОИДА

В письменных источниках, связанных с историей первых веков существования Восточной Римской империи, упоминается город Цоида. Для Иерокла это один из пяти городов провинции Эмимонт в диоцезе Фракия. В трактате «О постройках» Прокопий Кесарийский сообщает о работах по ремонту оборонительных сооружений города. До недавнего времени местоположение Цоиды оставалось неизвестным. Локализовать город удалось благодаря археологическим исследованиям в современном г. Сливене (Юго-Восточная Болгария). На протяжении 10 лет (1982–1992 гг.) на северо-восточной окраине Сливена производились раскопки крепости, расположенной на невысоком холме. Было установлено, что крепость построена в IV в., но в пределах укрепления найдено небольшое количество памятников более раннего времени. Для идентификации крепости особое значение имеют две обнаруженные надписи, датированные II–III вв. В них фигурирует имя селища, существовавшего на территории Сливена в античную эпоху. В одной из надписей это имя дано как Туида, в другой – Суида. Едва ли можно сомневаться, что это более древние варианты имени ранневизантийской Цоиды или Цуиды.

В списках, отражавших состояние церковной организации Ранней Византии, Цоида присутствует как центр епископии, подчиненной митрополиту Адрианополя. Красноречивым материальным подтверждением сведений письменных источников явилось открытие в юго-восточном районе крепости значительного архитектурного культового комплекса, состоящего из большой базилики и находящегося вблизи нее баптистерия со сложной планировкой. Базилика трехнефная с одной полукруглой апсидой, и нерасчлененным нартексом. По плану, размерам и пропорциям церковь имеет близкие параллели в сходных и синхронных памятниках в других районах Балканского полуострова,

в Малой Азии, Крыму и, в частности, в Херсонесе. Базилика построена, вероятно, во второй половине IV в. или в начале V в. В середине V в. строение серьезно пострадало, как и стены крепости, разрушенные почти до основания, что можно связать с гуннскими нашествиями на Балканы. Однако не исключено, что причиной разрушений стало природное бедствие (землетрясение). Церковь была восстановлена в конце V в. или в первой половине VI в., тогда же происходит ремонт крепостных стен, который Прокопий ставит в заслугу императору Юстиниану I. В это время вблизи базилики строится баптистерий, но уже как отдельное сооружение. Крещальня состоит из трех помещений. Центральное, где происходил обряд крещения, имеет шестиконхный план, полихромный мозаичный пол. Стены были покрыты живописью. Однако она сохранилась настолько плохо, что невозможно установить характер декоративных мотивов и композиций. Другие два помещения, расположенные к северу от центрального, имеют прямоугольный план и разные размеры. Одно из них, связанное с каналом в крепостной стене, вероятно, доставляло воду в крестильный бассейн. Другое северное помещение может быть служило катехуменом.

Значение Цойды как одного из религиозных центров провинции Эмимонт подтверждается еще одним памятником. Он был обнаружен у южного подножия возвышения, на котором находится крепость. Это внушительная по размерам базилика, сходная по плану с храмом в укрепленной части города. Расположенная в непосредственной близости, но вне городских стен, церковь явно была предназначена обслуживать население, которое жило в неукрепленной части поселения. Нумизматические памятники и керамика, открытые при раскопках, свидетельствуют, что ранневизантийский город и епископский центр Цоида погиб в начале VII в. Византийские письменные источники продолжают упоминать Цоиду, но, вероятно, только по традиции. Жизнь на холме восстанавливается в IX в. болгарами, которые вероятно дают своему селищу, возникшему на руинах ранневизантийской Цойды, славянское имя Сливен.

ВИЗАНТИЯ И СТРАНЫ ЕЕ КУЛЬТУРНОГО КРУГА

М.В. БИБИКОВ
МОСКВА

ГЕНЕЗИС И ПАРАДИГМАТИКА ИДЕИ ВЛАСТИ В ВИЗАНТИИ

Византийская цивилизация, по определению А. Гейзенберга «ставшая христианской Римской империей греческой нации», в своих представлениях о власти изначально унаследовала традиции римского цезаризма, эллинистической культуры, словесного выражения идеи величия и эвтаксии монархического мироустройства и ближневосточной христианской концепции воплощения господства Царя Небесного в автаркии власти царя земного.

На первый взгляд, Византия получила почти готовой эллинистически-римско-христианскую модель верховной власти. Если считать первым византийским императором Константина I, как это, кстати, делали и сами византийцы [с него начиная новую страницу в эсхатологической последовательности Царств – после Ассирийского (как вариант – Вавилонского), Иудейского, Эллинского (вариант – Македонского) и Римского, – эпоху «царей христианских» («константинопольских»)], то, если верить Евсевию Кесарийскому, именно Константину чуть ли не сразу после решающей победы у Мильвийского моста 28 октября 312 г. воздаются императорские почести, а он сам благодарит христианского Бога, даровавшего ему победу и власть, за чем вскоре последовало опубликование Миланского эдикта, утвердившего де христианство в качестве государственной религии, а сам Константин вследствие этого был прославлен в истории Церкви как равноапостольный первый христианский государь (Euseb. Vita, II. 19,2).

С другой стороны, Византия унаследовала римскую официальную императорскую титулатуру, причем, как республиканской архаики (consul – ὕπατος, pontifex maximus – ἀρχιερεὺς и др.), так и собственно императорской эпохи (augustus – αὐγουστος, σεβαστός, imperator – αὐτοκράτωρ – с начала VII в., caesar – καῖσαρ, βασιλεὺς – с начала VII в. главный им-

ператорский титул, *princes, dominus* – *δεσπότης, κύριος*). Правда, довольно быстро многие из принятых императорских титулов подверглись переосмыслению. Так, *pontifex maximus* (в качестве которого – покровителя всех религиозных культов – Константин председательствовал на I Вселенском Соборе), не переживший времена Грациана, получил исключительно церковно-административный статус, перейдя затем «в собственность» Папы Римского, так же как и *ἀρχιερεὺς* становится термином, применимым к патриарху, митрополиту или архиепископу, затем – вообще к иерарху. А «ипат», став титулом членов синклита, где ипаты стояли ниже даже спафариев и спафарокандидатов, по крайней мере, не позднее XI в. становится университетско-профессорской должностью (Михаил Пселл был «ипатом философов», то есть своего рода деканом философского факультета Константинопольского университета). Термин *consul* исчезает вслед за эллинизацией публично-правовой сферы в начале IX в. (кстати, *proconsul* не пережил и IV в.). *Augustus aeternus* (или *perpetuus*), твердо усвоенный Константином I, удерживается в официальных актах лишь до начала VI в. Севаст со временем становится придворным титулом, элитарным, но не самого высокого ранга (севаст ниже кесаря), а в X–XI вв. титул «разменивается» на разного рода полутитулы-полупочетные должности – севастофоров (это, как правило, евнухи, возглавлявшие новых императоров), севастократоров (при Комнинах, чаще императорские зятья или сыновья), пансевастов (скорее, апеллятив, чем титул). Автократор, прежде чем стать главным официальным титулом византийского самодержавия, в VII в. упоминается лишь в контексте представлений о власти соправителя применительно к «главному» императору (как правило, отцу при объявленных им соправителями сыновьях), а в VII–IX вв. не употреблялся вообще.

Caesar – *καῖσαρ*, эмансипировавшись из имени собственного, с VII в. употребляется также лишь в контексте «соправления», обозначая как раз младших соправителей автократора, а, по крайней мере, с середины IX в., становится также придворным титулом, которым обладал самый влиятельный после самого императора человек (подчас он становился и всесильным царедворцем, как, например, кесарь Варда при Михаиле III). Императорский титул *princeps* остался в IV в., а категория *dominus* – *δεσπότης*, употреблявшаяся Феодосием II и Валентинианом III, затем целиком переходит в сферу еклесиологии, ассоциируясь исключительно с Христом.

Если большинство римских титулов императоров, как видим, претерпело определенную мимикрию в изменяющихся условиях развития автократической идеологии, то иная судьба была уготована последнему из названных выше императорских наименований – *βασιλεὺς*. Связанный первоначально с библейскими царями Септуагинты, а также с переходящими царствами «го-

сударственной эсхатологии» в ранневизантийской историографии, греческий термин передает в основном латинское понятие *гех*. Транслитерированный греческий термин *ρήξ* также станет употребим в византийской традиции, но в совершенно определенном историческом контексте (о чем речь пойдет в самом конце). Лишь при Ираклии, в начале VII в., βασιλεύς становится исключительно византийским императорским титулом, дополненный в это же время категорией μέγας βασιλεύς, т.е. «великий царь» (относительно μικροί βασιλεῖς – «малых царей» – соправителей), и усиленный в 812 г., с оглядкой, очевидно, на Карла Великого, определением βασιλεύς τῶν Ῥωμαίων – «василевс ромеев», то есть «Царь «римлян»-византийцев». Характерно, однако, что если обратиться к текстам, собранным в серии *Acta conciliorum oecumenicorum* и имеющим латинские переводы к греческим оригиналам, то обнаружится, что βασιλεύς переводится там на латынь то как *princeps*, то как *augustus*, то — *imperator*, то *dominus*, не имея того эксклюзивного статуса, каковой он обрел на Босфоре.

Парадигматический образ василевса формировался и благодаря атрибутам – прилагательным при упоминавшемся императоре – в актах ли, в панегириках ли, в церковных здравицах или в уличных аккламациях, – которые составляли своего рода категориальный аппарат идеи императорской власти (*Kaiseridee*). За краткостью сошлюсь на сводку Герхарда Рэша (*ONOMA ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ*).

Если многие из этих определений имеют античную генетику, то особое значение в византийской императорской идеологии (*Kaiserideologie*) получили христианские атрибуты правителя, правда, отнюдь не сразу. Уже в IV в. Грациан отказывается от сакрального титула *pontifex maximus*, ассоциируемого с языческим культовым термином, но только Юстиниан I (в *Edictum de recta fide* 551 г.) обретет ту формулу в *intitulatio*, которая станет универсальной маркировкой вероисповедания носителя власти – φιλοχρίστος – Христолюбец. И только его преемник – Юстин II – воспримет еще более категоричное определение – *fidelis in Christo* – πιστός ἐν Χριστῷ. Оба эти категории станут обязательными в течение всего византийского тысячелетия.

Идея божественного происхождения верховной власти, будучи сама по себе римским дериватом, обретает в условиях христианизации новый смысл и форму. Позднеантичная категория *divus* – θεῖος – «божественный» уступает место (в прооймионах императорских эдиктов, в легендах императорских печатей и монет) формуле ἐκ θεοῦ βασιλεύς – *imperator ex Deo* – император от Бога (Юстин II, Юстиниан, затем Константин IV, Лев III и т.д.). Реальным воплощением этого принципа становится двухместный византийский императорский трон, одно из мест которого предназначено для осязаемого в проскинезе Царя земного, другое – для умозрительного Царя Небесного.

Однако, возвращаясь к Константину Великому, становится ясно видно, что парадигма идеального правителя не была воспринята из позднеантичного арсенала в готовом виде. Осмелюсь утверждать, что идея верховной власти христианского императора была выстрадана Византией. Сошлюсь в данной связи на наблюдения И.С. Чичурова.

Христианская сакрализация идеи императорской власти подчас приводит к неким раннехристианским уравнительным реминисценциям: по Агапиту – создателю своего рода «Царского Зеркала» для Юстиниана – император есть *σύνδουλος* – «со-раб» Божий, так же как в общем и все подданные, – заверяет диакон Великой Церкви VI в. Идея христианского смирения вырабатывается в связи со становлением православной идеи власти в обстановке борьбы с императорами-иконоборцами. Иоанн Дамаскин – идеолог того, что Г.-Г. Бек определил как «политическая ортодоксия», – понимал благочестие (*εὐσεβεία*) как православие. Не гордись ни происхождением, ни властью, – рассуждает он: император, помни о ничтожности своего существования и о том, что и у богатого и у бедного – один праотец. Подданные, как и император, – все со-рабы Господа.

Итак, «благочестие», столь нехарактерная категория *Kaiseridee* в самоопределениях времен Константина I, получает широкое распространение в императорской титулатуре V–VII вв., становясь официальным «титлом» при Льве I, который принимает еще и новый царственный атрибут – *θεοβασιλεύς* – «боговенчаный» – после того, как в 457 г. он был первым из василевсов венчан на царство Константинопольским патриархом в столице – элемент в императорском ритуале, ставший затем *condition sine qua* поп понятия легитимности власти (с середины VI в. церемония должна была происходить непременно в Храме св. Софии).

Но при иконоборце Льве III (717–741) из «каталога царских достоинств» постепенно исчезают как традиционные римские ценности, так и христианское благочестие. Тем более показательным в этих условиях становится апелляция к ним православного оппозиционера Феофана: для него, как и для Феофилакта Симокатты, Юстин II – прежде всего смиренный правитель (*ἡμερος*) и Эвергет – благодетель.

Существенна и другая решительная перемена образа власти. «Благородство происхождения» императора – столь важная категория *Kaiseridee* в ранней Византии, теперь в VII–VIII вв. сходит на нет.

Итак, византийская идея власти претерпевает существенные изменения уже в первые столетия своей истории. Понятийный, категориальный континуитет императорской номенклатуры обнаруживает, при внимательном рассмотрении динамики взаимоотношений во времени элементов *Kaiseridee*, сущностный, системный дисконтинуитет с наследием эллинистически-римской античности.

Д.Е. АФИНОГЕНОВ
МОСКВА

ИМПЕРАТОР ФОКА – ФРАКИЕЦ ИЛИ КАППАДОКИЕЦ?

Список византийских императоров, посмертная память которых пала жертвой систематического очернения со стороны позднейшей историографической традиции, открывается Фокой (602–610, род. 547). В сочетании с общей скудностью имеющихся источников резко негативное отношение к нему, характерное для большинства из них, привело к тому, что наши представления об этом человеке и о его царствовании оказались подверженными сильным искажениям. Попытки реабилитировать Фоку уже делались¹, однако они пока не сопровождались реальной переоценкой источниковой базы и привлечением новых данных, которые позволили бы отделить объективную информацию от пропаганды в интересах Ираклиевой династии, правившей в Константинополе в течение целого столетия после свержения и казни императора. Данная заметка не ставит целью решение столь масштабной задачи, но призвана показать на конкретном примере, что бытующие в современной науке взгляды на этот период византийской истории могут быть существенно скорректированы при более тщательном анализе уже известных текстов. Предметом рассмотрения станут два связанных между собой вопроса – о происхождении Фоки и о его социальном статусе.

Наиболее надежные источники, находящиеся в нашем распоряжении, единодушно говорят о том, что Фока был родом из Фракии. Помимо хроники Иоанна Антиохийского², современника событий, сохранившейся во фрагментах у Константина Багрянородного, об этом говорит замечательная надгробная эпитафия, составленная от лица жены импе-

¹ См.: OLSTER D. The politics of usurpation in the seventh century: rhetoric and revolution in Byzantium. Amsterdam, 1993.

² Ioannis Antiocheni fragmenta / ed. C. MÜLLER. P., 1938 // FHG. V. Fr. 218d, P. 37.

ратора Маврикия Константины. Скорее всего, еще в десятом веке (а возможно, и позднее) эта надпись находилась *in situ*, то есть на могиле Маврикия и его семьи в церкви св. Маманта у ворот Ксирокерка, и в хронику Симеона Логофета попала именно оттуда³. Вот заключительное двуступище этой надписи:

ἡμετέροις πετάλοισι κατάσχιος οὐκέτι Ῥώμη
ρίζα γὰρ ἐκλάσθη Θρηϊκίοις ἀνέμοις.

Нашего древа листья не осенят уже Рима —
Ибо из Фракии вихрь корни его сокрушил.

Имеется в виду, конечно, римское происхождение, которое приписывал себе род Маврикия⁴. При этом указание на Фракию не может быть истолковано иначе, как подтверждение того, что убийца императора и его близких происходил из этого региона. Поскольку стихотворение явно восходит ко времени, близкому событиям (вероятно, оно было написано вскоре после свержения Фоки в 610 г.), почвы для каких-либо сомнений в данном случае, казалось бы, не существует.

Однако, как сказано в просопографическом словаре Поздней Римской империи, «один поздний источник отзывается о нем (Фоке — Д.А.) как о каппадокийце, но, по-видимому, употребляя это слово как бранное»⁵. Составители словаря ссылаются на одно место из сочинения «О постройках» (Περὶ κτισμάτων, начало XI в.), входящее в состав т.н. *Patria Constantinopolis*⁶. На самом деле там же есть и еще одно упоминание Фоки с эпитетом «Каппадокиец»⁷. Между тем, «О постройках» — не единственный и не самый ранний текст, в котором есть сведения о каппадокийском происхождении этого императора. Дело в том, что последний именуется каппадокийцем в хронике Георгия Монаха, напи-

³ Leonis Grammatici chronographia / Ed. I. BEKKER. Bonn, 1842. P. 3-331, 144.19 — 145.10. Тот же текст в: Anthologiae Graecae Appendix, Epigrammata sepulcralia / Ed. E. COUGNY, Epigrammatum anthologia Palatina cum Planudeis et appendice nova. P., 1890. Vol. 3. Ep. 732.

⁴ См.: Evagrii Historia ecclesiastica / Ed. J. BIDEZ, L. PARMENTIER. The ecclesiastical history of Evagrius with the scholia. L., 1898. P. 214.25.

⁵ PLRE / Ed. J.R. MARTINDALE. L., 1980. Vol. 2. S.v. Phocas 7.

⁶ Scriptores Originum Constantinopolitanorum / Ed. Th. PREGER. Leipzig, 1907. P. 218.8.

⁷ Ibid., 273.12.

санной в 846/847 г.⁸ Можно было бы и это счесть за бранный эпитет, но в конце рассказа о правлении Фоки Георгий Монах пишет: «Поэтому не без основания великий Исидор в письме к кому-то говорил о злонравии каппадокийцев следующее». Далее следует довольно пространный цитата на сей предмет из переписки Исидора Пелузиота. Таким образом, логика изложения не позволяет думать, что хронист называет Фоку каппадокийцем, чтобы обругать его — напротив, каппадокийское происхождение императора рассматривается как повод для развернутого обличения *ὁτὸ χωῖνοῦ* (то есть: неудивительно, что Фока плохой, ведь он — каппадокиец, а все каппадокийцы плохие). Но не мог ли Георгий просто превратно истолковать свой источник, в котором данный этноним как раз и использовался в качестве бранного эпитета? Однако прежде чем рассматривать такую возможность, необходимо выяснить, что нам известно об этом предполагаемом источнике.

Долгое время господствовавшее мнение о том, что Георгий Монах, описывая византийскую историю VI–VIII в., главным образом копировал Феофана Исповедника (иногда патриарха Никифора), сейчас, хотелось бы надеяться, серьезно поколеблено⁹. В данном случае также налицо один из тех случаев, когда информация Георгия не имеет соответствия ни у одного из упомянутых писателей. Сам по себе этот факт не имел бы большого значения, если бы в рассказе о правлении Ираклия у того же хрониста не обнаруживались как минимум две весьма конкретные детали, отсутствующие у Феофана и Никифора. Так, Георгий уточняет, что персидский царь Хосров выслал против Ираклия армию в тридцать тысяч человек, и что ангелы, изображенные на портрете Хосрова, держали в руках скипетры (*οχηλτοῦχοι*)¹⁰. Что хронист добавил эти подробности от себя или взял из устной традиции, можно с уверенностью исключить. Стало быть, он пользовался неким другим письменным источником. Однако поскольку в разделах его сочинения, посвященных Маврикию, Фоке и Ираклию, много дословных совпадений с текстом Феофана, более разумным выглядит предположение, что оба писателя черпали из одного и того же источника независимо друг от друга. В таком случае *terminus ante quem* для этого гипотетического сочинения отодвигается назад до 814 г. (время написания «Хронографии» Феофана), и шансы на то, что оно могло отражать какую-то исто-

⁸ Georgii Monachi chronicon / Ed. C. DE BOOR. Editio stereotypa correctior, cur. P. WIRTH. Stuttgart, 1978. P. 662.10.

⁹ АФИНОГЕНОВ Д. A Lost 8th Century Pamphlet against Leo III and Constantine V? // Eranos. 2002. Т. 100. Р. 1–17.

¹⁰ Georgii Monachi chronicon. P. 671.7 и 671.19–20 соответственно.

рическую реальность, в том числе и приписывая Фоке каппадокийское происхождение, резко повышаются.

При более внимательном рассмотрении оказывается, что две представляющиеся на первый взгляд несовместимыми версии относительно родины Фоки довольно легко согласуются между собой, если учесть в надлежащей мере информацию, предоставляемую таким исключительно важным источником, как Житие Феодора Сикеота (ум. в 613 г.), написанное его учеником, игуменом Сикеонского монастыря Георгием, около 640/641 г. Вот что там говорится:

120. И через несколько дней был убит император Маврикий, а царством завладел Фока. Домнициол же, его племянник, ставший (ὑψομένον) патрикием и куропалатом, был послан императором на Восток, чтобы взять войско и противостоять народу персов, который вторгнулся и грабил наши земли. Когда упомянутый всехвальный муж дошел до Илиополя и узнал о набегах на Каппадокию и убийстве ими патрикия Сергия, императорского отчима (καὶ τῆς τοῦ πατριχίου Σεργίου, τοῦ πατροῦ τοῦ βασιλέως, γενομένης ὑπ' αὐτῶν ἀναιρέσεως), он пришел в большое огорчение и страх, не осмеливаясь совершить предстоявший ему путь¹¹.

Толкование этого пассажа в научной литературе представляет собой нагромождение ошибок, иногда весьма курьезных. Так, издатель текста А.-Ж. Фестюжьер, найдя в греческих рукописях чтение ἐπ' αὐτὸν (вместо ὑπ' αὐτῶν), решил, что это Сергей замышлял убить Домнициола, хотя грамматическая конструкция в таком случае выдает порчу текста и требует исправления. Составители же упомянутого выше просопографического словаря, видимо, ориентировались скорее не на греческий текст, а на французский перевод, где они обнаружили слово beau-père, которое и перевели как father-in-law¹². Между тем, по-французски beau-père означает как «тесть», так и «отчим», и это обстоятельство сыграло с английскими учеными злую шутку, потому что Житие вне всякого сомнения говорит именно об «отчине» (πατριός). Что же касается необходимой корректировки текста, то ее можно произвести с помощью церковнославянского перевода, восходящего непосредственно к прото-

¹¹ FESTUGIÈRE A.-J. Vie de Théodore de Sycéon. I. Texte grec. II. Traduction, commentaire et appendice. Bruxelles, 1970. P. 96. Cap. 120.1-11.

¹² PLRE, s.v. Sergius 41. Cp.: Ibid., s.v. Phocas 7: «He was son-in-law of Sergius 41».

типу всех сохранившихся греческих кодексов¹³. В этом переводе мы и находим чтение «от них»¹⁴, позволяющее с полной уверенностью восстановить греческое ὑπ' αὐτῶν. Таким образом, в самом начале правления Фоки его отчим, патрикий Сергей, был убит в Каппадокии торгшимися туда лазами.

Учитывая, что Фоке в год его вступления на престол исполнилось 55 лет, его отчим в это время должен был быть уже очень пожилым человеком. Поэтому представляется маловероятным, чтобы он оказался в Каппадокии, выполняя какое-либо государственное поручение. Скорее всего, Сергей просто жил там — скажем, на покое в собственном поместье. Если же его семейные владения располагались в Каппадокии, нетрудно объяснить, каким образом возникла версия о том, что Фока был уроженцем той же области. Будущий император, несомненно, родился во Фракии. Об этом, кроме всего прочего, свидетельствует написание имен его матери — Δομεντζία, а также брата и племянника — Δομνιτζιολος, соответствующих лат. Domentia и Domentiolus. Переход зубного глухого t перед гласным переднего ряда в аффрикату ts/tz (русск. «ц») мог произойти только в том регионе, где латинский язык был разговорным, то есть как раз во Фракии, а не в Каппадокии. Но если мать Фоки, овдовев, вышла замуж за каппадокийского аристократа Сергея и переехала к нему на родину, то, приписывая императору каппадокийское происхождение, его недоброжелатели не очень сильно грешили против истины.

Высокий социальный статус отчима Фоки вытекает из анализа все того же фрагмента Жития Феодора Сикеота. Во-первых, если о Домнициоле сказано «ставший патриkiem и куропалатом», то Сергей просто охарактеризован как патрикий. Причастие ὑερόμενος в греческом языке того времени могло означать либо «бывший», например, «экс-епископ» или «экс-патрикий», либо «ставший». Последнее значение в данном контексте гораздо предпочтительнее, потому что речь идет о самом начале царствования Фоки, который и произвел своего племянника в эти чины (Домнициол в дальнейшем неоднократно появляется на страницах Жития уже как патрикий и куропалат без прибавления ὑερόμενος). Но Сергей в таком случае, видимо, к этому моменту уже был патрики-

¹³ Афиногенов Д.Е. Житие Феодора Сикеота: оригинал церковнославянского перевода и греческая рукописная традиция // «Индрик»: 10 лет. М., 2003. С. 193-205.

¹⁴ Великие Минеи Чети, собранные всероссийским митрополитом Макарием / Изд. Археографической комиссии. Апрель, дни 22-30. М., 1916. Стб. 767 (слав. нумерация).

ем. Во-вторых, получение столь высокого чина как патрикий предполагало определенную церемонию, которая должна была происходить в столице при участии императора (если речь не шла об иноземном правителе). Поэтому производство Фокой Сергия в патрикии без прибытия последнего в Константинополь выглядело бы странно. Опять-таки, более правдоподобно, что императорский отчим уже имел этот чин к моменту воцарения своего пасынка.

Наши выводы заставляют еще более скептически отнестись к версии, пущенной в оборот Феофилактом Симокаттой при Ираклии и благополучно перекочевавшей в научную литературу Нового времени — версии, согласно которой Фока при избрании его на престол фракийской армией был сотником (центурионом, *ἐκατόνταρχος*). Все в том же просопографическом словаре приводится впечатляющий ряд источников, наделяющих его гораздо более высокими чинами (командир армии — Иоанн Никиуский; полководец — Никифор Ксанфопул; дука и патрикий — Фредегарий; дука — Евтихий; патрикий — Агапий Менбиджский)¹⁵. На самом деле источником для Никифора Каллиста Ксанфопула в данном случае послужила хроника Георгия Монаха, где Фока назван именно *στρατηλάτης*¹⁶, а ее сведения, как мы уже видели, восходят к достаточно древнему прототипу. Принимая во внимание крайне враждебную по отношению к Фоке тенденцию истории Феофилакты Симокатты, следует думать, что информация о низком социальном положении преемника и убийцы Маврикия имеет под собой гораздо более шаткие основания, нежели версия о его каппадокийских корнях.

¹⁵ См. ссылки в: PLRE. P. 1031.

¹⁶ Georgii Monachi chronicon. P. 661.18. Cp.: ODB, s.v. Phocas.

П. ГЕОРГИЕВ
ШУМЕН

ФАНАГУРИС – ТОМИТУРАКАН И «ВЕЛИКА БЪЛГАРИЯ»

1. Тезата за Фанагория като политически център на «Велика България» може да бъде оценена като научна хипотеза. Археологическите проучвания в оцелялата част от античния град не дадоха доказателства за неговото използване през VII в. и много изследователи напоследък отхвърлят възможността той да е имал роля в живота на българските племена в Приазовието.

Конкретна основа за разрешението на този въпрос дават засега само историческите и ономастични свидетелства. Писмените извори са добре познати и многократно коментирани. Независимо от това те предлагат недооценени детайли, които осветляват темата.

В своя разказ за създаването на Аспарухова България, Теофан Изповедник прави специален екскурс, в който разглежда ἀρχαϊότης, т.е. «миналото» на уногундурите-българи и котрагите в Приазовието. В тази връзка хронографът описва природо-географската и културно-историческа ситуация на източния бряг на Меотидското езеро: *«В тази река (протокът между Меотида и Понта — П.Г.) се лови т. нар. риба мурзули и други подобни ней риби, а в източните части на лежащото по-горе езеро (Меотидското — П.Г.), около Фанагурия и обитаващите там Евреи, живеят твърде много народи. От същото езеро до реката наречена Куфис (Кубан — П.Г.), идето се лови българската риба ксисстон, се намира старата голяма България и т. нар. котраги, които са техни едноплеменници»*. Текстът поставя етническа територия на българите и котрагите по течението на река Кубан заедно с нейното устие в Азовско море. От него излиза, че Фанагурия е населена с «Евреи», докато българи и котраги, ведно с много други народи (ἔθνη πλείστα) заемат вътрешността на Таманския полуостров. Това, което заслужава да се изтъкне, че Теофановият текст

говори преди всичко за «околността» на античния град. В тази връзка е важно е да се подчертае, че той е наречен Φαναγοῦρίς, както впрочем и Прокопий Кесарийски в VI в. говори за Φαναγοῦρις, а не за Φαναγορίας, както е в изворите от античността.

Патриарх Никифор съкращава разказа на първоизточника, но говори за (ἀρχή) («владение»?) на така наречените хуни и българи и за «неговото (sic!) устройство». С други думи той оценява своята информация като данни за обхвата и уредбата на «старата голяма България».

Анастасий Библиотекар видоизменя в своя превод текста на Теофан. Той говори изрично за «съседни на блатото части, които са обърнати на Изток, чак до Фанория или Евреите, които са на същото място. [и там] пребивават много народи (*et in partibus quidem adiacentium paludum, quae spectant ad Orientem, usque ad Phanoriam seu Hebraeos, qui ibidem sunt, plurimae nationes consistunt*)». Описанието е посветено на югозападното крайбрежие на Меотида с Кимерийския нос и «Фанория», която се намира в дъното на тамошния залив. По нататък Анастасий Библиотекар пише: «От същото това блато чак до реката, която наричат Куфис, гдето се лови кист, която е Българска риба (*qui est Vulgaricus piscis*), е съществувала великата в старо време България и тези, които наричат котраги (*Contragi*), които са същите, [както и самите българи]». В представите на латиноезичния автор територията на Кубратова България заема Кимерийския полуостров с течението на вливащата се едновременно в Меотида и Понта река Кубан. Фанория заема централно място в приморската крайбрежна част на тази територия. Забележително е, че авторът изписва нейното име без съставката – οῦρις. Освен това, името на града е еднозначно с «Евреи».

2. В своето описание на страната Евлисия Прокопий Кесарийски разграничава в нея «крайбрежие» (παράλια) и «вътрешност» (τὴν μεσόγειον). Те са заселени «от варвари чак до така нареченото Меотидско езеро и реката Танаис». «Многото народи», които населяват тази територия той определя като «утигури» (Οὐτίγοιροι), които «в старо време са се наричали Кимерийци». Тук, «в началото на оттока на Меотидското езеро» живеели т.нар. готи-тетраксити, които станали «приятели и съюзници» на утигурите. Готите заемали северния нос от Кимерийския полуостров, докато на юг от тях «в съседство» с подвластните на ромеите градове Кипи и Фанагурис се намирали «варвари» от някои «близки области» на тези градове, които «превзели и разрушили до основа».

3. Константин Багренородни в X в. нарича пролива между Меотида и Понта и северното устие на реката Кубан – Вурлик. На брега на пролива според багренородния писател «се намира така наречената крепост

Таматарха». На 18 или 20 мили от нея преминава река на име Укрух, която отделя територията на града от съседна Зихия. Под този хидроним се крие южното устие от делтата на Кубан (дн. Къзълташки лиман). При това положение крепостта Таматарха (ант. Хермонаса), както и Фанагория, с прилежащите им на изток земи, са обхванати от устията на Куфис в рамките на голям остров. В края на VII в. Ананий Ширакци сочи изрично, че «народът на българите и тюрките» обитава земи-те на север от устието на Псевхрос, която отделя Боспор от Зикхун.

Таманският полуостров е споменаван като «остров» още през античността. На него според Периплоса на Дионисий (541–553) се разполагала и отстоящата на 25 мили в западна посока Таматарха (Тмутаракан). През XI в. неговата околност е наречена остров Тьмоутараканский. Островният характер на земите около дн. Тамански залив в миналото се доказва напоследък и чрез съвременни палеогеографски и геоморфоложки изследвания.

Писмени източници, като «Арменска география», Константин Багренородни и други сочат островите в делтата на големи реки като Волга и други, или в лагуните по морското крайбрежие като съзнателно търсено място за изграждане на «убежища» на различни номадски или полуномадски народи. На остров Пюки (Певки) в Дунавската делта се приютява според Ананий Ширакци в края на VII в. и побягналият от Северното Предкавказие Аспарух с водените от него уногундури-българи.

Така че изводът, че централният район на Кубратова България в Източното Приазовие се е намирал в делтата на река Кубан изглежда обоснован и за него могат да се приведат и други писмени и археологически свидетелства. Какъв е бил обаче характерът на тяхното средище и можем ли да кажем къде се е намирало то?

4. За характера на Фанагурис-Фанагурия разполагаме с ограничени данни. Повече са свидетелствата за съседния град Таматарха-Тмутаракан, който измества Фанагурия с нейното водещо място в Азиатския Боспор преди X век. Наложилото се през средновековието название *Tomitorokan* има безспорен тюркски произход. За неговата етимология са изказвани различни становища. Според нас то е изградено от тюркските думи *tomî*, *tomar*. Така се обозначава бластиста местност с ливадна растителност и обилни подпочвени води – любимо място за номадски зимни или летни лагери. Възможно е също, първата част на името да произлиза от *tuman* или *tumen*, което означава малко проточно езеро в долината или устието на голяма река. По същество те отразяват точно природо-географските особености на т. нар. Тмутаракански остров. Втората съставка на името произлиза от тюркоезичния термин *turug*, *turuq*. С него се означават естествени или изкуствено ук-

репени убежища на тюркоезични номадски племена. Така че като цяло значението на името *Tmuturuqan* означава «лагерен град-убежище», разположен на благоприятно за номадски бит място с изобилие от трева и вода за животни и хора. Така че тюркското име на града може да се реконструира като **Tomituruqan*. По смисъл то означава «Градът-убежище в бластиста местност» или пък «Градът с околни номадски станове». То е било използвано още в началото на IX в., тъй като в един от ръкописите със съчинението на Патриарх Никифор крайбрежно селище *Τόμιν* (*Тоμίν*) се среща под името *Ταμίτάρχα*.

Характерът на Тмутаракан като средище на номадски станове се потвърждава от неговото название в «Слово о полку Игореве»: *күръ Тмүтараканна, великомү Хръсови*. Ключово важната дума тук е *күръ*. Според Н.А. Баскаков тя произлиза от тюркския глагол «поставям, устройвам» и вероятно обозначава общоразпространеното понятие «курен», т.е. стан от наредени в кръг номадски юрти или талиги с преносими шатри (кибитки). Следователно трябва да си представяме останките от античния град като окръжен от номадски станове. Ал-Идриси го нарича също «велик» или по-точно «вечен град», като зад арабското определение прозира характерното тюркско название за големите тюркски «градове» от лагерен тип *ulug oba*.

6. Аналогичен характер на стар град-крепост с околност, в която са концентрирани номадски станове на различни народи е имала и Фанагурия през VI–VIII в. Това показват коментиранияте по-горе текстове, но то се потвърждава от специфичната форма на нейното име Фанагурис-Фанагурия. Очевидно то е също двусъставно и в първата си част включва легендарното собствено име-епоним Фанагор. Съставката – *γούρις* е точно съответствие на думата, която виждаме и в етнонимите «утигури», «кутригури» и пр. Тя обаче не произлиза директно от етнонимиката, а от характерното тюркско определение за номадски стан «курен». Според Б.Я. Владимирцов концентрацията от номадски лагери носи названието *küriyen, güriyen*. Очевидно съставката – *guri* в името Фатагурия е аналогично по характер на – *tuquq* или *kugъ* в името на близкия Тмутаракан.

В светлината на тази семантика на названията си, Фанагурис и Томитуракан изпъкват като хетерогенни културни центрове, лагерен тип «градове», в които истински обитаемата част са околните станове, а античната крепост играе ролята на *refugio*. За тяхното население вероятно, се отнася определението «пугури», което намираме у Михаил Сирийски и зад него трябва да виждаме значение на обитатели на лагерни градове. Засвидетелстваното от Патриарх Никифор обитаване на Юстиниан II и неговата хазарска съпруга, както и на хазарския управител във Фана-

гурия през 704 г., дава основание да се мисли, че в града са били устроени аристократични жилища-резиденции, за които обаче нямаме ясна представа. Следователно, Фанагурия в началото на VIII в. все още е могла да играе ролята на седалище на политическа власт. Тази роля по-късно и била поета от близката «крепост» Таматарха (= Томитуракан).

7. Анализът на писмените свидетелства и ономастичните данни за характера на Фанагурис и Томитуракан през ранното средновековие показва, че те последователно изпълняват функциите на първостепенно средище за околното номадско или полуномадско население от утигури, оногури, уногундури-българи, хазари и печенези. В този смисъл трябва да се заключи, че Фанагурия е най-вероятният политически център на «Велика България» през VII в. След преселването на Аспаруховите българи на Долен Дунав те изграждат своето първоначално заселище по аналогичен начин. Теофан, Патриарх Никифор и Анастасий Библиотекар обозначават неговото място като «така наречената Варна, близо до Одесос». В природо-географско и културно-историческо отношение то е точен аналог на центъра на Кубратова България в Приазовието.

А.В. САЗАНОВ, Ю.М. МОГАРИЧЕВ
МОСКВА – СИМФЕРОПОЛЬ

КРЫМ И ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ – СЕРЕДИНЕ VIII В.

В настоящее время все большее внимание исследователей привлекают вопросы истории Крыма «хазарского периода»¹. Учитывая, что большинство письменных источников по данной проблеме фрагментарны или часто могут трактоваться неоднозначно, возрастает роль археологических материалов, полученных при исследовании поселений и могильников конца VII–X вв. Особый интерес представляют десятки памятников, появившихся в Восточном, Центральном и Северо-Западном Крыму в это время, и небезосновательно связываемые исследователями с пришлым населением Хазарского каганата. Важно установить их хронологию и взаимоотношения пришельцев с населением уже существовавших поселений, в частности городов Боспора, Сугдеи и Херсона.

В ряде работ мы попытались показать, что в начале VIII в. Боспор, Херсон и крымские архонтии (впоследствии климаты) оставались частью империи, как в представлении самих жителей, так и по мнению византийских авторов. Хазары здесь не претендовали на политическое господство. Вся политика каганата, по отношению к Крыму, сводилась, в основном, к возможности получения дани. Если же хазары, не по своей воле, оказывались втянутыми во внутривизантийские конфликты на территории полуострова, то и здесь претензии хазар были, в большей степени, материальными, а не территориальными или политическими².

¹ Мы понимаем условность данного термина. Однако для облегчения терминологии при рассмотрении проблем связанных с взаимоотношениями Хазарии и Крыма все же решили его использовать.

² МОГАРИЧЕВ Ю.М. К вопросу о хазарах в Крыму в начале VIII в. (в печати); САЗАНОВ А.В., МОГАРИЧЕВ Ю.М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII в. I. Проблема «хазарских слоев» Керчи // Проблемы истории, фило-

Детальное изучение известных в настоящее время захоронений кочевников, обычно датируемых концом VII – первой половиной VIII в., показывает, что на долю тюрко-протоболгарского или салтовского населения приходится не более 9-10 могил.

Анализ керамического материала поселений (Пташкино, Героевка, Эльтиген Западное, Тау-Кипчак, Кордон-Оба, Меловое, Фронтное, Ак-Кая, на мысу Ойрат, в Лазурном и других, как правило, связываемых с так называемой «первой волной» хазарского проникновения в Крым) позволяет сделать вывод, что достоверные материалы, позволяющие датировать их основание периодом до середины VIII в. отсутствуют (исключение, возможно, составляют три комплекса Тау-Кипчака).

Таким образом, данные археологии не подтверждают точку зрения о заселении в конце VII – начале VIII вв. территории Крыма пришлыми протоболгарами или салтовцами-хазарами. Погребения же, которые в какой-то мере могут быть связаны с собственно хазарами, вообще единичны и при этом спорны. Картографирование памятников и элементарный статистический подсчет показывают абсолютное преобладание в Крыму рассматриваемого времени традиционного местного населения, состав которого, по сравнению с VI – первой половиной VII в. существенно не изменился. Города Боспор, Судак и Херсон, крепости-климаты Юго-Западного Крыма, несомненно, по-прежнему контролировала Византия.

Крымские степи были местом перекочевки кочевников из Поднепровья в Таманского полуострова. В античное время, и, видимо, вплоть до конца VI в., боспорские крепости на Таманском полуострове и сложная оборонительная система на Керченском полуострове, закрывали проход кочевникам с территории Прикубанья и пограничных с азиатским Боспором территорий. Теперь, когда место Боспорского царства заняла архонтия Боспор, пролив контролировала лишь одна одноименная крепость. Это давало возможность для практически беспрепятственного прохода кочевников с Таманского полуострова и продвижения по керченским степям.

В ряде случаев, видимо в результате взаимодействия с местным населением, появляются оседлые комплексы (возможно, Тау-Кипчак).

логии, культуры. М.; Магнитогорск, 2003. Вып. XII; САЗАНОВ А.В., МОГАРИЧЕВ Ю.М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII в. II. Боспор и Хазария по данным письменных источников (в печати); САЗАНОВ А.В. Боспор и Хазария в конце VII – начале VIII в. // Сугдея, Сурож, Солдаи в истории и культуре Руси – Украины. Киев; Судак, 2002.

Однако речь идет о единичных случаях, не определяющих общую ситуацию.

Таким образом, можно сделать вывод, что политическое влияние и непосредственное присутствие Хазарского каганата в Крыму до середины VIII в. было минимальным и, скорее всего, не выходило за пределы получения дани.

В середине – второй половине VIII в. в Крыму (кроме юго-западной и южной части полуострова) появляется порядка 250 новых поселений, причем приблизительно 85 % из них – на Керченском полуострове. Остальные 15-20 % относительно равномерно «разбросаны» по северо-западному, центральному, и юго-восточному регионам. Все они возникают на свободных землях, по крайней мере, не зафиксировано не одного случая, когда пришельцы селились на уже существующих поселениях, и кого-либо изгоняли с обжитых мест. Новые населенные пункты не имели фортификационных сооружений. Наличие оборонительных стен хазарского времени, с некоторой долей вероятности, предполагается только на Аблямитском городище в северо-западном Крыму и у с. Заветное на Керченском полуострове. Однако, до выяснения хронологии самих поселений, хронологии фортификации здесь, их культурно-исторической принадлежности, это не более чем предположение. Археологические материалы не отмечают и изменений в жизни уже существующих населенных пунктов, в частности городов Боспора и Сугдеи³, окруженных новым, пришлым населением.

На ряде рассматриваемых памятников, а большая часть их археологически не изучалась, были выявлены христианские культовые сооружения. Крупные храмы исследованы на Тепсене⁴, небольшая церковь открыта на Кордон-обе⁵, известны христианские памятники на поселениях Героевка и Пташкино⁶.

³ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 189, 205; Сорочан С.Б. Сугдея в «Темные века» // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси – Украины. Киев; Судак, 2002; Степанова Е.В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 100-104.

⁴ Майко В.В. О локализации Фулл и Фулльской епархий в раннесредневековой Таврике // Православные древности Таврики. Киев, 2002.

⁵ Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990. С. 133-137.

⁶ Гадло А.В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевка в 1964 г. // СА. 1969. № 1; Он же. К истории Восточной Таврики VIII–IX вв. // АДСВ. 1980. Вып. 17. С. 136-139.

Появление данных поселений обычно связывается с перемещением населения с территории Хазарии в Крым.

Возможно, оно происходило параллельно с другими миграционными процессами на территории каганата, в частности, с переселением алан и болгар из центрального и западного Предкавказья в области Северского Донца и Дона⁷. Эти события традиционно связывают с поражением хазар во второй арабо-хазарской войне (722–737). Хотя по данной проблеме существуют и другие гипотезы, однако, практически все исследователи не сомневаются, что такая крупномасштабная акция проходила не без участия со стороны правителей Хазарии⁸. В.Б. Ковалевская, уточнив хронологию памятников и сведения письменных источников, пришла к выводу, что миграцию населения каганата следует относить к 50–началу 60 гг. VIII в., когда хазары переносят центр тяжести своих владений на северо-запад и укрепляют позиции на Кубани⁹.

Вероятнее всего, близко к этому времени, учитывая известные на сегодняшний момент материалы, следует датировать и появление рассматриваемых крымских салтовских памятников.

Учитывая обстоятельства появления новых поселений (а именно: подавляющее большинство из них основывается на Керченском полуострове; пришельцы селятся исключительно на «чистом» месте; они не ограждаются оборонительными стенами; население «старых» городов остается неизменным; господствует христианская религия), можно с большой степенью вероятности предположить неконфликтное проникновение нового населения.

Как известно, в VIII в. между Хазарией и Византией установились дружеские, союзнические, отношения. И лишь в 80-х гг. наблюдается их определенное охлаждение¹⁰.

⁷ ПЛЕТНЕВА С.А. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989. С. 268. Несколько другую интерпретацию см.: ГАДЛО А.В. Кавказ в IV–X вв. (проблемы этнической истории). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1984. С. 25–26; ПЕТРУХИН В.Я., РАЕВСКИЙ Д.С. Очерки истории народов России в древности и средневековье. М., 1998. С. 201 сл.

⁸ Подробнее см.: АФАНАСЬЕВ Г.Е. Где же археологические свидетельства хазарского государства? // РА. 2001. № 2. С. 52.

⁹ КОВАЛЕВСКАЯ В.Б. Связи Восточной Европы в эпоху Хазарского Каганата (на основании анализа массового археологического материала) // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Вып. 1. С. 66–67.

¹⁰ НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 151, 190–191.

Готия с Херсоном, с чем согласны большинство современных авторов, до 80-х гг. VIII в. подчинялась Византии. По данным сфрагистики, в Сугдее в VIII–IX вв. не только не наблюдается спада византийской активности, но наоборот, отмечается ее подъем¹¹.

Весь круг источников указывает на то, что Константинополь, несомненно, считал данные территории своими. Поэтому, учитывая перечисленные факты, вряд ли со стороны Хазарии была возможна односторонняя акция по переселению такого числа людей в Крым. Можно предположить, что данный процесс проходил с согласия и под контролем византийских властей, которые выделили вновь прибывшим земли Керченского полуострова, и лишь крайне ограниченному числу людей позволили селиться за его пределами (если вообще появление нового населения за пределами Керченского полуострова не произошло несколько позднее). Однако современная степень изученности памятников и уровень знания археологического материала не позволяет сделать более конкретные выводы.

Широко известна политика Константинополя, позволявшая варварам селиться на границах империи с целью использования их в качестве пограничников и приобщения к христианству¹².

Таким образом, появление в 50–60-х гг. VIII в. на Керченском полуострове, юго-восточном, центральном и северо-западном Крыму новых поселений не связано, вероятно, с подчинением этих регионов хазарам, и не отражало каких-либо кардинальных изменений в византийско-хазарских отношениях на полуострове.

Новые черты в политике хазар по отношению к византийским территориям, в том числе и в Крыму, появляются только в 80-х гг. VIII в. Однако это тема отдельного исследования.

¹¹ СТЕПАНОВА Е.В. Судакский архив печатей... С. 101.

¹² См. напр.: ИВАНОВ С.А. Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10. С. 18–19.

В.Е. НАУМЕНКО
СИМФЕРОПОЛЬ

ТАВРИКА
В КОНТЕКСТЕ ВИЗАНТИЙСКО-ХАЗАРСКИХ ОТНОШЕНИЙ:
ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Взаимоотношения Византийской империи и Хазарского каганата во многом определяли ход и характер политических процессов, происходивших на юге Восточной Европы в середине VII – IX в. В отличие от Закавказья, где общие военно-политические интересы в борьбе с арабами превращали их в невольных союзников, здесь геополитический фактор становился решающим в превращении империи и каганата в потенциальных противников. Однако, сохранившиеся источники исключают их рассмотрение сквозь призму постоянной враждебности. Характер византийско-хазарских отношений отличался значительной динамичностью, колеблясь между периодами открытой конфронтации и военно-политического сотрудничества в зависимости от складывающейся общеполитической ситуации в регионе. Такой же динамичностью и гибкостью, обусловленной международной ситуацией на юге Восточной Европы, характеризуется и политико-административный статус областей Крымского полуострова, которые оказались в «контактной зоне» двух великих «империй» средневековья.

История Крыма в контексте византийско-хазарских отношений делится на ряд периодов, каждый из которых отличался существенными изменениями в политике империи и каганата на полуострове и соответственно в политико-административном статусе его отдельных регионов.

1. Конец VII – третья четверть VIII в. Расширение пределов Хазарии в западном направлении было приостановлено византийской дипломатией с помощью не только богатых даров кочевнической знати, иногда династических браков, но и введением особой формы организации провинциального управления в Херсоне и на Боспоре, которая оп-

ределяется как «совладение» («кондоминиум»). В целом наиболее важные приморские центры полуострова (Херсон, Боспор, Сугдея) сохраняют провизантийскую политическую и торгово-экономическую ориентацию, а области Крымской Готии – традиционно «союзный» статус по отношению к империи.

Политический кризис 710–711 гг. следует интерпретировать в рамках конфликта между отдельным императором (Юстинианом II) и рядом провинций Византии, а не стремлением местного населения выйти из состава империи. С перипетиями этих событий связано учреждение поста архонта в Херсоне – имперского наместника в центре византийского присутствия в регионе, под контроль которого была поставлена муниципальная система управления.

2. Последняя четверть VIII – 30-е гг. IX в. Прекращение борьбы арабов и хазар за политическое доминирование в Закавказье закономерно приводит к разрыву византийско-хазарского союза, следствием чего стала экспансия каганата в области, пограничные либо союзные Византии. Неоднозначный политико-административный статус областей Таврики, который сложился в условиях хазарской экспансии и ответных действий византийской дипломатии, отразился, прежде всего, в титулатуре местных правителей, которые в источниках названы топархами (Боспор, Готия) и кирами (Херсон, Готия, Фуллы). Применение указанных титулов свидетельствует о том, что эти территориальные единицы воспринимались в Византии как независимые, но союзные империи политические образования. Сохранение традиционных политических и экономических контактов их населения и социальной верхушки с Византийской империей, присутствие в Херсоне византийского наместника (архонта), активная миссионерская деятельность церкви в регионе сочетались в условиях возросшего «прессинга» со стороны хазар с выполнением определенных обязательств по отношению к каганату. Такого рода политико-административный статус наиболее удачно определяется в рамках гипотезы о византийско-хазарском «кондоминиуме», так как она отражает как обоюдный контроль империи и каганата, так и значительную самостоятельность местных правителей в области внутренней политики. Подобный статус в это время имела и Сугдея. Титул ее правителя («тархан») отражает специфику «кондоминантного» округа с позиции хазар.

3. 841 г. – рубеж IX – X вв. Политическая стабильность в Северном Причерноморье исчезает к концу 30-х гг. IX в. с появлением мажарских племен. В этих условиях происходит кратковременная реставрация военно-политического союза Византийской империи и Хазарского каганата. В его рамках византийская миссия участвует в строительстве хазар-

ской крепости Саркел на Дону в 840 г. Новые политические реалии стали первопричиной собственно византийского проекта – учреждения весной-летом 841 г. византийской фемы Климатов в Таврике. Исходя из содержания топонима «Климаты», фема изначально охватывала области горного и приморского Крыма. Одновременно исчезает институт киров в Херсоне. Военно-политическая ситуация в Таврике обуславливает кратковременность существования фемы в таком виде. Уже 50-ми гг. IX в. датируются наиболее ранние печати стратигов фемы Херсон, а около 860 г. ее глава впервые фиксируется в письменных источниках. Изменение названия фемы связано с сокращением ее территории до пределов города и его ближайшей округи. После трансформации фемы Климатов в фему Херсон ликвидируется институт городских архонтов. Источники фиксируют еще один византийско-хазарский проект создания единой церковно-административной организации для христианского населения Хазарии (К. Де Боора). Время его появления следует отнести ко времени «миссии» Константина Философа в Хазарию в начале 860-х гг.

После вытеснения мадьяр из северопричерноморских степей печенегами в 80-х гг. IX в. Византия в своих дипломатических усилиях в регионе стала ориентироваться на печенежский фактор, что означает окончательный выход из сферы влияния Хазарского каганата областей Таврики, которые постепенно включаются в состав фемы Херсон. Этот длительный процесс завершился к концу IX в. и впервые нашел отражение в Тактиконе Филофея (899). Сложный состав округа, включавший пять территориальных единиц, заставляет выделить столицу провинции в отдельное административное подразделение во главе с протевомом города.

Е. В. СТЕПАНОВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

СВЯЗИ СИЦИЛИИ И ХЕРСОНЕСА ПО ДАННЫМ СФРАГИСТИЧЕСКИХ И НУМИЗМАТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

История взаимоотношений таких «разнополюсных» регионов как Сицилия и византийская Таврика еще не становилась предметом исследований, и это не случайно, поскольку ни письменные источники, ни атрибуция археологических находок пока не дают для этого достаточных оснований.

Первым весомым доказательством существования таких связей стала публикация И. В. Соколовой о медных монетах Льва V и Константина сицилийского чекана (813–820), нередко обнаруживаемых при раскопках Херсонеса. Первоначально это обстоятельство связывалось исследовательницей с притоком в византийскую Таврику иконоборцев. Другая точка зрения была высказана А. Гийу, который считал, что открытие сицилийских монет в Херсонесе Таврическом является результатом обширной коммерческой деятельности купцов этого острова. Позже И. В. Соколова вновь вернулась к этому сюжету в связи с изданием ею печати Епифания, императорского протоспафария и стратига Сицилии, найденной во время раскопок в Херсонесе в 1905 г. Моливдовул датируется ею серединой – третьей четвертью IX в. Исследовательница отмечает, что «печать стратига этого острова вместе с монетами позволяет предположить, что какой-то контингент сицилийского войска пребывал в Херсонесе, так как вряд ли иные формы сношений могли связать столь отдаленные области».

Недавно стало известно о существовании еще двух печатей стратигів Сицилии, найденных в Херсонесе, которые хранятся в частной коллекции К. Д. Смычкова.

Первая печать принадлежит патрикию Прокопию, на ее лицевой стороне помещена крестообразная инвокативная монограмма и тетраграмма τῷ σῶι δοῦλῳ. Этот экземпляр по сфрагистическому типу и ряду эпиграфических особенностей датируется VIII в., хотя некоторые исследователи сужают хронологические рамки: Г. Закос и А. Веглери относят аналогичный экземпляр ко второй половине VIII в., К.Д. Смычков – к 40–60-м гг. VIII в.

На второй печати читается имя императорского протоспафария и стратига Сицилии Льва (имя восстанавливается благодаря другому, более полному экземпляру М-8262, хранящемуся в Эрмитаже). На л.с. моливдовула помещена сцена Благовещения. Эта печать – наиболее поздняя из всех известных на сегодняшний день печатей стратигів Сицилии и датируется концом X в. То есть тем временем, когда византийцы уже были вытеснены с острова, но у них оставались еще обширные владения в Южной Италии. Несмотря на потерю Сицилии, этот топоним продолжает фигурировать на печатях стратигів этой фемы в течение всего X в.

Таким образом, наука располагает целым рядом нумизматических и сфрагистических памятников, свидетельствующих о связях двух столь отдаленных друг от друга окраин Византийской империи – Сицилии и Херсонеса. Они датированы по-разному: VIII в., первой половиной IX в. серединой – третьей четвертью IX в., концом X в. Можно предположить, что эти контакты были устойчивыми и продолжительными. Однако уловить характер этих отношений очень сложно.

Практически ничего не добавляет и рассмотрение общей экономической и военно-политической ситуации VIII–X вв. Оба региона – и Сицилия, и Херсонес – оказались в это время в очень сложном положении. Сицилия находилась в состоянии постоянной военной опасности и почти ежегодно вынуждена была отражать набеги арабов, а с 827 г. начинается планомерный захват мусульманами территории острова. Херсонесу же в это время угрожают хазары, а затем венгры. Город оказывается отрезанным от своих сельских угодий. Недостаток продовольствия компенсируется поставками из фем Южного Причерноморья. По всей видимости, везти товары, с которыми в самой Сицилии также могли быть перебои, было слишком далеко и опасно. Вряд ли была возможна и военная помощь Сицилии Херсонесу, хотя такое предположение и высказывалось И.В. Соколовой, а вслед за ней и другими исследователями. Практика объединения сил для проведения военных операций была весьма распространена в Византии.

Но помощи именно от Сицилии ждать не приходилось, поскольку фе-ма обладала очень небольшим по численности военным контингентом. По подсчетам У. Тредголда он состоял из 2000 стратиотов, половина из которых находилась в Калабрии. Не располагала фема и значительным флотом. В преддверии крупных военных операций корабли строили в Константинополе и направляли их к берегам Сицилии вместе с отрядами столичного войска. Высылать какой-либо воинский контингент на помощь Херсонесу или держать его там постоянно Сицилия вряд ли могла. Вопрос о характере связей Сицилии с Херсонесом, таким образом, остается открытым. Однако, поскольку сфрагистические и нумизматические памятники существуют, исследование этой проблемы необходимо продолжить.

*Н.А. АЛЕКСЕЕНКО
СЕВАСТОПОЛЬ*

DEFENSOR CIVITATIS (ἑκδιχος) И ЕГО РОЛЬ В УПРАВЛЕНЧЕСКОМ АППАРАТЕ ХЕРСОНА

Для исследования любого византийского города, в особенности такого как Херсон, с его глубокими корнями античных традиций, вопрос об изучении городского устройства имеет одно из первостепенных значений. Прошедший стадии древнегреческого полиса и римского муниципия, в эпоху средневековья этот византийский центр, представлял собой особый тип поселения с присущим ему своеобразным административным устройством, в котором, так или иначе, сочетались византийская государственная власть и местные органы власти.

Представители византийской администрации Херсона (архонты, стратиги, коммеркиарии) хорошо известны и по письменным источникам, и особенно по памятникам сфрагистики. В тоже время источниковая лакуна и различные точки зрения в отношении представителей местных органов власти всегда вызывали споры исследователей. Значительное пополнение корпуса херсонских печатей за счет находки остатков городского архива наконец-то подтвердило существование в Херсоне должностных лиц, не входивших в состав византийской администрации. Их печати на наш взгляд как нельзя лучше отражают определенную специфику городских структур управления и их взаимоотношения с центральной администрацией.

Печати представителей местной власти составляют весьма немногочисленную компактную группу среди херсонских памятников сфрагистики. Тем не менее, они достаточно ярко иллюстрируют сохранение в городе традиционных институтов позднеимперской системы внутригородского управления несмотря на то что в Таврике тогда уже была образована фема.

С появлением печатей патера полиса Сергия и экдика Никифора, мы получили традиционный набор муниципальных должностей (ποτέρης τῆς

πόλεως, ἔκδικος и πρωτεύων), упоминаемых источниками для ранневизантийских провинциальных центров.

Одним из таких представителей является экдик Херсона, должностное лицо, ранее совершенно неизвестное для херсонской администрации.

Внешний вид печатей экдика полностью соответствует византийским стандартам. На лицевой стороне моливдовула изображение шестиконечного креста на ступенях. На оборотной стороне – надпись, указывающая имя, ранг, должность и место службы владельца.

Использованный на наших печатях шрифт очень близок шрифту моливдовула коммеркиария Сергия, который И.В. Соколова считает наиболее ранним из группы херсонских печатей с шестиконечным крестом. В связи с этим мы склонны отнести их к самому концу IX – началу X в., что вполне согласуется с датировками печатей стратигов и коммеркиариев Херсона с аналогичным сфрагистическим типом.

Должность экдика не известна в официальных Табелях о рангах византийских чиновников. Вместе с тем, она достаточно часто фигурирует в различных документах позднеримского и ранневизантийского периодов.

Как известно, ее корни уходят в позднеримскую систему организации городского управления, для которой экдик известен и как особое должностное церковное лицо (ἐκκλησιέκδικος), и как адвокат-дефенсор, защитник городских интересов (ἔκδικος τῶν πόλεων, *defensor civitatis*).

Наличие на печатях императорского кандидата Никифора имени города и придворного ранга, заставляет видеть в нашем владельце представителя гражданских, а не церковных властей.

Напомним, что согласно законодательству Юстиниана I к экдику перешли функции «quinquennalis» по контролю за сбором налогов и надзору за общественной нравственностью. Кроме того он являлся официальным представителем правителя провинции (области) в том или ином городе. В его ведении находились мелкие уголовные дела и гражданские иски до 300 aurei. Как правило, в гражданские экдики назначались светские люди, знакомые с законами и обыкновенно – лучшие и почетнейшие среди граждан своего города.

Повсеместное наступление имперских властей на муниципальные свободы с введением фемного управления привело к тому, что большинство провинциальных постов стало прерогативой центральной администрации. Так в городах итало-византийской зоны должность дефенсора исчезает уже к концу VII в.

Наличие этого должностного лица в Херсоне в период расцвета фемного строя, по всей видимости, связано с теми же преобразова-

ниями в городском хозяйстве, которые привели к реорганизации института архонтов. Как известно местный архонт был заменен присланным из столицы чиновником – стратигом, что, безусловно, в первую очередь свидетельствовало об упрочении центральной власти. В этой связи введение должности экдика-дефенсора или же наделение его соответствующими имперскими полномочиями в какой-то мере могло компенсировать утраченные городские свободы. Возрождение института кураторов города эпохи Юстиниана, поставившее во главе муниципальных властей патера полиса и экдика, видимо, было своеобразным компромиссом, при котором, несмотря на значительное усиление государственной власти, все-таки сохранялись определенные черты внутреннего муниципального управления городским хозяйством при полном контроле со стороны имперских властей.

Сохранение прежних традиций в возрожденном институте кураторов города, по всей видимости, следует усматривать и в ранге владельца наших печатей. Экдик Никифор имел чин императорского кандидата, что в полной мере соответствует требованиям избрания дефенсора из представителей служилой знати.

Отсутствие должности экдика в византийских табелях о рангах, видимо, является дополнительным свидетельством ее принадлежности исключительно к структурам провинциальных городских властей. О местном значении этого поста, очевидно, говорит и не очень высокий ранг владельца печатей. Однако, если сравнивать новые находки с другими херсонскими моливдовулами, то уровень служебного положения нашего экдика вполне согласуется с рангом одного из коммеркиариев, который в начале своей служебной карьеры также имел чин императорского кандидата.

Как известно император Лев VI (886–912) упразднил все муниципальные органы власти. Вместе с тем процесс ликвидации городского самоуправления по всей Византии затянулся надолго. И, по-видимому, Херсон в нем занимал особое место. Его переход в систему фемной организации около середины IX в., надо думать, не привел к полному исчезновению городской администрации, а лишь реорганизовал структуру управления, возродив (или же сохранив) институт кураторов города, тем самым наделив традиционно существовавших в Херсоне местных муниципалов «отцов города» полномочиями государственных чиновников. Отсюда, надо полагать, и появление их печатей.

И. ЙОРДАНОВ
ШУМЕН

ПЕЧАТИ НА ВИЗАНТИЙСКИТЕ ЕПАРХИИ ПО ЗАПАДНОТО ЧЕРНОМОРИЕ

Епархиите по Западното (българско) Черноморие през средните векове имат по-различна съдба от тези разположени във вътрешността, по няколко причини: повечето от тях имат статут на автокефални и това ги прави по-различни в църковната администрация и иерархия; твърде често те са спорни (буферни) зони между Византия и България и преминават в едната или другата държава.

В изследователски план също по една или друга причина те остават твърде често извън полезрението на изследователите, включително и когато се привличат данните на сфрагистиката.

Така например в българо-руския проект, който бе стартиран, но по всяка вероятност няма да бъде финализиран – «Църква и държава на Балканите през XI–XII в.», по традиция бе концентрирано вниманието върху архиепископия България.

Целта на настоящето изследване е да се документират и коментират всички сфрагистични паметници, които по един или друг начин са свързани със Западното (българско) Черноморие през IX–XII в.

Списъка на отделните катедри ще следва посоката Юг-Север, а имената на отделните титуляри, засвидетелствувани чрез печатите си, ще бъдат подредени хронологически:

Анхиало:

1. Теодор или Теодосий, архиепископ на Анхиало (XI в.)¹.

2–6. Никифор архиепископ и проедър на Анхиало (последната четвърт на XI в.)².

¹ L. LAURENT V. Le Corpus de sceaux de l'Empire byzantin. L'Église. T. V. Part. 1. P., 1963. № 854.

² JORDANOV I. Corpus of the Byzantine Seals from Bulgaria. The Byzantine Seals with Geographical Names. Sofia, 2003. Vol. 1. № 2.2.

7. Стефан архиепископ на Анхиало (XII в.)³.

Девелт:

8-9. Константин епископ на Девелт (XI в.)⁴.

Созопол:

10. Герман епископ на Созопол (X в.), според непубликуван печат, намерен при археологически разкопки в катедралния храм на Созопол, през 2003 г.

11. Йоан епископ на Созопол (XI в.)⁵.

12. Теодор епископ на Созопол (XI в.)⁶.

13. Стефан епископ на Созопол (XI в.)⁷.

14. Матей епископ на Созопол (XI–XII в.)⁸.

Месемврия:

15. Христофор епископ на Месемврия (IX в.), според непубликуван печат от колекцията на Ермитажа (М-8134).

16. Давид архиепископ на Месемврия (IX в.)⁹.

17. Константин архиепископ на Месемврия, XI в., според непубликуван печат от частна колекция в България.

18-22. Иларион архиепископ на Месемврия (XI в.)¹⁰.

23. Михаил архиепископ на Месемврия (XI в.)¹¹.

Томи:

24. Аникетос митрополит на Томи (XI в.)¹².

25. Васил митрополит на Томи (XI в.)¹³.

³ JORDANOV I. Corpus of the Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 1. № 2.3.

⁴ LAURENT V. Le Corpus de sceaux... T. V. Part. 1. № 723; ЙОРДАНОВ И. Печати на комеркиарията Девелт. Addenda et Corrigenda // Нумизматични и сфрагистични приноси към историята на Западното Черноморие. Варна, 2004. С. 235, II.

⁵ SCHLUMBERGER G. Sigillographie de l'Empire byzantin. P., 1884. P. 117; ЛИХАЧЕВ Н.П. Историческое значение итало-греческой иконописи; изображения Богородицы в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон, СПб., 1911. С. 77. Фиг. 163; LAURENT V. Le Corpus de sceaux... T. V. Part. 1. № 720.

⁶ Ibid., № 721; Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art / Ed. by J. NESBITT, N. OIKONOMIDES. Washington, D.C., 1991. Vol. 1. № 79.3.

⁷ Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks... Vol. 1. № 79.2.

⁸ LAURENT V. Le Corpus de sceaux... T. V. Part. 1. № 723.

⁹ Ibid., № 857.

¹⁰ JORDANOV I. Corpus of the Byzantine Seals from Bulgaria. Vol. 1. № 47.7.

¹¹ Ibid., № 47.8.

¹² Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks... Vol. 1. № 80.1.

¹³ Ibid., № 80.2.

В.П. СТЕПАНЕНКО
ЕКАТЕРИНБУРГ

ОБРАЗЫ СВЯТЫХ НА ПЕЧАТЯХ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЭЛИТЫ XI–XII ВВ.
(ЗАКОНОМЕРНОСТИ И СЛУЧАЙНОСТИ)

Попытки выявить какую-либо закономерность в использовании образа святых, библейских сцен или иных религиозных сюжетов в византийской сфрагистике предпринимались неоднократно. Репертуар образов святых на византийских печатях был в известной степени традиционен. Можно выделить довольно узкую группу святителей, изображения которых численно превосходят изображения всех остальных святых на печатях иерархов византийской церкви. Прежде всего, это образы Богоматери, св. Николая, архангела Михаила в его придворной (лоратной) и военной ипостасях, св. Георгия, Димитрия, св. Феодора Стратилата.

Сложность проблемы заключается в том, что сколь-нибудь четкой тенденции в использовании того или иного образа на печатях представителей правящей верхушки Византии зачастую не удастся проследить. Одной из причин этого является отсутствие репрезентативной выборки серий печатей представителей одной фамилии и ее отдельных представителей, на основе которой можно было бы выявить закономерность в использовании образов. По видимому сама тенденция для данного периода была относительно смутной и четко не сформированной.

Конечно же, временами на л.с. печати изображался образ святого, соименного заказчику. Вероятно и появление на печати образа святого, коим-то образом связанного с профессиональной деятельностью ее обладателя. Так, на печатях врачей, как показала В.С. Шандровская, логично появление образов св. целителей – Пантелеймона, Козьмы и Да-

миана¹. На печатях военных – свв. воинов Георгия, Димитрия, Феодора Стратилата или Феодора Тирона.

Так, на печатях будущего императора Никифора III Вотаниата, отражающих этапы его карьеры, традиционно помещается образ его патрона св. Феодора², на печатях будущего императора Исаака Комнина и его брата Иоанна – св. Георгия³. К сожалению, отсутствие подборки печатей, отражающих *cursus honorum* ранних Комнинов, не дает возможности определить был ли Георгий покровителем рода, или же он освящал профессиональную деятельность братьев-полководцев. Но показательно, что, судя по данным сфрагистики, святыми покровителями сыновей Иоанна были: св. Димитрий Солунский – Алексея, будущего императора⁴, св. Феодор – Исаака, и св. Георгий – Адриана. Образ последнего сохраняется на печатях внука Алексея I, сына Иоанна II Алексея. Зять Алексея I Никифор Мелиссин искал покровительства Богоматери. На его ранних печатях (стратиг Триадицы) помещен образ Одигитрии, позже уступивший место Никопее⁵. Показательно, что Никопея помещена на печатях его супруги Евдокии Комниной⁶.

Более или менее по данным сфрагистики известен *cursus honorum* Михаила Маврика⁷. Здесь мы сталкиваемся со сменой образа покровителя собственника печати. На ранней стадии карьеры (остиарий) это был св. Михаил, соименный заказчику. Позже его сменяет св. Георгий; это было связано, по видимому, с переходом Маврика на военную службу, которую он завершил на посту дуки Антиохии. Иной была эволюция образов на печатях известного полководца Романа Склира. На его ранних печатях (стратиг Самоса, стратиг Антиохии) помещено изображение св. Георгия. Но после получения им поста стратопедарха Востока и доместика схол Востока он избирает в качестве покровителя Михаила Архенгела⁸. На ранней печати известного военного деятеля второй половины XI в. Василия Апухапа помещен тот же образ, но на всех

¹ ШАНДРОВСКАЯ В.С. Печати с изображениями анагриров // Пилигримы. СПб., 2001. С. 69-78.

² ZACOS G., VEGLER A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. T. I. Part. 1-3. №№ 2687-2691.

³ Ibid., №№ 2701-2702.

⁴ Ibid., №№ 2703-2707.

⁵ Ibid., №№ 2697-2699.

⁶ Ibid., №№ 2700.

⁷ См.: SEIBT W. Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. 1. Teil: Kaiserhof. Wien, 1978. № 58.

⁸ SEIBT W. Die Skleroi. Eine prosopographisch-sigillographische Studie. Wien, 1976. № 18.

более поздних печатях фигурирует соименный их собственнику св. Василий Великий⁹. В этой связи вызывает сомнение принадлежность ему печати некоего Апухапа, стратига Эдессы (Василий также занимал этот пост) с образом Богоматери на л.с. Вероятно, она могла принадлежать отцу Василия, получившего эту должность от Романа III Аргира в начале 30-х гг. XI в.

В ряде случаев выбор образа святого покровителя, по-видимому, был произволен. Так, на печати дуки Эдессы в 60–70-х гг. XI в. Льва Арвентина изображен св. Марк, а на печати императорского протоспафария Хрисотриклия, великого хартулария геникона, Крита, Эллады и Пелопоннеса Василия – св. Николай Мирликийский¹⁰. Если на печатях известного военачальника Аарона Болгарина, сына последнего болгарского царя Ивана Владислава, последовательно изображался св. Феодор¹¹, то на печатях его родственника Самуила Алусиана – Иоанн Предтеча, св. Феодор Тирон, Богоматерь на престоле¹².

В целом можно заключить, что определенные тенденции в использовании того или иного образа в византийской сфрагистике можно проследить. Но более или менее полно выявить их возможно лишь на основе реконструкции *cursus* *hologum* собственников печатей, а также сопоставления групп печатей ряда собственников, живших в одно и то же время. Тогда, возможно, станет более понятно, почему некто Василиаки в 70–80-е гг. XI в. поместил на своих печатях образ Богоматери Никоппеи, пик популярности коего, как кажется, пришелся на 40–50-е гг. этого столетия.

⁹ GRUNBART M. Die Familie des Apokapes in Liche neuer Quellen // SBS. 1998. Vol. 5. S. 29-41.

¹⁰ Sceaux byzantin de la collection Henri Seyrig. Catalogue raisonné J.-CL. CHEYNET, C. MORRISON, W. SEIBT. P., 1991. №№ 177-178.

¹¹ ЙОРДАНОВ И. Печати на потомците на цар Иван Владислав (1016–1918) във Византия // Археология. 1996. № 4. С. 13-17.

¹² Там же. С. 10-12.

В.С. ШАНДРОВСКАЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РОДА КУРТИКИЕВ В ВИЗАНТИИ

Куртикии – одна из семей армянского происхождения, просопография которой была собрана А.П. Каждном в его работе «Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв.». При всей полноте представленного автором в 1975 г. списка членов этого рода, естественно, что вне его остался ряд лиц, известных лишь по данным сигиллографии.

Куртикии появились в Византии в правление императора Василия I (867–886). Впервые они упоминаются в «Хронографии» Продолжателя Феофана. Кроме не названных по именам известны Мануил, патрикий и друнгарий виглы, Михаил, наварх Атталии и участник мятежа Варды Склира.

Значительную роль в политической и военной истории Византии Куртикии продолжали играть и позже. Об этом свидетельствует деятельность Михаила, протоспафария и стратига, Аэтия, вестарха и доместика, Иоанна Куртикия, спафарокандидата, известных по данным сигиллографии.

По «Историческим запискам» Никифора Вриенния и «Алексиаде» Анны Комниной известен Константин Куртикий (Иоаннаки), полководец Алексея Комнина. Наряду с нарративными источниками, информацию о нем дают и печати. Известно также и несколько Константинов Куртикиев – зять Алексея I и его омонимы – заказчики печатей: патрикий и стратиг; протоспафарий, ипат и таксиарх; севаст и переводчик. Концом XII – началом XIII в. датируется деятельность Николая Куртикия, протопроедра и Николая Куртикия, кастрофилакса. Интересны печати и женщин из рода Куртикиев, как, например, Анны Дукены Куртикены, монахини.

Данные нарративных и сигиллографических источников дают представление об отдельных представителях рода Куртикиев. Родственные связи с Комнинами, Дуками, позже с Палеологами свидетельствуют о принадлежности Куртикиев к византийской элите IX–XII вв.

Н. КЪНЕВ

ШУМЕН

ВИЗАНТИЙСКАТА ТИТЛА НОВЕЛИСИМ ПРЕЗ ВТОРАТА ПОЛОВИНА НА VIII – XII ВЕК. ПРИНОСЪТ НА СФРАГИСТИКАТА

Трудно бихме могли да си представим просъществувалата повече от хилядолетие византийска империя без нейната рангова йерархия. Още от най-ранния период на съществуването на Византия, йерархията ѝ е добре развита и детайлно систематизирана с оглед точното определяне на мястото на членовете на административния апарат и на императорския двор. В идеологически план положението на всеки един представител на византийския елит в социалната пирамида се определя не толкова от неговото място в имперската гражданска или военна администрация, от богатството или влиянието му, а именно от ранговият титул, който носи.

В ранговата йерархия от докомниновата епоха титлата на новелисима е една от най-високите. Тя е на трето място в социалната стълбца на Византия и над нея са само тези на василевса и на кесаря. Тези титли, заедно с достойнството на куропалата, формират най-висшия, «императорски» клас във византийската йерархия почти до края на XI в. Самите титли кесар и новелисим по своето произхождение са свързани с императорската. Това намира отражение както в облеклото на новелисима, така и в церемонията на промоцията му.

За мястото и значението на титула новелисим, наред с хрониките, историите и документите от официален и частен характер от тази епоха, през по-голямата част от разглеждания период може да се съди най-вече от ранговите таблици – тактики, които играят ролята на дворцови представителни листи. През IX и X в. са известни четири, познати като *Тактика на Успенски*, *Клеторологион на Филотей*, *Тактика на Бенешевич* и *Ескуриалска тактика* (или *Тактика на Икономидис*). Важен извор са произведенията на император Константин VII Багренородни и най-вече *De Cerimoniis*. Пълноценен източник са и намерените печати, чиито собственици са имали високия византийски титул.

Произходът на ранговия титул на новелисима се корени още във времето на Римската империя. През втората половина на VIII в., след като дълго време се е намирала в относително «затъмнение», титлата новели-

сим отново заема с пълен блясък мястото си на висше рангово отличие на членове на императорското семейство. Трима от шестте сина на Константин V Копроним (741–775) са новелисими и вероятно именно тогава във Византия се утвърждава окончателно нагласата, че това е титла, запазена за младшите синове на василевса, респективно за по-малките му братя. До края на управлението си Константин V издига като новелисими синовете си Никита и Антимий, а най-малкият – Евдоким, също е удостоен с титула новелисим, но от своя брат – император Лъв IV (775–780).

През IX и X в. не са известни носители на титлата. В същото време достойнството на новелисима присъства неизменно и в тактиките от епохата и в *De Cerimoniis* на Константин VII Порфирогенет, като запазва своето почетно място непосредствено след василевса и кесаря. Най-вероятно отсъствието на данни за новелисими се корени във факта, че такива просто няма. Доколкото през IX и X в. титулът на новелисима е свързан с по-малките синове и братя на императора, през този период няма много възможности за промоция на новелисим, тъй като в общия случай до началото на XI в. те имат статута на съимператори.

Теоретично би могло да се допусне, че е възможно да е имало помлади императорски синове или братя, удостоени с ранга на новелисим или че някои от микровасилевсите преди това са носили въпросната титла. Против подобно допускане има поне три довода. На първо място – пълното мълчание на изворите. На второ – в болшинството от «възможните» случаи «кандидатите» са още деца и ако във Византия е нормално за съимператори да бъдат обявявани малолетни и дори невръстни синове на управляващия василевс, то не така стои въпросът с останалите нива на ранговата йерархия, които не могат да се заемат от деца. На трето място, ако се следва модела от втората половина на VIII в., наличието на императорски син или брат – новелисим предполага и такъв като кесар, а през IX и X в. подобно положение също не е засвидетелствано в изворите.

Появата на новелисим през XI в. е свързана с управлението на Михаил V Калафат (1041–1042 г.), който дава титлата на вуйчо си Константин. Фактът е знаменателен не само защото за пръв път от две столетия и половина има сигурни сведения за новелисим. Налице е категорично скъсване с утвърдения дотогава модел титлата да бъде запазена само за по-млади императорски синове или братя. Даването на третата по ранг висша титла на евнух е безпрецедентно и представлява сериозен удар върху принципите на византийската рангова йерархия. Погазени са поне две от основните й положения, а именно – на стриктното разделение между ранговите отличия на «брататите» и на евнусите и на недопускането на скопци до титлите от най-висшия, така да се каже «императорски» клас на йерархията.

От времето на династията Дука титлата е достъпна за лица, нямащи родствени връзки с императорската фамилия. Това поставя основите на процеса на постепенното й девалвиране, което се забелязва отчетливо при

управлението на Никифор III Вотаниат и особено при Алексий I Комнин. След 60-те г. на XI в. с титлата са удостоявани и владетели на земи, които традиционно са в обсега на политическите и териториални интереси на империята – например Филарет Врахамий, Гаврил Мелитенски, Чака Смирненски или някои представители на грузинския владетелски дом.

Формата протоновелисим се появява през последната трета на XI в. и според Н. Икономидис не може да се разглежда като нова по-висока титла. Префиксът прото- пред новелисим означавал, че носителят на достойнството е пръв сред останалите новелисими, тъй като сановниците от съответното ниво на ранговата йерархия се увеличават от времето на Константин X Дука насетне.

Мнението, че удостоеният с титлата протоновелисим не е от по-висш ранг спрямо новелисимите и трябва да се разглежда като пръв новелисим, може да бъде прието само за периода до Алексий I Комнин. По време на неговото управление византийската рангова йерархия се реформира значително. Появяват се редица нови титли, които стоят по-високо от тази на новелисима, а новосъздаденото достойнство на севастократора дори измества кесарското от мястото непосредствено след василевса. През последните две десетилетия на XI в. Алексий I издига немалко новелисими и протоновелисими, а броят на последните често превишава този на новелисимите. На Влахернския синод през 1094 г. има шест протоновелисими и само двама новелисими. Дори до 80-те г. на XI в. протоновелисимът да е пръв измежду новелисимите, от времето на Алексий I на него следва да се гледа като на самостоятелен ранг, който стои една степен по-високо от новелисима.

От края на XI в. титлите протоновелисим и новелисим окончателно девалвират. При Комнините и Ангелите с тях не се удостояват роднини на василевса, а само императорски служители и представители на провинциалната аристокрация.

Разгледан е приносът на сфрагистиката в осветляването на мястото на титлата новелисим и производните ѝ в ранговата йерархия, в датирането на развитието им през XI и XII в. и най-вече в разкриването на лицата, носили въпросните достойнства. Съпоставката между длъжностите, изписани върху печатите, показва, че ако през XI в. носителите на тези титли заемат високи военни и административни постове, то през XII в. вече става въпрос за сановници от среден ранг.

През XII в. разположението в ранговата йерархия на Византия на титлата новелисим и останалите производни на нея е в диапазона, намиращ се под достойнството на севаста и над това на протокурупалата и в низходящ порядък е следното: протоновелисимоипертат, новелисимоипертат, протоновелисим и новелисим. След края на XII в. не са известни моливдовули на носители на тези титли и при Ласкаридите и Палеолозите те не съществуват.

А.С. МОХОВ
ЕКАТЕРИНБУРГ

ВАРЯГО-РУССКИЕ И БОЛГАРСКИЕ КОНТИНГЕНТЫ ВИЗАНТИЙСКИХ ВОЙСК В ЮЖНОЙ ИТАЛИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XI В.

В первой половине XI в. Византия вынуждена была вести в Южной Италии непрерывные военные действия. Противниками империи в этих многочисленных войнах выступают норманны, сицилийские и северо-африканские арабы. Кроме того, против византийского господства неоднократно вспыхивали восстания местной аристократии.

Военных сил катепаната Италия (местных контингентов) для успешной защиты интересов империи было недостаточно. Поэтому в данный регион постоянно перебрасывались войска из других провинций Византии, а также отряды наемников и регулярные тагмы армий Запада и Востока.

Рассмотрев состав вооруженных формирований, направленных в Южную Италию, можно констатировать следующее:

1) Среди войск, отправленных на южноитальянский театр военных действий преобладают регулярные и наемные.

2) Среди наемных контингентов, в свою очередь, подавляющее большинство составляли варяго-русские.

3) Варяго-русские отряды, небольшие по численности, но достаточно маневренные и боеспособные, использовались как в проведении наступательных операций, так и для обороны многочисленных южно-итальянских крепостей.

4) В 1018–1037 гг., во время самых широкомасштабных операций византийцев в регионе, источники упоминают также болгарские контингенты. Однако их присутствие было эпизодическим и после завершения военной кампании они, скорее всего, возвращались на территорию балканских фем Византии.

М.А. КУРЫШЕВА

МОСКВА

ВИЗАНТИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ X–XI ВВ. ГОРОДА И ПОСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ ИТАЛИИ

Средневековая история южно-итальянского региона всегда привлекала внимание исследователей, представляя исключительный интерес как зона междоцивилизационных контактов. В период средневековья в Южной Италии взаимодействовали друг с другом различные цивилизации: восходящая к античности романская, латинизированная «варварская» (позднелангобардская), арабо-мусульманская, греко-византийская и норманнская. В сообщении будет предпринята попытка показать как проблемы этнической истории этой византийской провинции были связаны с жизнью городских центров региона.

Многие древние города в Южной Италии исчезли во время кризиса VI–VII вв. Но византийская императорская власть должна была осуществлять контроль над территорией (особенно в период последующего демографического роста), и поэтому с 999 г. и по 1054 г. интенсивно строились города. Можно выделить три кампании по сооружению городов (по исследованиям и археологическим изысканиям Ж.-М. Мартена и Г. Нойе): первая – с конца IX в. в Калабрии и Пулии; вторая волна строительства хронологически соответствует, очевидно, созданию катепаната Италия (основываются города в Лукании и Пулии); наконец, в 1010–1020 гг. строятся города Капитанаты, которые отныне составляют двойную линию укреплений на границе с княжеством Беневент (Чивитате, Драгонара, Фиорентино, Монтекорвино, Виккари, Тертивери, Троя, Чистема, Мельфи, Раполла) и Калабрии (Оппидо и Катанзаро). Структура поселения, созданная в византийской Италии, довольно четко отличается от западных политических областей. Вероятно, это связано с природой политической власти на этих столь разных территориях.

В XI–XII в. этот регион не знал городов в полном смысле этого слова, то есть городской среды, психологически независимой от сельской округи. В сельском населении итальянского Юга, после завоевания IX в. наблюдается демографический рост: в X–XI вв. появляются многочисленные *χῶρα* (*loci* по латыни) в греческой южной Калабрии и в латинской центральной Пулии. Однако, византийское господство пало, прежде чем наиболее отсталые зоны были перенаселены. Таковы-ми они станут уже при норманнах.

В наиболее уязвимых для мусульманских рейдов участках, на возвышенностях близ тарентийского залива и в Капитанате, появляются укрепленные деревенские жилища, на латыни называемые *castra* или *castella*, а на греческом – *καστέλλια*. Но, согласно сохранившимся источникам и археологическим данным, эти укрепления сводятся, как правило, к башне (*πύργος*) и, таким образом, распространенное в западных зонах окруженное укреплениями селение практически отсутствует в византийской Италии.

Отмечу, что упомянутые две области византийской Италии в X–XI вв. – южная Калабрия вокруг Реджо и центральная Пулия вокруг Бари (сюда можно добавить еще и южную часть Пулии, история которой крайне скудно документирована) – имеют глубокие различия.

Так, из двух итальянских фем именно Лангобардия (по-гречески – Лонгивардия) наиболее близка к Балканам и к Византии. Именно она поддерживает с Константинополем устойчивые и тесные связи. Калабрия, несомненно, более далеко расположенная, помимо центральных областей Империи, имеет еще отношения с мусульманами Сицилии, осуществлявшими захватнические рейды на континентальные районы с целью грабежа и захвата рабов. На протяжении X в. несколько калабрийских городов прямо связаны с завоевателями и выплачивают им дань.

Второй элемент коренного различия византийских областей Юга Италии состоит в следующем: несмотря на постоянные набеги арабов, южная Калабрия практически непрерывно оставалась в составе Империи от завоевания Юстиниана I и до XI в. Территория Пулии же, напротив, временно переходила к лангобардам: север в VI в., юг – во второй половине VII в. (только Галлиполи и, кроме нескольких лет, Отранто оставались включенными в Византийскую империю). При этом чрезвычайно значим еще один фактор – этнический, то есть лингвистическая, религиозная и юридическая составляющие, которые в рассматриваемом регионе особенно ярко проявляются в церковной сфере. Это представляется тем более важным, что церкви Южной Италии можно рассматривать в числе наиболее крупных землевладельцев региона.

Л.Т. АВИЛУШКИНА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

АПОКРИФИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ О ЛОТЕ В «ХРОНИКЕ» МИХАИЛА ГЛИКИ И В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ¹

«Хроника» Михаила Глики, византийского писателя, поэта и теолога, была создана во второй половине XII в. Она состоит из четырех частей: в первой описаны шесть дней Творения мира и изложены богословские темы с обширными толкованиями автора; вторая в основном посвящена ветхозаветной истории; третья охватывает период от Цезаря до Константина Великого; четвертая – историю византийской империи до 1118 г. Текст «Хроники» Глики до сих пор не имеет критического издания и не переводился на современные языки. Впервые в 1894 г. К. Крумбахер, в работе, посвященной биографии и творчеству Михаила Глики, отметил, что всемирная хроника Глики по своему содержанию заметно отличается от подобных сочинений других византийских хронистов, а также выделил ее основные характерные особенности. Монография греческой исследовательницы С. Мавромати-Катсуйаннопулу «Хронография Михаила Глики и ее источники (период 100 г. до н.э. – 1118 г. н.э.)», вышедшая в 1984 г., была посвящена изучению третьей и четвертой частей. Источники второй части «Хроники» еще не изучены. По моим наблюдениям можно сделать предварительные выводы об источниках, использованных автором в этом разделе. При изложении ветхозаветной истории Глика опирался на тексты хроники Георгия Амартола, «Иудейские древности» Иосифа Флавия, книги Ветхого Завета. Вероятно, он также использовал упоминаемые им сочинения Иоанна Златоуста, Епифания Кипрского, Афанасия Александрийского, Кирилла Александрийского и другие источники, в том числе апокрифы. Визан-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 04-01-00512а.

тийские хронисты любили включать в свои произведения апокрифические сказания. В этом отношении особенно интересны хроники Георгия Синкелла, Георгия Кедрина и Михаила Глики.

Ветхозаветная история излагается в «Хронике» Глики полнее, чем у предшествующих хронистов. Некоторые сюжеты библейской истории излагаются в ней более подробно (потоп, вавилонская башня, 10 казней египетских, истории Авраама, Лота, Моисея и др.). Особый интерес представляет рассказ о Лоте и трех головнях, так как он дополняет сказания о крестном древе новыми подробностями. Ф. Лаббе, первый издатель греческого текста «Хроники» Михаила Глики нашел его в одной Кларомонтанской рукописи (шифр не указан)². Фрагмент из Кларомонтанского кодекса начинается библейским рассказом о Содоме и Гоморре, о жене Лота и о его грехе с дочерьми, а далее сообщается следующее: «Когда Авраам узнал о падении его с дочерьми, то глубоко пораженный этим падением, он послал Лота к реке Нилу, как будто для того, чтобы он принес оттуда 3 головни, а на самом деле для того, чтобы он был съеден зверями, которые стерегли дерево, и таким образом своей смертью заплатит (искупит) свой грех. Но, по воле Бога, Лот быстро сходил и принес 3 головни от кипариса, кедра и певга (сосны). Удивился Авраам, когда увидел Лота спасшимся от зверей и воздал хвалу (славу) Богу. Они взошли на гору с головнями, где Авраам посадил их, расположив таким образом, что они составили форму треугольника. Он велел Лоту каждый день ходить за водой на Иордан и поливать их, а гора отстояла от Иордана на 24 мили. Через 3 месяца сухие поленья начали расти. И придя к Аврааму, Лот сказал об этом. Они пошли смотреть и нашли, что 3 головни срослись в одно дерево, только корни остались, как и были посажены, разделенными. Увидев, что произошло с сухими деревьями, Авраам поклонился Господу и сказал: «это дерево станет упразднением греха». Дерево выросло большое и сохранялось до царствования Соломона. Авраам понял, что грех Лота прощен. Когда же строили иерусалимский храм, вместе с другими деревьями было срублено и это дерево, но по воле Божьей, не было употреблено на постройку, а сохранялось в храме. И когда Христос Бог наш благоволил пострадать, то на нем был распят иудеями». Текст этого рассказа И. Фабриций включил в свой сборник «Апокрифы Ветхого завета», так как его греческая версия сохранилась только в «Хронике» Глики.

Интересно отметить, что эпизод о Лоте и трех головнях был хорошо знаком древнерусским книжникам и имел широкое распространение в древнерусской литературе. Изложение этого сюжета, наиболее близ-

² Michael Glycas / Ed. Ph. LABBEUS. Parisiis, 1660. P. 358.

кое к греческому тексту Глики, находится в Палее исторической, изданной А. Поповым. Древнерусские книжники включали его в сказания о крестом древе в разных видах. В сказании, приписываемом Севариану Гавальскому, изданном И.Я. Порфирьевым по рукописи Соловецкой библиотеки, рассказ о Лоте и трех головнях изложен почти полностью в соответствии с греческим текстом, за исключением некоторых незначительных подробностей. Более краткий его вариант приводится в сказании Григория Богослова, изданном там же.

Таким образом, древние русские книжники могли узнать содержание сказания о Лоте и трех головнях непосредственно из «Хроники» Михаила Глики. Возможно также, что существовал не сохранившийся до нашего времени греческий текст легенды о Лоте, который мог быть источником для Глики и древнерусских книжников.

Ф.С. ГОРОХОВ
ЕКАТЕРИНБУРГ

К ВОПРОСУ О ПРОИБЕЛЕНСКОЙ ПОЗИЦИИ ЭРНУЛЯ

1. Хроника Эрнуля, согласно её первой фразе, посвящена истории потери Иерусалима. Действительно, описание событий 1187 г., насколько сегодня можно судить, составляло основное её содержание. Решение исторической наукой ряда проблем, связанных с внутрисполитической борьбой в королевстве накануне и во время его гибели, не может считаться удовлетворительным без привлечения этого текста, являющегося основным, а в ряде случаев единственным источником информации.

2. Указывая на важность этой хроники, следует отметить и проблему источниковедческого характера, затрудняющую её использование. Вариант текста, лучше сохранивший оригинал, является не только относительно поздним, но и созданным довольно искусным компилятором (например, не ясно, в какой мере пересказы сюжетов, основанные на появившемся уже французском варианте Библии, принадлежат Эрнулю или компилятору второй половины XIII в.). С другой стороны, разыскивая и находя явные интерполяции компилятора, можно приблизиться к оригинальному тексту хроники.

3. Возникающая на следующем этапе изучения проблема обусловленности оценочных суждений автора вызывает, в том числе, вопрос о «партийности» (в контексте реалий конца XII в.) Эрнуля. Самоидентификация автора на уровне текста хроники как человека Балиана д'Ибелена – одного из важнейших баронов королевства, заставляет нас пытаться точнее определить как общий характер расположения материала, в том или ином случае маркирующий политические предпочтения или претензии автора, так и конкретные способы выражения предполагаемого особого положения Ибеленов.

4. Рассматривая текст в целом (как сложную компиляцию, где оригинал Эрнуля хотя и является интегральной частью, но одновременно

и частично утерян), легко находятся подтверждения уже высказанной автором мысли, касающейся общей направленности хроники на апологетику иерусалимского короля. Это особенно заметно в случае короля Амори с одной стороны (вероятно, воспроизводящему особым образом модель Гийома Тирского) и Жана де Бриенна с другой (представленного нам первым и вторым продолжателями Эрнуля, причем, как это не парадоксально, обоими мог быть и сам Эрнуль). Противоположная ситуация с Ги де Лузиньяном, чья пассивность и неверные действия специально подчеркиваются на разных уровнях текста. Даже если отказаться от рассмотрения текста во всем объеме и обратиться к дошедшему варианту второй части хроники Эрнуля за 1184–1197 гг., указанное соотношение, со всеми контрастами, сохранится для последовательности Бодуэн IV – Ги де Лузиньян – Анри Шампанский. Следовательно, с одной стороны, подтверждается существование общей направленности текста в рассматриваемом политическом аспекте (термин «концепция» здесь вряд ли употребим), а с другой – выявляется особый смысл фигуры короля Ги, искусственно (хотя и в чем-то искусно) создаваемой средствами хронистики.

5. По нашему мнению, поскольку основным содержанием хроники Эрнуля является рассказ о гибели Первого Иерусалимского королевства при общей апологетике личности короля, создание образа некоего «негативного» или «отрицательного» монарха для помещения его в ряды причин падения королевства является необходимым шагом светского хрониста. Однако, возникновение такого разрыва в сакрализованной цепочке королевской власти (от Годфруа Бульонского) и специфической иерусалимской государственности противоречило общей направленности текста, рассмотренной выше (это могло быть как открытое концептуальное противоречие, так и некий неосознаваемый и непроговариваемый диссонанс). Удачной попыткой решения этого противоречия, нивелирования его стало, как нам кажется, внедрение (тоже, возможно, неосознанное) некоей параллели, удерживающей и соединяющей упомянутую цепочку. Действительно, умирающий Бодуэн Прокляженный делает регентом при Бодуэне Дитяти Раймунда Триполитского, подробнейшее описание чего дается Эрнулем. С другой стороны, при восстановлении королевства в 1192 г., Анри Шампанский становится преемником не Ги и даже не Конрада Монферратского, женившись на многострадальной Изабелле, а короля Ричарда, делегировавшего ему фактическую власть.

6. Однако, в самый трагический момент преемственность власти все же была разорвана. Между Хаттином и последовавшим пленением Ги, отступлением Раймунда в Триполи и его смертью там с одной сто-

роны, и освобождением Ги, началом осады Акры и прибытием ополчений Третьего крестового похода с другой, находится период падения королевства, захвата практически всех городов и крепостей, осады и сдачи Иерусалима. Здесь хронист мог все же допустить разрыв, например, для создания особого эмоционального настроения. Но рассматриваемый нами текст не создан в жанре «плача о погибели» в чистом виде, хотя и может носить такое название. Поэтому требуемый образ лидера оказался создан. Поскольку единственным крупным опорным пунктом королевства, не павшим перед Саладином, был Тир, мы вправе ожидать, что лидером после Раймунда станет Конрад Монферратский, отстоявший город. Действительно, Конрад показан типологически сходным образом и занимает промежуток между Раймундом и Ричардом или даже Анри Шампанским, одновременно противостоя «неправильному» королю Ги де Лузиньяну. Но решение хрониста оказалось сложнее. Одновременно с Конрадом лидером становится Балиан д'Ибелен, предполагаемый сеньор Эрнуля.

7. Анализ содержания хроники позволяет говорить о крайне активной роли баронов королевства в повествовании (что соответствует их активной роли в реальности). Плевен де Ботрон, Рено де Нефен, Рено Сидонский (де Сайет), Гуго, Гийом и Рауль Тивериадские, Онфруа де Торон, не говоря уж о Рено де Шатийоне и Жослене де Куртене, действуют на протяжении всего повествования; фиксируется даже не очень значительная информация о семье де Жибле (одно из объяснений – принадлежность к этому роду самого Эрнуля), но уникальное место Ибеленов, в лице Балиана, его брата Бодуэна Рамльского и их детей не вызывает сомнений. Еще описывая особую роль Бодуэна на коронации Бодуэна V, затем выполнение им посольских поручений, участие в битве при Хаттине (одно из мест, указывающее на то, что Эрнуль был очевидцем событий) и, главное, ведение переговоров с Саладином о сдаче Иерусалима, хронист выделяет Ибеленов как на лексическом, так и на семантическом уровне повествования. Даже для части хроники 1184-1197 гг. члены семьи упоминаются около трех десятков раз, что намного превышает число упоминаний практически всех других баронов и приближает к основным персонажам – королям.

8. Таким образом, хотя перед нами и адаптированный текст Эрнуля, некий тренд в политическом аспекте сознания хрониста улавливается достаточно отчетливо – он направлен на создание связной истории королевской власти. Заочно предполагаемое (из-за особенностей авторства) специфическое отношение к Ибеленам не только находит подтверждение в экстраординарном внимании к этому роду, но и включает их, в отличие от иных баронов, в общеполитическую модель.

А.В. КЛИМЕНСКИХ
ЕКАТЕРИНБУРГ

К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВИЯХ БОЛГАРО-ВИЗАНТИЙСКОГО ДОГОВОРА КОНЦА 1201 Г.

В 1197 г. правителем Болгарии стал Калоян, младший брат основателей Второго Болгарского царства Петра и Ивана Асеня. Константинополь в это время пытался противопоставить Асеням независимых правителей, чьи владения не вошли в состав Второго Болгарского царства, – Иванко в Филиппополе и Добромира Хриза в Струмице. Борьба за влияние на них стала приоритетной в византийско-болгарских отношениях 1198–1202 гг.

Договор Византии и Болгарии конца 1201 г. является последним известным нам союзом Константинополя и Тырново до захвата столицы империи крестоносцами. Именно после его заключения начались активные переговоры Калояна с римским папой Иннокентием III, вылившиеся в унию болгарской церкви и папства.

Информация о данном договоре почти не сохранилась. Упоминания о нем мы находим в «Истории» Никиты Хониата, а также в двух речах, посвященных византийскому императору Алексею III – того же Никиты Хониата и Никифора Хрисоверга. Но если первый только констатирует существование договора, то второй приводит некоторые его условия. К тому же, речь Хрисоверга датируется 10 января 1202 г., что можно принять за *terminus ante quem* заключения договора.

Итак, к осени 1201 г. сложилась следующая ситуация. Калоян захватил важные в стратегическом отношении Констанцию и Варну. Добромир Хриз вместе со своим зятем Мануилом Камизой (этот богатейший византийский аристократ, родственник императора был пленен в 1199 г. болгарами, а затем выкуплен Хризом) захватил большую часть Македонии и Фессалии. В Смолене поднял антивизантийский мятеж

Иоанн Спиридонаки. Скорее всего, все эти акции были согласованы между собой.

В начале осени 1201 г. Константинополю удалось заключить союз с Хризом и подавить мятеж Спиридонаки (как говорит Никита Хонитат, его «заставили бежать в Мизию»). Мануил Камиза, представлявший серьезную угрозу для Алексея III как возможный претендент на императорский престол, оказался в одиночестве и вскоре был уничтожен. Для Тырново сближение Струмицы и Константинополя могло означать не только потерю союзника в борьбе с империей на македоно-фессалийском фронте, но и угрозу появления альтернативного болгарского центра, поддерживаемого империей и ориентирующегося на нее в своей политике. В то же время, Алексей III не был заинтересован в войне с Болгарией, к тому же, до него доходили слухи о готовящемся на Западе крестовом походе.

Вскоре, в конце 1201 или в первых числах января 1202 г., был заключен договор между Византией и Болгарией. В первую очередь были улажены территориальные споры. Скорее всего, за Болгарией закреплялись Констанция, Варна и Просек (к 1205 г., по сведениям Никиты Хонитата, там находился подчиненный Калояну болгарский правитель Шишман). Византия же возвратила себе ранее потерянные земли, в том числе, Прилеп, Пелагонию и Струмицу.

Между тем, в своей речи Никифор Хрисоверг восхищается тем, как император сумел противопоставить друг другу болгар (Калояна и Хриза), еще недавно бывших союзниками. Также византийский оратор сообщает, что Калоян обещал императору помощь в борьбе «как с иноплеменниками, так и с соплеменниками». Таким образом, можно говорить о заключенном между Болгарией и Византией оборонительном союзе. Вступая в этот союз, Калоян не мог не поставить вопроса о международном статусе Болгарии. Некоторые исследователи (Вольф, Бранд, Стефенсон) считают, что византийцы в рамках договора предлагали Калояну императорский титул, а болгарской церкви автокефалию. Об этом, якобы, говорит сам Калоян в письме Иннокентию III. Однако, последовавшая после заключения договора активизация переговоров Тырново с Римом, главным вопросом в которых было международное признание Болгарии, показывает, что Калоян не получил удовлетворения своих требований от Византии. Несомненно, если бы предложение о признании болгарского государства поступило, оно было бы принято, ведь авторитет Константинополя в православной, ориентированной на Византию Болгарии был огромен. Действительно, в упомянутом выше письме, датированном первой половиной 1203 г., болгарский правитель информирует папу о том, что византийцы, узнав о сношениях Тырново

с Римом, выразили готовность признать Болгарию. Изменение позиции Константинополя по этому вопросу в первую очередь определяется тем, что к концу 1202 г. уже окончательно стало ясно о намерениях крестоносцев по отношению к Византии. В этой ситуации Алексею III был необходим союзник. Но, видимо, Калоян отказал ему.

Таким образом, удачный для Алексея III в ближайшей перспективе договор конца 1201 г. (приобретение территорий, установление мира с враждебным соседом), в дальнейшем привел к трагическим последствиям. Византийско-болгарский оборонительный союз оказался успешным лишь в речах Никифора Хрисоверга. Не добившись международного признания от Константинополя, Калоян добился его, заключив унию с Римом. Византия же, оставшись одна, пала под натиском крестоносцев. Вернуть Болгарию в лоно православной церкви удалось только при Иване Асене II в 1235 г., когда с помощью Никеи в стране было учреждено патриаршество.

М.С. ДЕМИНЦЕВ
ТЮМЕНЬ

ОСАДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ (1270–1271 ГГ.)

В конце 60-х, начале 70-х гг. XIII в. Византийское государство оказалось в весьма тяжелой внешнеполитической ситуации. Дело в том, что к этому времени могущественный Карл Анжуйский, родной брат французского короля Людовика IX Святого, уже достаточно прочно утвердился в Италии, объявив себя королем Неаполя и Сицилии¹. Обладая значительными людскими и материальными ресурсами², он начал вынашивать честолюбивые планы похода на Константинополь, с целью восстановления латинского господства на Босфоре. Для реализации своих устремлений Карл провел искусную дипломатическую партию. Прежде всего, «... он с согласия и в присутствии папы заключил в Витербо, небольшом итальянском городке на севере от Рима, с изгнанным латинским императором Балдуином II договор, по которому последний передал Карлу право на верховную власть над всеми франкскими владениями в прежней Латинской империи, выговорив себе лишь Константинополь и несколько островов в Архипелаге, для отвоевания которых от ромеев ему должен был помочь Карл. Норманнские притязания на Византию снова таким образом ожили в полной мере при французском владычестве в королевстве Обеих Сицилий»³. Помимо этого, Карл заручился поддержкой влиятельных баронов Мореи, Венецианской республики, правителей Фесса-

¹ ВАСИЛЬЕВ А.А. История Византийской империи от начала крестовых походов до падения Константинополя. СПб., 1998. С. 285-295.

² Соколов Н.П. Венеция и Византия при первых Палеологах // ВВ. 1957. Т. 12. С. 75-95. О могуществе Карла свидетельствует тот факт, что согласно договору в Витербо, он должен был на свой счет содержать 2000 рыцарей в течении 6-7 лет, которые по мысли сторон, должны были принять участие в боевых действиях на Востоке против Палеолога.

³ ВАСИЛЬЕВ А.А. История Византийской империи... С. 287.

лии и Эпира, а также пытался найти опору среди сербов, болгар и горных албанских племен, которые объявили его своим королем⁴. Следовательно, в лице Карла Анжуйского, византийский император Михаил VIII Палеолог, получил сильного и уверенного в своих силах лидера, стоящего во главе обширной антивизантийской коалиции, действия которой перечеркнули бы все внешнеполитические успехи Палеолога.

Но, как показали дальнейшие события, Карл Анжуйский несколько недооценил своего соперника. В лице византийского императора он встретил не менее серьезного противника, искушенного стратега и блестящего дипломата, «изумительная ловкость»⁵ которого, в конце концов, «помешала созданию коалиции всего Запада против Византии»⁶. Михаилу Палеологу не только удалось добиться расположения к себе папы римского, и внести раскол в ряды союзников Карла, но одновременно с этим усилить военную мощь своей империи. В самый критический момент, когда, казалось бы, вторжение соединенных сил латинского мира в Византию было неизбежным, перед лицом столь серьезной опасности Михаил проявил себя не только как дипломат, но и как расчетливый хозяин и дальновидный военачальник. Конечно, прежде всего, объектом внимания и заботы он сделал свою столицу Константинополь. Были приняты и реализованы широкомасштабные мероприятия по его укреплению и подготовке к осаде. Об этих событиях в 10 главе пятой книги своих «Исторических записок» весьма подробно сообщает Георгий Пахимер, который сам был очевидцем происходившего⁷.

Для начала император приказал собрать в столице и устроить обильные запасы хлеба (σίτον – *Pachym.*, 364), часть которого решено было поместить в башнях (πύργους – *Ibid.*), а другую половину запасов роздали на хранение константинопольским гражданам (πολίταις – *Ibid.*) «до востребования». На случай длительной осады, помимо хлебных запасов приказано было согнать в пределы городских стен многочисленные стада свиней (χοίρων ὅλας ἀγέλας – *Ibid.*), которые были куплены на государственные деньги. Всех животных решено было также поделить между жителями города, в расчете по десятку и более на каждого. Затем, свиней нужно было приколоть, мясо засолить и хранить для «общей пользы» (τῷ κοινῷ φυλάττειν – *Ibid.*, 364), внутренности же не

⁴ ВАСИЛЬЕВ А.А. История Византийской империи... С. 289.

⁵ Диль Ш. История Византийской империи. М., 1948. С. 131.

⁶ Там же.

⁷ Georgii Pachymeris de Michaelis et Andronico Palaeologis libri tredecim / Ed. I. BEKKER. Bonnae, 1835. Vol. I. P. 364-366. Далее ссылки на данный источник приводятся в тексте – (*Pachym.*).

выбрасывались, но также шли в употребление. Когда вопрос с продовольственным снабжением населения удалось решить удовлетворительно, обратили внимание и на общую обороноспособность города. В Константинополе повсеместно делались склады с оружием, которого, по словам историка, было «множество» (ὅπλα τε μυρία – Ibid.). Среди прочего, Пахимер особо выделяет огромное количество стрел (ὀϊστοὺς – Ibid.), затем в боевую готовность был приведен и артиллерийский парк, состоящий из машин-камнеметов (ὄργανα πέτροβόλα – Ibid.). Изготовлением и подготовкой к действию этих машин руководили военные инженеры и механики (ὀπλοτέχναις καὶ δαπανήμασι – Ibid.). В боевую готовность был приведен флот, в задачу которого входила охрана приморских стен.

Фортификационные сооружения Константинополя, его башни, стены и рвы к тому времени находились уже в довольно ветхом состоянии. Поэтому за приведение их в удовлетворительное состояние отвечало множество строителей и надзирателей. Особое внимание обратили на укрепление именно приморского участка стен, видимо, хорошо помня уроки шестидесятилетней давности. Высота стены здесь была увеличена, вероятно, посредством деревянных щитов. Со стороны суши стены были также в два раза усилены. Помимо собственно городского гарнизона, император вооружил народное ополчение; все способные носить оружие подразделялись на особые корпуса, которые решено было разместить недалеко за городом. Эти части предполагалось в случае, если враг ворвется в пределы померия, по необходимости ввести в город как резерв, «вместе с оружием и обозами» (Pachym., 365). На близлежащих островах и важных стратегических пунктах расположены были специальные отряды, которые должны были принять на себя первый удар. Вызывали опасения городских властей состояние гаваней и центральных портов. Михаил Палеолог решил, что старая Влахернская гавань мало пригодна для обороны в силу своего невыгодного для обороняющихся положения. Поэтому стали приводить в порядок так называемую гавань у ворот Бланки Контоскелийской (τὸν Βλάβυχα Κοντοσκελίον – Ibid.), причем чтобы углубить ее, на дно стали специально лить ртуть (ἀργυρον ὑγρὸν – Ibid.). Гавань окружили каменными глыбами, а центральный вход загородили длинной железной цепью (πύλας σιδήρου – Ibid.), которая могла держаться на плаву посредством особых понтонов. Укреплена была и генуэзская колония, так называемая Пера (τῆς περαιᾶς – Pachym., 366). Жители колонии в случае военных действий, по словам Пахимера, «не обязывались поднимать оружия на свой на-

род» (πολέμου διὰ τὸ γένος – Ibid.), поэтому император всеми мерами пытался привлечь их на свою сторону⁸.

Судя по всем этим основательным, на наш взгляд приготовлениям, город был готов отразить любое вражеское нашествие и выдержать сколько угодно продолжительную осаду. Недаром, Пахимер, в первую очередь упоминает о продовольственных стратегических запасах, а затем уже идет перечень других мер. Но, к счастью, вражеская эскадра так и не прибыла тогда к берегам Босфора, и до боевых действий дело не дошло. В силу ряда причин, Карлу Анжуйскому, так и не удалось окончательно сплотить своих многочисленных союзников по коалиции для решительного вторжения. Ситуация резко изменилась в пользу Византийской империи, с восшествием на папский престол Григория X, папы-миротворца, стремившегося к миру с византийцами, в основе которого лежала бы идея единения двух христианских церквей⁹. К тому же активно работала византийская дипломатия, стремившаяся во что бы то ни стало расколоть лагерь Карла и его сторонников. Да и сам Людовик Святой, судя по всему, был явно не в восторге от замыслов своего младшего брата, так как для его военных мероприятий в Северной Африке требовались значительные силы, которые, как он, вероятно, полагал, не стоило бы распылять в войнах с христианами, пусть и «схизматиками». Спустя еще десять лет Карлу вообще навсегда пришлось отказаться от своей мечты сокрушить могущество Палеолога, так как в его собственном королевстве начались мятежи и смута, после чего он вскоре умер.

⁸ Бахматова М.Н. Византийско-генуэзское противостояние в описании Никифора Григоры и Георгия Пахимера // Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран. VIII Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов. Программа и материалы конференции. Сыктывкар, 2003. С. 45-46.

⁹ Успенский Ф.И. История Византийской империи. М., 1997. Т. 3. С. 505.

Л.Г. КЛИМАНОВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ОТ ВЕНЕЦИИ ДО ХАНБАЛЫКА: СЛЕДЫ МАРКО ПОЛО НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ

ВЕНЕЦИЯ: дом. Неподалёку от Мощёной дороги Сан Джованни Крисостомо и одноименной приходской церкви, рядом с бывшим Театром Малибран (ныне кинотеатр), на стене одного из домов нанесена топографическая надпись: «*Corte prima del Milion*». Во дворике на стене следующего дома надпись: «*Corte seconda del Milion*», за этим двориком – канал Сан Лио. В его берег слева упирается стена (задняя стена кинотеатра). К ней прикреплена не приметная доска с надписью, уведомляющей, что на этом месте стоял дом Марко Поло. От тех времён сохранились только две небольшие арки в венецианско-византийском стиле XI–XII вв.

ВЕНЕЦИЯ: последняя воля. Завещание Марко Поло составлено на латинском языке 3 января 1324 г., за пять дней до его кончины в возрасте семидесяти лет; оно хранится в отделе рукописей Национальной библиотеки Марчиана (Венеция).

ВЕНЕЦИЯ: гробница. Венецианский историк XVIII в. Фламинио Корнер написал, что Марко Поло упокоился в своей приходской церкви Сан Джованни Крисостомо: «*In hujus Ecclesiae obiit, (ut traditio fert) Marcus Polo Venetus, qui longinuos populos, ignotasque nationes incredibili labore magnaque animi constantia perlustrans itinerum varietate clarissimus evasit, cujus aedes ex vetustate ruentes in amplissimum Theatrum, qui a propinqua Ecclesia S Joannis Chrysostomi nuncupatur, commutatae sunt*»¹. Речь идет

¹ CORNELIUS F. *Ecclesiae venetae antiquis monumentis*. Venetiae, 1749. Decas 2. P. 237.

о постройке, на месте которой стоит нынешняя – последняя работа архитектора Мауро Кодуччи, выстроенная в 1497–1504 гг.²

Со слов Ф. Корнера также известно, что в XVI в. гробница Марко Поло находилась в церкви Сан Лоренцо: *«nel mezzo a quella stava la sepoltura di Marco Polo Nobile Veneto detto Milione, famosissimo per il paesi da lui veduti»*³. Храмовая постройка была частью комплекса бенедиктинского монастыря, в здании которого теперь размещается лечебница. После переделки церкви в 1592 г. следы саркофага затерялись.

ВЕНЕЦИЯ: копия IDOLO VENERATO ИЗ ПАГОДЫ ПЯТИСОТ БУДД В МУЗЕЕ КОРРЕР – ИЗОБРАЖЕНИЕ МАРКО ПОЛО (?). Самое раннее из известных – изображение отплывающего из Венеции Марко Поло, находится в манускрипте, датируемом 1338 г., то есть четырнадцатью годами позже его кончины. Два других – в рукописной книге XV в. *«Le livre des merveilles du monde»* (Национальная библиотека, Париж). Ещё одно – одетого в татарское платье, с луком и саблей – на рисунке около 1700 г. (Музей Коррер).

Из заметки, опубликованной в журнале «Землеведение», известно, что некий путешественник в феврале 1902 г. осматривал пагоду пятисот будд в Кантоне. *«O, master, that's Marco Polo»* – сказал ему проводник. Вглядевшись, он увидел *«между длинными рядами сидящих идолов»* статую человека с европейскими чертами лица. Путешественник зарисовал статую и подарил рисунок Итальянскому географическому обществу, в бюллетене которого за май 1910 г. он был опубликован; фотография напечатана в первом выпуске *«The Wonders of the World»*. На рисунке в правой руке статуи виден плохо различимый предмет в виде трубочки, в которую воткнута меньшая, с перпендикулярным к ней более тонким отростком⁴.

В журнале «Курьер ЮНЕСКО» была опубликована фотография с подписью: *«Копия XVIII в. изображения Марко Поло из «Храма 50 гениев» в Кантоне»*, но без указания места хранения копии; никакого предмета в правой руке статуи не видно⁵. Копия выставлена в венецианском Музее Коррер – позолоченная статуя с подписью: *«Copia dell'idolo venerato nel tempio dei 500 genii a Canton ritenuto l'effigie di*

² CORNELIUS F. Ecclesiae venetae antiquis monumentis. Decas 2. P. 238. Настоятелем этого прихода в 1310 г. был Марко Квирини, один из участников заговора Байамонто Тьеполо.

³ Ibid., decadis 13 pars posterior. P. 65.

⁴ Статуя Марко Поло в Китае // Землеведение. 1910. Кн. 3. С. 72–73.

⁵ Курьер ЮНЕСКО. 1968. № 144. С. 43.

Marco Polo»⁶. Меньше метра высотой, статуя изображает человека с европейскими чертами лица, выбритыми на китайский лад усами, в чёрной шляпе. Он сидит в кресле с невысокой спинкой, поставив ноги на подушку и положив левую руку на колени, а правую прижав к груди. В его руках ничего нет.

Книга Марко Поло прибыл в Ханбалык (Пекин) в 1272 г. с посольством от папы Григория X к великому хану, около двадцати лет находился при его дворе. Считается, что свою историю он рассказывал сокамернику по генуэзской тюрьме пизанцу Рустичано, который за ним записывал по-французски и озаглавил «*Le livre des merveilles du monde*». Появлением книги мы, судя по всему, обязаны условиям содержания в этой тюрьме: венецианец месяцами изо дня в день рассказывал, а пизанец – записывал, а значит, имел перо, чернила и писчий материал. Остается неясным, правда, почему Марко Поло не сам писал свою книгу.

Значение французского языка в те годы как мирового языка объяснил В.Ф.Шишмарев: «Тем более понятно, когда к французскому языку обращается венецианец: знание французского языка было распространено здесь в силу экономических связей Венеции с Ближним Востоком, где знакомство с французским языком в приморских городах было довольно обычным явлением. В расчёты Мартино да Канале, автора «*Chronique de Véniciens*» (написана на французском языке, доведена до 1275 г.) конечно не могло входить сужение круга читателей. И для него «*la langue française sort parmi le monde et est plus delitable a lire et a oïr que nule autre*», то есть французский язык, помимо своих фонетических преимуществ – «мировой» язык. В то время это и было так, и изо всех «вульгарных» языков один только он мог соперничать с латынью. Понятен выбор языка и для повести о путешествиях Марко Поло. Марко Поло, человек бывалый, сам несомненно знавший французский язык, понимал, что такая книга, которая имеет международный интерес и должна обращаться не к одному учёному читателю, может быть написана тогда только по-французски»⁷.

Сохранился один список оригинальной версии Рустичано (Национальная библиотека, Париж), судьба протографа неизвестна. Всего известно более 80 списков. Книга, называемая в просторечии «*Il Milione*», впервые напечатана в 1477 г. в Нюрнберге. Существует мнение, что *миллионе* – упрощённое *Эмилионе* и является прозвищем той ветви рода Поло, к которой принадлежал Марко. В русском переводе, выполнен-

⁶ «Копия идола, чтимого в храме 500 божков в Кантоне и считающегося изображением Марко Поло».

⁷ Шишмарев В.Ф. История итальянской литературы и итальянского языка. Л., 1972. С. 63-64.

ном востоковедом Иваном Павловичем Минаевым (1840–1890), книга названа «Книга Марко Поло»⁸. Новейшее критическое издание принято по 18 спискам, включая фрагменты⁹. Как восприняли книгу современники известно мало¹⁰.

Бывал ли Марко Поло в Крыму? Крым упомянут в книге Марко Поло только дважды – в связи с кратким пребыванием проездом его отца и дяди в Солдае.

Глава II. Как Николай и Матвей отправились из Константинополя странствовать по свету. В то время, когда Балдуин был императором в Константинополе, то есть в 1250 г., два брата – Николай Поло, отец Марка, и Матвей Поло находились тоже там; пришли они туда с товарами из Венеции; они были сметливы. Посоветовались они между собой, да и решили идти в Великое море, за наживой да за прибылью. Накупили всяких драгоценностей да поплыли из Константинополя в Солдадию.

Глава III. Как Николай и Матвей отправились из Солдадии. Пришли они в Солдадию и решили идти далее <...>¹¹.

О пребывании в Солдае самого Марко Поло в его книге не говорится. К этому можно добавить, что Солдайя не упоминается и в известном пособии по торговле флорентийца Франческо Бальдуччи Пеголотти, младшего современника Марко Поло (род. 1280/85 г.)¹².

МАРКО ПОЛО В КИТАЕ? Недавно Френсис Вуд высказала сомнение в том, что Марко Поло действительно побывал в Китае. Она считает, что его книга – не свидетельство очевидца, а компиляция сведений, почерпнутых из арабских и персидских источников. Иначе непонятно, почему в его книге не упомянуты такие вещи, которые должны были броситься в глаза западному наблюдателю: чай, фарфор, уродование ног

⁸ Книга МАРКО ПОЛО / Пер. И.П. МИНАЕВА, ред. и вступит. ст. И.П. МАГИДОВИЧА. М., 1956. С. 44–45. О переводах см.: МАГИДОВИЧ И.П. Вступительная статья // Книга Марко Поло. С. 33–41.

⁹ MARCO POLO. Le devisement du monde / Éd. sous la dir. de Ph. MÉNARD. Genève, 2001. Один список XVв. был в коллекции Уолтера Снейда и был выставлен на продажу фирмой Сотби в 1903 г. (Климанов Л.Г. О происхождении некоторых венецианских документов Западноевропейской секции Архива СПбИИ РАН // ВИД. 2002. Вып. 28. С. 241).

¹⁰ Фишман О.Л. К проблеме восприятия современниками «Книги Марко Поло» и «Путешествий Мандевилля» // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Л., 1985. Ч. 1. С. 140–144.

¹¹ Книга Марко Поло. С. 44–45.

¹² BALDUCCI PEGOLOTTI F. La pratica della mercatura / Ed. by A. EVANS. Cambridge (Mass.), 1936.

женщин, Великая стена¹³. Мнение Ф. Вуд вызвало возражения Уго Туччи, который считает, что она не принимает во внимание собственный взгляд на вещи Марко Поло как венецианского купца и круг его интересов. Ведь его книга – это «торговое пособие», которое получило литературный вид только под пером Рустикелло¹⁴. На соображения, высказанные Уго Туччи, в свою очередь, можно заметить, что долгое пребывание в Китае могло серьезно повлиять на взгляды Марко Поло.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТРАЖЕНИЯ: ВЫМЫСЕЛ И ЗАГАДКА ИТАЛО КАЛЬВИНО, КОМИЧЕСКАЯ ДРАМА ДЖОВАННИ БАТТИСТА КАСТИ. В книге «Невидимые города» итальянский писатель Итало Кальвино (1923–1985) записал вымышленные беседы хана Хубилая и Марко Поло, которые они вели в ханской столице Ханбалыке. На вопрос хана, почему венецианец не рассказывает ему о своём родном городе, тот ответил: *«всякий раз, когда я описываю некий город, то при этом как раз и говорю что-нибудь о Венеции»*¹⁵. Писатель предоставляет читателю задуматься над тем, в чём состоит загадка.

Поэт Дж. Батт. Касти (1724–1803), музыку к произведениям которого писали Джованни Грегорио Паизиелло и Антонио Сальери, побывав в Петербурге и комическую драму, написанную им уже по возвращении из России, подтрунивая над царским двором, назвал «Хубилай» («Cublai, dramma comico per musica»).

Итог? На родине знаменитого венецианца мало что сохранилось; достоверных изображений нет; добрался ли до Китая – подвергнуто сомнению, проезжал ли через Крым – неизвестно...

¹³ WOOD F. Did Marco Polo go to China? L., 1995.

¹⁴ TUCCI U. Marco Polo: andò veramente in Cina? // Studi veneziani. 1997. Vol. 33. P. 49-59.

¹⁵ CALVINO I. Le città invisibili. Milano, 1995. P. 88.

М.А. ПОЛЯКОВСКАЯ
ЕКАТЕРИНБУРГ

СЛЕДЫ ДИССИДЕНТСТВА В ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ

Византия была страной типично авторитарного типа. В основе византийской официальной концепции лежали идеи «вечного Рима» и христианского ойкуменизма, придававшие византийской идеологии дух великодержавности. Официальные документы – законодательные постановления, указы, грамоты – были полны подтверждений значимости империи в окружающем мире. Константинополь, новый Рим, находился, по описаниям энкомиастов, «на вершине расцвета».

В 40–60-е гг. XIV в., когда страна переживала гражданские войны, угрозу турецкой агрессии, религиозные споры, разгоревшиеся вокруг исихазма, стали более очевидными проявления инакомыслия. Первыми его представителями были заметные политические деятели Димитрий Кидонис и Иоанн Ласкарис Калофер, перешедшие весной 1365 г. в католичество и получившие в связи с этим благодарственные письма от римского папы Урбана V.

Иоанн Ласкарис Калофер уже осенью 1365 г. покинул Византию и стал канцлером при дворе короля Кипра. Димитрий Кидонис, одоблив действия Калофера, остался в империи, занимая, как и прежде высокую должность месадзона, однако его речи и письма были полны критики в адрес империи и одновременно – восхищения «латинским миром», прежде всего Римом и авторитетом католической церкви.

Димитрий Кидонис, начавший уже в зрелом возрасте изучение латинского языка (что в византийских правящих кругах считалось предосудительным) и общавшийся с людьми из геноуэзского квартала Константинополя, навлек на себя критику со стороны императорского «ближнего круга», пытавшегося обвинить премьер-министра, переводящего с латинского сочинения столпа католицизма Фомы Аквинского, в предательстве.

Кидонису пришлось написать защитную речь («Апологию I»), где он подверг коррекции допустимый уровень восхищения отчизной.

Кидонис стремился убедить своих современников, что «общие мнения, бывшие в течение стольких лет неколебимыми, прославленные столькими выдающимися людьми и поныне восхищающие всех» (Апол. 385.7-9), уже не соответствуют реальному положению дел в империи. Наряду с этим, Кидонис полагал, что всеобщие восхваления в адрес империи были не всегда искренними. Мало того, он считал активное прославление отечественного «тайным прикрытием зависти» по отношению ко всему зарубежному (Апол. 366.92-93). Кидонису казались нелепыми привычные утверждения о превосходстве византийцев над прочими народами, что он и комментировал критически: «Наши по-прежнему придерживались старого деления и делили всех людей на две группы – на греков и варваров. При этом они совершенно неразумно и невежественно считали, что последние (варвары – М.П.), подобно ослам или быкам, в лучшем случае никак не принимались во внимание» (Апол. 365.77-80).

Месадзон полагал, что если бы не было заслуг древнего Рима, то Константинополь не имел бы многих из своих достоинств (Апол. 372.80-87).

Критика в адрес Константинополя сводилась к следующему: в империи процветают беззаконие и безнравственность (374. 57-59); столица переживает обнищание (374.66-375.7); церковь зависит от государства (373-374); поддерживают империю только самые слабые государства (374.53-54); соседние государства вмешиваются во внутренние дела империи (374.56-57); турки постепенно завоевывают страну; императоры зависимы от соседних правителей (374.62-66); уровень византийской науки много ниже итальянской (393-400).

Критика Димитрия Кидониса затрагивала все сферы жизни византийского общества. На фоне его постоянных утверждений о значимости и превосходстве итальянской культуры и об авторитете католической церкви на территории всей Европы эта критика воспринимается как явное проявление инакомыслия. Однако можно говорить лишь о его следах. Прежде всего это связано с тем, что латинофилы не являлись сложившимся направлением (или хотя бы группой) в идеологии, будучи представлены лишь единицами из среды византийских интеллектуалов. Кроме того, инакомыслие и патриотизм были настолько тесно переплетены, что зачастую латинофильские высказывания можно рассматривать как критику во благо отчизны. Как бы то ни было, латинофильство расшатывало монолит официальной идеологии и способствовало контактам византийских и итальянских ученых и политиков. Однако, Византии последнего столетия ее существования это уже не приносило возможных положительных результатов.

Т.А. ШАМГУНОВА
ЕКАТЕРИНБУРГ

СОВМЕЩЕНИЕ ЦЕРКОВНЫХ И СВЕТСКИХ ДОЛЖНОСТЕЙ
В ПАЛЕОЛОГОВСКОЕ ВРЕМЯ
(ДИКАЙОФИЛАКС ВЕЛИКОЙ ЦЕРКВИ И ПРОТЕКДИК)

Известный историограф первых Палеологов Георгий Пахимер на досуге составил школьный учебник *Quadrivium* «для борьбы со злом невежества» своего времени. В посвящении к своему творению Георгий дает свою полную титулатуру: «Трактат этот мудрых обучений // усердиями посильными составленный протекдиком // и дикайофилаксом по достоинству // но жалким всё же левитом Георгием» (Σύνταγμα τοῦτο τῶν σοφῶν μαθημάτων // σπουδαῖς κατ' ἰσχύιν συντεθὲν πρωτεκδίκου // καὶ δικαιοφύλακος ἐκ τῆς ἀξίας, // οἰκτροῦ δ' ὁμῶς γε λευῖτου Γεωργίου).

Из приведенных нескольких строк совершенно очевидно, что «жалкий левит» занимал весьма солидные должности, согласно списку Матфея Властаря. Примечателен тот факт, что в типично церковной карьере служителя Великой Церкви Константинополя (диакон, нотариус, дидакал апостола, иеромнемон, протекдик) в 1310 г. появляется светская должность². При этом, как следует из приведенной выше цитаты, своей реальной должностью Пахимер считал должность протекдика, а дикайофилаксом он был только по достоинству.

Дикайофилакс (δικαιοφύλακος) – титул, обозначающий младшего судью, впервые зафиксированный в Константинополе и провинциях в середине XI в., жалуемый императором как светским, так и духовным

¹ TANNERY P. *Quadrivium de George Pachymère ou Σύνταγμα τῶν τεσσάρων μαθημάτων, ἀριθμητικῆς, μουσικῆς, γεωμετρίας καὶ ἀστρονομίας* / Texte révisé et établi par E. Stéphanou // *Studi e testi*. Vatikan, 1940. Vol. 94.

² PLP № 22186.

лицам³. Со времени правления Михаила VIII Палеолога титул жаловался исключительно церковным лицам по императорскому назначению. Обязанности дикайофилакса требовали знания гражданского и канонического права. Первый дикайофилакс Константинополя после 1261 г., диакон и чиновник по жалобам (ὁ τὰς δεήσεις φέρων) Св. Софии, Феодор Скутариот, был уполномочен применять все юридические функции и права, прежде принадлежащие ведомству (должности?). Скутариот и все последующие дикайофилаксы были включены в разряд экзокатакилов (ἐξωκατάκλητοι), совмещая один из титулов, передаваемых вместе с титулом дикайофилакса. Гражданский чиновник на этой должности, вступивший в клир, причислялся к церковной администрации, а должность постепенно становилась церковной, входящей в первую пентаду. В 1270 г. дикайофилакс приравнен к протекдику⁴.

Протекдик (πρωτέκδικος) возглавляет коллегия экдиков. Матфей Властарь замечает об этой должности: «... но и причисляемый к ним (экзокатакилам) протекдик». «Протекдик управляет экдиками, чтобы заниматься теми, кто ищет церковной помощи ради свободы и другими беженцами, так что они обороняются от приносящих вред и добиваются справедливости»⁵. Кроме того, как сообщает Псевдо-Кодин, чиновник на этой должности был обязан заниматься делами пленных (ὁ πρωτέκδικος εἰς τὸ ἀντιλαμβάνεσθαι τοὺς αἰχμαλώτους). Коллегия экдиков с протекдиком во главе получает большое значение в поздневизантийское время. Они занимались делами тех, кто воспользовался правом убежища в церкви, кто желал церковного заступничества (военнопленные), а также наблюдали за дисциплиной клириков в городах. Протекдик мог принимать решения по дисциплинарным вопросам⁶.

Иоанн Филакс также был дикайофилаксом Великой Церкви Константинополя и протекдиком в 1352 г.⁷ Можно ли здесь утверждать, что обе эти должности после Пахимера превратились в двойное название одной должности, или же дикайофилакс Великой Церкви одновременно включен

³ OIKONOMIDE II S N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. P., 1972. P. 22.

⁴ BECK H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959. S. 115.

⁵ Pseudo-Kodinos. Traité des offices / Introd., texte et trad. par J. VERPEAUX. P., 1976. P. 319.

⁶ BECK H.-G. Kirche und theologische Literatur... S. 115.

⁷ PLP № 30198.

в светскую администрацию в качестве дикайофилакса, а в церковную, в качестве протекдика и входит таким образом в две администрации?

Очевидно, что титул дикайофилакса и должность протекдика относятся к области права. Здесь нельзя не вспомнить учреждение института Вселенских Судей в Константинополе (1329–1337), которое закончилось, однако, коррупционным скандалом. Из четырех вселенских судей мы можем обнаружить у Григория Клейды совмещение сана и светской должности, так как он был одновременно с 1313 по 1334 гг. диаконом, архидиаконом и дикайофилаксом Великой Церкви Константинополя⁸. Весьма странно то, что он при этом не назван протекдиком, как два других упомянутых выше его коллеги на должности дикайофилакса Св. Софии. Таким образом, являясь диаконом и дикайофилаксом Великой Церкви, он в качестве Вселенского Судьи Ромеев имел права заниматься рассмотрением только светских дел.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что государственная власть была заинтересована и, видимо, очень нуждалась в чиновниках с юридической подготовкой и привлекала их из церковной администрации. Кроме того, можно сделать вывод и о том, что императоры для преодоления децентрализации и укрепления центральной власти пытались использовать административный ресурс церкви, в особенности патриаршего клира столицы.

⁸ PLP № 11781.

С.Я. ГАГЕН
ЕКАТЕРИНБУРГ

АЛЬЯНСЫ ПРОТИВ ТУРОК 1332–1344 И ПРОБЛЕМА УНИИ ГРЕЧЕСКОЙ И ЛАТИНСКОЙ ЦЕРКВЕЙ

Турецкое пиратство, поставившее под угрозу важнейшие торговые коммуникации Средиземноморья, оказалось геополитическим и, можно сказать, цивилизационным врагом всего христианского мира. Возникла необходимость объединения военных сил греков и латинян, как в далекие времена первых крестовых походов. В качестве идеологической основы для создания военного союза, идея которого возникла около 1327 г., традиционно была привлечена терминология и риторика крестовых походов.

Однако, камнем преткновения в пропаганде нового крестового похода стала проблема отношения к «схизматикам» грекам. Хотя «общее дело» (выражение Никифора Григоры)¹ отодвинуло религиозные разногласия на задний план, все же нельзя сказать, что при создании «Священной лиги» против турок (1332–1335) восторжествовал политический прагматизм, сопровождаемый религиозной толерантностью.

Столетия взаимной антилатинской и антигреческой пропаганды привели к тому, что не все оценили значимость военного союза христианских держав различного вероисповедания. Византийские патриоты, как, например, Никифор Григора, подсчитав выгоды и убытки от предстоящего союза, призвали к опоре на собственные силы и даже выдвинули против императора Андроника III Палеолога обвинение в предательстве «отеческого благочестия» ради политической выгоды². Папский престол, вероятно не понимая всю хрупкость достигнутых в 1332 г. соглашений о военном союзе, тотчас решил вынудить новообращенных союзников к дискуссиям об

¹ Nicephori Gregorae Byzantina historia / Cura L. SCHOPENI. Bonnæ, 1829. Bd. I. P. 523.1-7 (далее – Greg.).

² КРАСИКОВ С.В. Божественная трансцендентность и императорская власть у Никифора Григоры // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 207-213.

унии церквей. Для этой цели в 1334 г. в Константинополь была послана папская миссия в составе архиепископа Боспора Франческо да Камерино и епископа Херсона Риккардо для возобновления переговоров об унии церквей, которая, как можно предположить³, осуществлялась в рамках военной миссии под руководством рыцаря Гуго Кверети (Hugo Quereti), нунция короля Франции Филиппа VI в коалиции против турок⁴. Главный смысл упомянутой миссии мог заключаться в усилении политического давления на византийского императора идеологическим нажимом. Целью этого было заставить Андроника III Палеолога исполнить договор от 6 сентября 1332 г., требуя переговоров об унии церквей. Папа и французский король отказались, как можно предположить, от намерения сохранять в тайне переговоры об унии, о чём их просил, в частности, от имени императора Византии венецианский дипломат Марино Санудо Торселло⁵. Однако нельзя сказать, что идея публичных дискуссий об унии была удачной и своевременной мыслью, так как подобные переговоры не содействовали популярности идеи военного союза с Западом внутри Византии.

Давало о себе знать и старое соперничество между итальянскими морскими республиками. Генуя не смогла смириться с ведущей ролью Венеции, своего заклятого врага и конкурента, в «Священной лиге» и предприняла вооруженную провокацию. Антитурецкий союз западных держав с Византией распался после захвата генуэзцами Лесбоса, скорее всего, летом 1335 г. Переговоры о возобновлении военного сотрудничества и возможной унии церквей прервались до полуофициальной миссии Варлаама Калабрийского в Авиньон в 1339 г.

Инициатором нового антитурецкого альянса стал правитель Кипра Гуго Лузиньян, хотя необходимые силы были предоставлены папой Климентом VI. Костяк военной эскадры составили 6 кораблей тамплиеров Родоса; 5 кораблей пришли из Венеции, из них один от венецианцев Негропонта (о. Эвбея); папа снарядил 4 корабля; сам инициатор союза, Гуго Лузиньян, также отправил 4 корабля. Верховным командующим сил альянса стал латинский патриарх Константинополя, папский легат

³ ГАГЕН С.Я. Политический фон папской миссии 1334/1335 г. в Константинополь // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 380–391.

⁴ *Lettres secrètes et curiales du pape Jean XXII (1316–1334)* / Ed. A. COULON et S. CLÉMENTET. P., 1972. Fasc. 10. № 5423. P. 158.

⁵ Greg. I, 523–524. LAIOU A. Marino Sanudo Torsello, Byzantium and the Turks: The Background to the Anti-Turkish League of 1332–1334 // *Speculum*. 1970. Vol. 45. № 3. P. 386.

в Негропонте Генрих Асти. Папскими галерами командовал правитель Хиоса генуэзец Мартино Захариа⁶.

В Византии в это время в самом разгаре было противостояние между Палеологами и Кантакузинами (1341–1354). Противостоящая Иоанну VI Кантакузину партия попыталась использовать новую военную силу в Средиземноморье в своих целях. В особенности потому, что лига была направлена против Смирны и, следовательно, против союзника Кантакузина Умура. Вдовствующая императрица обратилась в начале 1343 г. к Венеции за помощью против турок и Иоанна Кантакузина через посольство, возглавляемое савойским рыцарем Джовани д'Арлей⁷, а в августе 1343 г. обратилась в Авиньон с письмом, которое передал Филипп Сент Жермен из Савойи⁸. Чтобы быть уверенной в латинской помощи, императрица обнадежила папу относительно перспективы переговоров об унии церквей. Письмо императрицы сопровождалось подобными же проуниатскими посланиями от других заинтересованных лиц: камердамы Изабеллы де ла Рошетт, Великого Дуки Алексея Апокавка, патриарха Иоанна XIV Калеки и некоторых монахов Афона⁹. Эти письма папская курия приняла с большим энтузиазмом. Кантакузин, узнав о готовящихся приготовлениях, попытался предупредить своего союзника, но опоздал, и 28 октября 1344 г. латинский флот захватил укрепления гавани Смирны, не взяв, однако, сам город¹⁰.

Итак, при любых попытках Византии вступить в антитурецкие альянсы или использовать их военную силу в свою пользу возникал вопрос об унии церквей. Византийская дипломатия прибегала к лавированию, обещая обсудить вопрос или даже рассмотреть саму возможность обсуждения, требуя предоставить помощь прежде заключения унии. Вопрос об унии фактически превратился в мелкую разменную монету в большой политической игре. Обилие обещаний унии подрывало доверие к Византии, которую просто отказывались рассматривать в качестве полноценного военного союзника.

⁶ Greg. II, 688–689; Nikephoros Gregoras. *Rhomäische Geschichte. Historia Rhomaike* / Übers. u. erl. von J.L. VAN DIETEN. Stuttgart, 1988. Bd. III. S. 306–307. Anm. 252.

⁷ DÖLGER F. *Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565–1453. Bd. V: Regesten von 1345–1453.* München, Berlin, 1965. Reg. 2888.

⁸ *Ibid.*, Reg. 2890.

⁹ *Ibidem.*

¹⁰ LEMERLE P. *L'émirat d'Aydin, Byzance et l'Occident. Recherches sur la geste d'Umur Pachyma.* P., 1945. P. 180–190.

Т.В. Куц
ЕКАТЕРИНБУРГ

ПОЕЗДКА ДИМИТРИЯ КИДОНИСА В ИТАЛИЮ В 1390–1391 ГГ.: НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

Димитрий Кидонис, который был представителем латинофильского крыла в среде византийской политической элиты, отстаивал идею сближения с Западом. Интерес к Западу зародился во время его научных занятий и питался его активными теологическими штудиями трудов западных схоластов. В условиях возраставшей турецкой угрозы Кидонис постепенно пришел к политическому латинофильству. Именно помощь европейских стран и папского престола с точки зрения этого византийца могли стать спасением для империи. Поездки в Италию Димитрия Кидониса преследовали прежде всего цель заинтересовать папство в судьбе Византии, хотя в дальние края Кидониса вела также жажда интеллектуального общения.

Первое его посещение итальянских городов в 1369–1371 гг. в составе официального посольства императора Иоанна V Палеолога (1341–1391) не принесло ожидаемых результатов, но не разубедило его в необходимости дальнейших шагов в этом направлении. Это определило его желание предпринять новую поездку на Запад. Разговор о готовящемся путешествии в Италию, идея которого не покидала Кидониса после его первого визита, стал предметным только в 1386 г. Вновь обратить свои взоры на Запад Кидониса заставляла усилившаяся турецкая опасность. Продолжалась осада Фессалоники, которая, видимо, определила новый поиск союзников в антитурецкой борьбе. Но поездка не состоялась по ряду причин, среди которых Кидонис называет внутренние неурядицы, чуму в столице, атаки турок и противодействие императора. Под давлением этих обстоятельств Кидонис вынужден был отказаться от своего плана покинуть родину.

Второе путешествие в Италию состоялось лишь в начале 1390-х гг. В трех эпистолах, написанных в 1391 г. уже после возвращения в Константинополь, Кидонис сообщает о целях и результатах своего визита в Италию. Можно было бы предположить, что его поездка носила частный характер, так как стареющий Кидонис не имел уже никаких должностей и не был уполномочен вести переговоры на официальном уровне. Еще в 1386 г. он покинул должность месадзона, которую он занимал много лет, хотя не отошел полностью от дел. Тем не менее, в силу близости к императору Иоанну V Палеологу и особенно к его соправителю Мануилу II (1391–1425) Димитрия Кидониса все же воспринимали на Западе как представителя империи. Он был не только принят во влиятельных кругах, но и имел возможность близкого общения с папским легатом. Именно в период своего пребывания в республике Святого Марка он был удостоен почетного титула «гражданина Венеции». Это было не только признание его личных заслуг, но и жест «доброй воли» в отношении Византийской империи. Поэтому можно говорить, что в Кидонисе итальянцы видели не частное лицо, а человека высокого ранга, посланника императора. Кроме того, о полуофициальном характере его миссии говорит и цель этого визита. Димитрий Кидонис намеревался прибыть в Рим, чтобы встретиться с папой Бонифацием IX (1389–1404) для обсуждения насущных вопросов относительно помощи Византии.

Однако он вынужден был отказаться от своего первоначального замысла и задержаться в Венеции под давлением обстоятельств. В Италии сложилась такая ситуация, которая ставила под сомнение саму возможность достичь Рима и папской курии. Прежде всего, продолжался период великого раскола в католической церкви. Права первосвященника продолжал оспаривать авиньонский антипапа Климент VII (1378–1394). Италия, втянутая в эти раздоры, была наводнена контрагентами противостоящих сторон. Кроме того, внутренняя напряженность в регионе подогревалась соперничеством городов-государств. Политические неурядицы осложнялись бесчинствами на дорогах грабителей и разбойников, которые наводнили окрестности и нападали на путников. Миссия Кидониса оказалась невыполнимой не только потому, что папа был занят внутрицерковными проблемами и надежда склонить его к помощи далекой Византии была весьма призрачной, но и в силу внешних обстоятельств, когда невозможным было само путешествие через Италию.

Венеция, где Кидонис провел почти год в ожидании перемен в регионе, казалась ему чужой. Время вынужденного бездействия стало тяжелым бременем для византийца. Он пренебрежительно называет республику «городом торговцев» и неприятным для жизни местом. Еще одно разочарование ожидало Кидониса, который, направляя свой ко-

рабль в Венецию, надеялся встретить там своего давнего друга Иоанна Ласкариса Калофера. Калофер находился на папской службе, и Кидонис рассчитывал на его содействие в переговорах с понтификом. Однако, несмотря на предварительные договоренности, Калофер покинул республику еще до прибытия Кидониса. Его жизнь скрашивали друзья, вероятно, оказывавшие ему помощь в научных занятиях. Вместе с Кидонисом в Венецию приехал его ученик Мануил Хрисолора. К византийцам прибыли из Флоренции Якопо д'Анжели да Скарперия и Роберто Росси. Однако насыщенная интеллектуальная жизнь в Венеции не могла компенсировать Кидонису крах его политических стараний.

Кидонис, видя тщетность своих усилий и зная о проблемах Отечества, весной 1391 г. отправился в обратный путь. Миссия, на которую сам Кидонис возлагал большие надежды, провалилась. Но византиец покидал итальянские берега с твердым желанием вернуться сюда еще раз, чтобы в будущем добиться своей главной цели – убедить Запад в необходимости политического союза с Византийской империей.

А.Б. Халфин
ЕКАТЕРИНБУРГ

К ВОПРОСУ О ВИЗАНТИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ
КОНЦА XIV В. (ПО МАТЕРИАЛАМ «НАДГРОБНОЙ РЕЧИ»
МАНУИЛА II ПАЛЕОЛОГА)

Силой, определяющей направление внешнеполитической деятельности Византийской империи в конце XIV в., была держава турок-османов. Фактически все действия византийцев на международной арене так или иначе были связаны с угрозой со стороны турок. Основным мотивом переговоров Византии с любой европейской страной было противодействие туркам: совместное вооруженное сопротивление их армий или оказание православной империи экономической помощи в борьбе против агрессора. Вся международная деятельность византийцев проходила на фоне непрерывного давления со стороны турок, захвата ими исконно византийских территорий, постоянной угрозы самому существованию империи.

В тяжелых условиях военного и экономического упадка Византии приходилось выстраивать отношения со своим могущественным соседом – турецкой державой. Византийцы в этот период по-прежнему руководствовались в международных отношениях традиционной ойкуменической доктриной, согласно которой турки безусловно относились к варварам, в отличие от христианских – пусть и католических – стран Запада, которые в большей или меньшей степени признавались равноправными партнерами. Так, Мануил II Палеолог в личной переписке с уважением пишет о монархах Франции и Англии, а последнюю даже именует «второй ойкуменой». Туркам же решительно отказывалось в праве на признание их цивилизованности. Такое восприятие османов, разумеется, не могло не оказать влияние на отношения двух государств. Тем более, что со времени битвы на р. Марице (1371) Византия оказа-

лась в вассальной зависимости от турок, а это, в свою очередь, не могло не вызвать раздражения правящей верхушки византийского общества.

В целом, политика в отношении султаната была двойственной: византийцы не были ни верными вассалами мусульманских владык, ни открытыми и непримиримыми врагами. Прекрасный пример этому представляют собой взаимоотношения турок с деспотами Мореи – византийской провинции на Пелопоннесе.

Такой источник как «Надгробная речь», написанная императором Мануилом II Палеологом на смерть брата, деспота Мореи Феодора Палеолога, содержит не только событийную картину происходившего в правление Феодора, но и описывает отношение византийцев к этим событиям, оценку персонажей исторической драмы, пертурбаций политической жизни Пелопоннеса того времени с точки зрения элиты Византийской империи.

Так, характерно то, что первое упоминание о турках – «персах», как называет их Мануил II, – относится не к периоду мирного взаимодействия с ними, налаженного Феодором и султаном Мурадом I. Этот период, достаточно долгий (1387–1393), был ознаменован некоторым укреплением позиций византийцев: они не только легко защищали свои владения от наваррцев и госпитальеров, но и претендовали даже на некоторые территориальные приобретения. Такое положение вещей сложилось, конечно, не без согласия султана, чьи войска были наиболее мощной и боеспособной силой в регионе. То, что турки входят в повествование Мануила II Палеолога в момент поворота в политике Баязида, когда он поддержал наваррцев и византийских архонтов, противодействовавших Феодору, по всей вероятности, являлся данью негативному, тенденциозному отношению к османам, бытовавшему в среде латинофильских интеллектуалов, к которым принадлежал и сам император. Описание султана, как человека, действовавшего «подобно свинье», довольно точно отражает общий настрой писателя – а значит и властей Византии – по отношению к своему сюзерену.

При этом турки, в свою очередь, действовали достаточно осторожно, без излишней жестокости, приписываемой им византийцами. Например, сам Мануил II, организатор успешной для византийцев антитурецкой военной кампании на Пелопоннесе в 1383 г., лидер сопротивления осажденной Фессалоники, личный враг союзника турок – своего брата, наследника престола Андроника VI Палеолога, прибыв в 1387 г. ко двору турецкого султана, встретил достаточно мягкий прием. Неоднократно описываются Мануилом II Палеологом и случаи бегства византийцев из лагерей османов во время военных походов, в которых греки принимали участие в качестве вассалов. И даже подобные случаи

прямого дезертирства во время военных действий не приводили к контрмерам со стороны Баязида.

Мануил II Палеолог приводит случай, когда султан замышлял убить императора и всех лидеров византийского контингента, присутствовавших в лагере. Однако, во-первых, подобное намерение возникло у султана благодаря советам Иоанна VII Палеолога, представлявшего лагерь политических противников Мануила II Палеолога внутри византийской элиты. Во-вторых, никаких реальных последствий подобные настроения Баязида не имели. Напротив, Мануил II получил некие «дары и подношения». Впрочем, и этот жест со стороны турка Мануил II Палеолог объясняет коварным стремлением задобрить императора с целью захватить Феодора, ибо султан «не считал безопасным для себя схватить нас обоих [Мануила и Феодора Палеологов], хотя, несомненно, мог это сделать». Точно также бегство Феодора из лагеря султана вызвало лишь «насмешки» султана.

Разумеется, подобное «благодушие» со стороны султана, его в целом мягкая позиция по отношению к отдельным случаям неповиновения со стороны Мануила II Палеолога и Феодора Палеолога объясняется вполне прагматическими соображениями. В зависимости от интересов момента Баязид поддерживал то правящую ветвь дома Палеологов, то Андроника VI и его сына Иоанна VII, то мятежных архонтов (претензии одного из которых, собственно, и стали причиной осложнения отношений Баязида и Феодора в период военной кампании в центральной Греции).

Играя на противоречиях, опираясь на лучшую в регионе армию, восхищения которой не смог сдержать даже Мануил II Палеолог, Баязид подавлял не только открытые военные выступления отдельных византийских лидеров против турок, но и саму возможность создания единого христианского антитурецкого фронта на Средиземном и Черном морях. Византийцы же предпочитали занимать промежуточную позицию, не позволявшую им пойти на сотрудничество с османами в условиях очевидной слабости империи и отсутствия реальной помощи от союзников. Так, «благоразумием» называет Мануил II Палеолог поведение брата, который «до самого конца и не выходил полностью из повиновения султану, как мог бы сделать кто-либо в полном отчаянии, и не сдавался ему».

С.Г. БОЧАРОВ
СИМФЕРОПОЛЬ

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ
ГЕНУЭЗСКОЙ ГАЗАРИИ XIV–XV ВВ.
КОНСУЛЬСТВО СОЛДАЙСКОЕ

Начиная с захвата Солдаи в 1365 г.¹ под контроль генуэзской администрации Каффы постепенно переходит и сельская округа города, которая состояла из восемнадцати селений, ранее находившаяся под протекторатом Золотой Орды². Это территориальное приобретение было закреплено договорами от 27 ноября 1380 г. и 24 февраля 1381 г.³ Увеличение генуэзских владений вызывает недовольство ордынской аристократии Крыма, что выливается в вооруженный конфликт 1385–1386 гг., получивший название «Солхатская война»⁴. Окончание «Солхатской войны» положил мирный договор, заключенный 12 августа 1387 года, который, среди прочих пунктов, окончательно закрепил права Генуи на селения округа Солдаи⁵. Локализации селений Солдаи (*cazalium Soldaie*) и, следовательно, определению границ консульства Солдайского посвящен настоящий доклад.

Список названий селений округа Солдаи по материалам массарий (бухгалтерских книг) казначейства Каффы был опубликован К. Десимо-

¹ ПЕТРОВ Н.И. Греческое рукописное евангелие XI века // Записки Императорского русского археологического общества. СПб., 1886. Т. I. С. 180; PISTARINO G. I Gin dell'Oltremare. Genova, 1988. P. 214.

² БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. № 57. С. 22.

³ BASSO E. Il «bellum de Sorchati» ed i trattati del 1380–1387 tra Genova e l'Ordo d'Oro // Studi genuensi. N.S. Genova, 1991. Vol. 8. P. 11–12.

⁴ Ibid., P. 14.

⁵ BALARD M. La Romanie génoise (XIIe – début du XVe siècle). Rome, 1978. Т. I. P. 161; BASSO E. Il «bellum de Sorchati»... P. 15.

ни и Л. Бельграно⁶, затем этот список был повторен в последующих работах⁷. В настоящее время существует два основных варианта размещения селений и границ консульства. Первый вариант предложен А.Л. Бертье-Делагардом: это территория южного и северного склона восточной части Главной гряды Крымских гор. В современной географической номенклатуре – участок от г. Белогорска до г. Старый Крым на северном склоне и участок от Канакской балки до села Солнечная Долина (Козы) на южном склоне⁸. Второй вариант – А.А. Васильева – размещает селения по южному, приморскому склону Главной гряды (от селения местности Эди – Эвлер в четырех милях восточнее Алушты (совр. Семидворье) до села Солнечная Долина)⁹.

После османского завоевания 1475 г. генуэзские владения в окрестностях Судака были преобразованы в судебно-административный округ (*qazā*) в котором, помимо города, насчитывалось 20 селений (включая пункты в окрестностях Алушты)¹⁰. Публикации отдельных данных османских переписей населения (*defter*) XVI и XVII вв.¹¹ позволяют сделать еще одну попытку локализации восемнадцати селений Солдайского консульства.

Генуэзские и османские топонимы были сведены в приведенную ниже таблицу (в скобках приведены количества семейств мусульман и христиан, курсивом отмечены изменившиеся к 1520 г. названия селений).

⁶ DESIMONI C., BELGRANO L.T. L'atlante idrografico del medio evo posseduto dal prof. T. Luxoro // *Atti della Societa Ligure di Storia Patria*. Genova. 1867. Vol. 5. P. 255.

⁷ HEYD W. *Histoire du commerce du Levant*. Leipzig, 1886. T. II. P. 210; БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов... С. 22; VASILIEV A.A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Mass. 1936. P. 181.

⁸ БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов... С. 23-30.

⁹ VASILIEV A.A. *The Goths in the Crimea*. P. 181.

¹⁰ VEINSTEIN G. From the Italians to the Ottomans: The Case of the Northern Black Sea Coast in the Sixteenth Century // *Mediterranean Historical Review*. 1986. Vol. 1. № 2. P. 223-224.

¹¹ VEINSTEIN G. La population du Sud de la Crimée au début de la domination Ottomane // *Mémorial Ömer Lûtfî Barkan*. Bulletin de l'Institut Français d'Etudes Anatoliennes. 1980. Vol. 28. P. 244. Tab. 3; FISHER A. *The Ottoman Crimea in Sixteenth Century* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1981. Vol. 5. № 2. P. 149-151.

ГЕНУЭЗСКИЕ (1380) ¹²	ОСМАНСКИЕ (1520) ¹³	ОСМАНСКИЕ (1652) ¹⁴	ТАТАРСКИЕ (1774) ¹⁵
Coxii	Qozlu (7 – xp)		Коз
Sancti Johannis	<i>Quri Özen</i> (1 – м, 76 – xp)	Куру Озен (28 – xp)	Куру-Узень
Tarataxii			Таракташ
Louolli	Vorin (2 – м, 23 – xp)		Ворон
de lo Sille	Taşlu	Шелен (8 – xp)	Шелен
de lo Sdaffo	<i>Monastir</i> (42 – xp)	Монастир (2 – xp)	
de la Canecha	<i>Cölmekci</i> (9 – xp)		
de Carpati	Arpadi (10 – xp)		Арпат
de lo Scuto	Usküt (93 – xp)	Ускут (19-xp)	Ускют
de Bazalega	<i>Kiçi Özen</i> (44 – xp)	Кучук Озен (35 – xp)	Кючюк-Узень
de Buzult	<i>Devaq</i> (2 – м, 12 – xp)	Тувак (35 – xp)	Туак
de Cara ihoclac	<i>Qutlaq</i> (2 – м, 51 – xp)		Кутлак
de lo Diauollo	<i>Qopsel</i> (21 – xp)		
de lo Carlo	<i>Qapshor</i> (56 – xp)	Капсихор (16 – xp)	Капсхор
Sancti Erigni	<i>Ulu Özen</i> (45 – xp)	Улу Озен (12 – xp)	Улу-Узень
Saragaihi			
Paradixii	<i>Toqluq</i> (17 – xp)	Токлук (2 – xp)	Токлук
de lo Cheder	<i>Ayaseres?</i> (25 – xp)	Ай Серес (7 – xp)	Айсерес

¹² VASILIEV A.A. The Goths in the Crimea. P. 181.¹³ VEINSTEIN G. La population du Sud de la Crimée... P. 244.¹⁴ ЕФИМОВ А. Из Османской налоговой ведомости. XVII век // Греки в истории Крыма. Краткий библиографический справочник. Симферополь, 2000. С. 286-287. Приложение 5.¹⁵ КЕППЕН П.И. О древностях Южного берега и гор Таврических. СПб., 1837. С. 78.

В списке 1520 г. указано на два селения меньше, чем в 1380 г., исчезают из списка Таракташ (Tarataxii) и Карагач (Saragaihi). Первое селение по неясным причинам не вошло в османский округ, второе в 1475 г. было уже покинуто жителями и там было всего пять домов, в трех были устроены стойла для волов, а в двух останавливались и жили люди во время сенокоса и посева¹⁶. Названия одиннадцати селений зафиксированных в дефтере отличаются от латинского написания топонимов. Названия пяти селений узнаваемы в обоих списках (Козы, Ворон, Шелен, Арпат и Ускут).

Границы Солдайского консульства определены, как «a Cosio usque ad Osdaffum»¹⁷. Понятно, что Cosio – Козы отмечает восточную границу консульства. В массарии Каффы за 1386 г. упомянуты четыре селения консульства, если они указаны в географическом порядке Lo Sdafo, Megapotamo, S. Johanis, Despitra¹⁸, то селение Сдафо-Осдафум следует искать западнее Мегепотама – Улу-Узеня и св. Иоанна – Куру-Узеня.

1. Coxii (Cosio – Qozlu) – село Солнечная Долина (быв. Козы) в 10 км северо-восточнее г. Судак¹⁹.

2. Sancti Johannis (Quri Özen) – село Солнечногорское (быв. Куру-Узень) в 14 км северо-восточнее г. Алушта и в 35 км юго-западнее Судака²⁰.

3. Tarataxii – село Дачное (быв. Таракташ) в 3 км северо-восточнее г. Судак²¹.

4. Louolli (Vorin) – село Ворон в 14 км северо-западнее г. Судак²².

5. de lo Sille (Tasili – Taşlu) – село Громовка (быв. Шелен) в 16 км северо-западнее Судака²³.

6. de lo Sdaffo (Osdaffum – Monastir) – приморское урочище Сотера в 10 км северо-восточней г. Алушта и в 42 км юго-западнее г. Судак. В урочище исследовались руины двухабсидного храма XII–XV вв.²⁴.

¹⁶ Милицин С.А. Дело братьев Гуаско / Секиринский С.А. Очерки истории Су-рожа. Симферополь, 1955. С. 86.

¹⁷ БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов... С. 22.

¹⁸ BALARD M. La Romanie génoise (XIIe – début du XVe siècle). P. 160, n. 193.

¹⁹ БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов... С. 23; VASILIEV A.A. The Goths in the Crimea. P. 181.

²⁰ VASILIEV A.A. The Goths in the Crimea. P. 181.

²¹ БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов... С. 25.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ ПАРШИНА Е.А. Средневековое поселение в урочище Сотера // Алушта и алуштинский регион с древних времен до наших дней. Киев, 2002. С. 130.

Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии ...

7. de la Canecha (Cölmekci) – средневековое селение в долина Канака (совр. курорт Луч) в 22 км северо-восточнее г. Алушта и в 27 км юго-западнее Судака²⁵.

8. de Carpati (Arpadi) – село Зеленогорье (быв. Арпат) в 20 км северо-западнее г. Судака²⁶.

9. de lo Scuto (Scuti – Usküt) – село Приветное (быв. Ускут) в 23 км юго-западнее г. Судака²⁷.

10. de Bazalega (Kiçi Özen) – село Малореченское (быв. Кучук-Узень) в 15 км северо-восточнее г. Алушта и в 34 км юго-западнее г. Судака.

11. de Buzult (Despitra – Devaq) – село Рыбачье (быв. Туак) в 18 км северо-восточнее г. Алушта и в 30 км юго-западнее Судака.

12. de Cara ihoclas (Qutlaq) – село Веселое (быв. Кутлак) в 7 км западнее г. Судака²⁸.

13. de lo Diauollo (Qopsel) – средневековое селение в урочище Капсель в 3 км восточнее г. Судака.

14. de lo Carlo (Qapshor) – село Морское (быв. Капсхор) в 14 км юго-западнее г. Судака.

15. Sancti Erigni (Megapotamo – Ulu Özen) – село Генеральское (быв. Улу-Узень) в 14 км северо-восточнее г. Алушта и в 39 км западнее Судака.

16. Saragaihi (Caragaihi) – средневековое селение в балке Карагач в 5 км северо-западнее г. Судака²⁹.

17. Paradixii (Toqluq) – село Богатовка (быв. Токлук) в 7 км северо-восточнее г. Судака.

18. de lo Cheder (Ayaseres) – село Междуречье (быв. Ай-Серез) в 10 км северо-западнее г. Судака.

Все селения османского судебно-административного округа (qazā) Судака (до 1475 г. селения генуэзского консульства Солдайского) расположены на Юго-Восточном побережье Крыма. Видимо, средневековые поселения, расположенные на северо-восточном склоне Главной гряды, никогда не входили ни в Солдайское консульство, ни в генуэзские владения вообще. Они находились на землях, контролируемых наместником крымского улуса Золотой Орды, а с 30-х гг. XV в. принадлежали крымским ханам из династии

²⁵ БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов... С. 25.

²⁶ Там же. С. 26.

²⁷ Там же.

²⁸ БРУН Ф. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса, 1880. Ч. 2. С. 144.

²⁹ БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов... С. 28.

Гиреев³⁰. Консульство Солдайское, включавшее восемнадцать селений, занимало территорию протянувшуюся на 50 км по южному склону восточной части Главной гряды Крымских гор. Эта полоса земли «от Козио до Осафу-ма» (Рис. 1) граничила на севере с землями Золотой Орды, на северо-востоке, в окрестностях села Солнечная Долина (Cosio), с кампанией Каффы, а на юго-западе, за территорией урочища Сотера (Lo Sdafo), – с генуэзским Алуштинским консульством.

³⁰ Бочаров С.Г. Храмы юго-восточного Крыма и вопрос о границах Солдайского консульства в XIV–XV вв. // VIII Донская международная археологическая конференция: Тез. докл. Ростов-на-Дону, 2002. С. 59.

Х.-Ф. БАЙЕР (H.-V. BEYER)
ЕКАТЕРИНБУРГ

БЫЛА ЛИ ДИНАСТИЯ АЛЕКСЕЯ,
ГОСПОДСТВОВАВШЕЙ НАД ГОТИЕЙ В XV В.,
ТАВРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ?

И. С. Пиоро сопоставил в статье, опубликованной в 1998 г., свидетельства о людях, которые в античности и в ранневизантийское время назывались таврами, а именно из Геродота, Страбона, Иосифа Флавия, Марка Аннея Лукана, Корнилия Тацита, Аппиана, Аммиана Марцеллина, Павла Орозия, Прокопия и других. Автор предполагает, что «уже в римское время термин «тавры» приобрел исключительно условный характер и использовался либо для наименования представителей иных народов, либо в качестве литературной традиции». Принципиально можно возразить, что из-за скудности информации и некоторых предрассудков о таврах (пиратство и человеческие жертвоприношения, как и у других древних народов) не следует предполагать их исчезновение. О греках дошли свидетельства от времени в 1000 лет и ранее до н.э. и до сего дня (т.е. более трёх тысячелетий). О римлянах известно немногим больше тысячи лет, но если дополнить их время временем истории тех народов, которые они романизировали – итальянцы, испанцы, португальцы, французы и другие – то это дополнит и время существования самих римлян. Поэтому, вообще не следует исключать примерно двухтысячелетнее существование тавров, к сожалению, без письменности.

На это указывает этноним «таурой» у Геродота в связи с «керкетами» и «торитами», проживавшими на Таманском полуострове, согласно анонимному географу примерно VI в. н.э. В его время, однако, как он нам сообщает, там жили евдусианы, говорящие на готском и таврическом языках. Указанием на черкесов может быть у Геродота также топоним «Каркинитис» – название пограничного города между

скифами и таврами. На пребывание черкесов в Крыму указывают топонимы «Кабарта» для верхнего течения Бельбека и «Черкес-Кермен» для Эски-Кермена. О том, что династия Алексея была черкесской, можно однозначно вывести из немецкоязычной хроники конца XV в., называющей Марию Мангупскую черкешенкой, кроме того и из замечания 1435 г. в Трапезунтском синаксаре о кончине Иоанна Черкеса, очевидно, тождественного старшему сыну Алексея. Трапезунтский богослов Иоанн Евгеник сочинил монодии на кончину сына Иоанна и спустя год – на самого Иоанна. Иоанн был достаточно знаменитым, чтобы быть удостоенным замечания в Трапезунтском синаксаре.

Н.Г. ПАШКИН
ЕКАТЕРИНБУРГ

ВИЗАНТИЯ В КОНЦЕПЦИЯХ ЕВРОПЕЙСКОГО УНИВЕРСАЛИЗМА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV В.

Первая половина XV в. – время оживленных контактов между Византией и Западом, прежде всего по вопросу о церковной унии. В связи с этим заслуживает внимания то значение, которое иногда придавалось данной проблеме в европейских кругах. Речь идет о том, что переговоры с византийцами нередко рассматривались здесь как один из факторов формирования политического климата на Западе.

Политическая система западного мира в XIV–XV вв. находилась под воздействием разнонаправленных тенденций интеграции и дезинтеграции. Наиболее ярким выражением последней тенденции стала европейская церковная схизма 1378–1417 гг. Своеобразным ответом на этот вызов стали универсалистские церковные и политические проекты, направленные на консолидацию христианского сообщества. Воплощением одного из таких проектов можно считать концилиаризм¹. Внешне он имел много общего с движением в сторону национальной церкви. Однако на самом деле концилиаризм призван был подчинить интересы наций в этой области принципу сохранения единой вселенско-католической церкви. Этот проект должен был реализоваться через церковный собор, становящийся выразителем религиозного единства Запада на фоне его политико-государственного размежевания².

Концилиаризм в этом качестве сомкнулся с империей, которая также являлась носителем универсалистских тенденций³. К тому же

¹ Концилиаризм – движение за реформу церкви на Западе, развернувшееся на церковных соборах первой половины XV в.

² WALLACH R. Der Abendländische Gemeinschaftsbewusstsein im Mittelalter. Leipzig-Berlin, 1928. S. 41.

³ ANGERMEIER H. Das Reich und der Konziliarismus // HZ. 1961. Bd. 192. S. 529–583.

упадок папства открыл для нее перспективы нового подъема. Это ярко продемонстрировала политика германского короля и императора Сигизмунда Люксембургского (1410–1438), утверждавшего свою роль в качестве покровителя церкви и западного христианства.

В этих проектах не оставался без внимания и византийский вопрос. Например, для императора Сигизмунда он стал одним из пунктов его европейской политики. В письме к английскому королю Генриху IV от 1412 г. он включил церковную унию с греками в один ряд с другими мероприятиями, имевшими своей целью внутреннее умиротворение Европы. Высшим проявлением этого универсализма стало обращение его к византийскому императору Мануилу II Палеологу (1391–1425) с предложением восстановить институт единой империи в духе традиций позднеримской государственности.

Со стороны папы Мартина V (1418–1431), избранного на Констанцском соборе в знак завершения схизмы, мы видим попытки использовать византийскую тематику в интересах восстановления религиозного мира на самом Западе. В 1418–1420 гг. папа дважды, по договоренности с греками, назначал легатов в Константинополь для переговоров о церковной унии. Они так и не приступили к исполнению этой миссии, однако в этом качестве успели выполнить поручения понтифика соответственно в Богемии и Испании. Как известно, именно там имела место оппозиция официальной церкви (в первом случае речь идет о движении гуситов, во втором – о последних рудиментах европейской схизмы). Очевидно, поставленная цель скорого воссоединения с греками должна была повысить эффективность миротворческих усилий папских дипломатов.

Базельский собор (1431–1449), стоявший на позициях концилиаризма, был склонен рассматривать предстоявшую церковную унию с Византией как продолжение своей политики по вопросу о гуситах. Об этом было официально заявлено в декрете XIX сессии от 1434 г., принятом после предварительных переговоров с греками. Весьма показательно, что одновременно на этой же сессии был принят другой декрет, смысл которого состоял в том, чтобы начать масштабную акцию крещения евреев и других иноверцев. Согласно этому документу, допускалось значительное ужесточение дискриминационных мер в отношении всех, отказавшихся переходить в католичество. Вероятно, практическое исполнение эти намерения должны были получить сразу после реализации церковной унии с византийцами.

В теории этот универсализм даже выходил за пределы распространения христианства. Некоторые убежденные сторонники концилиаризма считали возможным крещение мусульман и распростране-

ние христианской веры на исламский мир. Посол Базельского собора в Константинополе и выдающийся ученый-богослов Иоанн Рагузанский излагал подобные взгляды в 1436 г. в одном из своих писем. Необходимым условием для этого автор считал установление надежного мира в среде самих христиан и, следовательно, обязательное воссоединение с греками.

Таким образом, церковная уния с византийским Востоком должна была, по представлениям некоторых представителей Запада, стать фактором укрепления целостности самой латинской церкви и стимулом к сохранению ее внутреннего единства. В наиболее крайнем виде воссоединение с православными христианами мыслилось как необходимое звено в деле утверждения католической веры, свободной от каких-либо искажений, во вселенском масштабе.

*А.Г. ГЕРЦЕН
СИМФЕРОПОЛЬ*

МОЛДАВИЯ И КНЯЖЕСТВО ФЕОДОРО В 1475 Г.

В этом году исполнилось 500 лет со дня кончины известного румынского правителя Стефана III Великого. Этот незаурядный политический деятель пытался создать своеобразную систему «коллективной безопасности» перед лицом турецкой экспансии, опасность которой особенно возросла после захвата Константинополя в 1453 г. В сложной политической обстановке, характерной для Северного Причерноморья второй половины XV в., он вел активную дипломатическую деятельность, направленную на установление между государствами региона союзных отношений и создание антиосманской коалиции. Наиболее активными участниками этих дипломатических контактов являлись княжества Молдавское, Мангупское (Феодоро) и королевство Венгрия.

Наращение турецкой угрозы вызвало идеологическую реакцию в близлежащих странах. Она выразилась в усиленном интересе к византийскому наследию. Через двадцать лет после падения Константинополя возрастает интерес европейских правителей к багрянородным невестам. В один год, 1472, были заключены два брака на высшем государственном уровне. Иван III, великий князь московский, женился на племяннице последнего византийского императора Константина XI Софье Палеолог. В том же году политические отношения между княжеством Феодоро и Молдавией были закреплены браком между Стефаном III и сестрой князя Исаака Марией, вошедшей в историю как Мария Мангупская. Благодаря этому браку воевода вступал в свойские отношения с Палеологами и другими византийскими аристократическими фамилиями, значившимися в генеалогическом древе его супруги.

Рассмотрение вопроса о происхождении мангупской правящей династии не входит в задачу нашей работы, отметим лишь, что в этом отношении до сих пор можно считать справедливым замечание румын-

ского историка Н. Банеску (1935 г.) о том, что данный вопрос остается весьма темным. Исследователь лишь осторожно указал на возможность установления ее родственных отношений с фамилиями Палеологов и Великих Комнинов через браки кого-то из династов. Практически повторяют этот вывод и современные авторы – болгарский Ив. Божилов и российский В.П. Степаненко. Следует также отметить исследования румынских ученых Ст. Горовея и М. Шекели, которые вводят в научный оборот новые материалы, которые, можно надеяться, прольют свет на генеалогию мангупской княжны.

В последнее время справедливой критике подверглась весьма популярная гипотеза об армянских византийско-трапезундских корнях Мангупского княжеского дома. В соответствии с ней истоки династии возводили к знатному роду Гаврасов, представители которого, якобы, были сосланы в Херсон в XII в. Однако кроме переключки звучания этого имени с княжеской фамилией Ховры-Ховрины, нет сколько-нибудь веских доказательств в пользу этой версии.

Австрийский филолог Х.-Ф. Байер на основании румынской анонимной немецкоязычной хроники, в которой жена Стефана III названа черкешенкой, предполагает ее происхождение с Северного Кавказа. Однако нужно отметить, что черкесами в XIV–XVI вв. называли также алан-асов, появившихся в Таврике, по крайней мере, в IV в. Находящийся рядом с Мангутом средневековый город, разгромленный ордой эмира Ногай в конце XIII в., именовался Черкес-Кермен, как и соседняя с ним деревня. Это название зафиксировано Мартином Броневским в 1578 г. Аланы и готы были основными этническими компонентами, из которых формировалось средневековое население горной и приморской областей полуострова. Сведения о готах и аланах в Крыму, сохраняющих свою этническую идентичность, неоднократно встречаются в средневековых письменных источниках. В этой связи отметим еще один важный момент. Х.-Ф. Байер предположил, что отпрыск мангупской династии княжич Иоанн, умерший в Трапезунде, то же самое лицо, что и Иоанн Тсиарас, т.е. Черкес, скончавшийся в 1435 г. и похороненный в монастыре Георгия Перистерииона близ Трапезунда. Если это так, то прозвище Иоанна позволяет, конечно, с большой осторожностью, высказать предположение об аланских корнях Марии Мангупской. Иоанн, женатый на Марии Асанине Палеологине Цамбалоконине, был братом Марии из Феодоро, жены трапезундского царевича Давида Великого Комнина. Этим браком была открыта эпоха международного признания Мангупского княжества.

Важнейшим источником для исследования вопроса о происхождении Мангупской династии остается погребальная пелена Марии, храня-

щаяся в монастыре Путна. Изображенные на ней гербы Палеологов и Асанов указывают если не на родственные, то на свойские отношения мангупских династов с этими знатнейшими фамилиями империи. Никаких намеков на Ховров, тем более на Гаврасов, эта реликвия не содержит.

Косвенно в пользу причастности Асений к родословной мангупской элиты может служить археологическая находка, которая была сделана при раскопках т.н. «церкви Богородицы» в центре Мангупского плато. Это фрагмент вторично использованной известняковой плиты. К сожалению, верхняя ее часть не сохранилась, однако ясно, что на ней изображен стоящий на задних лапах геральдический зверь, возможно, лев, бывший гербом Асений.

Заключение брачного и политического союза между Сучавой и Мангупом наводило исследователей на предположение о претензиях Стефана, в случае изгнания турок, на трон возобновленной Византии или, по крайней мере, на княжество Феодоро. Вероятно, эти намерения не были тайной для Мангупа, и это привело к охлаждению отношений между двумя государствами. Для реализации крымских планов Стефана, кажется, была предпосылка – блестящая победа над турецким войском 10 января 1475 г. Вдохновленный ею, Стефан вступил в переговоры о союзе с генуэзской Кафрой для борьбы с крымским ханом и князем Феодоро, Исааком. Однако в преддверье усиливающейся опасности турецкого вторжения, генуэзцы проявили осторожность и не пошли на столь рискованный шаг, не желая обострять отношения с двумя влиятельными силами на полуострове.

После захвата Феодоро турками Стефан и вовсе охладел к мангупской княжне. Он увлекся Марией Войчитой, дочерью Раду Красивого, князя Валахии, которая после смерти Марии Мангупской (19 декабря 1477 г.) стала женой воеводы. Надо признать, что брак со Стефаном Великим был большой честью для маленького крымского княжества, вассала татарского хана. Пожалуй, только высокая, но не вполне понятным путем приобретенная, титулатура невесты, привлекла внимание господаря, который, как и Иван III Московский не прочь был разработать византийский сюжет.

Пытаясь найти возможность противодействия нарастающей турецкой угрозе, князь Исаак вел переговоры о выдаче замуж мангупской княжны, имя которой осталось неизвестным, за московского царевича Ивана Молодого. Этому союзу помешал захват турками Мангупа. Заметим, что когда этот брак не состоялся, Иван III остался верным избранному им южному направлению своей политики – в 1483 г. царевич Иван женился на Елене, дочери Стефана III от первого брака (с княжной Евдокией, сестрой киевского князя Семена Омельковича). Однако, соглас-

но легенде, он стал и жертвой этой политики, будучи отравленным махехой, «деспиной», Софьей Палеолог.

Ощущая неизбежность турецкого вторжения, князь Исаак даже пытался наладить дружественные отношения с Мехмедом II. Вероятно, это было негативно воспринято как его подданными, так и союзниками. Наиболее резкой была реакция со стороны Стефана III. По мнению А.А. Васильева, он фактически инспирировал дворцовый переворот в княжестве Феодоро. Намеком на это служит посольское донесение венгерскому королю Матфею Корвину, датированное июнем 1475 г. В документе сообщается, что Стефан направил брата его жены Александра в княжество Манго. Генуэзское судно доставило его к пункту, названному генуэзским источником «Яспо». Вероятно, подразумевается бухта Ласпи в 20 км к югу от Мангула. Местность эта входила в состав капитанства Готия, территориального подразделения генуэзской Газарии, административным центром которой являлась крепость Чембало (Балаклава). Очевидно, генуэзская администрация, встревоженная протурецкими настроениями соседнего правителя, способствовала действиям Стефана III по устранению Исаака и замене его на более радикально настроенного Александра. Стефан предоставил корабль и 300 вооруженных валахов, которые помогли Александру добыть престол. Эти воины, вероятно, составили костяк гарнизона, защищавшего Мангул впоследствии. Вероятно, его миссия нашла поддержку внутри княжества, и, прежде всего, в самой правящей верхушке. Иначе трудно объяснить столь легкое устранение Исаака. Александру понадобилось всего три дня, чтобы, по словам генуэзского источника, «овладеть отцовским наследием» и подчинить княжество своей власти.

Важно, что эти события произошли накануне высадки турецкого экспедиционного корпуса под Кафкой (31 мая 1475 г.). Таким образом, свержение, сопровождавшееся, очевидно, и убийством Исаака, или же его преемника, произошло весной 1475 г.

Накануне турецкого вторжения неустойчивой была политическая обстановка не только в княжестве Феодоро. Внутренний конфликт разразился и в Крымском ханстве, где был свергнут хан Менгли-Гирей. Его бегство к генуэзцам и обращение татарской знати за помощью к Мехмеду II стало поводом для вторжения турок на полуостров. Турецкий флот с экспедиционным корпусом во главе с великим визирем Кедук Ахмед-пашой 31 мая появился в виду Каффы, 1 июня состоялась высадка, а 6 июня город открыл ворота победителю.

Падение Каффы было для Стефана Великого сигналом об усилении турецкой угрозы для его владений. Он пытался найти помощь у своего сюзерена, венгерского короля Матфея Корвина, прозорливо намекая на

то, что угроза со стороны турок является общей, как для Молдавии, так и для Венгрии.

После захвата турками Каффы, Солдаи и других, менее значительных, генуэзских крепостей на южном побережье Крыма, наступила очередь владений Мангупа. Источники содержат информацию только о действиях турок против столицы княжества. О сопротивлении других укреплений, например, Каламиты, построенной в устье реки Черной в 20-х гг. XV в. для защиты главного и, возможно, единственного морского порта княжества, они ничего не сообщают.

Героическая оборона Мангупа, в которой активное участие принимали воины присланные Стефаном Великим, несомненно, на некоторое время затормозила турецкое завоевание важнейших городов-крепостей на северо-западном побережье Черного моря. Только в 1484 г. преемнику Мехмеда II Баязиду удалось овладеть Килией и Монкастро (Аккерманом). Таким образом, акция Стефана Великого в поддержку Александра может рассматриваться не только как чисто политическое действие, направленное на смену правителя, но и как попытка реализации замысла стратегической антиосманской обороны в бассейне Черного моря. Военная и дипломатическая деятельность воеводы на этом поприще выгодно выделяет его из ряда правителей других стран региона. К сожалению, действия эти, во-первых, не получили должной поддержки, а во-вторых, они запоздали перед лицом безмерно усилившейся Османской империи, подмявшей под себя Балканские страны и остатки Византии.

В отношении общей оценки взаимоотношений Молдавии и Феодоро и их роли в жизни черноморского региона можно привести высказывание А.А. Васильева о возможности сравнения деятельности Стефана Великого с князем Алексеем, правившим в 20–40-х гг. XV в., и ставшим наиболее известным из мангупских князей. «Конечно, они принадлежали двум различным периодам: Алексей умер между 1444 и 1447 гг., а Стефан в 1504. Однако они имеют много общего. Оба в течение своего долгого правления не прекращали бороться со своими врагами. Оба вели активную строительную деятельность в их странах. Оба искали союзников и друзей на Западе и хорошо ориентировались в событиях, происходивших в Западной Европе. Своими достоинствами они заслужили высокий авторитет за пределами своих стран. Хотя они и не были самыми значительными правителями Востока, тем не менее, заслужили заметное место в истории европейской цивилизации».

К.И. ЛОВИКОВА
ЕКАТЕРИНБУРГ

КОРАНИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В ТРАКТАТАХ ГЕОРГИЯ ТРАПЕЗУНДСКОГО

Трактаты Георгия Трапезундского «Об истинности христианской веры» (1453 г.) и «О вечной славе самодержца» (1466 г.) дают возможность современному читателю представить, как их автор, переживший крушение византийской империи, пытался открыть для себя мир ислама и примирить его с христианством.

Постигнуть основные положения ислама без чтения Корана невозможно, и Георгий в своих работах обсуждает некоторые коранические сюжеты. В одном из трактатов он заявляет, что заповеди священной книги мусульман не противоречат христианству. А то, что это на самом деле так, как обещает автор, «будет доказано не только с помощью неписанных законов, но и через сам Коран»¹.

Непосредственное обращение византийцев к тексту Корана было редким явлением. Основная работа, содержащая множество цитат из Корана и его систематическое опровержение, – это трактат Никиты Византийского «Опровержение книги, выдуманной арабом Мухаммедом» (IX в.). Этот трактат послужил источником для последующих поколений византийских полемистов.

В отличие от Никиты, Георгий избегает систематического цитирования Корана. Он обращается к священной книге мусульман только тогда, когда цитата подтверждает христианский догмат.

В трактате «Об истинности христианской веры» мы находим всего три цитаты из священной книги мусульман. Первая цитата из четвертой суры Корана, призванная, с точки зрения автора, подтвердить христиан-

¹ ZORAS G. Γεώργιος ὁ Τραπεζούντιος καὶ αἱ πρὸς ἐλληνοτουρκικὴν συνεννόησιν προσπάθειαι αὐτοῦ. Ἀθήναι, 1954. Σ. 97.146-158 (далее в тексте – Zoras).

ский догмат о том, что Христос есть Слово Божие, особенно часто повторяется Георгием: «Итак, в главе «Элнесан», что переводится как «Женщины» [написано]: «Христос – говорит [Мухаммед] – Иисус, сын Марии, является Словом Божиим и Душой Бога и Дыханием Бога» (Zoras, 107.390). Эту же цитату Георгий повторяет и в трактате «О вечной славе самодержца»². Следует отметить, что в этом трактате Георгий реже ссылается на Коран, по сравнению с сочинением «Об истинности христианской веры». При цитировании Георгий допускает неточность, так как в Коране сказано, что Иисус является словом и духом, но не душой Бога (Коран. 4.171). Кроме того, текст приведен тенденциозно. Георгий не цитирует аят полностью, так как основной его смысл заключается в отрицании христианского догмата о Троице.

В другом месте Георгий еще раз цитирует суру «Женщины»: «В главе «Энесан» дословно написано так: «О, товарищество книги, то есть верующие, не говорите о Боге ничего кроме истины, [а именно] что Христос Иисус есть сын Марии и посланник Божий и Слово Божие, вложенное в нее с помощью Духа Святого» (Zoras, 108.419-424). Георгий так интерпретирует процитированный отрывок: «Словом Божиим он называет Христа не относительно человеческой [природы], но относительно [природы] Логоса. Ибо в Христе существуют две природы. Одна [природа] есть Слово Божие, и не мы, христиане, ни вы, мусульмане, не можем этого отрицать. Ибо о Слове Божиим говорят все Писания, и ветхое, и новое, и Коран» (Zoras, 105.342 – 106.452).

Автор непоследовательно транскрибирует арабское название главы то как «Элнесан», то как «Энесан». Георгий вновь цитирует аят не полностью, опуская несколько предложений и по-своему комбинируя высказывание, что искажает его смысл (Коран. 4.171). Безусловно, этот стих из четвертой суры был отмечен особым вниманием автора: в трактатах он ссылается на него восемь раз.

Цитата из пятой суры приводится автором без искажений: «Написано и в главе «Элмайдан», что переводится как «Трапеза», что «товарищество книги не имело бы значения, если бы не исполнило Евангелие и закон» (Zoras, 106.353). Но Георгий неверно интерпретирует текст: «Товариществом [книги] он [Мухаммед] называет мусульман» (Ibid.). В действительности «товариществом книги» или «людьми писания» пророк Мухаммед называет христиан и иудеев, призывающих следовать заповедям Торы и Евангелия (Коран. 5. 68).

² Collectanea Trapezuntiana: texts, documents and bibliographies of George of Trebizond / Ed. J. MONFASANI. N.-Y., 1984. XII.1 (далее в тексте – СТр.).

В остальных случаях обращения Георгия к Корану мы можем говорить только о пересказе священной книги мусульман. Своим утверждением, согласно которому «и во многих других местах Корана сам Мухаммед называет Христа Словом Божиим», Георгий отсылает читателя сразу к нескольким сурам: 3, 4, 19 и 35 (Zoras, 106.353).

Автор имеет в виду текст третьей и пятой суры, когда отмечает, что о Евангелие «сам Мухаммед, такой великий и такой могущественный, свидетельствует как о святом совершенном и истинном и называет [его] наставлением» (Zoras, 105.342 – 106.352).

Георгий не обходит вниманием очень важное утверждение Корана, согласно которому Бог не имел сына и женщины. Вот что автор пишет об этом: «Поэтому Мухаммед, такой великий и могущественный, и его последователи поступают, как мне кажется, хорошо и разумно, когда провозглашают, что Бог не имеет сына потому, что не имеет женщину, но имеет Слово и Дух. Ибо в точности этому учит закон мусульман, и невозможно это отрицать» (Zoras, 111.515 – 112.524). Георгий по-своему истолковывает текст Корана, недвусмысленно направленный против христианского догмата о Троице, в частности против представления о том, что Иисус Христос является Сыном Бога и Богом. Георгий так интерпретирует приведенное им утверждение: «Откуда ясно, что мусульманский закон отрицает, что Бог имеет такого сына, [который возник так, как те], которые возникли от растления женщин, но такого имеет, который происходит от ума, вне тления возникшее Слово, которое повсюду проповедают и провозглашают. Это же самое мы, христиане, проповедуем, в это верим, это исповедуем» (Ibid.).

Георгий с почтением упоминает тот урок смирения, который преподал христианам пророк Мухаммед, когда сказал, что сам он не понимает всех смыслов Корана: «Если кажется нам, что божественные писания противоречат друг другу, и кажется, что один из пророков часто сам себе противоречит, то значит мы не понимаем их правильно и полагаем, что понимаем как должно из-за хвастовства и высокомерия. Но не таков был Мухаммед, он явно признал и написал о себе, что не понимал во многом Коран, чтобы воспитать нас, жалких, не высокоумствовать, где следует разуть, но исследовать тщательно все писания» (Zoras, 114.576-589). Таким образом, автор вновь ссылается на третью суру (Коран. 3.7).

Не укрылось от внимания Георгия и то, что в Коране недвусмысленно отрицается смерть Христа (Коран. 4. 157). Автор вынужден согласиться, что в этом христиане и мусульмане действительно не согласны друг с другом. Но это различие представляется Георгию незначительным (Zoras, 159.1898-1902; СТр. XV. 4, 8). Дело в том, что согласно

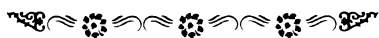
мусульманскому преданию, с которым Георгий, очевидно, был знаком, Христос еще не умирал, но умрет, когда наступит конец света, после прихода Антихриста (Zoras, 159.1898-1902).

Георгий мог основываться одновременно на тексте Корана и предании мусульман, для описания чудесного вознесения пророка Мухаммеда (Zoras, 114.566-576; Коран. 53. 13-18).

Итак, Георгий цитирует фрагменты только из двух сур, при этом допускает неточности и неверное, часто тенденциозное толкование текста. В пересказе автора упоминаются утверждения из двадцати трех сур, включая процитированные (всего в Коране 114 сур). Автор демонстрирует также некоторое знание мусульманского предания, толкование Георгием мусульманской традиции не содержит явных искажений.

Из сказанного следует, что Георгий, безусловно, читал Коран. Он намеренно пользовался Кораном очень избирательно для того, чтобы не опровергать священную книгу мусульман там, где она явно противоречит христианству. Именно поэтому его трактаты не позволяют сказать с большой степенью точности, насколько хорошо и полно он знал текст священного писания мусульман и насколько хорошо понимал прочитанное. Сам Георгий признавался, что ему было трудно понять смысл написанного в Коране: «Я желал понять писания мусульман, чтобы прочитанное мною привести в соответствие с предшествующими [отрывками] и с последующими, [тогда] понял бы я смысл высказывания, насколько это возможно для меня» (Zoras, 138.1320-1325).

Таким образом, Георгий Трапезундский поставил свое знание текста Корана и мусульманского предания на службу христианской апологетики. Опираясь на текст Коран, он стремился доказать Мехмеду Завоевателю, которому были адресованы трактаты Георгия, истинность христианства. Тем самым Георгий Трапезундский пытался сделать диалог двух религий более плодотворным. Тем не менее, он был далек от объективного и систематического цитирования и объяснения Корана, так как цель, которую преследовал Георгий, накладывала на него определенные ограничения.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В. Йотов
Варна

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА СКАНДИНАВСКОЙ И РУССКОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА НИЖНЕМ ДУНАЕ

До недавнего времени в научной литературе упоминалось лишь три-четыре надежных археологических свидетельства о влиянии и проникновении скандинавской и русской материальной культуры на Нижний Дунай. Речь идет о нескольких бронзовых наконечниках для ножен мечей, один наконечник рукояти меча и нескольких глазурованных глиняных яиц. В последние десятилетия число подобных памятников увеличилось.

Необходимо сделать уточнение, что памятники о которых будет идти речь ниже, имеют универсальный характер и их могли носить и использовать долгое время люди, принадлежащие к разным этносам. Более важно сделать попытку установить происхождение находок – североευропейское, ретроспективно скандинавское или русское, и указать их самые близкие параллели.

Первая и основная группа этих памятников связана с вооружением¹.

Топоры.

1-4. Два топора, один из которых происходит из Врачанского, а другой из Шуменского региона (Рис. 1-1), имеют особенности, характерные для скандинавских находок подобного вида оружия – мотивы изображений на поверхности очень схожи с мотивами, происходящими из скандинавской и североευропейской среды².

¹ Основные памятники опубликованы в: Йотов В. Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI в.). Варна, 2004.

² ХЕРМАН Й. Славяне и норманни в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 30-31. Рис. 14.

Есть также два топора из Северо-Восточной Болгарии, которые имеют формы, определяющие их как скандинавское или русское влияние. У них есть параллели, прежде всего, среди находок в так называемых дружинных некрополях Киевской Руси, относятся они к X – началу XI в.³

Мечи.

5. Меч из района средневековой крепости у с. Опака, Поповско (Рис. 1–2)⁴.

Наконечник рукояти, перекрестье, ширина желоба и сечение клина, определяют его как тип К по J. Petersen. Согласно хронологическому принципу этого автора, тип К относится к мечам ранней эпохи викингов (первая половина IX в.)⁵, хотя, возможно, на Дунай он попал позже.

6–8. Мечи из музея в Констанце, Румыния.

Речь идет о трех мечах. Один из них найден вблизи поселка Albesti (к западу от Мангалии), а остальные два неизвестного происхождения из внутренней Добруджи. На одной из поверхностей меча из Albesti есть врезанная надпись, которую возможно прочесть с помощью специального анализа. Согласно классификации J. Petersen все три меча относятся к типам E/W, X, V и датируются второй половиной X – началом XI в.⁶

9. Меч из поселения у с. Градешница, Врачанско.

В классификации J. Petersen подобные мечи относятся к типу Z с датировкой второй половиной X – серединой XI в.⁷ Происхождение этих типов мечей неясно, так как они встречаются по всей Европе.

10. Меч из с. Говежда, Монтанско.

Большинство исследователей относят подобные мечи к группе, в которой есть разнообразие типов и вариантов – тип Ха («мечи времени викингов») согласно классификации E. Oakeshott⁸, с датировкой началом XI в. и последующими столетиями, тип III (?) или, скорее, V согласно классификации А.Н. Кирпичникова с датировкой XII в., но автор

³ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени (IX–XIII вв.). М.;Л., 1966. Вып. 2. С. 35. Табл. XII, 5; XVIII, 1, 4.

⁴ ПАРУШЕВ В. Средновековен меч от Поповско (края на X – началото на XI век) // Археологически вестн. 1999. № 1. С. 31–32.

⁵ PETERSEN J. De norske vikingsverd. Kristiania, 1919. S. 176.

⁶ Ibid. S. 75–80, 156–167.

⁷ Ibid. S. 175–177.

⁸ OAKESHOTT E. Records of the medieval Sword. Rochester, 1991. P. 50.

допускает и более раннюю датировку⁹ и тип XV согласно классификации A. Ruttka (XII–XIV вв.)¹⁰.

Мечи из Градешницы и Говежды, вероятно, связаны с походами венгров на Балканы (конец первой трети X – середина XI в.)¹¹. Северо-европейское, ретроспективно скандинавское влияние в случае этих двух мечей не подлежит сомнению.

11-12. Два наконечника рукояти мечей.

Один из них обнаружен в крепости на острове Пэкуйл луй Соаре¹² (возможная резиденция князя Святослава в 971 г.), а второй – неизвестного местонахождения из Северо-Восточной Болгарии. На поверхности железа обоих наконечников есть гравировка из серебра с мотивами – спирали и переплетающиеся линии. Согласно классификации J. Petersen они относятся к типу S и датированы X – началом XI в.

13-25. Наконечники ножен мечей (Рис. 1–3, 4; 2–1).

Наконечники представляют собой ажурные или плотные футляры, прикрепленные к деревянным ножнам. Все они имеют округлую несимметричную, ромбовидную, треугольную или более сложную форму с выпуклыми или вогнутыми плечами. Сечение эллипсовидное. Изготовлены из бронзы путем литья. Представлены основные типы согласно классификации P. Paulsen и Г. Корзухина¹³.

Вторая и третья группа – предметы быта и памятники религиозного культа.

26. Пряслица для веретена (Рис. 2–2).

Пряслица выработаны из розового и фиолетового шифера, что направляет к известному производственному центру в Овруче, Россия и датируется XI в.

27. Ритуальные яйца с глазуровкой (Рис. 2–3).

Все исследователи связывают эти яйца с культурой средневекового Киева XI–XII вв.

Пряслица и яйца были обнаружены в нескольких средневековых поселениях: на территории позднеантичной крепости *Dinogetia*, средневековой крепости Исакача в Румынии и, как стало известно в последнее время, на поселении вблизи с. Одорци, недалеко от Варны,

⁹ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. С. 56–57. Рис. 10.

¹⁰ RUTTKA A. Op.cit., S. 255–259. Abb. 1.

¹¹ ДИМИТРОВ Хр. Българо-унгарски отношения през средновековието. София, 1998. С. 71–98.

¹² POPA R. Knaufkrone eines Wikingerzeitlichen Prachtschwertes von Pacului lui Soare // *Germania*. Bd. LXII. S. 425–431.

¹³ См.: PAULSEN P. Schwertortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart, 1953; КОРЗУХИНА Г.Ф. Из истории древнерусского оружия XI в. // СА. 1950. Т. 12. С. 63–94.

время, на поселении вблизи с. Одорци, недалеко от Варны, а также на поселении в районе Римских терм в Варне.

Основные пути, по которым памятники скандинавского и русского происхождения достигали земель на Нижнем Дунае – это варяго-русские военные и торговые походы на Константинополь в IX – середины XI в., а также найм варягов и норманнов на службу в Византийской империи в конце X – начале XI в.¹⁴ В тоже время, датировка большинства памятников может привести нас к выводу о том, что вероятнее всего это материальные следы походов киевского князя Святослава (968, 969–971 гг.), во время которых последовательно были взяты почти все значимые центры Первого болгарского царства¹⁵.

Помимо варягов и норманнов, наемников в Византии, вполне возможно, что некоторые из упомянутых выше предметов могут быть связаны с печенегами, которые имели прямые торговые и военные контакты с Киевским государством в X – начале XI в., а с 50-х гг. XI в. располагаются к югу от Дуная.

¹⁴ О варяжских и норманнских наемниках на византийской службе см.: ВАСИЛЕВСКИЙ В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков. Действительная история Гаральда и его верингов в Константинополе // ЖМНП. 1875. Ч. 177. С. 394–451.

¹⁵ О походах Святослава см.: Льв Дякон. История // ГИБИ. Т. V. С. 247–274; Йоан Скилица. Кратка история // ГИБИ. Т. VI. С. 259–274.

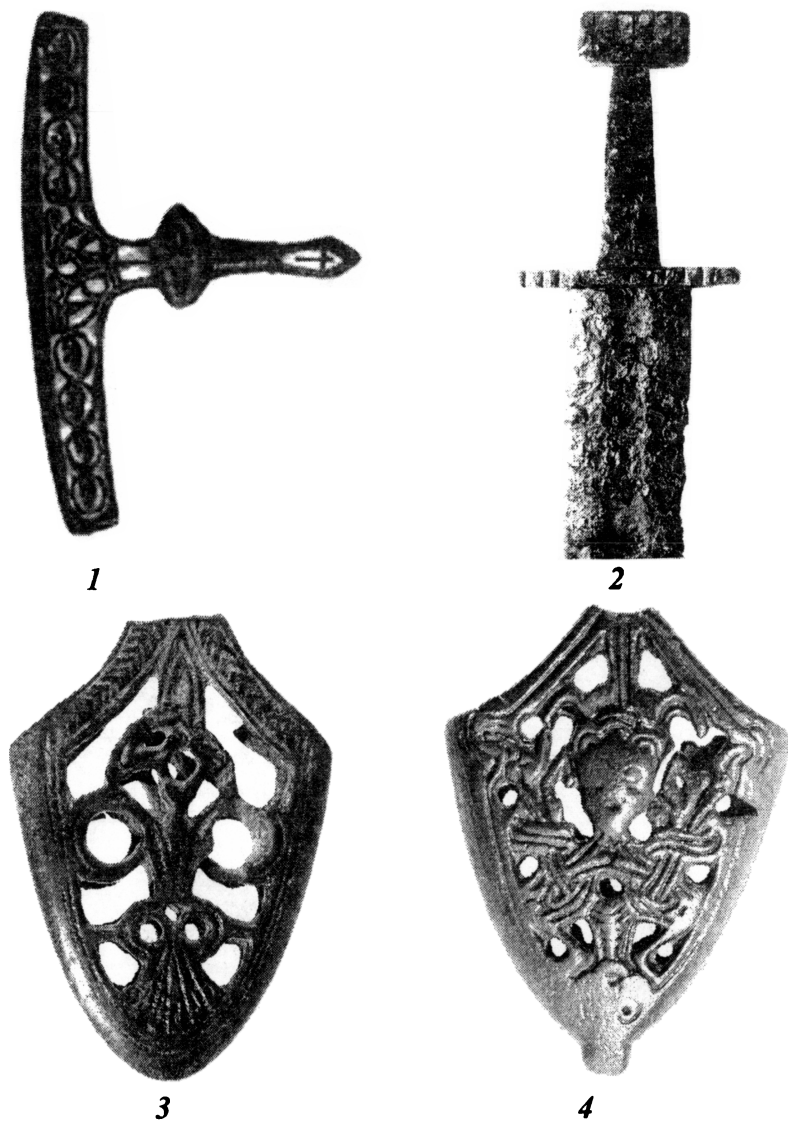

Рис.1. 1 – топор; 2 – меч; 3–4 – наконечники ножен мечей

1**2****3**

Рис.2. 1 – наконечник ножен меча; 2 – пряслица; 3 – ритуальные яйца

А.И. АЙБАБИН
СИМФЕРОПОЛЬ

ВИЗАНТИЙСКАЯ КРЕПОСТЬ НА ГОРЕ ЭСКИ-КЕРМЕН В КРЫМУ

Столовая известняковая гора Эски-Кермен (в переводе с татарского Старая Крепость) находится в Бахчисарайском районе в 6 км южнее с. Красный Мак, в юго-западной части Второй гряды Крымских гор. Первое описание Эски-Кермена опубликовал П.И. Кеппен¹. Верхняя часть склонов горы и поверхность изрезана высеченными в известняке пещерами. Н.И. Репников насчитал на Эски-Кермене 357 пещерных сооружений. В литературе Эски-Кермен и другие укрепления, расположенные на плоских вершинах гор Второй гряды – Мангуп, Чуфут-Кале, Качи-Кальон, Бакла, Тепе-Кермене, Сюрень и другие – называют пещерными городами.

На плато и склонах его южной части с 1928 по 1937 гг. Ф.И. Шмит и Н.И. Репников раскопали остатки оборонительных сооружений, базилику, храмы и дома. В 1978–1982 гг. А.И. Айбабин продолжил исследование некрополя, а Е.А. Паршина доследовала базилику. В 2003 г. экспедиция Крымского отделения института востоковедения возобновила работы на городище и могильнике.

Н.И. Репников, опираясь на интерпретацию найденных на городище и некрополе материалов предположил, что укрепления соорудили в V в. Он полагал, что именно это городище являлось столицей описанной Прокопием готской области Дори, которую после хазарского вторжения в 962 г. перенесли на гору Мангуп. По словам Н.И. Репникова, «... вассальный Дори – своего рода *limes Tauricus* – не мог не иметь ад-

¹ КЕППЕН П.И. О древностях Южного берега и гор Таврических. СПб., 1837. С. 252-260.

министративного укрепленного центра»². Гипотеза о тождественности области Дори с *limes Tauricus* – хорошо оборудованной системы укреплений, протянувшейся от Херсона на западе до Боспора на востоке, созданной для защиты от кочевников по приказу Юстиниана, принадлежит А.А. Васильеву. По его словам, в систему входили крепости Алустон, Горзубиты, Мангуп и упомянутые Прокопием построенные императором Юстинианом «... на подступах в горные обиталища готов» длинные стены³. В английском издании своей монографии А.А. Васильев согласился с предложенной Н.И. Репниковым локализацией Дороса⁴. А.Л. Якобсон⁵ и М.А. Тиханова⁶ выступил против отождествления раннего Дороса с Эски-Керменом. Оборонительную стену Эски-Кермена А.Л. Якобсон отнес к VI в.⁷ Однако, А.К. Амброз поддержал гипотезу Н.И. Репникова⁸.

Очевидно, страной Дори называлась территория от Алустона и Лучистого до устья реки Черной и Балаклавы⁹. Впервые данный топоним упомянут в написанной при императоре Анастасии в 491–518 гг. Латинской грамматике Присциана. В двух упражнениях назван находившийся в Понтийском регионе оппидум или кивитас Дори¹⁰. Созвучность имен оппидума и области Дори служит достаточным основанием для локализации данного городка в пределах последней. В более поздних источниках в повествовании о событиях начала и второй половины VIII в. со-

² РЕПНИКОВ Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. 1932. Т. 12. С. 136, 137.

³ ВАСИЛЬЕВ А.А. Готы в Крыму // ИГАИМК. 1927. Т. 5. С. 182; VASILIEV A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass. 1936. P. 72, 73.

⁴ VASILIEV A.A. The Goths in the Crimea. P. 72.

⁵ ЯКОБСОН А.Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. II: Мангупская базилика // СА. 1940. Вып. 6. С. 220.

⁶ ТИХАНОВА М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. № 34. С. 320.

⁷ ЯКОБСОН А.Л. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа // КСИИМК. 1949. Вып. 29. С. 61.

⁸ АМБРОЗ А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 65.

⁹ АЙБАБИН А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 111.

¹⁰ Prisciani Grammatici. Caezariensis Institutionum Grammaticarum / Ed. M. HERTZII. Leipzig, 1855. Libri XVIII. VI, 1. S. 195; VII, 1. S. 283.

общается о крепости Дори-Дорас, лежащей в готской земле¹¹. Материалы раскопок свидетельствуют о строительстве укреплений на плато Мангуп, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Бакла и на Тепе-Кермене не ранее последней четверти VI в. Данный факт согласуется со словами Прокопия о том, что в стране Дори «... император нигде ни города, ни крепости не построил»¹². Суммируя информацию письменных источников можно предположить, что оппидум Дори возник в готской области до конца V в. Однако, в отличие от Мангупа, на Эски-Кермене не обнаружены следы какой-либо жизнедеятельности в V в. и во время правления Юстиниана.

В результате многолетних археологических раскопок на плато Эски-Кермен и на расположенном на его юго-восточном склоне некрополе выявлены находки второй половины VI – первой половины XIV в. Исследованные на Эски-Кермене строительные остатки и пещерные сооружения можно отнести к трем периодам.

На плато культурный слой первого периода сохранился лишь у стен. В нижнем слое, накопившемся у оборонительной стены, содержались фрагменты амфор второй половины VI – VII вв. Довольно сложно судить о первоначальной планировке городища. Большая часть площади северной половины плато оставалась незастроенной. Во время военных действий там могли найти убежище и жители окрестных поселений. Северную и южную половины городища разделяла поперечная оборонительная стена. Дома первого строительного периода уничтожили в процессе более поздней жизнедеятельности. В сброшенном на склоны плато слое содержались фрагменты сосудов второй половины VI – VII вв. Архитектурной доминантой являлась большая трехнефная базилика, возведенная византийцами в центральной части плато в конце VI – начале VII в.¹³ От базилики к находящимся на южном мысу крепостным воротам вела заглубленная в скалу главная улица шириной 2 м.

Наиболее полно сохранились ранние укрепления Эски-Кермена. Целиком раскопан южный узел обороны, состоящий из протейхизмы с двумя воротами и двумя калитками, главных ворот с остатками предвратных боевых площадок и башней, оборонительной стены, от которой сохранились вырубленные в скале «постели», башенного комплекса и пещерных каземата и караульного помещения. На склоне южного края

¹¹ VASILIEV A. A. The Goths in the Crimea. P. 91-92; Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 31, 32, 124, 155, 163.

¹² Procopius. De Aedificiis // Opera Omnia. Libri VI. Lipsiae, 1764. Vol. IV. III, 7, 16.

¹³ Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 45.

плато зачищена вырубленная в скале дорога, ведущая к главным воротам. На восточной стороне плато раскрыты пещерные каземат и укрытия для караульных, укрепленная калитка, осадный колодец и довольно длинные участки оборонительной двухпанцирной стены с забутовкой. На западной стороне плато обследованы пещерные башни и казематы, укрепленная калитка и отдельные участки двухпанцирной оборонительной стены. На северном мысу сохранился пещерный дозорный комплекс¹⁴. Облицовочная квадратная кладка стен, их конструкция – два панциря из блоков и забутовка между ними – характерна для поздне-римских и византийских крепостей¹⁵. Такие элементы южного узла, как форма и позиция башни и протейхизма, обычны для ранневизантийской фортификации¹⁶. Скорее всего, укрепления сооружены византийскими инженерами в последней четверти VI в.

На Эски-Кермене поселились обитавшие в ближайшей округе ала-ны и готы. Судя по погребениям на некрополе, воины жили вместе с семьями. Основываясь на информации византийских историков, можно предположить, что в крепости уже с конца VI в. находилась резиденция подчинявшегося командиру византийских войск в Херсоне архонта примыкавшего к ней региона – архонтии¹⁷. Во время хазарского господства в Юго-Западном Крыму (VIII – 40-е гг. IX в.) архонтиями или климатами называли административные районы Готии, имевшие крепость или городок с резиденцией архонта. Таковыми являлись крепости на плато Мангуп (Дорас), Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Тепе-Кермен, Бакла и, возможно, некоторые другие.

Очевидно, в первый период были созданы не связанные с домами крупные зерновые склады. В многочисленных вырубленных в скале ямах, имевших форму пифосов емкостью более 500 л и закрывавшихся каменными крышками, вмещались десятки тонн зерна.

Второй период в истории городища скорее всего начался в 840-е гг. после возвращения климатов Готии под контроль Византии. В конце IX в. производится реконструкция главной базилики, а у главных ворот в нижней части основного массива скалы и на площадках подъемной дороги были вырублены пещерные храмы. Судя по зачищенным на тер-

¹⁴ Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен. С. 43-45.

¹⁵ Яковсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. С. 71; Foss C., Winfield D. Byzantine fortifications. Pretoria, 1986. P. 25-27, 240. Fig. 92.

¹⁶ Воронов Ю.Н., Бгжаба О.Х. Крепость Цибилуим – один из узлов кавказского лимеса Юстиниановской эпохи // ВВ. 1987. Т. 48. С. 117, 118. Рис. 3.

¹⁷ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 114, 143, 147-148.

ритории некрополя многочисленным захоронениям второго периода, численность населения городища вряд ли значительно сократилась.

Третий период по монетам и керамике датируется XII–XIII вв. Почти всю территорию южной части плато занимали прямоугольные кварталы, сооруженные по обе стороны главной улицы. Они состояли из 1–3 усадеб, церковно-погребального комплекса, винодельни, зерновых ям и цистерн. Каждая усадьба состояла из двухэтажных жилых и хозяйственных построек и огражденного каменным забором двора. Нижние этажи зданий строились из камней на подтесанной скальной площадке. Верхние этажи возводились из дерева и сырца, а иногда из камня. Крышу накрывали плоской черепицей. Во многих усадьбах вырубали подвалы. По расчетам Е.В. Веймарна средняя площадь усадеб составляла 75–150 м². По его мнению, на городище в XII–XIII вв. было построено до 600 усадеб, в которых проживало от 2500 до 3000 человек¹⁸. Вероятно, в XIII в. к доминировавшей в центральной части городища базилике пристроили часовню. В конце XII – XIII в. на городище и на склонах вырубили храмы, стены которых расписали фресками. Под фресками храма «Трех всадников» сделана надпись с датой «12... г.»¹⁹.

Усадьбы на плато погибли в результате пожара. В подвале одного из помещений нашли скелеты женщины, мужчины и ребенка. На костях женщины лежала золотая монета никейского императора Феодора II Ласкариса (1254–1258). Из слоя пожарища извлекли фрагменты черепиц, лепных и поливных сосудов, плоскодонных двуручных амфор и трехручных кувшинов второй половины XIII – XIV в. Вероятно, город разрушили татары в конце XIII в. Находка на городище высеченной из местного известняка модели крестовокупольного храма XIII–XIV вв.²⁰ свидетельствует о сохранении какой-то жизнедеятельности на плато и в XIV в.

¹⁸ ВЕЙМАРН Е.В. Жилые усадьбы Эски-Керменского городища // АДСВ. 1982. Вып. 19. С. 69–85.

¹⁹ РЕПНИКОВ Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок... С. 108.

²⁰ ЯКОБСОН А.Л. Модель храма из раскопок Эски-Кермен в Крыму и проблема нового архитектурного стиля в Византии // Зограф. Белград, 1976. Кн. 7. С. 30–33.

Б.Б. Овчинникова

ЕКАТЕРИНБУРГ

КРЕПОСТЬ «ГОДЛИК» ЛАЗАРЕВСКОГО РАЙОНА ГОРОДА СОЧИ

Крепость в устье р. Годлик располагается на северо-восточном побережье Черного моря в трех километрах к юго-востоку от пос. Лазаревское г. Сочи рядом с санаторием «Чемитоквадже».

Крепость представлена руинированными частями стен и башен на замкнутом пространстве площадью около 2,5 га (Рис.1). С конца 50-х до начала 90-х годов XX столетия на развалинах старой крепости дислоцировалась воинская часть. Остатки стен крепости использовались в качестве ее ограждения. Полностью разрушена и занята различными современными постройками территория крепостного двора. После расформирования воинской части появилась возможность изучения этого уникального фортификационного сооружения. Исследования были приняты отрядом Уральского государственного университета им. А.М. Горького в течение пяти полевых сезонов 1992–1996 гг. под руководством автора настоящей статьи. Однако первые археологические раскопки на крепости проводились еще в 1957 г. Н.В. Анфимовым. Ему удалось установить размеры, снять план сооружения, заложить исследовательские шурфы. По завершению работ он пришел к заключению, что крепость относится к XIV–XV вв.¹ По мнению же другого кавказского исследователя Ю.Н. Воронова, визуально изучавшего ее в 1960-е гг., этот оборонительный комплекс пережил два строительных периода: в V–VIII вв. – «крепость Багу», упоминаемая византийским историком Псевдо Аррианом, и в XIV–XV вв. – генуэзская постройка². К сожалению, обе эти точки зрения слабо аргументированы, а описание

¹ Анфимов Н.В. Отчет о работе Сочинского отряда за 1956 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 1385; Он же. Отчет Сочинского отряда за 1957 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 1675.

² Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.

памятника лишено было рассмотрения тех типологических особенностей, которые ему были присущи.

В процессе исследовательских работ в 1990-е гг., после снятия мощных завалов современного мусора, расчистки участков стен от зарослей, были частично открыты нижние (не задетые перестройками) ряды кладки, фундаменты, в отдельных местах цоколи и подстилающие крепость слои. Были уточнены конструктивные, строительно-технологические, композиционные особенности данного сооружения³. Начались работы по реконструкции всего крепостного ансамбля⁴. Все это уже сегодня позволяет провести определенные обобщения, которые дают основание для попытки включения изучаемого памятника в широкий историко-культурный контекст, связанный с взаимодействием Византии и ее провинций, а затем и соседей.

Основные строительные особенности крепости в устье р. Годлик ясно свидетельствуют о весьма продолжительном ее функционировании, возможно на протяжении более десятка столетий. Естественно, этот период не был непрерывным, он отмечен взлетом и падением, разрушением и восстановлением, но уже в новых строительных решениях и в зависимости от этнической принадлежности на определенных хронологических этапах ее существования. Все это находит отражение в архитектурных и строительных особенностях фортификационных сооружений, вошедших в систему древних оборонительных сооружений вытянутых вдоль северо-восточного побережья Черного моря в районе от Туапсе до Адлера.

Одним из характерных признаков, объединяющих фортификацию Византии и территорий сфер ее влияния, как справедливо отметила Н.И. Бармина⁵, является выбор места для устройства оборонительного комплекса в окружающей природно-ландшафтной среде. Он никогда не был случайным и всегда соответствовал определенным критериям. Как

³ Овчинникова Б.Б. Отчеты об археологических исследованиях фортификационного сооружения крепости в устье р. Годлик Лазаревского района г. Сочи в июле-августе 1993–1995 гг. // Архив ИА РАН; Она же. Итоги полевых исследований Лосской археологической экспедиции Уральского государственного университета им. А.М. Горького (1987–1997 гг.) // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Екатеринбург, 1997. С. 7-47.

⁴ Симиненко В.И., Поздников В.М. Градостроительная реставрация старой крепости вблизи п. Лазаревское г. Сочи (авторская реконструкция) // Археология, архитектура и этнокультурные процессы... С. 116-130.

⁵ Бармина Н.И. К вопросу об особенностях крепости «Годлик» // Археология, архитектура и этнокультурные процессы... С. 49.

правило, выбирались возвышенности, холмы, утесы, скальные плато прибрежных мысов, имевших неприступные обрывы. Соблюдались два основных условия – возможность широкого обзора и естественная труднодоступность⁶. Несмотря на то, что в настоящее время топография местности сильно изменена, градостроительный анализ крепости «Годлик» в природном окружении, проведенный ведущими архитекторами УралГАХа В.И. Симиненко и В.М. Поздниным, показал сохранность пространственно-визуальных связей места возведения крепости у берега моря на возвышенности и характерных элементов ландшафта. Отмечено также, что в результате разбора скальных пород береговой полосы при строительстве железной дороги Адлер-Туапсе, утрачена не только южная часть крепости, но и важный участок естественного ландшафта, связывающий крепость с морем. И все же, несмотря на значительные физические утраты и урбанизацию местности, крепость «Годлик» все же сохранила свое доминирующее положение в окружающем ландшафте⁷.

Неполная картина современного состояния планировки крепости связана с активной трансформацией рельефа и береговой полосы. Причинами изменений служили природные тектонические явления и техногенные вмешательства. Наиболее существенные нарушения со стороны моря произошли при строительстве железной дороги. Заметим также, что уровень моря периодически менялся. Предположительно в конце I тысячелетия нашей эры уровень моря был выше ныне существующего на несколько метров (3-4 м). Смоделированный архитекторами рельеф места с использованием метода интерполяции, позволил выстроить предполагаемые контуры берега моря периода сооружения и функционирования крепости: это был берег, с выходящей в море на 200 м косой и лагуной, что создавало удобства для причаливания, разгрузки и укрытия судов⁸. Сегодня весьма сложно представить первозданный архитектурный облик крепости, так как строительный объем каменной кладки сохранился всего лишь на 40%. И все же в результате расчистки объекта по периметру стало возможным рассмотреть дошедшие до нас структуры крепостного сооружения. Они сохранились в виде семи участков стен и строений башен: северная стена длиной около 275 м; восточная стена длиной 65 м; юго-восточная стена – около 115 м; внутренняя стена цитадели – около 58,5 м; северо-восточная угловая башня; северо-западная башня со сквозным проездом; южная полукруглая башня (Рис.

⁶ Всеобщая история архитектуры. М., 1966. Т. 3. С. 8.

⁷ Симиненко В.И., Поздник В.М. Градостроительная реставрация... С. 118-119.

⁸ Там же.

1, 2). Согласно реконструкции стен крепости и башен по объему каменных завалов, стало возможным определить их высоту, соответственно 7,5-8 м и 10 м. Вероятно, стены и башни имели боевые ходы и традиционные зубчатые завершения⁹ (Рис. 2).

Особенности строения на крепости Годлик характеризуются разнообразными техниками кладки крепостных стен: как куртин так и башен, причем во многих хронологических периодах строения соблюдается римско-византийская традиция кладки: двухпанцирная с внутренней забутовкой или, как говорят архитекторы, трехслойная конструкция «в корзинку». Из двух византийских архитектурно-строительных школ, Сирийской и Константинопольской, данная крепость по технологии возведения больше тяготеет к Сирийской, унаследовавшей традиции античной архитектуры¹⁰. В отличие от Константинопольской, где активно использовались кирпич и бетон в открытом виде, в Сирии и восточных провинциях империи преобладало строительство с применением тесаного камня (V–XV вв.). Заимствуя технические приемы византийских мастеров, аборигены с учетом местных условий весьма активно стали использовать их в строительстве важнейших стратегических сооружений, в частности, вдоль перевального транскавказского пути этого района – через Красную поляну на Северный Кавказ.

Разновременное строительство крепости просматривается как в каменной кладке стен и башен так и в особенностях их архитектуры. Предположительно можно выделить несколько этапов в строительстве и функционировании крепости «Годлик». Вначале был возведен основной массив стен, обозначивший контуры крепости, о чем свидетельствует однородная структура кладки. Затем были возведены сторожевые башни, строительство которых велось по всему периметру крепостных стен с протяженностью куртин 110-120 м. Находки в крепости, представленные в основном фрагментами керамики, на наш взгляд, позволяют выделить первый этап существования крепости – VIII–X вв. Присутствие среди фрагментов «хазарской» посуды дает возможность выдвинуть гипотезу, что в данную эпоху жизнь на территории крепости Годлик проходила в контакте с местными племенами при лидирующей роли на исторической арене Хазарского каганата. Что же до конструктивных особенностей оборонительных стен крепости, то в них явно проявляется в это время элемент традиционности. Как известно, именно с IX в. начинается наиболее интенсивное строительство крепостей как опорных стратегических пунктов, предназначенных для защиты важных

⁹ Симиненко В.И., Поздникин В.М. Градостроительная реставрация... С.118-119.

¹⁰ Там же. С. 120-124.

горных перевалов и служивших убежищем для населения в случае опасности. Можно сказать, что, типологические особенности расположения крепости «Годлик» и ряд ее конструктивных черт, позволяют отнести ее к кругу оборонительных сооружений стратегического характера. Именно они получили широкое распространение на северо-восточной линии кавказского побережья в IX–XIII вв. в связи с включением этой территории в общен исторический процесс феодализации Северного Кавказа, Нижнего Дона, Нижнего Поволжья, именуемых на карте в эпоху правления византийского императора Константина Богородного «Аланией» и «Хазарией»¹¹.

Сохраняя византийские традиции в технике строительства крепости, можно наблюдать присутствие новых элементов в кладке при сооружении башен. Так при необходимости пристройки угловой башни (а может ее замены или надстройки) в характере панцирной кладки появляются сейсмоустойчивые выравнивающие ряды панциря из плоских камней. В этом прослеживаются уже сложившиеся местные архитектурные приемы и формы, которые встречаются и на других древних крепостях этого региона: Хостинская, Бешенка-2 и др. При археологических раскопках этой башни в стене, которая продолжает крепостную, монолитом составляющая внутреннюю стену угловой башни, был обнаружен проем шириной 185 см с арочным завершением. Это дает возможность полагать наличие в этом месте некогда – до пристройки башни – главного въезда на территорию крепости. Интерес представляет и так называемый каменный мешок, образованный средней и южной стенками башни, видимо, служивший тайником для хранения припасов. В момент функционирования крепости догадаться о «тайнике» было практически невозможно, ибо средняя стена башни воспринималась как наружная. Интересную функцию выполнял и выявленный при расчистке столб, явно пристроенный вплотную к средней стене позже. Как выяснилось при реконструкции, это сохранившаяся часть сигнальной наблюдательной башни высотой около 7 м¹².

На какой-то период жизнь на крепости «Годлик» замирает и вновь бурно возобновляется в XIV–XV вв. Именно к этому времени можно отнести конструктивные изменения на крепости, когда на территории внутри крепостного двора, ближе к береговой линии, строится дополнительная стена, отделяя «цитадель» (Рис. 1, 2). В кладке последней очевидны новые строительные приемы, нехарактерные для местных сооружений: применяется принцип кладки «в елочку», известный для ге-

¹¹ Бармина Н.И. К вопросу об особенностях крепости «Годлик». С. 53.

¹² Симиненко В.И., Поздникин В.М. Градостроительная реставрация... С. 124.

нуэзской техники строения¹³. Кроме того, завершается эта стена развалинами полукруглой башни, сооружение аналогичных также приписывают генуэзцам. Очевидно, крепость Годлик в этот период функционирования являлась генуэзской торговой факторией. Однако заметим, что вскрытие околостенной территории с внутренней стороны «цитадели» выявило дополнительную конструкцию, типичную для местной традиции строительства – контрфорс, который укреплял стены в месте стыковки основной стены крепости со стеной «цитадели». Вероятно, это был наиболее опасный оползневой участок. Кроме того, данное конструктивное сооружение выполняло функции боевой площадки. Такие прямоугольные контрфорсы, обращенные к морю, характерны для крепостей данного региона (Монашка-2, Ачипсинская и др.). Рядом с этим сооружением был заложен раскоп, с южной стороны примыкающий к двухчастной башне, имеющей сквозной проезд с внутренней стороны крепостного двора на внешнюю береговую линию реки Годлик.

Рекогносцировочные исследования крепостного двора «цитадели» обнаружили площадку, некогда занятую установленными в материковые ямы пифосами, в которые, скорее всего, могло ссыпаться привозимое зерно. Вероятно, здесь же производилась и его обработка, так как на этой территории при раскопках обнаружены несколько фрагментов и целые жернова. Кроме того, на участке раскопа, выявлены остатки хлебной печи-тандыр. Все это свидетельствует о принадлежности крепости в период XIII–XIV вв. к торговой фактории.

В более поздних слоях данного памятника присутствует керамика местных племен XVI в. Видимо, до момента забвения этой крепости многонациональное население ее постепенно покидало крепостной двор, а молчаливые свидетели прошлого – оборонительные стены и башни крепости Годлик – превращались в руины.

Очевидно одно, что наличие крепостных укреплений в данном регионе с характерной византийской кладкой и более поздними генуэзскими перестройками, а также обнаружение здесь культовых памятников христианского зодчества дает возможность предполагать, что именно этот район – прибрежная полоса Северо-Западного Кавказа – являлся своеобразным пограничьем политического взаимодействия и культурного взаимообогащения мира цивилизаций с народами Кавказа.

¹³ Воронов Ю.Н. Отчет о разведках в г. Сочи в 1969 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 4055.

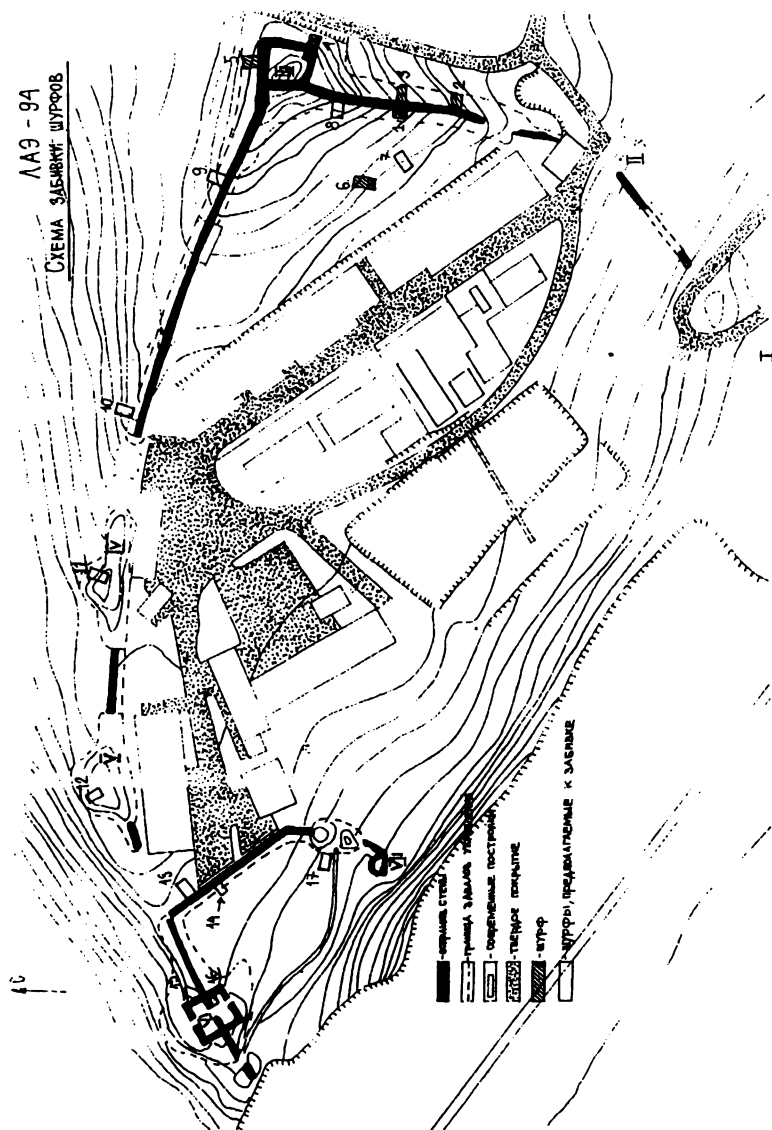

Рис.1 – план крепости «Годлик»

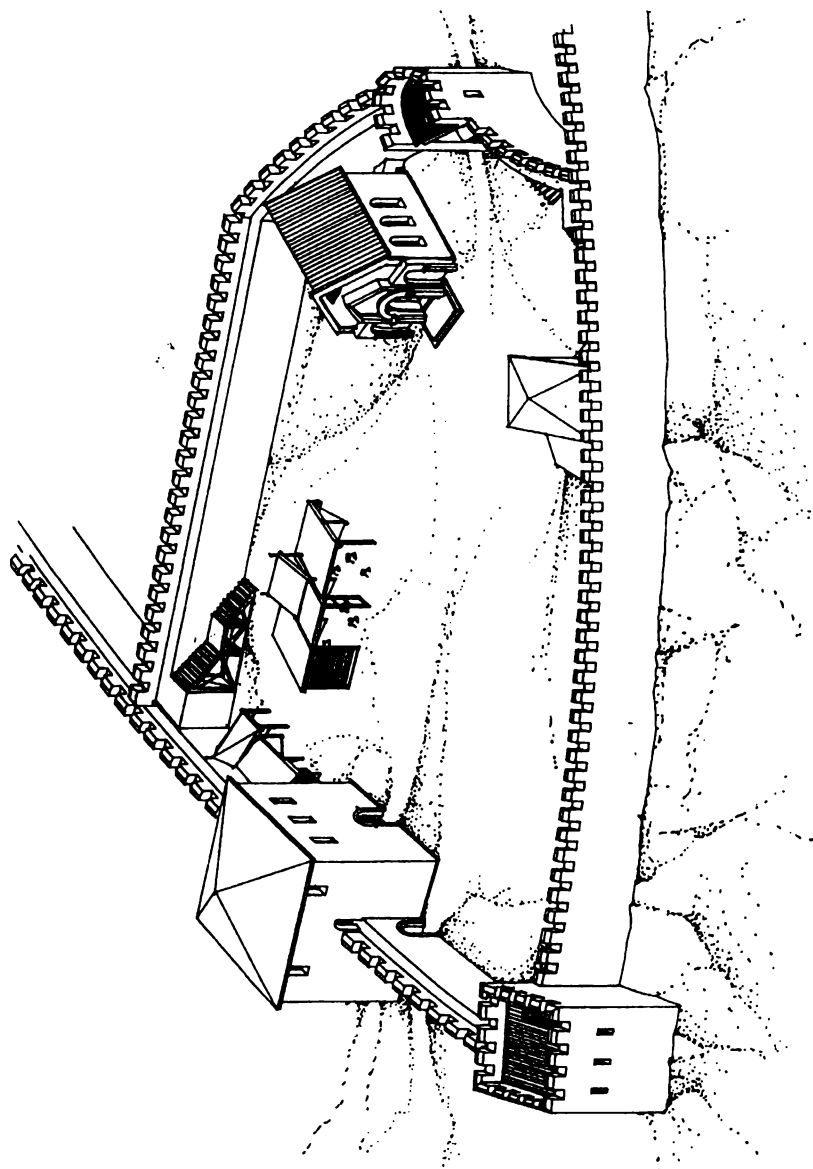

Рис.2 – «Цитадель» крепости «Годлик» (реконструкция А.Ю. Чемякина)

В. НЕШЕВА
СОФИЯ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ БОЛГАРСКИЙ ГОРОД X–XV ВВ.
(ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ЮГО-ЗАПАДНОЙ БОЛГАРИИ)

Масштабные археологические исследования в Болгарии, в основном второй половины XX в., показывают, что при всей общности закономерностей, существуют значительные различия в формировании и развитии средневековых городов. В значительной они находились в зависимости от природо-географических и исторических условий района, центром которого город являлся. В этом отношении интересный пример нам дает Юго-Западная Болгария, а конкретнее – средняя часть долины реки Струмы.

Этот район играл важную роль в истории средневековой Болгарии. Здесь проходил главный путь всех больших варварских нашествий на Балканы с III до начала VII в. Далее область на несколько столетий превратилась в арену многочисленных болгаро-византийских военных столкновений, а в XIV в. здесь развернулись сербско-византийские военные действия. Этот горный район, населенный в основном славянами, имел важное стратегическое значение благодаря непосредственной близости, с одной стороны, ко второй столице Византии Фессалонике и к Эгейскому морю, а с другой – к Средецу-Софии, откуда открывались широкие связи с Центральной и Западной Европой. Дороги с направлением восток – запад вели к Филиппополу, Адрианополю, Константинополю и Адриатическому побережью. Природные богатства – горы и леса, плодородные поля, минеральные водные источники, переходносредиземноморский климат, привлекали племена и народы с глубокой древности.

Начиная со второй половины IX в., когда князь Борис в результате мирного договора с Византией в 864 г. официально присоединил район

к своему государству, почти не было болгарского владельца, который не стремился бы владеть им.

В этом районе, на самом перекрестке вышеуказанных дорог, среди изумительно красивой природы южной окраины гор Пирина, надежно охраняющих местность своими высокими и недоступными хребтами, находится город Мельник, один из наиболее археологически исследованных больших болгарских средневековых городов. Благодаря своему местоположению и климату, этот город, в римской древности центр императорского имения, созданного при Траяне, в средневековье часто привлекал к себе владельцев и их близких родственников – высших феодалов Болгарии, Византии и Сербии. Судя по данным археологии и по письменным источникам, Мельник являлся главным административным, культурным и религиозным центром Северо-Восточной Македонии (в географическом смысле названия) со второй половины IX до начала XX в. После 1913 г., в результате Балканских войн, в районе наступил серьезный демографический кризис – население переселилось, в основном, в Грецию и территория опустела. Ныне это самый маленький город на Балканах – всего около 250 жителей. Благодаря богатому культурному наследию он стал археологическим, историческим, архитектурным и художественным заповедником – центром туризма. В Мельнике не осуществляется современное строительство и поэтому хорошо сохранилась средневековая и ренессансная атмосфера.

В истории Мельника отражается историческая судьба всех македонских земель, с их славой и падениями. Помимо этого, в Мельнике, по данным археологии, отражаются также все характерные особенности зарождения и развития средневекового города Юго-Западной Болгарии (Македонии). Он является одним из примеров нового типа поселений раннего средневековья, возникнувших во второй половине IX в. на месте ранневизантийских (V–VI вв.) крепостей на высоких, труднодоступных холмах. Он отличается от ряда подобных поселений в Северной Болгарии, например, от хорошо исследованного Тырново (столица государства в XII–XIV вв.), которые оставались неукрепленными в IX–XI вв. Таким образом, Мельник является представителем т.н. городов-крепостей. В первую очередь, он надежно укреплен, как это отмечается византийским хронистом Иоанном Скилицей в начале XI в. Во второй половине IX в. здесь была восстановлена старая византийская крепость, а к концу X – началу XI в. были добавлены новые крепостные сооружения. Также была восстановлена ранневизантийская церковь, связанная с миссией епископа Климента, с крещением и утверждением новой славянской письменности в юго-западных болгарских землях (Македония).

В условиях натурального хозяйства во время Первого Болгарского царства в Мелнике развивалась металлургия железа. У подножия крепости был неукрепленный пригород. На его основе в период византийской власти в болгарских землях (XI–XII вв.) город продолжил расширяться и развиваться, достигнув к XII в. положения одного из центральных городов Империи, по словам арабского географа Идриси. А в XIII в. он стал столицей государства, отделившегося от Тырновского царства. Правил здесь царский родственник деспот Алексей Слава, который стал зятем латинского константинопольского императора Анри, а позже, в результате второго брака с французской принцессой, стал родственником эпирского императора Феодора Комнина. Именно тогда окончательно оформилась топография города.

Крепость на холме разделяется на две части: (1) цитадель, в которой живет феодал (замке) и глава церкви (в ансамбле при митрополитской церковью), и (2) религиозная часть, где находятся монастыри, которые своими пиргами (башнями) принимают участие в обороне крепости. Город у подножия крепости, который состоял из нескольких кварталов (со своими доминантами-церквями), очень хорошо укрепляется пятью парами башен на подступах. Расширяется каменное строительство домов, которое началось еще в XII в. Также развивается ремесло, торговля и искусство.

Политическая судьба Мелника отличается от судьбы столицы – Тырново. Власть часто меняется – то болгарская, то византийская, то сербская, то город оказывается под контролем независимых феодалов. Подобные процессы имели место и в других городах южной Болгарии XIII–XIV вв. Каждый новый владелец старался внести какой-то вклад – то строили дома, церкви или украшали их стены росписями, то восстанавливали старые здания и сооружения после частых землетрясений. Болгарский царь Иван Асен II, болгарский боярин Драгота, византийские императоры Иоанн Ватац, Михаил VIII Палеолог, Андроник II Палеолог, Иоанн Кантакузин, сербские короли Стефан Душан, Стефан Урош, протосеваст Хрелье, господин Константин Драгаш – все они и многие другие известные исторические лица присутствуют в истории Мельника до конца XIV в. Город в этом отношении можно определить как принадлежавший к «семье балканских владетелей». Такие города на территории Болгарии – это Филиппополь (Пловдив), Месемврия (Несебр).

Мельник развивался как один из главнейших балканских центров христианства, находившихся под эгидой Константинопольской церкви, в тесной связи с монастырями Афона. В источниках XIV в. его называют «Богозданный», «Богоохраняемый». В эпоху турецкой власти (конец

XV – начало XX в.) он, в отличие от ряда городов, продолжает свое развитие с незначительными изменениями в градоустройственной структуре и в культуре. Интересно то, что в нем и в окрестностях турецкая колонизация была незначительной. Город до начала XX в. оставался митрополитским центром, один из опорных пунктов Константинопольской патриархии. В нем было свыше 70 церквей и монастырей. Археологические исследования дают возможность проследить в Мелнике непрерывное развитие архитектуры, быта, ремесла, искусства с IX по XX в.

С. ГОРЯНОВА
СОФИЯ

ГОРОДСКОЙ КВАРТАЛ – УЛИЦА – ДОМ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ БОЛГАРИИ XII – XIV ВВ.

Средневековый город как историческое явление давно привлекает внимание европейской исторической и археологической наук. Интерес к нему многосторонний – способы и модели формирования средневековых городов, региональные особенности, топография и развитие городской среды, власть в городах и их отношения с центральной властью, характеристика экономики и ряд других. Многие из этих исследованных элементов показывают существенные различия для стран Западной Европы, Византии и государств, связанных с ней в культурном и историческом отношении.

Средневековая Болгария, находясь на перепутье между Востоком и Западом, испытывала на себе влияние с обеих сторон и в отношении становления городских центров. Нужно отметить, однако, существенный перевес византийских, балканских моделей в этом процессе. В некоторых исторических исследованиях наблюдается достаточно серьезный уклон к изысканию в Болгарии приложения знакомых западноевропейских практик при формировании и развитии поселений городского типа. Считаем эту тенденцию преувеличенной, имея в виду народную психологию болгар, центральную власть и ее отношения с различными социальными группами населения. Исследования всех этих процессов в землях Болгарии периода XII–XIV вв. в значительной степени затруднено отсутствием достаточных и надежных документов, свидетельств о жизни болгарских городов эпохи средневековья. По этой причине исследования немногочисленны и часто крайне дискуссионны.

Яркие и точные впечатления о каждом городе человек приобретает, прогуливаясь по его улицам и кварталам, рассматривая фасады близких и отдаленных строений, пересекая его различные и обособленные квар-

талы. Так как превратности болгарского исторического развития не дают возможности реализовать подобные наблюдения для средневековой эпохи, то единственный способ реконструировать эти представления дают археологические раскопки.

В Болгарии в продолжение последнего столетия исследованы центральные части некоторых больших средневековых городов. Это столица Второго болгарского царства Тырново, важные административные, экономические и религиозные центры Червен, Дрыстыр, Несебр, Пловдив, Берое, Перник, Видин, Ловеч, Цепина, а также некоторые небольшие центры городского типа. Раскопаны сотни жилищ разнообразных по размерам и устройству. Их изучение происходило не изолировано, а в связи с другими элементами городской среды. В различной степени для отдельных населенных пунктов установлены взаимоотношения между средневековым болгарским домом и другими компонентами города — улицей, площадью, храмом, рынком, постройками общественного характера. Они имеют свои особенности для каждого отдельного города в зависимости от характера местности, времени постройки и динамики их индивидуального развития. Назрела необходимость создать обобщенное представление о топографии средневековых болгарских городов, установить связь между городской средой, кварталом, улицей и домом с точки зрения усвоения и гармонического сочетания ограниченной городской территории и человека.

М.И. ЗОЛОТАРЕВ, С.В. УШАКОВ
СЕВАСТОПОЛЬ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ РАЙОНЕ ХЕРСОНЕСА (СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ)

Вот уже более десяти лет экспедиция Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Крымского филиала Института археологии НАН Украины проводит раскопки в Северо-восточном районе Херсонеса. За эти годы почти полностью закончено исследование одного (ХСVI) квартала, расположенного к юго-востоку от Восточной Базилики, рядом с «главной» улицей Херсонесского городища.

Первые раскопки здесь проводило еще Одесское общество истории и древностей в 70–80-е гг. XIX в.¹ Общество под руководством полковника Геммельмана раскопало около половины квартала. К исследованиям второй части данного квартала удалось вернуться только в 90-е гг. XX в.

В общей сложности за эти годы нашими работами были исследованы пятнадцать помещений средневекового времени и внутриквартальный двор. Строительные остатки (стены помещений) сохранились на высоту до трех метров. Мощность культурного слоя составляла от 0,2-2,5 м во дворе до 2-2,5-3 м в помещениях.

Большая часть строительных остатков и напластований культурного слоя относятся к средневековому времени. Рассмотрению памятников этого периода и посвящен настоящий доклад.

Все помещения квартала располагаются вокруг внутриквартального двора. Стены сложены из обработанных или полубработанных блоков известняка или бута на грязевом растворе. Обычная толщина стен достигала 0,7-0,75 м. Кладка стен двухслойная, порядовка в основном соблюдается. В отдельных случаях изнутри стен сохранилась известково-глиняная обмазка (штукатурка). Помещения получили условные номера обозначения от 1 до 15 (преимущественно в порядке очередности

¹ ЗОЛОТАРЕВ М.И., УШАКОВ С.В. Один средневековый жилой квартал в Северо-восточном районе Херсонеса // ХСб. 1996. Вып. VIII.

исследований). Сохранившиеся остатки представляли собой подвалы зданий. Работы 2002 г. показали, что почти все сохранившиеся помещения квартала строились в несколько этапов, в XII–XIII вв.

Хронологическая колонка средневековых памятников ХCVI квартала распадается на два яруса. Небольшие строительные остатки и напластования культурного слоя более раннего времени относятся преимущественно к X – первой половине XI в., остальные – к XII–XIII вв.

В помещении 12, почти у самой стены поперечной улицы, в юго-западной части квартала находился колодец, шахта которого была вырублена в материковой скале. Глубина колодца около 11 м, диаметр – около 1,5 м. При строительно-планировочных работах второй половины X в. колодец был засыпан на две трети своей глубины, а полностью – около середины XIII в. Керамический комплекс засыпи представлен многочисленными фрагментами амфор и тарных плоскодонных кувшинов с ленточными ручками X–XI вв. и, соответственно, материалами XII–XIII вв. В этой же засыпи были найдена в большом количестве разнообразная белоглиняная и красноглиняная глазурованная посуда (также во фрагментах, иногда крупных). Эти материалы могут служить надежным основанием для датировок строительных этапов Херсонеса средневекового времени².

Строительные остатки и напластования культурного слоя IX – начала XI в. сохранились в помещениях 2, 7, 9, 10. Среди керамических находок (помещение 2) можно отметить светлоглиняное глазурованное блюдо с рельефным изображением трех сидящих фигур святых. Более многочисленные, но не столь выразительные фрагменты поливной светлоглиняной керамики со штампованным орнаментом найдены в помещении 7. В северном углу этого же помещения обнаружен клад медных монет в количестве 548 экземпляров. Основная масса их относится к IX–X вв.

Функциональное назначение некоторых помещений осталось неясным. Так, в помещении 9 вынута заполнение громадной ямы, расположенной по его центру. Оно образовано крупным бутовым камнем, грунтом коричнево-серого цвета и керамикой; содержало, хоть и относительно небольшие по размерам, но многочисленные фрагменты амфор IX–X вв., кувшинов с ленточными ручками X–XI вв. и поливной светлоглиняной посуды (тарелки, блюда и чаши). Там же найдена монета середины X в. Кроме того, присутствовали немногочисленные обломки

² Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. Находки поливной посуды как датировочный термин в изучении построек византийского Херсона (по материалам раскопок ХCVI городского квартала) // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья по материалам поливной керамики: Тез. докл. Ялта, 1998.

поздних краснолаковых сосудов и амфор VI–VII вв. Аналогичный материал происходил из слоев напластований (№ 4 и № 5 по общей нумерации, мощностью по 0,25–3 м каждый) вокруг ямы. Можно предположить, что не ранее X в. здесь проводились перепланировочные работы, в ходе которых, в частности, была заполнена камнем и засыпана яма, последовательно выровнена поверхность.

В качестве характерного примера стратиграфии и находок этого времени назовем также исследованную в 2003 г. засыпь помещения 10. Всего там последовательно было удалено семь прослоек. Первые две из них – слой дерна (0,1–0,15 м) и каменный завал (до 0,3 м) – от кладок разрушенных стен помещений. Под завалом камней в ходе работ было последовательно удалено пять нижележащих слоев засыпи грунта по 0,25–0,3 м мощности каждый. Все эти слои, выделяемые визуальнo, содержали типичные для Херсонеса X – начала XI в. находки, представленные преимущественно обломками амфор, поливной столовой и кухонной посуды. Ни по характеру грунта (суглинок серовато-коричневого цвета – 2/5 Y 4/2 dark grayish brown), ни по находкам слои № 3 и № 4 ничем не отличались. Только количество находок в слоях было различным.

Для средневековых слоев Херсонеса характерно обильное содержание фрагментов тарных кувшинов второй половины IX – XI в. с так называемыми раструбовидными горлами, ленточными ручками и плоскими днищами³. Обычно выделяют два-три основных типа этих сосудов – с двучастным венчиком и непрофилированным венчиком, отогнутым наружу⁴. По материалам наших раскопок можно выделить еще один тип кувшинов – с закраиной клювовидной формы. Среди кувшинов встречаются и двуручные.

Подавляющая часть строительных остатков квартала и находок относится к последнему этапу жизни этой части средневекового города. В помещении 9 были разобраны почти не сохранившийся водосток, пресекавший почти все помещение, и черепичная вымостка, устроенная на каменной прямоугольной площадке, сложенной из трех рядов бутового камня на грязевом растворе. Назначение этой площадки и вымостки на ней осталось неясным.

Большая часть сохранившихся средневековых помещений – подвалы жилых построек, предназначенных для хранения продуктов и инвентаря.

³ Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 91–92. Рис. 20–21.

⁴ Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.

В стенах некоторых из них обнаружены горизонтальные пазы для деревянных балок и ниши для осветительных приборов. В помещениях 1 и 3 сохранились ведущие вниз каменные лестницы. В помещении 13 мы зачистили остатки сгоревшего основания деревянной лестницы, ведущей в подвал с верхнего этажа⁵. Заметим, что в помещении 4 зафиксирован глинобитный пол, отделявший нижнюю часть засыпи от верхней.

На полу помещений обнаружены разбитые упавшими камнями стен пифосы и амфоры. В некоторых из них удалось зафиксировать остатки зерна (помещение 13) и рыбы (помещение 3). Под завалом камней и земли найдены также различные предметы: в основном это был железный сельскохозяйственный инвентарь (помещение 13)⁶ и каменные жернова (помещение 4). Из помещений 1, 2, 3 и 11 происходят многочисленные обломки красноглиняной глазурованной посуды: блюд, мисок, кувшинов, украшенных преимущественно в технике выемчатого фона или широкой врезной линией. Фрагменты собрались в настоящие сервизы. Хронологически они хорошо сочетаются с амфорными находками. Они представлены преимущественно сосудами трех типов: (1) амфор с бугристой внутренней поверхностью, плоским дном и уплощенными ручками, (2) амфор с яйцевидным туловом, дуговидными ручками и округлым дном, (3) амфор с веретенообразным туловом и высокоподнятыми ручками. Все группы материала дают надежную дату разрушения зданий этого, а также соседних кварталов – в рамках второй половины, может быть, третьей четверти XIII в. Многочисленные монетные находки подтверждают эту датировку.

Необходимо отметить, что в засыпи помещений 1-3 найдены интересные предметы христианского культа: бронзовые нательный крестик, прецессионный крест с изображением распятия, энколпионы, детали лампадофоров, медная икона.

Таким образом, последние годы раскопок квартала ХСVI дали обильный и интересный материал. Наблюдения над характером его застройки и стратиграфией позволяет уточнить строительную историю Северо-восточного района Херсонеса, особенности материальной и духовной культуры населения города средневекового времени. Здания погибли в результате пожара (везде фиксировались отчетливые следы огня) и уже не восстанавливались. Эти катастрофические события могли относиться к 1278 или 1299 году⁷.

⁵ ЗОЛОТАРЕВ М.И., КОРОБКОВ Д.Ю., УШАКОВ С.В. Кладовая дома XIII века в Северо-восточном районе Херсонеса // ХСб. 1998. Вып. IX. Рис. 4.

⁶ Там же. Рис. 6, 7.

⁷ Там же. С. 193.

Л.В. СЕДИКОВА
СЕВАСТОПОЛЬ

ИССЛЕДОВАНИЯ КВАРТАЛА ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ В ЮЖНОМ РАЙОНЕ ХЕРСОНЕСА

Раскопки в Южном районе херсонесского городища являются частью совместного проекта, осуществляемого Национальным заповедником «Херсонес Таврический» и Институтом классической археологии Техасского университета. В 2001–2002 гг. в раскопках принимала участие итальянская археологическая миссия во главе с профессором П. Артуром. Генеральным спонсором проекта является Гуманитарный институт Паккарда (США).

Исследуемый квартал находится в южном районе херсонесского городища, где до недавнего времени был исследован лишь комплекс водохранилища. Слои поздневизантийского времени, открытые в конце XIX в. К.К. Косцюшко-Валюжиничем, описаны им в отчетах недостаточно.

В течение последних лет нами исследуется ранее не выявленный квартал, позволяющий частично реконструировать жизнь Южного района города до того момента, когда он был покинут жителями.

С юго-восточной стороны квартал был ограничен главной, а с юго-запада и северо-востока – поперечными улицами. Ширина главной улицы на данном участке 5,2 м, что значительно меньше, чем в Северо-восточном районе Херсонеса.

В квартале на сегодняшний день выявлено, как минимум два архитектурных комплекса. Юго-западный комплекс состоял из пяти помещений, наибольшее из которых (№ 26) являлось своеобразной кухней-столовой. Здесь находился очаг, пифос, вероятно для хранения воды, место приготовления пищи – прямоугольная площадка из утрамбованной красной глины и, вероятно, полки для посуды. Многочисленные фрагменты поливной керамики, датируемой в основном XIII в. были найдены возле северо-восточной стены. Помещение № 23, судя по мно-

гочисленным находкам амфор и пифосов, являлось кладовой. Здесь же найден железный, инкрустированный серебром, процессионный крест.

К северо-восточной стене здания примыкал следующий ансамбль построек, расположенный вокруг большого двора. В его южной части выявлена небольшая, характерная для поздневизантийского периода истории Херсонеса, часовня. Стены её сильно пострадали, однако под полом храма и вблизи него, выявлены несколько могил. Они представляли собой костницы.

К северо-востоку от внутреннего двора располагались помещения, часть которых имела хозяйственное назначение. Среди находок – тарная и столовая посуда, редкой формы керамическая печь для приготовления пищи. Уникальной находкой является маленькая стеатитовая икона.

На северо-востоке квартал был ограничен поперечной улицей. Здесь найдены две мраморные импостные капители, использованные вторично в качестве скамеек.

Раскопки квартала проводились до уровня дневной поверхности последнего периода его жизнедеятельности. Исследование стратиграфии и анализ находок позволяют заключить, что квартал прекратил существование во второй половине XIII в. В верхнем, дерновом, слое встречались отдельные находки более позднего времени, однако связать их с определенным слоем не представляется возможным.

С.Б. СОРОЧАН
ХАРЬКОВ

ОБ АРХИТЕКТУРНОМ КОМПЛЕКСЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРЕТОРИЯ В ХЕРСОНЕ

Активизация строительных работ военно-административного характера наиболее наглядно прослеживается во второй половине – конце IX – начале X в. в юго-восточной оконечности города, так называемой «цитадели» Херсона. В данное время здесь была надстроена 19 куртина, совершены мощные высокие подсыпки земли и бутового камня с ее внутренней стороны, дабы обеспечить доступ к двум новым боевым калиткам. Также было разрушено, погибшее, очевидно, при большом пожаре, общественное здание VI–VII вв. вдоль куртины. От него остался зафиксированный раскопками 1926 г. сплошной слой горения, и отчасти на его месте был возведен обширный комплекс построек и помещений, интерпретируемый в целом как византийский преторий. Упоминание о его существовании донесла строительная надпись, вырезанная на части большого мраморного карниза грубой отделки. В надписи говорится о сооружении для претория «железной двери» (ἐγένοντο ἡ πόρτα τοῦ προηγουμένου σιδηροῦ), то есть двери, скорее всего, обитой железом. Судя по надписи, она была сделана по повелению стратига Херсона и Сугдеи патрикия Льва Алиата в апреле 1059 г. Раскопки последних десятилетий, ведшиеся И.А. Антоновой и продолженные С.Б. Сорочаном, позволяют составить сравнительно полное, целостное представление о том, как стала выглядеть большая часть «цитадели» в фемный период истории Херсона. Они действительно отразили зримые изменения, которые претерпел город после водворения в нем стратига. Поэтому было бы целесообразно подвести предварительные итоги, обобщить полученные материалы и создать связную картину того, что было воздвигнуто здесь херсонитами под руководством фемных властей.

Монументальный общественный архитектурный комплекс, где размещался штаб стратига, его резиденция, а, возможно, казармы, суд и тюрьма, занял почти целиком северную половину каре общей площадью около 0,5 га, образуемого 18-21 куртинами оборонительных стен. В него входило по меньшей мере два однотипных здания, каждое площадью около 200 м², с четырьмя внутренними помещениями общей длиной 23,5 м и шириной по 5 м, размещенных друг против друга, перед большим закрытым со всех сторон центральным двором (23,5 x 12 м), вход в который вел с запада через колоннадный портик. На стенах здания сохранились следы штукатурки на глине, причем, судя по обломкам, по штукатурке встречались фресковые орнаменты, а окна были застеклены. С востока примыкала выстроенная немного позже, вероятно, в начале X в., роскошно украшенная трехнефная базилика почти квадратной формы (9 x 8,7 м). В целом архитектурный ансамбль был рассчитан на свободный осмотр и обход со всех сторон, поэтому вокруг него было оставлено насколько возможно свободное пространство. Главный фасад храма разряжал однообразие торцевых фасадов двух зданий. Являясь вертикальной доминантой архитектурного комплекса, он, видимо, прикрывал своей высотой оборонительную стену и создавал иллюзорное впечатление большого пространства.

Все восемь помещений здания не представляли анфиладного ряда. Имея автономные выходы – двери шириной 0,9 и 1,2 м, открывавшиеся наружу, во внутренний двор и на прилегавшие площади (с севера и юга), они, как правило, не сообщались друг с другом, кроме двух крайних помещений на северной стороне. Отсутствие лестниц указывает на одноэтажность северного и южного ряда помещений, но толщина стен (0,8 м), сложенных из довольно крупных подтесанных камней на грязевом «растворе» говорит все же в пользу их значительной высоты. Лишь в одном из помещений оказался очаг, оформленный венчиком пифоса X–XI вв. Обращает внимание, что археологический материал в слое этого здания вообще малочислен. Следовательно, оно тщательно убиралось, чистилось и не было рассчитано на хозяйственную деятельность, подобную жилым домам.

При строительстве претория оказался засыпан колодец с материалом VIII–IX вв. Наиболее поздними в нем были две монеты Василия I (867–886), которые определяют *terminus post quem* архитектурного комплекса. Судя по находкам в слое разрушения обломков керамики XII в. и монеты Романа IV (1067–1071), сооружение просуществовало до конца XI – начала XII в., после чего было разобрано, а на его северном крыле возникла небольшая трехкамерная постройка, видимо, нежилого

характера. Примечательно, что хронологически эти изменения увязываются с упадком в Византии фемного строя, изжившего себя и трансформировавшегося в новые организационные формы, более соответствующие феодальному обществу. Так, в 60-е гг. XI в. здесь в Херсоне, если верить данным Лаврентьевской летописи от 6574 (1066) года, был уже не только стратиг, но и катепан Корсуня или другого крымского города, – лицо с иными, нежели у стратега задачами, входившее в структуру фемы.

По мнению И.А. Антоновой, в строительной надписи Льва Алиата «преторием» называлась вся цитадель и «железные ворота» были сооружены для повышения ее обороноспособности, так как, якобы, были устроены в 21 куртине. Эту точку зрения разделяет Н.И. Храпунов, который ссылается на данные о существовании претория в виде укрепленной цитадели в центре итальянского Бари. Видимо, нечто подобное предполагал К.К. Косцюшко-Валюжинич, когда писал в 1895 г., что мраморный карниз с надписью мог находиться, первоначально, в воротах «главной стены», то есть цитадели. Между тем, далеко не все византийские города имели обособленные, замкнутые укрепления на акрополе или на окраине. К примеру, преторий с тюрьмой находился в столице империи на форуме Константина и, следовательно, это было здание, а не цитадель, причем вписывавшееся в ансамбль других построек, таких как Большой Нимфей и дворец синклита. К тому же наличие ворот в приморской средневековой оборонительной стене до сих пор остается под вопросом. Очевидные следы их не найдены, несмотря на многолетние усилия археологов. Ставить же «железные двери» в проходе шириной 3,32 м и длиной 4 м с перекрытием в форме свода, который был сделан, видимо, в IX–X вв. на месте более ранней, заложенной нижней части калитки по центру 18 куртины, было нецелесообразно, ибо проход, имевший порог, как и калитка, выводили, по данным К.К. Косцюшко-Валюжинича, на «хорошо укатанную шоссированную улицу» (шириной 3,41 м) непосредственно в город, в его портовый жилой квартал и поэтому здесь было бы достаточно обычных деревянных ворот. Остаются еще три, меньшие по размерам боевые калитки около башен XVI, XVII и примерно посередине 19 куртины, но все они вели из «цитадели» в перибол. Следует подчеркнуть, что греческое слово «porta», использованное в строительной надписи Льва Алиата, обозначало именно двери, а не ворота, которые ромеи называли иным образом (ἡ αὐλοπόρτα или архаичным ἡ πύλη). Поэтому с не меньшим основанием можно предположить, что «πύρται σιδηραί» были сделаны вместо обветшавших за полтора столетия двухстворчатых деревянных дверей

в сводчатом или купольном колоннадном проходе. Он вел с запада во двор комплекса зданий, который и следует понимать как собственно преторий (praetorium), просуществовавший в таком виде до конца XI - начала XII вв. Стоявшие на расстоянии 1,5 м две пары колонн из голубоватого проконнесского мрамора были зафиксированы уже во время раскопок 1907 и 1910 гг. (судя по фотографиям, тогда они еще находились *in situ*, на своих прежних местах). Перед колоннами имелась стена с порогом, снабженным круглыми пятами для вращения двери и гнездами продолговатой формы для укрепления вращающихся частей. Возможно, именно для украшения этого главного прохода, укрепленного «железной дверью», предназначалась художественно исполненная мраморная фигура припавшего на передние лапы льва с головой повернутой вправо, видимо, из числа оставшегося от малоазийского импорта раннеримского времени. После прекращения существования ансамбля претория она, вместе с мраморным карнизом, в свою очередь, была использована как вторичный строительный материал в кладке соседней 18 куртины. Уже К.К. Косцюшко-Валюжинич заметил, что, судя по повороту головы, лев «служил украшением ворот или общественного здания». Следует также обратить внимание, что византийский преторий, совпадая он со всей «цитаделью», понимался бы как часть укреплений города-кастроны. Однако в надписи Льва Алиата речь особо идет о возобновлении двери претория, который, таким образом, не воспринимался как органичная часть городских укреплений. Напротив, он противопоставлялся городу-крепости с его воротами («...возобновлены и прочие [ворота] кастра» – ἐνεκαίνηθησαν καὶ αἱ λοιπαὶ τὸ κάστρο). По мнению Н. Икономидиса, за найм этой резиденции стратига полагалось получать из казны два литра пакта («договорных денег»), о которых упоминал Константин Багрянородный. Впрочем, на эти деньги можно было бы арендовать не только территорию «цитадели» (меньше 0,5 га), но гораздо больше, если исходить из цен, принятых в случае таких платежей (от 1 до 10 номисм за модий земли).

На то, что здания комплекса претория и базиликальный храм, в котором И.А. Антонова видела гарнизонную, военную церковь, близки по времени сооружения, указывает один уровень цокольного ряда, находки однотипной керамики и зависимость архитектурно-планировочного решения. Этому наблюдению не противоречат находки при зачистках среди камней кладки базилики фрагментов белоглиняной поливной посуды, черепиц с рельефной меткой в виде орла и двух монет Василия I в западной стене. Вместе с тем, под полом храма, во время исследований проведенных Р.Х. Лепером в 1910 г., оказались обнаружены «моне-

ты Романа и Константина с Василием», а в южной стороне храма – монета Романа и Константина (X в.). Необычная для базилик этого времени форма храма, включенного в архитектурный комплекс претория, объясняется тем, что строителям пришлось буквально втиснуть его в свободное пространство, ограниченное с запада «переулочком» шириной 1,3 м от стены двора претория, а с востока полутораметровым проходом около 21-й куртины. Несмотря на скромные размеры и такую же, как у претория, простую иррегулярную кладку из крупных разномерных камней на грязевом «растворе», храм, поставленный на основание высотой около метра, отличала редкая пышность интерьера, со следами которого К.К. Косцюшко-Валюжинич столкнулся во время раскопок в 1905 г. около 18 куртины. Однако во всем великолепии он предстал во время работ весной 1907 г. В тщательно и аккуратно ведшемся «Описании древностей» он отметил остатки «превосходной половой мозаики в алтаре». Также были перечислены почти три сотни мраморных архитектурных и декоративных деталей и их фрагментов: капителей и баз колонн, карнизов, плит, известняковых тонких и толстых колонн и капителей, а также 2438 кусочков разноцветной стеной мозаики (смальты), в том числе с позолотой. Очевидно, именно на эту мозаику, отмеченную как «красивая», еще раз наткнулись во время рытья могил для размещившегося здесь карантинного кладбища: она пропала во время чумного бунта 1829–1830 гг. В дневнике Р.Х. Лепера от 21 июня 1910 г. было записано, что «внутри церкви были обнаружены древние могилы», но не отмечено их количество и устройство. При дальнейших исследованиях только в северо-западном углу храма удалось найти единственную одновременную ему могилу длиной 2 м, шириной 0,8 м, заглубленную на 0,5 м ниже каменной забутовки пола. Ее стены были выложены плоскими камнями на глине, а дно – прямоугольными известняковыми плитами со сквозным отверстием диаметром 1,5-2 см. Поскольку храм оказался перекрыт земляной насыпью с могилами XII в., он, видимо, просуществовал сравнительно недолго и не пережил преторий.

Раскопки, проведенные в 2003 г., позволили установить, что к югу от комплекса построек с двором и базиликальной церковью, на расстоянии 13,2 м, параллельно предполагаемому византийскому преторию уступом располагалось еще одно крупное общественное здание прямоугольной планировки, которое, судя по стратиграфии, было возведено одновременно и тоже могло служить для нужд фемной администрации. Его двухрядные стены с внутренней забутовкой, сложенные на глине, имели ширину 0,5 м, что указывает на одноэтажность сооружения, а длина северной стены (№ 115) достигала 16,7 м. Угол здания был при-

строен к остаткам снивелированной перед этим раннесредневековой бани с гиппокаустом и фригидарием, которая просуществовала до второй половины IX в.

В целом, обширный архитектурный комплекс в «цитадели» Херсона являл собой яркий пример византийского провинциального общественного зодчества, который заставляет по иному взглянуть на возможности византийского строительства в раннее средневековье и отказаться от бытующих в историографии представлений об отсутствии в это время в ромейских городах новых гражданских, общественных, административных зданий. Такого рода постройки, в которых проявлялась забота о благоустройстве города, не были единичны.

А.И. РОМАНЧУК
ЕКАТЕРИНБУРГ

РАСКОПКИ ВТОРОГО ПОРТОВОГО КВАРТАЛА

Истоки научных связей между Екатеринбургом и Херсонесским заповедником относятся к началу XX столетия, когда первый Заведующий раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинич стал почетным членом Уральского общества любителей естествознания, продолжением их стали годы Великой Отечественной войны (эвакуация архива и частично находок из фондов в Свердловск). Творческое сотрудничество укрепилось с началом раскопок в северо-западной части городища (Е.Г. Суров, 1958 г.) и возникновением Объединенной экспедиции, в которую первоначально входили Херсонесский заповедник (И.А. Антонова, Л.Г. Колесникова, С.Ф. Стржелецкий), Уральский (В.Н. Даниленко, Е.Г. Суров) и Харьковский (В.И. Кадеев) университеты. Создание ее (1963 г.) привело к масштабным раскопкам в портовом районе – первый портовый квартал. В 1976 г. началось исследование второго портового квартала.

Отличительной особенностью портового района, что стало одной из причин выбора его для раскопок Объединенной экспедицией, является мощный культурный слой, возможность одновременного изучения строительных остатков и стратиграфии по всей площади квартала, синхронизация строительной деятельности оборонительных стен и жилой застройки. Раскопки первого портового квартала позволили выявить планировку и размеры усадеб поздневизантийского периода, время бытования некоторых видов массовых археологических находок.

Полученные в процессе раскопок первого квартала данные стали основой классификации массовых археологических находок и изучения стратиграфии второго квартала. В ходе его исследования

открыто несколько блоков жилой застройки поздневизантийского времени, отделявшихся друг от друга внутриквартальными улицами и переулками. В плане усадьбы горожан этого времени имели существенные отличия: П-образные с внутренним двором, анфиладообразные и Г-образные. Для поздневизантийского времени выявлены двукратные слои пожара, поздний из которых датируется монетами Золотой Орды второй половины XIV в. Существенные отличия прослежены и в столовых сервизах в домах, погибших в XIII в. и в XIV в. Для слоя разрушения XIII в. характерен значительный процент блюд с тонкой линией гравировки, оливкового оттенка глазури с пятнами по рисунку светло-коричневым (группа *Zeuxipos Ware*). В домах херсонитов XIV в. преобладающими являлась монохромные и полихромные сосуды различной формы. Набор инвентаря позволил предположить, что на данной территории обитали лица, занятые торговлей (возможно, лавки располагались вдоль одной из внутри квартальных улиц), промысловым ловом рыбы (несколько сетей в одном доме), связанные с обработкой металлов. Уникальной находкой в одном из домов XIII в. является стеатитовая иконка с изображением Божьей Матери, рядом с которой обнаружены стеатитовые брусочки-заготовки. Наличие энколпионов с греческими и славянскими надписями (негативное написание на одном из крестов), известняковый блок со славянской надписью, граффити на амфорах и посуде являются данными для гипотетических предположений о проживании в пределах квартала представителей двух этносов.

Дома, существовавшие в поздневизантийский период, были сооружены над руинами зданий, погибших в первой половине XI в., вероятно, после землетрясения. (Ранее отложение слоя разрушения с подобными находками на основании материалов раскопок северного района Херсонеса объяснялось как результат Корсунского похода Владимира.)

Планировку и размеры зданий ранне- и средневизантийского периодов выявить полностью не представилось возможным из-за разрушений в процессе более поздней строительной деятельности, а близость грунтовых вод не позволила проследить стратиграфию античного периода. Однако данные раскопок показали непрерывность обитания и строительства. Наибольший интерес из сооружений позднеантичного-ранневизантийского периода представляет здание значительных размеров, в котором находилось несколько пифосов. Слой разрушения его датируют монеты Юстиниана I (527-565) Фоки (602-610), обнаруженные непосредственно на полу

в слое разрушения, представленного многочисленными амфорами (собрано ок. 50 амфор, характерных для других Средиземноморско-Причерноморских центров VI–VII вв.). Вероятно, в начале VII в. была возведена стена, отделившая гавань от жилой застройки, здание со стенами в технике *opus mixtum*, которой, пережив несколько перестроек, было разрушено в первой половине XI в.

В целом материалы раскопок второго портового квартала свидетельствуют о непрерывности строительной деятельности и обитания на данной территории, об особенностях застройки и жизнедеятельности горожан, отличиях в планировке и размерах жилых усадеб поздневизантийского периода. Значительная коллекция тарной и строительной керамики (черепицы), столовой посуды (как импортной, так и изготовленной местными мастерами), является основой для уточнения времени бытования различных типов и групп изделий из глины.

А.В. ИВАНОВ
СЕВАСТОПОЛЬ

ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ТИПЕ НАСЕЛЕНИЯ ПЕЩЕРНЫХ ГОРОДОВ КРЫМА

Антропологические материалы с Крымского полуострова привлекли внимание отечественных и зарубежных исследователей на исходе первой четверти XIX в., тогда же были сделаны первые попытки рассмотреть находки в свете известных фактов этнической истории региона¹. Уже к концу столетия сложилась достаточно обширная литература, освещающая данную проблематику. Научный интерес к пещерным городам Крыма также имеет весьма почтенную традицию. Однако антропологические материалы к решению проблем, связанных с исследованием населения и этнической истории памятников данной группы, были привлечены значительно позже. Несмотря на то, что первые находки такого рода восходят к работам графа А.С. Уварова², который в 1853 г. исследовал несколько гробниц у развалин базилики на мангупском плато. К сожалению, эти материалы, как и материалы Ф.А. Брауна внимания исследователей не привлекли. Находкам из позднейших раскопок, проведенных на Мангупе Р.Х. Лепером и Л.А. Моисеевым³, повезло больше; спустя почти сорок лет они были опубликованы. Сколько-нибудь значительных раскопок на других памятниках группы пещерных городов, в этот период еще не велось. Таким образом, первым исследо-

¹ ИВАНОВ А.В. Палеоантропология Крыма. Первоисследователи // Сугдея, Су-рож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Киев, Судак, 2002. С. 114-115.

² См.: УВАРОВ А.С. Сборник мелких трудов. М., 1910. Т. 3.

³ ЛЕПЕР Р.Х.. Археологические исследования на Мангупе в 1912 г. // ИАК. 1913. Вып. 47; МОИСЕЕВ Л.А. Отчет о работе на Мангупе за 1912–1914 гг. // ОАК. М., 1915.

ванием, посвященным антропологии населения пещерных городов, стала небольшая статья Г.И. Петрова⁴, основанная на материалах исследования некрополя Эски-Кермена в 1931–1933 гг. В 1948 г. была опубликована работа Г.Ф. Дебеца⁵, соответствующий раздел которой был посвящен краниологическим исследованиям населения средневековых городов Крыма, в т.ч. Мангупа (материалы Р.Х. Леппера и Л.А. Моисеева) и Эски-Кермена. Позднее этому вопросу была посвящена отдельная публикация⁶, где материал пещерных городов рассматривался в контексте «готской проблемы». В конце 1950–1960 гг. ряд краниологических серий, прямо или косвенно связанных с пещерными городами, был опубликован К.Ф. Соколовой. Среди них – материалы разновременных некрополей Инкерманской долины и могильника Чуфут-Кале⁷. Наиболее фундаментальным исследованием средневековых палеоантропологических материалов Юго-Западной Таврики, в т.ч. и пещерных городов, остается монография Г.П. Зиневич⁸, в которой обобщены результаты предшествовавших исследований и введен в научный оборот значительный объем нового материала. Несколько позже эти данные были проанализированы М.М. Герасимовой⁹ в попытке выявить возможные связи этнических групп, проживавших на полуострове во времена греческой колонизации, со средневековым населением Крыма. В начале 1980-х гг. значительный материал из раскопок базилики Эски-Кермена был собран Т.А. Назаровой¹⁰. К сожалению, далее его предварительной публикации дело не пошло. Последние по времени палеоантропологические материалы, связанные с пещерными городами, дают планомер-

⁴ ПЕТРОВ Г.И. Об антропологических материалах Эски-Керменской экспедиции 1931–1933гг. // ИГАИМК. 1935. Вып. 17.

⁵ ДЕБЕЦ Г.Ф. Палеоантропология СССР // Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.; Л., 1949. Т. IV.

⁶ ДЕБЕЦ Г.Ф. Антропологический состав населения средневековых городов Крыма // Сборник музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1949. Т. XII.

⁷ СОКОЛОВА К.Ф. Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма // История и археология средневекового Крыма. М., 1958; ОНА ЖЕ. Антропологічні матеріали могильників Інкерманської долини // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1963. Т. 3.

⁸ ЗИНЕВИЧ Г.П. Материалы из средневековых некрополей Юго-Западного Крыма. Киев, 1973.

⁹ ГЕРАСИМОВА М.М., РУДЬ Н.М., ЯБЛОНСКИЙ Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.

¹⁰ НАЗАРОВА Т.А. Краткая характеристика палеоантропологического материала из раскопок Эски-Керменской базилики в 1979–1981 гг. // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988.

ные исследования городища Мангупа и некрополей его ближней округи¹¹. Такова, в основном, существующая к настоящему времени база, на основе которой формулировались основные выводы касающиеся предмета настоящей работы.

В интерпретации антропологического материала исследователи, как правило, следовали господствовавшим в конкретный период представлениям об этнической истории региона, собственные выводы давались очень осторожно и с массой оговорок. В свою очередь, ни одна из предложенных до настоящего времени этно-исторических концепций должным образом антропологические данные не учитывала, в значительной мере это справедливо и для новейших работ¹². Трудностью всех построений является далеко не одинаковая изученность поселений. По сути дела, достаточно представительными сериями по сей день характеризуются только Мангуп и Эски-Кермен. Особенно чувствуется недостаток материала раннего периода истории поселений, недостаточная хронологическая дифференцировка имеющихся серий. Впрочем, основной объем материала опубликован достаточно давно и неразработанность хронологии не есть вина антропологов, современные данные позволяют, в ряде случаев, ее откорректировать. Следует отметить безусловные успехи археологических исследований двух последних десятилетий, позволившие уточнить (вернее на современном уровне создать) хронологию памятников и археологических культур региона, в ряде случаев позволяющую отождествить их носителей с историческими этносами. В какой то мере, недостаток ранних материалов непосредственно из раскопок пещерных городов может быть восполнен широким привлечением данных из синхронных сельских некрополей полуострова.

Процесс становления городской жизни в регионе был сложен и проходил в несколько хронологических этапов в течение всего периода средневековья. Причем характер того или иного поселения в течение длительного промежутка времени мог быть различен, и городом оно

¹¹ В последние годы продолжалось исследование некрополей при базилике Константина и Елены, храме Богородицы, ряда раннесредневековых комплексов ближней округи городища, антропологический материал обрабатывался А.В. Ивановым и Д.Ю. Пономаревым.

¹² См.: БАРАНОВ И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990; Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999; Юрочкин В.Ю. К вопросу о «готском вопросе» // Памятники Южного берега Крыма: вчера, сегодня, завтра. Ялта, 2004.

было на отдельном отрезке своей истории¹³. Определенное отражение процесс урбанизации находит и в антропологическом материале.

Еще в работе 1935 г. Г.И. Петров¹⁴ отметил различия в антропологическом типе погребенных в Эски-Керменском склеповом некрополе и позднейших погребениях собственно с территории городища, соответственно характеризующих «догородской» и «городской» периоды существования поселения. Это вполне подтверждается и данными позднейших исследований, в частности при некоторой хронологической перегруппировке материалов Г.Ф. Дебеца и Г.П. Зиневич. Ранняя серия, происходящая из склепов и подбойных могил датируемых концом VI – IX в. характеризуется мезо-долихокранией, средней высотой черепной коробки, умеренной профилировкой лица среднеширокого и средневысокого лица мезоконхными орбитами. Это население в антропологическом отношении сходно сериям из близких по времени некрополей Чуфут-Кале и Пычки¹⁵, но отличается от материалов V–VII вв. Скалистинского некрополя, характеризующихся мезокранией и более резкой вертикальной профилировкой лица¹⁶. Ряд авторов склонен видеть связь данного населения с местными группами более раннего времени. Присутствует также, на наш взгляд, вполне аргументированная точка зрения о возможных связях с Кавказом (Кобанский могильник)¹⁷.

Более поздние материалы из гробниц и усыпальниц некрополя, кладбища при базилике, позднейшая серия связанная с разрушением городища в конце XIII в. являют иной антропологический тип. Эски-Керменские серии, в целом, выражено брахикранные, характеризуются значительными широтными параметрами, высота черепов находится на границе малых – средних величин. Ширина лица в мужской выборке большая, как отметил Г.Ф. Дебец, отражает крайнюю степень вариабельности для мужских европеоидных групп. В целом серия характеризуется средневысоким лицом, причем соотношение индивидов с высоким и низким лицевым отделом (имеется в виду верхняя высота лица, ввиду особенностей погребального обряда, определить принадлежность нижних челюстей конкретным индивидам, в большинстве

¹³ ГЕРЦЕН А.Г. К проблеме типологии городищ Юго-Западной Таврики // АДСВ. 1995. Вып. 27; ИВАНОВ А.В. Этапы урбанизации и городские центры Юго-Западной и Южной Таврики // Византия: кумуляция и трансляция культур. Тез. докл. IX Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 1997. С. 17-19.

¹⁴ ПЕТРОВ Г.И. Об антропологических материалах... С. 78.

¹⁵ СОКОЛОВА К.Ф. Антропологические материалы... С. 65-67.

¹⁶ ЗИНЕВИЧ Г.П. Материалы из средневековых некрополей... С. 31-61.

¹⁷ ПЕТРОВ Г.И. Об антропологических материалах... С. 76.

случаев, проблематично). И мужская и женская выборки характеризуются малыми величинами лицевого указателя, горизонтальная профилировка лицевого отдела умеренная, при больших величинах выступления носа. FC средней глубины (у погребенных при базилике глубина FC меньше). В оценке высоты переносья авторы расходятся. В материалах Г.П. Зиневич этот показатель достаточно высок, Т.А. Назарова указывает на некоторую уплощенность на уровне N, при относительно невысоком переносе.

Все авторы относят «поздние» Эски-Керменские серии к брахикранному европеоидному типу, примесь монголоидного компонента если и была, то, по мнению Г.Ф. Дебеца, в самой незначительной степени, и может быть обнаружена только при рассмотрении отдельных черепов, что и подтверждается данными Т.А. Назаровой, выявившей два таковых.

Примечательна близость «поздних» материалов Эски-Кермена сериям с плато Мангупа, в частности некрополя при базилике Константина и Елены. По-видимому, антропологических материалов ранее XII-XIII вв. непосредственно с Мангупа не известно, а большая их часть отражает период XV-XVI вв. Однако вышеописанный антропологический тип вполне сохраняется, но отмечается некоторое ослабление горизонтальной профилировки лицевого отдела. К кругу крымских материалов обнаруживающих значительную близость с некролями Мангупа и Эски-Кермена могут быть отнесены антропологические серии из поздних комплексов Суук-Су, некролей Гончарного, Алушты, отчасти Херсона XI-XIII вв.

Исследователи далеко не едины во мнениях по вопросу появления и генезиса рассматриваемого антропологического типа на полуострове. Г.Ф. Дебеч отмечал его близость сарматским сериям Украины и Нижнего Поволжья, впрочем, не отрицая возможных связей с населением, оставившим Зливкинский могильник. К.Ф. Соколова усматривала его генетическую связь с сарматами дельты Волги, В.В. Гинзбург отмечал сходство с «короткоголовым европеоидным типом» черепов Саркела¹⁸. Неоднократно высказывалось предположение о кавказских аналогиях. М.М. Герасимова, не отрицая присутствия сарматского пласта в составе средневекового городского населения Крыма, все же полагает этот факт недостаточным для разрешения проблемы формирования данного антропологического типа¹⁹. Особое мнение высказывал В.П. Алексеев²⁰,

¹⁸ ГИНЗБУРГ В.В. Антропологические материалы к проблеме происхождения населения Хазарского каганата // Сборник музея антропологии и этнографии. М., 1951. Вып. 13.

¹⁹ ГЕРАСИМОВА М.М., Рудь Н.М., ЯБЛОНСКИЙ Л.Т. Антропология... С. 34.

считая, что данный тип мог формироваться на месте при непосредственном, фактически непрерывном влиянии различных групп населения тюркского происхождения, на протяжении длительного периода крымского средневековья. В этом контексте наиболее аргументированы положения высказанные Ю.Д. Беневоленской, усматривавшей связи материала упомянутых некрополей Юго-Западной Таврики с материалами Приазовья, бассейнов Северского Донца и Дона VII–X вв. – территориями расселения протоболгарского населения²¹. Более того, крымские серии обнаруживают близость как болгарским материалам Поволжья (Больше-Тарханский могильник), так и ранним болгарским памятникам Балкан (Преслав, Нови-Пазар). Определенные параллели усматриваются и в деталях погребального обряда. В работах последних лет данные положения не оспариваются, однако считается, что вопрос миграции болгар в Крым требует отдельного рассмотрения и дальнейшего расширения базы антропологических материалов²².

В заключение хочется отметить, что выявленная на антропологическом материале связь населения Юго-Западной Таврики с праболгарским населением Приазовья, носителями одного из вариантов салтовомаяцкой культуры, достаточно хорошо вписывается в исторический контекст. Именно с появлением этих групп населения в Юго-Западной Таврике и предгорьях происходит резкое увеличение количества поселений²³. Термин «демографический взрыв» в данном случае не вполне корректен, однако заселенность региона увеличивается на несколько порядков. Демографический фактор, безусловно, играет не последнюю роль в формировании городских поселений региона. Ранние антропологические материалы могильников Эски-Кермена и Мангупа иллюстрируют «догородской» период истории поселений, фиксируемый антропологический тип связан с проживанием здесь потомков гото-алан и, возможно, сохранившихся компонентов позднескифского и сарматского

²⁰ АЛЕКСЕЕВ В.П. Характеристика краниологических материалов из поздних мусульманских захоронений Крыма // Сборник музея Антропологии и Этнографии. Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л., 1980. Вып. 36.

²¹ БЕНЕВОЛЕНСКАЯ Ю.Д. Антропологические материалы из средневековых могильников Юго-Западного Крыма // Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. Л., 1970. Вып. 168.

²² ЕФИМОВА С.Г., КОНДУКТОРОВА Т.С. Население салтово-маяцкой культуры Восточной Европы по данным антропологии // МАИЭТ. 1994. Вып. 4.

²³ ЯКОБСОН А.Л. Раннесредневековые поселения Юго-Западной Таврики // МИА. Л., 1970. № 168; Он же. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. 1973. Вып. 10; БАРАНОВ И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 139-145.

происхождения. Позднейшие материалы характеризуют принципиально новый – «раннегородской» период истории региона. Население этого времени характеризуется иным антропологическим типом, сложившимся на основе многочисленного болгарского компонента, в антропологическом плане поглотившего не столь многочисленных предшественников (у определенной доли краниологических материалов все же усматриваются признаки предшествующего времени). Рассматриваемый антропологический тип сохраняется в регионе не протяжении всего периода средневековья.

Естественно не праболгары являлись в данном процессе носителями начал городской цивилизации. Историческим фоном начального этапа данного процесса служит не прекращавшаяся на протяжении конца IX–X вв. деятельность Византийской империи, направленная на восстановление политического влияния в регионе. Эта политика, в конечном итоге, вела к интеграции населения местных общин, архонтий и климатов в общегосударственные политико-административные и религиозно-идеологические структуры. Общее направление сопутствовавших этому этнических процессов следует определить как этноконфессиональную интеграцию. В ней участвовали населявшие Юго-Западную Таврику потомки этносов раннесредневековых греков, готов, алан, праболгар, ведущие к формированию средневековой народности горного Крыма. Факторами ее самоидентификации становится конфессиональное единство и, в различной степени, воспринятые греческая (византийская) культура и язык²⁴. Становится вполне правомочным употребить термин «ромеизация» и констатировать факт формирования единой этнически недифференцированной материальной культуры.

²⁴ См.: Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. 1993. Вып. 3.

А.Д. КОЗАК
КИЕВ

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДИЕТЫ ДРЕВНИХ КИЕВЛЯН (ПО ДАННЫМ ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Неизменным элементом исследования древних популяций является определение типа питания на основе анализа микроэлементов в костной ткани (метод, не всегда доступный) а также исследование патологических маркеров. Эти маркеры, к которым относятся следы заболеваний или определенных нарушений физиологических процессов могут косвенно указать на недостаток или избыток определенных веществ в рационе или на физические свойства пищи. Изменение частоты и интенсивности указанных маркеров позволяет проследить не только разницу в питании в зависимости от социальной или природной среды обитания, но и изменение во времени типа питания, а в некоторых случаях и типа хозяйства.

Исследование проводилось на материале древнерусских киевских кладбищ, датированных X–XIII вв. Исследованы зубные системы более 150 человек и костные останки 230 человек, среди которых 40 – дети до 14 лет. Группы были разделены условно: кладбища на территории Верхнего Киева представляют средний/высокий социальный слой (дружинный могильник, монастырские кладбища), а погребения на горе Щекавице, вероятно, относящиеся к одному из ремесленных посадов, – средний/низкий слой.

В качестве основных диетных маркеров использовались такие болезни как кариес и зубной камень. Кариес рассматривался как маркер углеводной, богатой сахарами диеты, зубной камень – как показатель преимущественно белкового питания. Подсчитывали их распространение и интенсивность в различных группах населения (по кладбищам и сериям), отдельно у женщин и мужчин, а также и у индивидов различных возрастных групп.

Интенсивность и частота встречаемости обоих маркеров увеличивается в группах относительно высокого социального уровня. Частота

встречаемости кариеса в целом в Киеве составляет около 50%, что указывает на общую богатую углеводами (хлеб, каши) диету. В то же время при более детальном исследовании оказывается, что наиболее страдали кариесом женщины и дети более обеспеченных слоев населения (видимо, за счет высокого содержания сахаров в пище). В то же время мужчины, относящиеся к этому же социальному слою, показывают высокую (до 100%) заболеваемость зубным камнем, что может указывать, в первую очередь, на преобладающую долю белков в их рационе.

Присутствие на зубах микротравм и сколов эмали указывает на употребление твердой пищи (например, орехов, или сухого хлеба). У индивидов из погребений, датированных ранним периодом существования Киевского государства, а именно, X–XI и XII вв. частота встречаемости этого признака составляет 33,3%. Она уменьшается втрое в сборной серии XIII в. Не исключено, что это связано со смягчением диеты, переходом на другие виды пищи с течением времени.

Более отдаленный эффект изменения питания представляет собой состояние роста индивида. Разница в длине тела у разных групп горожан свидетельствует и об относительной разнице в питании. Известно, что у представителей зажиточных слоев населения существует больше возможностей реализовать генетический потенциал, вследствие более полноценного питания. Основную же роль в ростовых процессах в детском и молодом возрасте играют белки. Рост мужчин, погребенных на кладбищах Верхнего Киева на 5–10 см превышает рост мужчин, погребенных на Щекавице. Причем, в первом случае в категорию высокого роста попадает большинство. У женщин разница в росте намного меньше, причем, распределение по категориям у них иное, чем у мужчин. Не исключено, что подобные флуктуации роста связаны с присутствием в верхнем городе мигрантного мужского населения или с гендерными особенностями отношения к детям в семьях.

Ж. ЖЕКОВА
ШУМЕН

БРОНЗОВАЯ МАТРИЦА X В. ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА СВИНЦОВЫХ ЯДЕР ИЗ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ БОЛГАРИИ

Матрицы, как и свинцовые ядра отлитые в них, по своей сущности технологический материал, обслуживающий администрацию данного ведомства. Они несут косвенную информацию об этих институтах, но одновременно являются и прямыми свидетелями технологических процессов, предшествующих осуществлению административной деятельности – изготовлению, отправке и получению ежедневной корреспонденции.

Открытие матриц в настоящее время довольно редкое явление. До сих пор найдены четыре матрицы из Великого Преслава. Три из них происходят из района, так называемого Административного здания, где располагалась канцелярия стратига (две каменные и глиняная). Четвёртая матрица изготовлена из глазурованной керамики. Она обнаружена вблизи Южных ворот Внутреннего города. В сущности, это только половинки, т.е. отдельные створки матриц. В окрестностях Великого Преслава найдены и другие матрицы, но они не связаны с деятельностью стратига.

Матрица, рассматриваемая в данном сообщении, была куплена для сфрагистической коллекции Шуменского Регионального музея в 2001 г. К сожалению, место находки не уточнено, в общих чертах, это северо-восточная Болгария, что не исключает и район Преслава, так как большая часть сфрагистических находок, документированных в последнее время именно оттуда.

Характерное отличие её от других находок состоит в том, что изготовлена она из бронзы. Это половинка матрицы с тремя гнездами для отливки ядер. Нижний левый угол сломан. Размер матрицы в области скола: длина – 63 мм, ширина – 18 мм. Общая ее длина 76 мм,

ширина – 32 мм, а толщина 4-5 мм. В двух противоположных углах находятся сквозные отверстия, служащие для закрепления другой половины матрицы с помощью штифтов. В верхней части расположены три литьевые отверстия, связанные с ядрами для заливки свинца. В средней части матрицы проходит канал для шнура. Диаметр гнезд неодинаков. Левое, имеет диаметр 18 мм, а два других – 19 мм. Гнезда не совсем сферичной формы, что дает основание думать о последующей доработке ядра. Диаметр гнезд позволяет определить датировку матрицы. Известно, что в IX–X вв. он соответствует около 20 мм, что даёт возможность утверждать об изготовлении и употреблении матрицы в этих хронологических границах.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТУРА БАЛКАН И ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

О.В. ОШАРИНА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ОБРАЗ ИОНЫ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОМ ИСКУССТВЕ

Одна из важнейших тем раннехристианских памятников, Воскресение, пронизывает собой все византийское искусство. Особенно часто при изображении Анастасиса христианские мастера обращаются к истории пророка Ионы, проследить иконографию которого и является нашей задачей.

В истории Ионы можно выделить несколько характерных для христианского мирозерцания особенностей, которые находили живой отклик в душе каждого христианина и порождали многочисленные ассоциации с искупительной жертвой Иисуса. Неслучайно Христос говорит об Ионе как о единственном знамении своего воскресения (Мф. XII, 40). Эти слова Христа были многократно воспроизведены церковными служебниками. Еще в раннем богослужении книга пророка Ионы читалась в страстную неделю и в навечерие Пасхи. Трехдневное пребывание в чреве кита, воспринимавшееся как могильная сень, ассоциировалось с Воскресением Лазаря и Воскресением Сына Человеческого: «Ибо как Иисус был во чреве кита, три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» (Мф. XVI, 4). Чудесное избавление Ионы от смерти являло зримым образом спасение, причем не только души, но и тела, прообразом спасения во плоти Христовой вообще.

В основу сюжета легла одна из книг Ветхого Завета – книга пророка Ионы, а также отрывки из евангелия от Матфея и Луки. По мнению К. Вейцмана и Б. Наркисс, стиль композиций с Ионой был заимствован в эллинистическом искусстве, в то время как их содержательная основа базировалась на одном из ранних типов Мидраша. Знакомство ранних христиан с этим источником сомнений не вызывает. Если в Мидраше Иона рассматривается как образ вечной жизни, то христиане в лице Ионы видели нечто большее, сопоставляя его историю с крестным путем самого Спасителя.

Устойчивой темой ранневизантийского искусства стало повествование об Ионе, причем в его наиболее кульминационных моментах. Впервые история Ионы появляется в катакомбной живописи в первой половине II в. На фресках, также как на саркофагах, история Ионы передается в нескольких последовательных эпизодах: Иона, брошенный в море и проглоченный большой рыбой, Иона, извергаемый морским чудовищем и Иона, отдыхающий под сенью растительных побегов. Монументальное искусство повлияло на создание композиций с изображением Ионы на памятниках прикладного искусства. Чаши краснолаковой керамики были распространены по всему Средиземноморью. Эпизоды истории Ионы размещались по бортику раннехристианских мраморных блюд. Сцены с Ионой, возлежащим под тенистым деревом украшали рефлекторы бронзовых ламп, и были важны для мастера как наглядное изображение Ионы в раю. Пример бронзового медальона из библиотеки Ватикана показывает изображение стоящего в центре Доброго Пастыря и несколько ветхозаветных сюжетов, среди которых представлен и пророк Иона.

К середине III в. относятся многочисленные изображения пророка на римских саркофагах.

К концу III в. и в круглой скульптуре отмечается появление Ионы в необычном виде: бородатым и в короткой тунике. Это можно наблюдать на погребальном скульптурном ансамбле из Восточного Средиземноморья из музея Кливленда.

Драгоценные сосуды с узором, вырезанным из золотой фольги, часто украшены сценами из жизни Ионы. Одним из известных центров изготовления этих сосудов считается Александрия. На стеклянной чаше с золотой фольгой из Кельна (326 г.), представлены два эпизода истории Ионы. Сцена с извержением пророка была особенно важной для христиан, так как в ней наглядно демонстрировалось Воскресение пророка. Однако не менее важен для мастера был эпизод с возлежащим Ионой под тенистым деревом как наглядное изображение Ионы в раю. Художник объединяет две сцены с Ионой в одну композицию, изображая в верхней части медальона пророка под виноградной лозой, а внизу, под ним, огромное тело монстра с небольшой головой. Дальнейшее развитие этой иконографии мы встречаем на большой завесе V в. из Ахмима, хранящейся в музее Кливленда. Таким образом, на этой ткани, безусловно, египетского происхождения, можно наблюдать соединение двух эпизодов в одном. Такая иконография известна нам еще на нескольких памятниках – на пиксиде VI в. из собрания Эрмитажа и на диптихе слоновой кости из Равенны VI столетия, вероятно александрийской работы. В нижнем ряду слева изображен лежащий под тени-

стым деревом Иона, рядом с которым находится монстр с хвостом кита, похожий на изображение Левиафана из Псалтири Гамильтона.

На равненском диптихе так же, как на других композициях, Иона представлен с широко открытыми глазами, что, по мнению некоторых исследователей, не соответствует тексту Библии. Снять это противоречие, как нам представляется, помогает миниатюра из Минологии Василия II на которой представлено чудовище, изрыгающее пророка Иону, лежащего с открытыми глазами на фоне города Ниневии. Данная иконография очень близка византийскому типу «Анапесон» или «Спас Недреманное Око», в котором возлежащий Христос изображен спящим, но неустанно наблюдающим за сотворенным миром, и одновременно пребывающим в Царствии Небесном. Это сопоставление пророка Ионы с Христом показывает еще одна группа памятников – резные афонские кресты из дерева. В нижней части одного из крестов изображен Иона, лежащий под виноградником, лозы которого поднимаются вверх, образуя медальоны, в которые вписаны сцены из жизни Христа.

Книжная миниатюра значительно обогащает иконографический репертуар эпизодов из жизни пророка Ионы. Вероятно, повествовательный цикл жизни пророка как нельзя лучше подходил для книжной миниатюры, в то время как монументальные виды выбирали наиболее значимые и кульминационные моменты.

В русле катакомбной традиции выполнены мозаики североафриканского происхождения, драгоценные чаши из стекла, изделия краснолаковой керамики и бронзы.

Существование нескольких типов изображений Ионы связано с ориентацией их на два различных центра – Александрию и Сирию. Изображения Ионы обнаженным сохраняется на полях Псалтирей, где он иллюстрирует 68 Псалом. Напротив, сирийская традиция, к которой относится Евангелие Равулы (586 г.), Парижская Псалтирь IX в., Минология Василия II конца X в. представляет пророка одетым.

Помимо общего смысла, который имела эта композиция, как в ветхозаветное, так и в христианское время, особое значение данный сюжет получает на памятниках погребального культа как символ Воскресения.

*В.Н. ЗАЛЕССКАЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ*

РЕПЕРТУАР БОЛГАРСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АМУЛЕТОВ

Рассматривается группа памятников, имеющих как общевизантийские признаки апотропейонов, – греческие заклинательные формулы и некоторые иконографические черты змеевиков, – так и локальные, истоки которых уходят в древнеболгарскую магию. Наиболее характерными признаками такого симбиоза отличаются амулеты X в., связанные своим происхождением со столицей Первого болгарского царства Преславой. Чаще всего встречаются в различных сочетаниях три образа: человеческая личина, орел и хищное животное.

В собрании Государственного Эрмитажа хранится двухстворчатый бронзовый медальон с антропоморфным изображением и греческой надписью. Предмет поступил в 1904 г. из собрания Р. Мартина, который приобрел его в Константинополе (инв. № ω 188). Размер медальона: высота – 4,6 см, наибольшая ширина – 1,5 см; размер створок: высота – 2,1 см, ширина – 1,5 см. Скрепленные шарниром створки медальона имеют овальную лепестковидную форму, их внешняя сторона гладко отполирована, центральная часть слегка приподнята и образует как бы ребро, проходящее по центральной части лепестка, слегка сужающегося к краям. С внутренней стороны на одной створке помещено изображение человеческого лица с взлохмаченными волосами и бородой, другая разделена вертикальными линиями на четыре колонки, которые заполняют расположенные одна под другой греческие буквы: ΑΣΦΑΛ / ΟΥΜΗΤ / ΡΗΟΥΚ / ΛΕΝ.

Медальон снабжен большой петлей, переходящей в нижней части в скобу с загнутыми краями, между которыми находится шарнирное устройство, соединяющее створки и дающее им возможность свободно вращаться на закрепляющем их стержне. Аналогичное устройство имеют большинство византийских энколпиев. Отличие состоит лишь в том, что на последних концы отходящей от петли скобы зажаты между уш-

ками створок энколпия, а на рассматриваемом предмете они расположены с внешней стороны по краям стержня. Створка с изображением человеческого лица имеет два уха, а створка с греческой надписью – одно. Обе створки литые, изображения и надпись исполнены в технике гравировки, а частично простым выдалбливанием контуров в поверхности металла.

Детальный анализ буквенных начертаний в вертикальных колонках позволяет установить наличие связной надписи. Действительно, если принять, что «ΟΥ» и лигатура того же значения являются окончаниями слов, данных в родительном падеже единственного числа, то тогда надпись распадается на три слова – ΑΣΦΑΛΟΥ ΜΗΤΡΗΟΥ ΚΛΕΝ. Внеся соответствующие исправления и дополнив пропущенные буквы, получаем формулу – ἀσφαλοῦ(ς) μητρῆ(ς) κλέ(ις) – ключ от защищенного нутра. В данной формуле «ῆ μήτρας» следует переводить не в прямом значении – «материнская утроба», а более общим понятием «нутро» (ср. соответствующий перевод аналогичного термина «ῆ ὑστέρα» в заклинательных надписях на византийских амулетах-змеевиках). Содержание надписи указывает на то, что перед нами филактерий своеобразного устройства.

На известных нам византийских амулетах подобная формула встречается впервые. Она засвидетельствована только письменными источниками, где приводится как предложенный Соломоном, – имеется в виду приписываемый библейскому царю магический трактат «Завет Соломона» – способ защиты от вредоносных демонов. Сходные формулировки имеются в проповеди Евсевия Эмесского, в житии Амфилохия епископа Икония, в апокрифических сочинениях: Евангелии от Никодима и Деяниях апостола Фомы. В этих источниках, в отличие от эрмитажного амулета, речь идет не о защищаемом от злого начала человеке, а о дверях (τάς ἡσφαλισμένας θύρας) храма. Применительно к последнему, формула заклинания звучит логичнее, поскольку в ней упоминается ключ.

Если створка с греческой надписью не имеет аналогий среди филактериев, то изображение, помещенное на другой створке амулета, как и его структура в целом, позволяют отнести рассматриваемый памятник к достаточно многочисленной и относительно точно атрибутируемой группе предметов. Это – болгарские амулеты IX–X вв., называемые еще без особого основания печатями, с врезанными изображениями человеческих лиц (или масок), животных и птиц; некоторые экземпляры имеют греческие надписи, обычного для такого рода памятников содержания, другие – древнеболгарские руны.

По своей структуре, а также по техническим, иконографическим и стилистическим признакам наибольшее сходство с эрмитажным аму-

летом обнаруживают образцы, хранящиеся в Археологическом музее Преслава. Аналогичную структуру имеют найденные вблизи Преслава двухстворчатые медальоны, один из которых, с изображением человеческой фигуры и хищного животного, имеет лепестковидные створки скругленной формы, а второй, – с изображением всадника и орла, – яйцевидной, т.е. аналогичной створкам эрмитажного амулета. Сходен и характер исполнения изображений. Их контуры грубо врезаны в поверхность металла, причем отдельные детали переданы не гравированными линиями, а точками. Такие три точки – углубления располагаются по краю створки эрмитажного амулета с изображением бородатого лица, имеются они и на преславском амулете. Поскольку эти точки-углубления встречаются не на одном памятнике, к тому же выделяется число – три, их появление на рассматриваемых амулетах едва ли является случайным и чисто орнаментальным приемом. Вероятно, они имели символическое значение, в настоящее время скрытое от нас.

Изображение на эрмитажном амулете исполнено крайне грубо и схематично: нос и брови прочерчены в металле одной сплошной линией, глаза – в виде двух просверленных углублений, такими же углублениями переданы и уши, вывернутые и неестественно торчащие, как бы вырастающие из щек. Лицо изображенного персонажа покрыто нанесенными гравированными штрихами, которые сливаются с переданной такими же приемами бородой, так что лицо кажется заросшим грубой щетиной. Это придает ему звероподобный характер и делает данный образ чем-то средним между человеком и животным. Подобные признаки присущи и преславским амулетам: схематично намеченные черты лица носят грубый, шаржированный характер; огромные, неестественно вывернутые уши сливаются с растрепанными и занимающими всю поверхность медальона волосами и бородой. Изображения такого рода известны не только на преславских амулетах, встречаются они и на других, современных им болгарских памятниках: рельефах, черепице, драгоценной посуде. Подобные изображения болгарские исследователи считают характерными для памятников дохристианского периода в болгарской культуре и связывают с языческим культом предков: такие антропоморфные изображения интерпретируются ими либо как некий образ предка-защитника от злых сил, либо как символизирующую того же прародителя маску, которую одевали шаманы при соответствующих культовых церемониях.

Учитывая вышесказанное, следует признать, что по своей структуре, размерам и форме, стилю и иконографии помещенного изображения, эрмитажный амулет должен быть отнесен к группе болгарских филиактериев. Последние по обстоятельствам и месту находки, сопут-

ствующему материалу принято считать сделанными в Преславе и датировать IX–X вв.

Другой, хранящийся в Государственном Эрмитаже памятник (инв. № ω 1098), происходит из собрания Н.П. Лихачева. Это – створка бронзового складного сигмаобразной формы амулета, имеющего такую же структуру как и вышеописанный. На одной его стороне выгравировано вписанное в круг изображение орла с распростертыми крыльями, на обороте – трехстрочная греческая надпись – ΚΕ ΒΟΝΘΗ ΧΡΗΣΤΟΦΟΡΟΝ – «Господи, помоги Христофору». На второй утраченной створке, некогда соединенной шарниром с медальоном с орлом, вероятнее всего, если судить по приведенным аналогиям, имелось изображение человеческой личности. Такие, собственно византийские, амулеты до нас не дошли. Однако, изображение орла, как это хорошо известно, было весьма распространено в Византии не только как символ власти и победы, – отсюда и появление этого образа на консульских регалиях и печатях протоспафариев и префектов, но и как символ воскресения, бессмертия и самого Иисуса Христа. В Евангелиях от Матфея и Луки (Матф. 24: 28; Лука 17: 37), а также в многочисленных интерпретациях отцов церкви на эти главы Евангелий, появление орла комментируется как победа над смертью. В таком качестве функция орла совпадает с ролью ангелов-победителей зла и болезни и святых воинов-драконоборцев. Филактерии такого типа были широко распространены в Болгарии периода Первого болгарского царства и, таким образом, приблизительная дата амулета из собрания Н.П. Лихачева была бы в пределах X в.

Итак, болгарские амулеты при всем их своеобразии интересны не только как локальный тип филактериев, но и как особая группа памятников, родственная античным и средневековым амулетам, получившим распространение во всем Средиземноморье. Они дают возможность представить недошедший до нас вид византийских филактериев.

Л. ДОНЧЕВА-ПЕТКОВА
СОФИЯ

О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ КРЕСТОВ-ЭНКОЛПИОНОВ ИЗ ХЕРСОНА И СРЕДНЕВЕКОВОЙ БОЛГАРИИ

В 864 г. болгарский князь Борис «вместе с данным ему Богом народом» принял христианство из Византии. Новая религия приводит к существенным переменам в быту народа. На смену языческим амулетам приходят нагрудные кресты, медальоны с образами святых, амулеты и привески с христианскими изобразительными мотивами и текстами. Это явление особенно ярко прослеживается в находках из могильников второй половины IX – X в. Памятники христианской торевики проникают в болгарские земли вероятнее всего после 870 г., когда вместе с рукоположенным в Константинополе архиепископом в страну прибывает многочисленное духовенство. Постепенно практика ношения нагрудных крестов утверждается, превращается в привычку во время правления царя Петра (927–970), когда связи с Византией особенно сильны. Тогда же в наиболее крупных болгарских центрах налаживается и местное производство крестов. Особенно широкое распространение они имеют в первые десятилетия XI в. и во время византийского владычества (1018–1185).

Для установления даты производства и употребления крестов, в частности реликварных (энколпионов), существенное значение имеют экземпляры, найденные в результате археологических раскопок в столицах Плиска и Преслав, в исследованных селищах на территории Северо-Восточной Болгарии, в районе Добруджи (Силистра, Нова Черна, Ветрен, Цар Асен, Скала, Дуранкулак, Одырци и др.). Часть из этих селищ (Нова Черна) были уничтожены во время походов киевского князя Святослава и русско-византийской войны (968–969), другие (Одырци, Цар Асен, Скала) погибают в результате нашествий пе-

ченегов в 30–40-х годах XI в. Это конечная дата функционирования найденных там крестов.

Некоторые из открытых в Болгарии энколпионов аналогичны «сирийским крестам» из Херсона, которые были опубликованы В.Н. Залесской (хранятся в Государственном Эрмитаже). Они также были представлены на выставке «Византийский Херсон» в 1991 г. Это двусторчатые реликварные кресты с изображениями Распятия и Богородицы Оранты, сопровождаемые надписями IC XC NHKA и MP OV или же – молящимися святыми с надписями ГЕОРНОС, НОАННС. Таковы литые энколпионы с Распятием Христа на лицевой стороне в сравнительно полной композиции (с изображением солнца и луны, Богородицы и Иоанна Богослова на концах горизонтальных ветвей); на оборотной стороне представлена Богородица Оранта с четырьмя евангелистами. В других типах композиция сокращена. Изображения Христа и Богоматери представлены в разных вариантах – самостоятельно или в сопровождении погрудных изображений святых или евангелистов.

Распространение однотипных энколпионов с гравированными или рельефными изображениями в разных и отдаленных пунктах средневековой Болгарии и Византийской империи свидетельствует об их общем происхождении – вероятнее всего из малоазийских центров, что помогает уточнить время их производства и употребления.

*Б. ТОТЕВ, О. ПЕЛЕВИНА
ДОБРИЧ, ВАРНА*

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАННИХ ПОЯСАХ ДУНАЙСКИХ БОЛГАР

В настоящей работе мы представляем новые детали наборных поясов с территории Северо-Восточной Болгарии. Случайность находок не позволяет их точную датировку, кроме как путем стилистического анализа и по аналогиям с находками с территории Крыма и степей Восточной Европы. Рассматриваемые предметы мы можем отнести к двум уже известным типам поясных наборов. Для первого из них характерен декор из многолистной «перевязанной» пальметты, в которой продолговатые заостренные листки чередуются с тонкими, завитыми внутрь, в виде волют. Он известен в современной науке как тип Михелдорф–Скалистое¹. Поясные детали этого типа и раньше были объектом нашего исследования², которое сейчас может быть успешно дополнено в два раза большим количеством новых находок с территории Северо-Восточной Болгарии. Нам стали известны и новые формы, например, односторонние прямоугольные пластины с сохранившимися следами от припоя на обратной стороне, представляющие лицевые части поясных обойм. Они позволяют целостно реконструировать функцию и место на поясе различных его элементов. Другой причиной вновь вернуться к уже рассматриваемой проблеме явилось категорично высказанное мнение Ф. Дайма о византийском происхождении данного типа деталей пояса³. Следы ткани на обратной стороне некоторых из представленных здесь новых экземпляров, как и другие технологические особенности,

¹ DAIM F. «Byzantinische» Gürtelgarnituren des 8. Jahrhunderts // Die A waren am Rand der byzantinischen Welt. Innsbruck, 2002. S. 107-109.

² ИВАНОВ Б., ПЕЛЕВИНА О. Детали литых наборных поясов предсалтовского времени с «перевязанной» пальметтой из Болгарии // РА. 2001. № 3. С. 88-97.

³ DAIM F. «Byzantinische» Gürtelgarnituren... S. 109.

недвусмысленно показывают, что по крайней мере часть этих находок не является византийским импортом.

Второй представленный нами тип деталей наборных поясов включает накладки и обоймы, для которых характерен декор в виде хищной птицы, клюющей животное. А.И. Айбабин опубликовал пряжку с таким декором из Скалистинского могильника, датируя ее сравнительно широкими хронологическими рамками – VIII–IX вв.⁴ Сюжет, по его мнению, византийский, в то время как И.О. Гавритухин⁵ и А.В. Комар⁶ видят в стиле аварское влияние. По нашему мнению, нападающая на животное хищная птица не входит в круг мотивов, присущих византийской христианской традиции.

Рассмотренные вместе, пряжка из Скалистого и некоторые находки поясных деталей с идентичным декором из Северо-Восточной Болгарии позволяют уточнить указанную А.И. Айбабиным датировку. На них присутствуют такие характерные признаки, как волнообразная линия бордюра и специфичный трехлистный пальметтовидный элемент декора. Они являются стилистическими признаками поясов типа Врап-Ерсеке⁷, чье изготовление относится, самое позднее, к первой четверти VIII в. Сюжет с нападающей на животное птицей украшает также и серебряные поясные детали из Фативижского клада⁸. Он отмечен Ч. Балинтом к IX в. и связывается им с расселением венгерских племен⁹. По мнению И.О. Гавритухина и А.В. Комара, которые видят аварские заимствования при его изготовлении, поясной набор из Фативижа относится к раннесалтовскому горизонту и датируется серединой VIII в.

Новые находки из Болгарии до известной степени подтверждают эту точку зрения. Едва ли, однако, необходимо искать точно «авар-

⁴ ВЕЙМАРН Е.В., АЙБАБИН А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993. С. 174. Рис. 19, 5.

⁵ ГАВРИТУХИН И.О., ОБЛОМСКИЙ А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. С. 137-138.

⁶ КОМАР А.В. Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э.: (Из истории костюма). Самара, 2001. Т. 2. С. 109-110.

⁷ WERNER J. Der Schatzfund von Vrap in Albanien // Studien zur Archäologie der Awaren. Wien, 1989. Bd. II.

⁸ КОЗЛОВСЬКА В. Срібний скраб часів Великого переселення народів з с. Фатівиж на Ченігівщині // Ювілейний збірник на пошану академіка М.С. Грушевського. Київ, 1928. С. 44-52.

⁹ BALINT C. Die Archäologie der Steppe Steppenvölker zwischen Volga und Donau vom 6. zum 10. Jahrhundert. Wien, Köln, 1989. P. 122.

ские» заимствования в этом, встречающемся и в Салтовском могильнике, декоре поясных наборов¹⁰. Указываемая А.В. Комаром как вероятный «аварский» прототип накладка из Болдога, не является надежным доказательством подобного утверждения хотя бы из-за ошибочно интерпретированного сюжета (голубь, держащий крест, является символом Святого Духа, и этот сюжет не имеет ничего общего со сценой терзания животного птицей). Изображение птиц не характерно для декора поясных наборов, а специально в аварской поясной металлопластике сюжет птицы, когтящей животное, до сих пор не известен.

Изображение орла, клюющего газель или другое животное широко встречается на сасанидских предметах – металлических сосудах и геммах¹¹. В зароастрийской религиозной символике этот сюжет – астральный и является символом осеннего равноденствия, праздника урожая¹². Сцена птицы, когтящей зайца, часто встречается в искусстве Приобья в I – начале II тыс. н.э.¹³ В этот регион и в среду угорских племен Прикамья изображения хищной птицы, терзающей животное, вероятно, проникли с юга, еще из скифо-сарматского мира. Для них эта сцена олицетворяла борьбу тотемных предков различных фратрий. Подобный мотив изображен и на серебряном блюде из Волжской Болгарии¹⁴. Этот весьма распространенный сюжет борьбы между мифическими животными сравнительно часто использовался в первой половине VIII в. дунайскими болгарами. Едва ли это предпочтение является плодом случайности. Оно, вероятно, отражает какие-то специфичные верования и, возможно, появление сюжета птицы, терзающей животное, на территории современной Северо-Восточной Болгарии связано с каким-нибудь из племен болгар Аспаруха.

¹⁰ ПЛЕТНЕВА С.А. От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142. С. 150. Рис. 40, 10.

¹¹ ДАРКЕВИЧ В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М., 1976. С. 24.

¹² ЛЕЩЕНКО В.Ю. Сасанидское блюдо Пермской художественной галереи // СА. 1966. № 2. С. 319.

¹³ Сокровища Приобья. Каталог. СПб., 1996. С. 61. № 15.

¹⁴ Там же. С. 80-81. № 32.

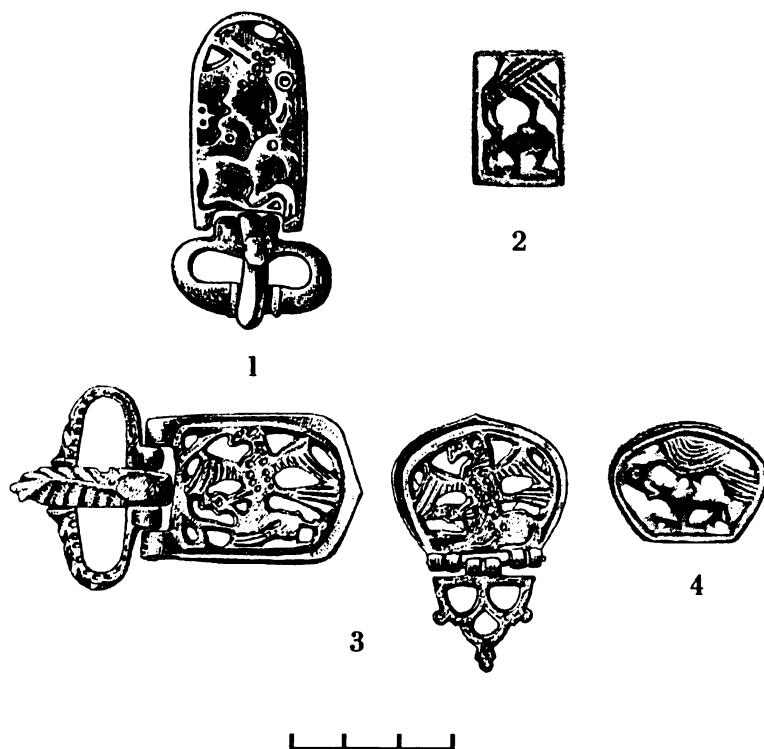

Рис.1. 1 – 4 – детали поясных наборов

В. ПАВЛОВА
ВАРНА

ПРИНОС КЪМ СРЕДНОВЕКОВНИЯ МЪЖКИ КОЛАН ОТ XIII–XIV ВЕК (ПО ДАННИ ОТ КОЛЕКЦИЯТА ВЪВ ВАРНА)

Предмет на настоящето предварително съобщение са средновековните мъжки колани от колекцията във Варненския археологически музей. Повечето са съставна част на съкровища, случайно открити недалеч от Варна – до селищата Долище и Кичево, а други са без точно местонамиране, най-общо от Североизточна България. Целта е да се представят тези изключително интересни паметници на средновековното златарство, с някои бележки за техния състав, техника на производство, разпространение.

До нас достигат метални части – токи с плочки, приложения, висулки и накрайници. Изработени са от сребро с позлата. Запазените късове от текстил позволяват да се установи, че по-горе изброените части са били апликирани на текстилна лента.

Колани от Долище. В съкровищата открити до с. Долище има шест колана¹. Четири са изцяло комплектовани, а други два – частично. Микроскопски изследвания показаха, че текстилната лента на повечето е от вишневочервена коприна, а една е златотъкана. Лицевите страни на плочките на токите и на накрайниците са богато орнаментирани. Чрез гравирание и изчукване са нанесени геометрични и растителни орнаменти, изобразени са различни фантастични животни и сцени. Повечето приложения са с форма на двойна «лилия», но има и няколко сърцевидни. Токите и приложенияте «лилии» са лети, а сърцевидните – изрязани от тънка ламарина. Дължината на коланите е от 1,30 до 1,65 м.

Колан от Кичево. Коланът открит до с. Кичево е по-големи размери от тези в Долище. Дължината му е повече от 2,10 м. Плочката на токата е украсена с растителен повлек, а накрайника с птици и четири-

¹ Кузев Ал. Накитните съкровища от Долище // МПК. 1986. № 4. С. 45–46.

ноги животни. Апликациите са две групи – редуват се с форма на «лилия» и с кръгла форма.

Колан от Цонево. Навярно подобен на колана от Кичево е бил и частично запазеният колан открит в района на с. Цонево, но той е значимо по-малък. Освен изброените колани колекцията включва и няколко други, от които са запазени само кръглите апликации.

Представените колани от Варненския музей не са единствените от днешните български земи. Известни са ми още няколко цели, или частично запазени. Намерени са поединично или в състава на съкровища в Шуменско, Никопол, Видинско, Софийско и Пазарджишко². Има открити и в гробове – във Велико Търново и в Силистра³. Необходимо е да се посочи, че металните части на тези колани имат различна конструкция, форма и украса. При едно бъдещо изследване, може да се разработи типологично и хронологично разпределение в рамките на XIII–XIV в.

Извън България, могат да се посочат редица паралели. Някои колани от Долище са почти идентични с тези от съкровището при Войнещи до Яш, Молдова⁴. По формата на токите и апликациите, по украсата на крайниците и по други детайли, «варненските» колани са близки с тези от Гогошу и Олтени, Румъния⁵, от Чольош и Фелшосенткирали, Унгария⁶, с коланите от Чингулската могила – с. Заможне, Запорожка област, Украйна⁷ и други.

Смятам, че представените колани от колекцията във Варненския археологически музей могат да спомогнат за решаването на въпросите за производството, употребата и разпространението на тази важна част от средновековната дреха.

² Някои не са публикувани, а за останалите виж: АНТОНОВА В. Средновековни накити в Окръжния народен музей в Коларовград // Археология. 1964. № 2. С. 45-52; АЛЕКСАНДРОВ Г. Средновековно българско съкровище от Михайловград // Археология. 1984. № 1. С. 34-35; ВАКЛИНОВА М. Метални части за колани от XIV–XV в. от Националния археологически музей // ГНАМ. 1992. Т. VIII. С. 309-317.

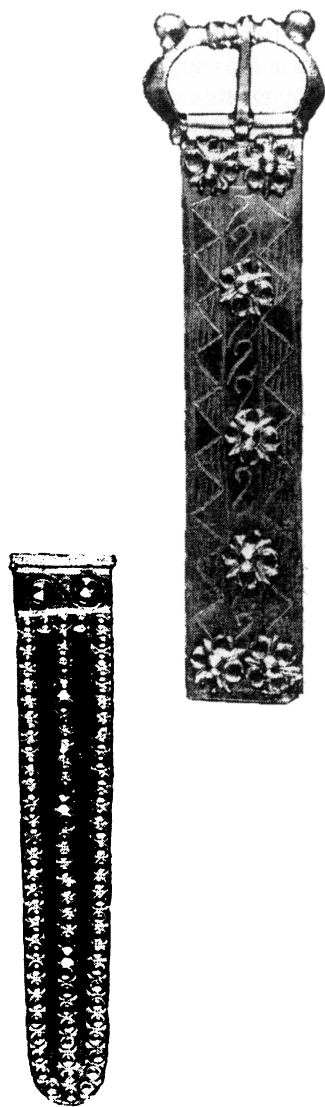
³ АНГЕЛОВА Ст. Разкопките на църква № 2. Археологическо проучване на Дръстър (14 години по-късно) // Добруджа. 2002. № 20. С. 36.

⁴ ТЕОДОРУ Д. Раннефеодальный клад украшений найденный в Войнещи (Яссы) // Dacia. 1961. № 5. С. 516-519.

⁵ DUMITRIU L. Der mittelalterliche Schmuck des unteren Donaugebietes im 11.-15. Jahrhundert. Bucuresti, 2001. Taf. 43, 44, 110.

⁶ PALOCZI-HORVATH A. A Felsoszentkirályi kun sirlelet // Cumania. 1972. № 1. P. 191.

⁷ ОТРОЩЕНКО В.В., РАССАМАКИН Ю.Я. Половецкий комплекс Чингульского кургану // Археология. 1986. № 53. С. 21.

Обр. 1. Тока с плочка и накрайник от колан от Долише, Варненско

М.Г. КРАМАРОВСКИЙ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

КУМАНСКИЕ ПОЯСА В ДЕШТ-И КЫПЧАК И НА БАЛКАНАХ В XIII-XIV ВВ.¹

В появлении и бытовании поясных наборов европейского облика в Дешт-и Кыпчак, на востоке Средиземноморья, на Балканах есть ряд общих исторических закономерностей, которые можно проследить на примере распространения таких поясов в нелатинской среде по находкам в Дешт-и Кыпчак и прилегающих районах Северного и Северо-Западного Причерноморья.

В работе о художественном металле Джучидов я стремился показать, что представляли собой раннемонгольские воинские пояса, принадлежавшие представителям местных джучидских элит. Пояса этого типа не обязательно принадлежали этническим монголам. Их владельцами могли быть представители любых этносов на монгольской службе. Характер и состав поясных украшений определялся уровнем сюзеренитета и местом владельца пояса в структурах армии или гражданской администрации. Так было на протяжении всей второй половины XIII в. Точнее, до времени, пока в начале XIV столетия в ханской ставке не утвердился ислам. Исключение – Чингульская находка, лишь подтверждающая правило. По данным погребального обряда, Чингульский курган (вторая треть XIII в.) принадлежал знатному половцу. В захоронении найдено три поясных набора – два романского облика и один готический; все оригинальной западноевропейской выделки.

¹ В настоящей публикации использованы материалы из моего неопубликованного и частично переработанного доклада, прочитанного в сентябре 2002 г. на конференции в Археологическом музее Варны в честь 70-летия проф. А. Кузева. Благодарю хранителя коллекции Ваню Павлову за возможность ознакомиться с кладовыми материалами из Долище в экспозиции Варненского музея.

Для понимания закономерностей формирования всаднической культуры Дешт-и Кыпчак в XIII в., существенно, что половцы («куманы», «куны») «первой волны», но так же *«лепшие люди»* из черных клобуков – торков, берендеев, ковуев, печенегов – утратили традицию *собственных воинских поясов* уже задолго до столкновения с монголами (1223 г.). Вероятно, это случилось еще в XI–XII вв. Во второй половине XII в. на смену крупным половецким союзам правобережья Днепра (Бонякидам) и днепровского левобережья (Шаруканидам), имевшим характер объединений предгосударственного типа, приходят новые территориальные союзы Приднепровских, Донских, Северо-Кавказских и Лукоморских половцев во главе с ханами, (так и не переросшие стадию родоплеменных образований). Возможно, что количество территориальных кочевнических союзов на западе Великой Степи как-то коррелировалось числом их партнеров – княжеств Древней Руси.

Социальная структура половецкого общества этого времени обретает стабильную триальность: князья, знатные и простой народ. Русские летописи различают половецкие родоплеменные объединения по именам ханов: Ичитеевичи, Чагровичи, Басшеева чадь и пр. Во второй половине XIII в., с приходом Джучидов, место половецких ханов, возглавлявших отдельные союзы, заняли новые хозяева, кстати, не всегда монголы. Судя по служебной биографии кыпчака Бачиманя, перешедшего на сторону монголов, последний, согласно Юань ши, руководил монгольскими контингентами из русских и аланов. Традиционная иерархия у кыпчаков «первой волны» предельно «уплощается»: князья (ханы) исчезают, но остаются «благородные фамилии» и рядовые кочевники. И в предмонгольское время, и в период первых контактов с монголами, в хрестоматийных для археолога-медиевиста богатейших половецких комплексах Ротмистровки, Таганчи, Липовца, Ковалей и Токмака воинских поясов нет. Между тем, речь идет о захоронениях хорошо экипированной воинской элиты.

Нет воинских поясов и в серии позднекочевнических погребений, открытых на Кубани. Между тем, восточная ориентировка погребенных в широких ямах вместе с конскими захоронениями в виде целых костяков коней или их чучел, ориентированными в противоположную сторону, погребальный инвентарь, где найдены и распрямленные серебряные гривны, и бронзовые котлы, неоспоримо свидетельствуют в пользу половецкой атрибуции кубанской группы кочевников. Следует согласиться с авторами раскопок, что погребение 2 кургана 1 Дмитриевского могильника и погребение 1 кургана 2 могильника Южный-84 принадлежали представителям половецкой родовой знати. В Венгерском Акте

о половцах (1279 г.) социальная элита такого уровня идентифицирована, по меньшей мере, как *Dominorum et Nobilium de Cumanis*.

В нашем случае, надо полагать, речь также идет о половецкой знати, но на службе Джучидов. Об этом, кроме географии могильника, косвенно свидетельствуют отдельные предметы воинского снаряжения.

По богатству «рыцарского» оснащения кубанская серия половецких курганов родственна захоронениям из Таганчи, Липовцов и др., но также и курганным погребениям половцев Молдовы. Вместе их объединяет, в том числе, и такой признак, как *отсутствие воинских поясов*. Возможно, главное из того, что различает богатые комплексы родовой половецкой знати на монгольской службе в том и состоит, что одни, сделав воинскую карьеру, подобно знатному половцу из кургана близ села Ново-Подкряж в Среднем Приорелье, получили от новых хозяев знаки вассалитета, а у других, не менее родовитых, новая воинская карьера не сложилась. Нельзя также исключить, что кубанская серия захоронений принадлежит кыпчакам «второй волны», пришедшим в восточноевропейские степи из восточнокыпчакского ареала вместе с монголами.

По предположению авторов находок, захоронение Чингульского кургана принадлежало хану Тигаку, вернувшемуся на родину со своей ордой из Венгрии в 1260-е гг. Известно, что после гибели Котяна, свата Бела IV, часть половцев осталась в Венгрии, часть перешла на сторону монголов, часть ушла в Болгарию. При Владиславе IV Куне, сыне половецки, положение куманской диаспоры усилилось настолько, что венгры заимствуют у половцев отдельные детали кочевнического костюма, но не пояса.

Для Тигака венгерский период оказался успешным, поскольку заслуги гипотетического хана были отмечены *тремя рыцарскими поясами*. Но если хан этой небольшой половецкой орды без риска утраты социальных связей со степными родовичами использует в реальной жизни лишь чужие статусные символы, подтверждающие успешность личной воинской карьеры, не означает ли это полного забвения родовых (племенных) традиций? Если это так, то речь идет о признаке, отражающем кризисное состояние кочевого сообщества. Уже в XII в. у половцев нет традиционного тюркского воинского пояса. Его место в определенных ситуациях заняли либо «франкские» (европейские), полученные, как можно думать, за преданную службу сюзерену, либо – на джучидской службе – «монгольские».

Причину исчезновения старого тюркского типа воинского пояса я вижу в продолжительном отсутствии у половцев собственной государственности, отмеченной еще В.В. Бартольд. Для нас важно прямое

свидетельство наблюдательного рабби Петахья (1175 г.): «У них нет царя, но только князья и благородные фамилии». Для такой среды символы корпоративного единства, характерные для Чингисидской гвардии, не обязательны.

Наличие поясов европейского типа в инокультурной среде, между тем, сближает чингульские находки с целой серией находок XIII – первой половины XIV вв. с территории Восточной Румынии (район Войнешти-Яссы), Сербии (находка из района Томашевич), Северо-Восточной Болгарии – серия поясов, обнаруженных близ деревни Долище неподалеку от Варны, комплекс из Черномашиц (Центральная Венгрия). В большинстве случаев эти находки связаны с куманами (половцами) на венгерской, болгарской или сербской службе. Называя их по этнониму владельцев – «куманскими», мы помним, что с точки зрения ремесленной традиции и типа эти поясные наборы принадлежат Южной и Центральной Европе.

Стоит заметить, что в потерях одного из важнейших маркеров исторической (этнической) самоидентификации куманы не были одиноки. Около середины XIV в. подобный кризис, сопровождавшийся утратой старой монгольской традиции, испытали и Джучиды. Однако на этот раз трансформации происходили на территории Дешт-и Кыпчак и в более сжатые сроки. Процесс разрушения модели чингисидской государственности в Золотой Орде совпал с усилением происламских тенденций, что привело к ослаблению старой имперской традиции и отказу от ценностей первых поколений Джучидов.

Изменение культурной парадигмы дало толчок к полному исчезновению типа чингисидского воинского пояса. Это прослеживается по материалам Симферопольского клада, владельца которого, Кутлуг-Тимур бека, я рассматриваю как главу администрации Крыма и правителя Солхата при хане Кельдибеке (1361 г.). Приняв от сюзерена знаки инвеституры – ярлык и пайцзу, крымский наместник в качестве властных символов использовал, тем не менее, два латинских пояса. Скорее всего, это были купеческие или посольские дары. Вполне вероятно, что один из поясных наборов – венецианский – оказался в сокровищнице наместника после заключения договора с венецианскими послами от 20.09.1358 г. Наш пример позволяет понять глубину трансформации старых «имперских» стереотипов. На место воинского чингисидского пояса, сложившегося как тип в Центральной Азии на рубеже XII-XIII вв., в живой практике джучидского официального лица XIV в. использован «нобильский» поясной набор, заимствованный из жизни социальной элиты Латинской Романии.

С этой точки зрения мы и рассмотрим несколько групп находок европейских поясов, найденных в Дешт-и Кыпчак и на Балканах.

Группа I объединяет находки из ремесленных центров Южной и Западной Европы, которые мы относим к разряду импорта. Именно эта серия поясных наборов отражает тип длинных готических поясов в наиболее чистом виде. Один из подлинных шедевров этой группы – парадный светский пояс с эмальями, хранящийся ныне в Музее искусств Кливленда. Еще в начале прошлого столетия, как реликвия семьи грузинского князя Николая Мингрельского, этот редкий по красоте памятник хранился в Сванетии, где в 1904 г. его видела графиня Уварова.

Пояс длиной 225 см, шириной 2,9 см украшен 69 серебряными пластинками с эмалью. М.-М. Готье, изучавшая эмали этого памятника, датировала их последней третью XIV в. и отнесла их изготовление к мастерским Венеции или Сиены. Сиенская альтернатива представляется более предпочтительной.

Другой пояс – воинский – с эмальями принадлежит к так называемому Симферопольскому кладу (60-е гг. XIV в., хранится в ГИМ). Пояс серебряный и украшен гравировкой и эмальями в три цвета.

Реконструируемая длина пояса около 200 см. В его декоре прослеживаются явно выраженные элементы готической стилистики. Только наличие эмалей, о которых нет свидетельства для ремесла Каффы или других городских центров Северного Причерноморья, позволяет говорить об этом поясным наборе как привозном. Сами эмали сохранились плохо. Они выполнены на тонких серебряных пластинках, покрытых гравированными узорами и изображениями геральдических орлов и львов в профиль. По цветовому сочетанию – красный, зеленый, черный – эти эмали вряд ли подходят колористической традиции сиенских эмалиеров. Как кажется, по цвету, но не по качеству, эмали крымского поясного набора ближе парижской школе. В местах сколов эмалевого слоя и на пластинах, не заполненных эмальями, прослеживается четкий, виртуозно выполненный подготовительный рисунок штихелем, как на кувшине для воды из Национального музея в Копенгагене. Сосуд датируется временем около 1320 г. и изготовлен в Париже.

Обе находки из районов Восточного (Мингрелия) и Северного Черноморья (Крым) имеют множество параллелей на Балканах. К поясу из Тосканы стилистически близок поясной набор XIV в. из далматинского Сетина (Босния). Его исследователи связывают с французской готикой. В этом же ряду должны быть отмечены еще две находки, поступившие в Национальный археологический музей Болгарии в 1901 и 1925 гг. из района средневекового Видина. Обе болгарские находки относятся к XIV в. и выполнены из высокопробного серебра с позоло-

той. Вместе с тем, поясной наконечник из Черномащицы украшен яркосиней эмалью и фигурными изображениями. Тип «двуякорных» накладок объединяют фрагменты поясного набора из Черномащицы с украшениями пояса крымского наместника.

Группа II объединяет поясные наборы, изготовленные вне метрополии. К ним я отношу пояса из серии небольших по объему семейных кладов в Долищенской крепости, расположенной в 17 км северней Варны. Всего поясов пять. Остановимся на их характеристике более подробно. Пояс 1 состоит из пряжки с подвижной лировидной рамкой приемника (рамка и стерженек стопора в форме головы монстра – литые, объемные) на шарнире, наконечника, трех сердцевидных «шевროнов», пятидесяти двуякорных накладок и одной кованой петли для крепления мешочка или сумки. Лицевая пластина прямоугольной пряжки украшена рельефным изображением двух монстров с перевернутыми хвостами. Изображения выполнены в технике *terracotta*. Поясной наконечник в виде вытянутого скругленного язычка украшен снаружи S-образно изогнутым изображением змеевидного дракона с двумя головами (спереди и сзади); узкая часть наконечника заполнена растительной виньеткой. Учитывая, что лицевая пластина представляет собой тонкий лист серебра, можно думать, что рельеф вместе с обрамляющим выступом выбит с оборота (по матрице), но объемная голова змеи отлита и впаяна в общую композицию. Нельзя не отметить, что своей широкой частью наконечник превышает размер подвижной рамки, и пряжкой нельзя было пользоваться.

Гарнитура Пояса 2 дошла без поясного наконечника. В ее составе крупная пряжка с подвижной лировидной рамкой приемника, пятьдесят четыре (?) двуякорные накладки и стременивидной формы литая петля для подвешивания мешочка или сумочки. Лицевая сторона прямоугольной пряжки украшена тисненой пластиной с изображением двух геральдических львов по сторонам «геральдической лилии».

Гарнитура Пояса 3 представлена прямоугольной пряжкой с подвижной лировидной литой рамкой приемника, наконечником и шестидестью четырьмя накладками. Лицевая пластина пряжки украшена бордюром из треугольников, гравированных зигзагом. В ее центральном поле три готических четырехлистника, а по краям – еще по два. Наконечник в виде вытянутого язычка со скругленным краем. Лицевая пластина наконечника разбита на два поля. Малого, в виде узкого прямоугольника у среза, заполненного S-образной фигурой из выгнутой проволоки с двумя заклепками в завитках волют, и большого, в виде гладкого поля, рассеченного линией полубусин на две равные доли. Каждая украшена гирляндой полубусин, окантованных гладкой проволокой.

В гарнитуру этого пояса также входят четыре 4 рельефные сердцевидные накладки («шевроны») и шестьдесят двукорных накладок. Вся гарнитура укреплена на ткань шелковой ленты. Заметен контраст крупных литых деталей поясного набора с мелкостью декоративных украшений пряжки и наконечника, выполненных довольно примитивно.

Поясной набор 4 состоит из пряжки с литой лировидной рамкой приемника на шарнире, наконечника и еще тридцать одной детали. Лицевая пластина пряжки, в форме вытянутого прямоугольника, украшена изображением льва и змеи, выполненными в технике плоской чеканки и гравировки. Наконечник той же формы сделан очень примитивно: согнутая пополам скобяная полоса образует обойму, в которую должна быть впущена тканая лента пояса (не сохранилась). Наконечник украшен гравированной растительной плетенкой в двойной рамке с геометрическим узором. В состав комплекса вошли три сердцевидные накладки («шевроны») и двадцать девять двукорных (одна из двукорных накладок снабжена треугольной рамкой для подвески мешочка или сумки). Все литые детали поясного набора, включая двукорные накладки, хороших пропорций и безукоризненно выполнены.

Пояс 5 состоит из прямоугольной пряжки, согнутой из тонкой пластины, с литой лировидной рамкой приемника на шарнире, наконечника и семидесяти трех деталей. Лицевая пластина пряжки украшена узким бордюром из треугольников; внутреннее поле заполнено геометрическими узорами. Наконечник трапециевидной формы снаружи украшен бордюром из треугольников, составленных из плетеной серебряной проволоки, напаянной на основу; во внутреннем поле – четырехлепестковый цветок из той же плетеной проволоки и два concentрических кружка. В составе комплекса четыре сердцевидные накладки (три – с отверстием в центральном поле) и шестьдесят восемь двукорных, с двумя перехватами у центрального выступа. В гарнитуру вошло еще кольцо для подвески мешочка или сумки (?). Обращает на себя внимание контраст в качестве исполнения объемных литых и примитивно выполненных плоских украшений.

В развитие мысли А. Кузева о возможном участии торевтов Варны в производстве некоторых женских украшений из числа кладовых находок в крепости Долище (в их составе типично половецкие серьги, близкие по формам серьгам из женского кочевнического погребения близ станицы Ясиноватая в Донецких степях), но так же из кладов с территорий русских княжеств и Волжской Булгарии; подобные находки известны и в Болгарии, полагаю, что и поясные наборы сделаны варненскими мастерами. А. Кузев для обоснования гипотезы о творческом потенциале варненских торевтов привлек кассовую книгу

1366 г. Антона Барбери с записью заказа на изготовление ювелирного ковчежца для Амадея I Савойского. Мое предположение основывается на том, что долищенские наборы составлены из двух типов украшений, созданных по разным технологиям. Серийные детали – подвижные рамки и «двукорные» накладки, изготовлены в условиях специализированных мастерских. Эти украшения могли быть и предметом розничной торговли. Все другие элементы поясных наборов не требовали высокого исполнительского мастерства. В стилистике как минимум двух поясных наборов заметно влияние византийской Малой Азии (пояс со змеевидными драконами) и, быть может, Венеции – пояс с геральдическими львами.

В целом, «куманские пояса» из крепости Долище интересны как памятники латинского типа местной (болгарской) работы. Их социальный статус – сеньориальное пожалование знатному наемнику-половцу на службе болгарского феодала. Тем более, что историческая память и дарителя, и его адресата не могла не сохранить факта причастности дунайских половцев к утверждению династии основателей Второго Болгарского царства (1187 г.). Дата долищенских поясов не выходит за пределы XIV в., времени активного сотрудничества деспотов Добруджи с Генуей. Близкие поясные наборы летом 2001 г. обнаружены археологами Софийского университета при раскопках грунтового могильника второй половины XIV в. в Дристре.

По признаку двукорных накладок наша группа воинских поясов может быть расширена за счет находок в Венгрии (находка из Фельзешенкирали, XIII в). Геральдика венгерского пояса нашла аналогию в Сербии – серебряный поясной набор из Томашевац, который хранится в Национальном музее в Панчево (XIII – первая четверть XIV вв.), в Румынии – клады из района Войнешти – Ясы (XIII в.) и из Александрии (начало XIV в.).

Вполне вероятно, что перечисленные находки из Румынии, Венгрии, Сербии и Болгарии, учитывая их несколько упрощенный ремесленный уровень, принадлежат, как и долищенские находки, местным региональным центрам.

В экспозиции Археологического музея Варны мне посчастливилось познакомиться с еще одной новой кладовой находкой, сделанной в районе Долище (вне крепости, не опубликована). Ее близость к поясам долищенской крепости, особенно к комплексу 1, несомненна.

Общая реконструируемая длина пояса не менее 210 см. Накладки, по-видимому, чередовались. По характеру обрамления медальоны наколочника из района Долище близки к обрамлению медальонов ближневосточного (Месопотамия или Иран) серебряного кадила XII – начала

XIII в. из крестоносного клада в базилике св. Креста Русафы в Национальном музее Дамаска.

В гарнитуре этого, безусловно, одного из самых интересных поясных наборов латинского типа прослеживаются три художественных традиции. *Первая* связана с линией европейской готики. Она опознается в типе «длинного» готического пояса, отдельных элементах его декора, в том числе характерной пряжке с лировидным приемником, поперечными накладками изящно оформленными в виде «двойных лилий», стилистике выразительных в своей простоте круглых накладок. Тип литого лировидного приемника, однако, аналогичен приемнику артукидского серебряного пояса второй четверти XIII в. из коллекции Британского музея, в свою очередь, связанного со стилистикой европейских времени крестовых походов. *Вторая* принадлежит византийской провинции. Речь идет о характерном узоре в виде гибкого побега на лицевой пластине пряжки. *Третья* – тема хтонического мира с образами змееподобных драконовидных существ, не имеющих положительной окраски ни в европейском, ни византийском мирах. Эта линия приводит нас на почву тюркской мифологии, причем, как на востоке, так и на западе тюркского мира. Какой-либо развитой иконографии драконов-змей у кыпчаков домонгольского времени мы не знаем. В Золотой Орде эта иконография зафиксирована в декоре колчанов и воинских поясов, но восходит преимущественно к киданьским и джурчженьским прототипам. В долищенском случае, как я думаю, характерная иконография драконовидных рептилий – индикатор художественной традиции сельджукской Малой Азии и Северной Месопотамии. Румский султанат, возможно, оказал решающее влияние на формирование декора пряжек новой находки из клада в Северо-Восточной Болгарии.

Итак, наши наблюдения позволяют прийти к следующим заключениям:

1. Воинские пояса в кыпчako-куманской среде, даже не имеющие опоры в старой степной традиции, являются надежным маркером текущих интеграционных процессов. С точки зрения сюзеренно-вассальных характеристик, нередко, только воинские пояса позволяют судить об уровне союзнических альянсов родовых элит поздних кочевников с партнерами из централизованных государств от Улуса Джучи в Дешт-и кыпчак до Венгерского королевства в Центральной Европе и Второго Болгарского царства на Балканах.

2. Отсутствие воинских поясов в богатых всаднических погребениях половецкой знати в монгольский период не является знаком тотального вытеснения родовой элиты с политической или, тем более, воинской сцены степной Евразии в XIII–XIV вв. Речь, в большей сте-

пени, идет о признаке, отражающем снижение уровня иерархии старых родовых кланов в системе новой джучидской власти.

3. «Куманские» поясные наборы с территории Центральной Европы и Балкан (особенно долищенские находки) свидетельствуют об определенной толерантности ремесленно-художественной среды, в которой они (поясные наборы) были изготовлены. Система «оммажа», предполагающая выдачу *наградных* поясов, не исключала учета заказчиком-сюзереном ментальных особенностей младших партнеров. Речь идет об учете вкусов и традиционных представлений, характерных для воинской знати куманов-наемников.

Б. БОРИСОВ
ВЕЛИКО ТЫРНОВО

ХЕРСОНЕССКИЕ (КРЫМСКИЕ) ПАРАЛЛЕЛИ «БОЛГАРСКОЙ» СГРАФФИТО КЕРАМИКИ

Наряду с импортной ранневизантийской сграффито керамикой, которой переполнен рынок гончарных изделий на Балканах в XI–XII вв., в некоторых селищах на территории современной Юго-Восточной Болгарии встречается также один особый вид сграффито керамики, отличающийся от остальных своей орнаментацией. Посуда этой группы представляет собой мелкие или более глубокие миски, выточенные с помощью ножного гончарного круга из хорошо очищенной глины розового или светло-красного цвета, получаемого при обжиге. По их внутренней поверхности, покрытой ангобом, врезаны концентрические пояса из одной, двух, а иногда и трех равных линий, между которыми гребенкой врезаны пояса из волнообразных линий. Чаще всего миски покрыты бесцветной глазурью, которая на фоне бледно-кремового ангоба выглядит бледно-желтой. Реже встречаются и миски со светло- или темно-зеленой глазурью.

Этот вид сграффито керамики встречается на очень небольшой территории, которая расположена между средневековыми селищами в окрестностях села Знаменосец – на западе, с. Полски Градец – на востоке, кварталом «Хисарлык» в г. Сливене – на севере и монастырем в квартале «Веселчани» г. Кырджали – на юге. Сграффито миски с украшениями подобного типа открыты также в полностью исследованном селище около с. Дядово и в сезонном селище Гледачево-1, в средневековой крепости возле с. Искрица, в селищах в окрестностях г. Любимец и с. Гипсово, Радневского р-на, с. Караново, Новозагорского р-на, и с. Крум, Димитровградского р-на. Отдельные фрагменты открыты и при полевых экспедициях на средневековом селище в местности «Каяджик», около с. Гледачево, Радневского р-на. За пределами

указанной территории этот вид керамики не встречается. На основании этого высказываем предположение об ее местном происхождении, т.е. сграффито керамика с врезанными гребенкой волнообразными линиями производилась на какой-то части территории сегодняшней Юго-Восточной Болгарии. По этой причине позволяем себе условно именовать ее «болгарским сграффито», не упуская из внимания тот факт, что в XI–XII вв. эти земли входили в пределы огромной Византийской империи.

Этот вид сграффито керамики не встречается ни в близлежащем городском центре XI–XII вв. Берое, ни в Диамполисе, Копсисе и Филиппополе, ни тем более в городах южного побережья болгарского Черноморья. Сграффито керамика с подобными орнаментами отсутствует в центрах Второго болгарского царства – в столице Тырново, в Червене, Шумене, Калиакре, Варне, Дрыстыре и др.

Сграффито керамики с орнаментами в виде врезанных гребенкой поясов волнообразных линий не известна и в византийских центрах – в Константинополе, Афинах, Солониках, Серрах, Пергаме, Эфесе, Немее, Родосе, Саламине, Спарте и Олинфе. К настоящему времени на территории Византии известен один-единственный фрагмент миски, открытый при раскопках в Коринфе. Однако на нем орнамент состоит, скорее, из зигзагообразных, чем из волнообразных поясов. Этот фрагмент, естественно, отнюдь еще не является доказательством наличия производства данного вида керамики в Коринфе.

Керамика с врезанными гребенкой поясами волнообразных линий отсутствует и среди находок на территории соседних с Болгарией стран – Сербии, Македонии и Румынии. Аналогичную картину наблюдаем и на территории России и Украины.

Сграффито керамика с подобным украшением встречается в настоящее время лишь на Крымском полуострове. При ранних раскопках средневекового Херсона были открыты три миски с близкой орнаментацией. Как отмечал А. Якобсон, эти сосуды были пропущены при публикации поливной керамики и обнародованы позже, в V выпуске «Херсонесского сборника». Все экземпляры данной группы совершенно одинаковы и, по мнению А. Якобсона, представляют собой большие чаши серого цвета с кольцевидной ножкой. С внутренней стороны они покрыты плотной зеленой, а с внешней стороны – коричневой глазурью. Внутренняя сторона украшена концентрическими поясами из двух ровных линий, между которыми врезаны двойные волнообразные линии. На основе аналогичных находок, автор высказывает предположение, что посуда этой группы ввозилась в Херсонес из Закавказья или Малой Азии, и датирует ее второй половиной X – XI в.

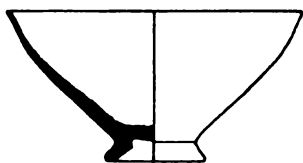
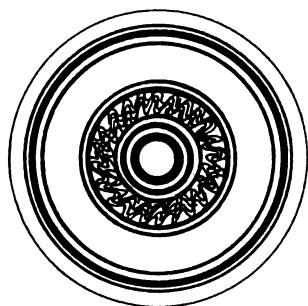
На основе материалов из Херсонеса и Закавказья мы высказали в свое время гипотезу об армяно-грузинском происхождении сграффито керамики с врезанными гребенкой поясами волнообразных линий на территории современной Юго-Восточной Болгарии.

Кроме рассмотренных ранних памятников сграффито посуды с подобным украшением в процессе последующих раскопок в Херсонесе были открыты еще несколько предметов, опубликованных А. Романчук в ее монографии, посвященной поливной керамике поздневизантийского Херсонеса. Автор выделяет их в группу сграффито посуды, украшенной концентрическими и волнообразными линиями. Местонахождение последних – сгоревшие жилища в Портовом квартале № 2 Херсонеса; датированы они XIV в.

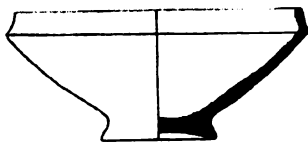
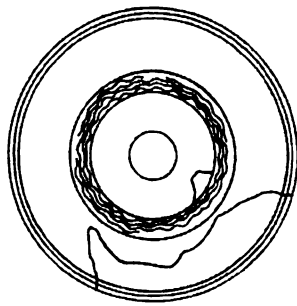
Одна глубокая миска с подобным «болгарской» сграффито керамики украшением, датируемая XIV в., открыта и в средневековом Судакe, т.е. опять же на Крымском полуострове.

Анализ известной к настоящему времени сграффито керамики с орнаментом в виде поясов врезанных гребенкой волнообразных линий совсем ясно показывает, что она появилась еще во второй половине X в. и использовалась в быту до XIV в. Хронологически самой ранней является посуда с серыми стенками, ввезенная в Херсонес, которая датируется второй половиной X – XI в. Концом XI и XII в. датируется «болгарская» красноглиняная сграффито керамика, а самыми поздними являются образцы из портового квартала Херсонеса и из Судака, которые датируются XIV в.

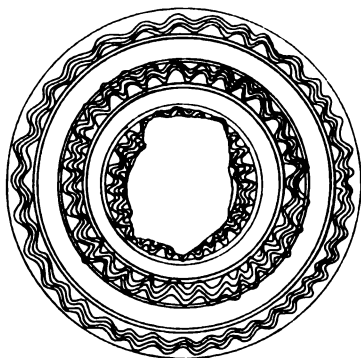
Наличие аналогичного орнамента на сграффито керамике на территории современной Юго-Восточной Болгарии и в Крыму, и отсутствие подобного декора в византийских центрах и в других местах на Балканах, в России и на Украине, свидетельствуют о существовании тесных культурных и торговых связей среди населения вышеуказанных территорий. Прямым свидетельством таких контактов служат и результаты обработки материалов широко распространенной в XI–XII вв. обыкновенной кухонной керамики. Среди них встречаются формы, наиболее точные параллели которым опять же находим в Юго-Восточной Болгарии и в Крыму. Исходя из этого вопрос ставится не только о развитии оживленных культурных и торговых контактов между населением этих регионов, но и о возможности миграционных процессов.

1

2

3

4

Рис. 1. 1 – сграффито сосуд из Польского Градеца; 2 – сграффито сосуд из Херсонеса; 3 – сграффито сосуд из Гледачево; 4 – сграффито сосуд из Херсонеса

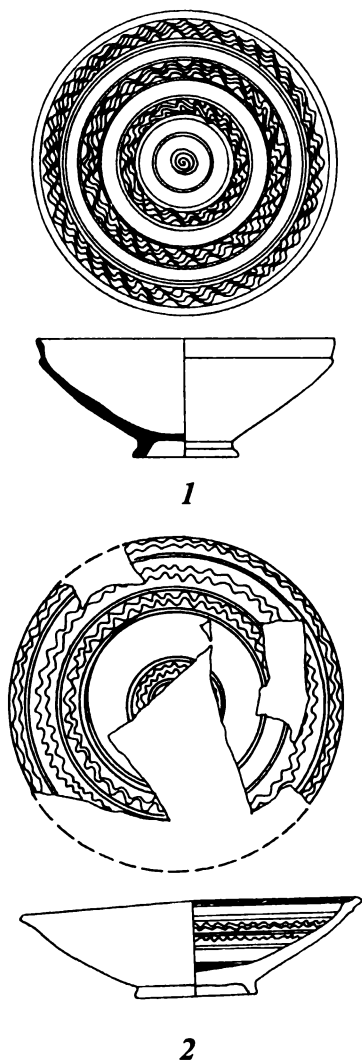

Рис. 2. 1 – сграффито сосуд из Хисарлыка в Сливене;
2 – сграффито сосуд из Херсонеса

М. МАНОЛОВА-ВОЙКОВА
СОФИЯ

ПОЛИВНЫЕ СОСУДЫ, РАСПИСАННЫЕ АНГОБОМ, ИЗ ГОРОДОВ БОЛГАРСКОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В настоящем сообщении мы обратим внимание на одну сравнительно малочисленную группу поливной керамики, известную в литературе как «поздний линейный стиль». Образцы этой керамики найдены в черноморских городах Болгарии – Варне, Созополе и Ахтополе. В самом большом количестве материал открыт в Варне при раскопках Терм, проведенных в 60-е гг. прошлого столетия.

Сосуды «позднего линейного стиля» изготовлены из хорошо отмученной глины, после обжига получившей ярко-красный цвет. На внутреннюю поверхность наносился рисунок густым раствором белого ангоба и орнамент приобретал почти рельефный характер. Рисунок покрывался плотным слоем бесцветной или светло-желтой глазури. Снаружи на поверхность наносилась бесцветная полива или разбавленный белый ангоб, покрытый бесцветной глазурью. Найдены фрагменты только блюд.

Мотивы рисунков очень напоминают орнаментику сграффито керамики. Основные элементы декора – это спирали, разводы и другие стилизованные растительные мотивы, иногда расположенные горизонтальными рядами. До сих пор сосуды «позднего линейного стиля» не найдены во внутренних районах страны. Они встречаются только по ее морскому побережью. Четкие данные о хронологии этой керамики в Болгарии установлены в Ахтополе. Там она найдена в яме с блюдами, украшенными техникой «сграффито» в «Developed Style», с белоглиняными поливными сосудами и монетами середины XII в.

Нет сомнения, что эта керамика – византийский импорт. Аналогичные находки сделаны в Константинополе, Коринфе, Фивах, Спарте, Эфесе, Афинах, Пергаме, Диногееции и др. Близость к Константинополю, самому большому торговому центру средневековья, поддержание с ним регулярных экономических связей, особенно в XI–XII вв., когда земли Болгарии являются частью Византии, объясняют присутствие этой керамики в болгарских приморских городах.

А.Ю. ЧУМАЧЕНКО
КИЕВ

К ВОПРОСУ ОБ ИКОНОГРАФИЧЕСКОМ ТИПЕ
НАМЕСТНОГО ОБРАЗА ВЕЛИКОЙ ЦЕРКВИ
КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Первое сообщение о наместной иконе главного храма Киево-Печерского монастыря встречается в «Сказании о строительстве Печерской церкви» Киево-Печерского патерика. В нем засвидетельствован факт получения греческими мастерами от «Царицы» в Константинополе заказа на постройку в Киеве Богородичной церкви. Поручение было подтверждено вручением «золота на три года» и иконы «пречистого образа», которую венценосная заказчица повелела поставить в новопостроенном храме «наместной».

Сохранившееся церковное предание, впрочем, как и большинство исследователей, древнейшей наместной иконой Печерского монастыря, упоминаемой в Патерике, считают икону «Успения», и ныне находящуюся в соборном храме над Царскими вратами. Однако сообщения Патерика вряд ли могут относиться к последней, хотя бы в силу того, что описанная в «Сказании» икона была посвящена не какому-либо событию из жизни Богородицы, но именно ее образу.

Что же было изображено на чудесным образом обретенной храмовой иконе? Напомним, что в Патерике местом пребывания как «Царицы», так и ее образа, назван район Константинополя Влахерны. По мнению исследователей византийского искусства, с топонимом «Влахернетисса» достоверно известны нескольких типов изображения Богородицы, в том числе и образ тронной Богоматери с младенцем, хранившийся в часовне Источника. Этот древний и распространенный в Византии иконографический тип, именуемый Кипрским, в русской традиции был связан с иконой «Богоматерь Свенская с предстоящими Антонием

и Феодосием» из Свенского Успенского монастыря, являвшейся, по преданию, списком с легендарной Печерской святыни.

Факт существования в Константинополе (но не во Влахернском храме, а в св. Софии) оригинала Печерской иконы подтверждает, по информации Н.И. Кондакова, фрагмент опубликованной Л.Н. Майковым «Беседы о святынях Цареграда», относящейся к концу XIII в.: «... по левой же стороне, есть теремец чюдно устроен; в нем икона Пречистая Царица Богородица; та икона посылала мастера на Киев ставить церковь в Печере ко святому Антонию и Феодосию...». В этом отрывке обращает на себя внимание созвучие титулатуры образа Богоматери – Пречистая Царица – повествованию Киево-Печерского Патерика.

Суммируя изложенное выше, можно было бы ограничиться предположением, что в XI в. наместной иконной Великой Печерской церкви стало именно изображение тронной Богоматери с младенцем, возможно, в окружении ангелов или предстоящих светских лиц. Однако, на наш взгляд, не следует упускать из виду отмеченный Н.И. Кондаковым факт, что большинство византийских памятников, представляющих подобный тип изображения Богоматери, относились не к моленным иконам, а к разряду монументальных произведений, основным видом которых являлась торжественная композиция в алтарной нише.

Поэтому, не отвергая предыдущей гипотезы, автор рискнула высказать и аргументировать еще одно предположение: проблему атрибуции Печерской наместной иконы целесообразно было бы рассматривать через призму церковно-политической жизни Киева второй половины XI в. и идентификации личности ктитора Великой церкви.

И.А. ОРЕЦКАЯ
МОСКВА

О МИНИАТЮРАХ РУКОПИСИ ГОМИЛИЙ ГРИГОРИЯ НАЗИАНЗИНА (ГИМ, СИН., ГР. 61)

Рукопись из собрания ГИМ в 1654 г. привез из монастыря Ксиропотам на Афоне Арсений Суханов, но написана и украшена она, несомненно, была в Константинополе. Она содержит 16 так называемых литургических гомилий, читавшихся во время литургии по определенным праздникам наряду с Евангелием, псалмами и другими текстами. Порядок следования гомилий в московской рукописи традиционен для литургической редакции текста.

Первоначально рукопись, очевидно, планировали украсить только орнаментальными заставками и инициалами, открывающими каждую гомилию и оглавление. Этот орнаментальный декор отличается большим изяществом и разнообразием: можно выделить три манеры его исполнения, имеющие аналогии не только в орнаментальных мотивах иллюстрированных рукописей, но и в декоративно-прикладном искусстве – перегородчатых эмалях, изделиях из металла и керамики.

Вероятно, не позднее 80-х гг. XI в. в манускрипте появились миниатюры, выполненные, судя по единству стиля, одним художником. Как в большинстве иллюминированных рукописей гомилий Григория Назианзина литургической редакции, миниатюры играют здесь роль заставок, не иллюстрирующих конкретный эпизод, а отражающих роль гомилии в богослужении. Поскольку для них не было заранее оставлено места, они располагаются либо внизу последнего столбца текста завершающейся гомилии, либо, если внизу столбца места не оставалось, – на полях текста. От оставленного места зависит и размер миниатюр. Первая миниатюра, по-видимому, изначально располагавшаяся не перед оглавлением, как сейчас, а перед началом текста первого Слова на Пасху – полностраничная – содержит две

сцены: Сошествие во ад (иллюстрацию к первой гомилии) и проповедь Григория; при этом вторая композиция могла восприниматься как фронтиспис ко всему тексту гомиллий.

В целом иллюстративный цикл рукописи представляет собой «стандартный» набор сцен: каждая из них является наиболее распространенным вариантом иллюстрации к соответствующей гомилии. От других иллюминированных рукописей гомиллий Григория Назианзина ее отличают особенности иконографии отдельных миниатюр¹. Некоторые из них не имеют близких аналогий в других манускриптах. Наибольшее сходство с московской рукописью с иконографической точки зрения обнаруживает кодекс (Sinai, cod. 339) первой половины XII в.

Стиль миниатюр рукописи отражает характерное для 60-70-х гг. XI в. увлечение мелкофигурными изображениями, выполненными на высочайшем художественном уровне, которые, благодаря применению ярких чистых красок, придают кодексу сходство с драгоценностью. Среди рукописей с миниатюрными фигурками московские Гомилии Григория Назианзина выделяются большей, чем другие манускрипты, близостью к классическим канонам (фигурки всегда объемны и подвижны, хотя и лишены веса; архитектурные кулисы имеют пространственную глубину, переданную посредством цветовой и светотеневой моделировки), меньшей характерностью образов (выражения лиц не суровые и встревоженные, с устремленными в сторону пламенными взорами, а спокойные, нейтральные), использованием более богатой колористической гаммы, построенной не только на локальных цветах, но и на сложных цветовых сочетаниях. Одежды, архитектура, растения – все покрыто тончайшими линиями золотого ассиста (порой с трудом различимыми из-за плохой сохранности рукописи), преображающими все тварное. Обильное использование ассиста сближает московскую рукопись с двумя роскошно иллюстрированными константинопольскими манускриптами – Четвероевангелием (BNF, gr. 74) третьей четверти

¹ Например, в миниатюре к последней гомилии – Слову, говоренному в присутствии отца, который безмолвствовал от скорби, после того, как град опустошил поля – изображен Григорий Назианзин, стоящий перед своим отцом, передающим ему свернутый свиток. Такое изображение, не имеющее ни точных прообразов, ни копий, могло символизировать передачу от отца к сыну мудрости и права обращаться к пастве как ее духовный руководитель.

XI в. и Книгой Иова (Sinai, cod. 3), созданной, возможно, ближе к концу столетия.

Таким образом, московский список Гомилий Григория Назианзина с его миниатюрами принадлежит к той группе манускриптов второй половины XI в., которую можно назвать «рукописи с миниатюрными фигурками»; в украшающих его изображениях представлен один из самых изящных и рафинированных вариантов этого стиля. Художник внес также ряд нюансов в иконографическую трактовку нескольких сцен, оставаясь, однако, абсолютно в рамках столичной традиции в подборе композиций.

Н. И. БАРМИНА
ЕКАТЕРИНБУРГ

МАНГУПСКАЯ БАЗИЛИКА: ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДО РАЗРУШЕНИЯ

Начиная с гуннского времени (IV–V вв.), горные районы Крымского полуострова стали своеобразной «контактной зоной», пролежавшей между побережьем и степью. Они не были преградой для внешних влияний потому, что лишь Южный берег представлял собой изолированную Главной грядой территорию, труднодоступную для степняков, но, в тоже время, беззащитную от нападений со стороны моря.

На протяжении второй половины IV в. гуннами были подчинены северокавказские аланские племена, затем были завоеваны пространства между Волгой и Доном. В состав образовавшегося гуннского союза племен был включен степной Восточный Крым. На Керченском полуострове и в Приазовье около столетия просуществовало гуннское княжество, ликвидированное Византией в период правления императора Юстиниана I путем прямой военной экспансии. В конце VI в. эти области стали частью огромной державы – Тюркского каганата. После его гибели в результате междоусобных раздоров из его состава выделились племена болгар и хазар. Болгарский хан Аспарух, не примирившись с хазарским господством, увел свою орду на Дунай, где в начале 80-х гг. VII в. приступил к формированию первого болгарского государства.

Болгары, оставшиеся в Крыму и подчинившиеся хазарам, в конце VII – начале VIII в. продвигаются в степные и предгорные районы Центрального Крыма, где происходит становление Хазарского каганата. Примерно через столетие, в конце VIII в., хазары предпринимают активные действия против Византии и начинают захватывать ее крепости в Юго-Западной Таврике. Это повлекло за собой вооруженное выступление местного населения. Поводом для восстания послужило покорение

ние хазарами крепости Дорос. Возможно, после этого она и получила свое новое наименование – Мангуп.

К середине IX в. хазары овладели почти всем горным Крымом, но к концу столетия положение меняется в пользу Византии. Она сумела преодолеть внутренний кризис иконоборческого времени и отбила натиск арабов на своих южных границах. Была создана Херсонская фема, значительно потеснившая хазар. Во второй половине X в. Хазария, окончательно утратив степную и предгорную части полуострова, сама становится объектом нападений – сначала печенежских, а затем, с XI-XIII вв., половецких племен.

Крымские горы относительно невысоки, они не создавали непреодолимых препятствий для пришельцев и вместе с тем служили прибежищем для местного земледельческого населения. Взаимодействие с кочевниками «старых» жителей Таврики было весьма разнообразным: от вооруженных столкновений до мирных контактов, заимствований отдельных элементов из «иных» культурных практик. Постепенно развертывался противоречивый процесс многосторонней ассимиляции и аккультурации, обогащавший всю систему жизни «своих» и «чужих».

Захват Дороса стал точкой отсчета присутствия хазар на Мангупе. Последующее их пребывание в качестве «нового» этноса оказало существенное влияние на историю города, культурные и бытовые традиции горожан, их ментальность. Местное население Мангупа, будучи христианским, входило в состав Дорантской христианской общины и имело свое культовое здание, которое было в значительной степени разрушено хазарами при захвате. Становление и укрепление Готской епархии было ознаменовано тем, что бывший «свой» храм подвергся не столько ремонту, сколько коренной перестройке.

Как показали последние раскопки в западной части центрального нефа базилики, здесь до ее появления существовал однефный храм. Часть его строительных остатков была нами замечена в процессе исследования большой базилики. В частности были открыты кладки под северный стилобат и северный полукруг апсиды. Изучение алтарной части в свое время показало, что трехгранная апсида с внешней стороны имела форму полукруга. Кладка стен алтарной ниши имела штукатурное покрытие, поверх которой наносилась фреска. Ее остатки сохранились в виде двух красных полосок. Позднее к древнему полукружью был пристроен четырехступенчатый синтрон с «Горним местом» по центру алтарной ниши.

Раскопки 2002–2003 гг., проводимые в районе центрального порога базилики, позволили выявить два периода в жизни Мангупского храма.

1) *Ранний период.* На сегодняшний день сохранились: нижняя плита центрального порога, часть западной и северной стен, северная кладка фундамента под алтарную нишу. Нижний порог, подкрепленный кладкой, сохранил следы ранней штукатурки, которая также обнаружена на северной нижней стене. Штукатурный раствор по цвету и тонкому составу аналогичен тому, что был открыт нами в 1970-е гг. в ранней алтарной нише. Сохранившаяся кладка «уходит» в глубину на два ряда камней. На основании выявленных строительных остатков нами сделан вывод о наличии на территории Мангупа раннего, видимо, однефного храма. Можно предположить, что именно с ним была связана крещальня, датируемая М.А. Тихановой VI в.

После разрушения храма хазарами, молодая Готская епархия проводит очередное строительство. К востоку от крещальни сооружается однефный храм, южная стена которого перекрывает нижний ярус гробницы 16, связанной, на наш взгляд, с хазарами, так как рядом с ней находилось захоронение нижней части лошади. Позднее (не ранее IX в.) епархия, укрепившая свое положение, приступает к строительству базилики.

2) *Второй период.* Храм возводится на руинах прежнего культового сооружения, превращенных в центральный неф базилики. Создаются боковые нефы, отделенные от центрального нефа стилобатом, на основании которого появляются колонны. Со стороны запада пристраивают нартекс с центральным порогом. Он был выполнен из массивного каменного блока. Из нартекса в центральный неф ведет второй порог, положенный на плиту первоначального порога, перестраивается алтарная часть. Археологические работы, проведенные в алтаре в 1970-х гг., показали, что к древнему полукружию была пристроена дополнительная кладка четырехступенчатого синтрона с «Горним местом».

Наиболее сложным стал вопрос о соединении под одной крышей северо-восточного храма и базилики. Южная стена храма мешала возведению северной стены базилики. В связи с этим перестраивается южная стена храма, которая идет в перевязь с восточным плечом базилики. С внешней стороны ранняя кладка южной стены храма частично закрывается дополнительной стеной. Внутри северного нефа ранняя кладка полностью уничтожается. На месте «постели» кладки очень вскоре появляется гробница (по нашей нумерации – 19). Северная стена базилики перекрывает нижний ярус гробницы 16. Для того, чтобы окончательно «спрятать» хазарскую гробницу, над ее нижним ярусом появляется кладка христианской гробницы, пристроенной к северной стене базилики.

Производится перестройка северо-восточного храма: с западной стороны к нему пристраивается северная галерея, внутри храма появляется плитовая солея, в северо-восточном углу которой расположилась «сидячая» купель. Эта купель выполнена из единого каменного блока высотой – 0,63 м и внутренней глубиной – 0,52 м. В ее южной части было сделано сидение и напротив него отверстие – сток для воды. С восточной стороны храм завершался апсидой, о чем свидетельствуют незначительные остатки кладки. Что касается самой апсиды, то она была перенесена в другое место. Наличие в храме солеи и купели свидетельствует о том, что он стал выполнять новую функцию – крещальни, построенной рядом с ним базилики.

Таким образом, строительству данной базилики не помешало даже то, что к IX в. традиции базиликального зодчества в Византии рассматривались как устаревшие. При данных – вынужденных – обстоятельствах были использованы остатки «старого» религиозного здания для оформления центра религиозной жизни Готской епархии. Построенный храм сыграл особую роль в деле христианизации неопитов, он способствовал «укреплению» их в вере.

На протяжении IX–XV вв. базилика неоднократно перестраивалась. Первоначально «отпали» галереи, были заложены дверные проемы, соединявшие базилику с ее боковыми пределами. На этих участках постепенно начинает складываться могильник. Не ранее 1420-х гг., с появлением дворца князя Алексея, возведенного на расстоянии не более 100 м к востоку от базилики, осуществляется торжественное оформление южного входа храма резными карнизами. Вероятно, в это же время и появляется ктиторовская надпись, обнаруженная раскопками Р.Х. Лепера в 1912–1914 гг. Закладка центрального порога связана с появлением второй линии обороны, прошедшей в непосредственной близости от базилики с западной стороны. Эта закладка была открыта Ф. Брауном в 1890 г.

Уже после взятия Мангупа турками в 1475 г. предпринимаются попытки если не восстановления разрушенной базилики, то частичной реконструкции южного нефа храма. Именно тогда переносится апсида северо-восточного храма в южный неф, происходит декоративное оформление алтарной ниши в виде восточных сталактитов. В западной части южной галереи появляется жилое помещение, возможно, предназначенное для служителей, охранявших это здание. К началу XVI в. базилика окончательно приходит в упадок и ее камни используются при строительстве караимских усадеб.

При этом, если архитектура данного сооружения при его жизни отвечала потребностям «своего» – христианского – населения, то его са-

кральное пространство в большей мере формировалось в соответствии с «иными» – самобытными – представлениями этносов, пришедших на эту землю. Археологический анализ материалов Мангупской базилики убедительно свидетельствует о том, что в погребальных практиках сочетались христианские и языческие традиции.

Захоронения осуществлялись в границах базилики и на прилегающей к ней территории. Наряду с каменными гробницами, ориентированными по оси базилики и закрытыми плитами перекрытия, находились и другие могильные сооружения. Среди них выделяются неглубокие гробницы с каменными стенками, поставленные на материковую скалу. В качестве перекрытий, как правило, служили резные надгробия, выполненные из местного известняка. Кроме того, выявлены могильные ямы овальной формы, незначительно углубленные в скале; грунтовые погребения, совершавшиеся на глубине 0,25-0,3 м, что приводило в дальнейшем к образованию на одном месте значительной концентрации погребений, расположенных друг над другом; сдвинутые в сторону от первоначального погребения «развалы» костей. Обращает на себя внимание разная ориентация могильных сооружений. Некоторые погребальные комплексы расположены согласно требованиям христианства (З-В, то есть по линии ориентации базилики). Однако наиболее часто встречаются захоронения по осям ЮЗ-СВ и СЗ-ЮВ, что явно противоречит христианским канонам. Эти отступления от правил, на наш взгляд, были сознательными нарушениями религиозной традиции и их можно интерпретировать как еще одно проявление феномена «свое – иное»: «пришельцы», приняв христианство, продолжали отчасти следовать «своим» языческим обычаям.

На это указывают и другие находки. Так, обряд погребения предполагал христианскую традицию положения умершего в гроб и предания гроба земле. Было установлено, что далеко не всегда при захоронениях на Мангупской базилике использовались гробовые доски. Значительно чаще применялись «домовины» – двухскатные крышки, которыми закрывали умершего. Также практически в каждом погребении обнаружены фрагменты керамических сосудов, символизировавших домашний очаг. В ряде случаев вместе с умершим клали и погребальный инвентарь: небольших размеров кувшин (гробница 11), горшочек (гробница 2), амулеты, обереги (гробница 58). По нашему мнению, это подтверждает сохранение языческих представлений о загробном мире.

На Мангупской базилике отмечено 19 вариантов обряда обезвреживания погребения. Это один из языческих обрядов хорошо изученный по памятникам салтово-маяцкой культуры, носителями которой являлись хазары. Этот своеобразный ритуал поминовения осуществлял-

ся спустя 2-3 года после окончательного исчезновения телесных тканей погребенного. Погребение вскрывалось и производилось сознательное разрушение костяка: нарушали лицевую часть, либо руки или ноги. Этот обычай сохраняется на Мангупе вплоть до XV в.

Следовательно, столетия пребывания хазар в Крыму (VIII–XV вв.), в частности на Мангупе, оставили свои зримые следы в полиэтничной и поликонфессиональной культуре населения Таврики. Хотя хазары пришли в этот регион со «своими» традициями, чуждыми местному населению, но в «сплаве дней и буден», в конечном итоге, взаимовлияние разных культурных практик способствовало трансформации раннехристианской культуры византийского образца в самобытную культуру ромейской окраины. Именно хазарское начало предопределило синкретический (языческо-христианский) характер культуры одной из периферийных провинций империи.

Ст. ДОНЧЕВА
ШУМЕН

ПАРАЛЛЕЛИ И ВЛИЯНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОМПОЗИЦИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ БАЛКАН И РУСИ

После принятия христианства самые большие изменения произошли в духовной атмосфере, что проявилось в новом богослужении и в соответствующем символизме архитектурного образа храма.

В Византии в этот период заканчивается реформа, начавшаяся победой иконоборчества в 843 г. Так как литургия Константинополя находилась под влиянием Палестинской практики, наблюдается постепенная византинизация Иерусалимской литургии, несомненно усиленная влиянием Константинопольской патриархии на Востоке с периода поздней античности. В VII в. Иерусалим сохраняет литургическое главенство посредством влияния на Константинополь, но начиная с первой половины VIII в. влияние это становится взаимным и продолжается в послеиконоборческий период, когда церковь обновляется и усиливает свои позиции в обществе. После 843 г. направление изменяется, так как Константинополь утверждает свое влияние в литургическом плане над провинцией.

Это подтверждается и изменениями в церковной архитектуре, в образе крестовокупольных храмов, определяющем эволюцию византийской церковной постройки, более общей как «эволюции от открытых форм базилики к закрытым формам крестообразного храма».

В результате этого церковные постройки становятся компактными и сосредоточенными к центральному пространству.

После иконоборчества церковное здание уменьшается в размерах, так как все его элементы объединены вокруг центрального увенчанного куполом пространства. Литургические действия также становятся компактными и более концентрированными. Изменения отражаются в мас-

штабе и внушительности религиозных действий, но их последовательность остается без изменений.

Христианский храм берет начало из квадратуры относительно введенных в круг осей направления сторон света, через которые Слово приобретает человеческие измерения и объединяет божественность с человечеством, связывая небо с землей, и ставя круг в квадратную форму соответствующую форме человека, то есть вписывает квадрат в круг божественности.

Так учение о пропорциях принято за начала начал. В геометрической структуре пропорции и симметрий, представлены многообразные формы, происходящие из четырех основных схем. Центры круга, квадрата и креста – все это материализует идейную нагрузку и символичную иерархию архитектурного творения. Сложная и ритмичная организация конструкции является материальным выражением основной богословской идеи – преодоление разрыва между небом и землей.

Крестовокупольная форма канонизирует архитектурное обозначение идеи центра, организующей организационный элемент которого – купол над центральным квадратом.

При анализе пропорциональной зависимости крестовокупольных храмов столицы Второго Болгарского царства Преслава и Киева устанавливается, что начальная величина (модуль) целой композиции с диаметром центрального купола (стороной подкупольного квадрата), точно повторяется в отдельных вариантах архитектурного типа.

Исследования доказывают наличие иррациональных (геометрических) соотношений, основанных на производных подкупольного квадрата, входящих в системы динамических прямоугольников $1 : \sqrt{2}$; $1 : \sqrt{3}$; $1 : \sqrt{4}$; $1 : \sqrt{5}$.

Пропорция «золотого сечения» и его «функция» тоже устанавливается при анализе соотношений планов крестовокупольных церквей в Преславе и Киеве и также исходит из внутренних размеров постройки. Кроме пропорциональной зависимости «золотого сечения» и производных подкупольного квадрата существуют и простые числовые соотношения, выраженные целыми числами.

Главная цель измерительного метода в объединении в единую пропорциональную связку всех элементов так, чтобы вся организующая пространство структура была единой и подчиненной ядру, подкупольному квадрату в центре. Так постройка становится компактной и сосредоточенной к центральному пространству в результате перемен мистагоги (таинства).

Реорганизация святилища сделана в соответствие с требованиями ограничения движения в чинопоследовательной практике. Канонизиро-

ванная богословская интерпретация новой духовности может быть передана только через синтез между литургией и ее средой в крестовокупольных церковных зданиях. Это дает основание утверждать, что классические архитектурные формы крестовокупольных построек в Болгарии и России в эпоху средневековья переносятся в виде готовых схем, удовлетворяющих требованиям литургический последований обновленного культа. Настоящее исследование иллюстрирует ряд положений, связанных со специфическими чертами церковного строительства и методами, которые используются архитектором – строителем при реализации своих замыслов, согласованных с требованиями богослужения.

В этом разностороннем процессе главное – это определение соразмерности, пропорционирования отдельных частей на основе избранной начальной величины (модуля), так как архитектурное творчество нераздельно связано с образом и числом (соразмерность), выражая определенную ассоциативную форму.

В космической иерархии храм и ритуал – это образ земного существования церкви, материализующейся через гармоничное сочетание пропорциональных зависимостей церковей Богарского царства и Древней Руси.

А.Г. ЕМАНОВ
ТЮМЕНЬ

ЭМБЛЕМАТИКА КАФЫ XIII–XV ВВ.

Урбанистическая эмблематика средневековой Западной Европы имеет давние традиции изучения, особенно в контексте становления и развития городской геральдики. Однако эмблематика периферийных центров до сих пор не привлекала специального внимания исследователей, хотя она имеет ничуть не меньший историко-культурный смысл, нежели геральдические знаки европейских столиц, а может быть даже и больший, если иметь в виду городские центры особых «контактных зон», отличавшиеся редкой космополитичностью, смешением различных языковых, религиозных и вообще культурных влияний. Одним из таких, как раз и являлась Кафа XIII–XV вв., выделявшаяся ярко выраженной полиэтнической и поликонфессиональной структурой.

Этот город представлял собой союз шести этно-конфессиональных общин: католической, занимавшей верхний город и соответственно доминирующее положение, а также греческой, армянской, мусульманской, иудейской и караимской, расположенных в нижнем городе и первоначально архитектурно разделенных.

Эмблемами католической общины, обеспечивавшими ее самоидентификацию, выступали «латинский крест» на геральдическом щите, отличавшийся удлиненным основанием, символически отражавшим доминирование власти церкви над другими властями, и изображение «врат».

«Латинский крест» помещался как герб на башнях и стенах цитадели и нижнего города, в качестве надчеканки на татарских монетах, имевших хождение в городе и ближайшей округе; надо, полагать он присутствовал на городских штандартах, одеяниях высших должностных лиц города. Клеймо «врат» наносилось на монеты, печати, официальные бумаги городских властей.

«Латинский крест» имел определенный цветовой символизм: красный цвет самого креста и серебряный фон геральдического поля; подобный символизм воспроизводил геральдику Генуи, выступавшей сеньором Кафы. В то же время, «латинский крест» находил бытование и без подобной цветовой соотнесенности, и в этом качестве он напоминал о духовном патронате римского папы, в акте инвеституры которого община Кафы получила статус города в 1322 г.

Эмблема «врат» также имела смысл указания на верховного сеньора – Геную; латинское слово *jania* (т.е. Генуя) обозначало именно «врата». Традиция символического изображения врат восходила к чествованию языческого, итальянского бога войны Януса, который давал начало и завершение войнам, делам, связанным с преодолением сопротивления, борьбой, давал начало и завершение годовому циклу, вступлению в публичные полномочия и их прекращению.

В отличие от итальянских исследователей (Дж. Лунари, Дж. Пеше, Дж. Феллони), мы обращаем особое внимание на специфические особенности употребления этой традиционной генуэзской эмблемы на отдаленной периферии – в Кафе и подвластных ей землях.

Если эмблематика католической общины объединяет исследуемый городской центр с западно-христианской цивилизацией, то эмблематика греческой общины, еще не получавшая до сих пор специального освещения, выводит на культурный континуум восточно-христианской (православной) цивилизации.

Здесь главным символом выступал «греческий крест», отличавшийся от латинского равносторонностью, символическим указанием на паритетность действующих в мире сил. Он присутствовал на публичных постройках греческого квартала, на печатях официальных лиц греческой общины, в частности, на печатях греческого епископа Кафы, утверждавшегося Константинопольским патриархом.

Кроме этого, должен быть отмечен «косой крест». Такой же смысл «косого креста», скорее всего, имеют различные модификации четырехчастных розетт (квадрифолиев), которые достаточно часто встречаются в городской архитектуре Кафы и ближайшей периферии. «Косой крест» имел ассоциацию с крестной мукой св. Андрея, который, согласно устойчивой традиции, распространял христианство в Восточной Европе, Византии и на Руси. Судя по характеру использования эмблемы «косого креста» или квадрифолия на порталах, оконных проемах, колодезных камнях, этот знак сохранял архетипический смысл оберега, содействовавшего долговечности постройки, благополучию находившихся под его сенью обитателей. «Косой крест» в форме квадрифолия приобретал

еще более сокровенный смысл; это символическое изображение переплетающихся побегов виноградной лозы с листьями, в котором отыскивается указание на таинство евхаристии, когда красное виноградное вино пресуществлялось в кровь Христа.

Изучение эмблематики армянской общины получает в последнее время гораздо более оптимистические перспективы, благодаря вводу в научный оборот значительного материала средневековой пластики Кафы, предпринятому крымской исследовательницей Е.А. Айбабиной. Одной из главных символических фигур здесь выступает шестиконечная звезда различных типов и модификаций (в виде пересечения двух треугольников, плетенки, шести треугольников и т.п.). Достаточно широкое распространение этой эмблемы на армянских храмах, некрополях и других постройках (сразу отметим, и на мусульманских монетах) заставляет отказаться от ее традиционной интерпретации как «сионской звезды», «печати Соломона» и т.п. и воздержаться от обязательной связи шестиконечной звезды с иудейской традицией. Шестилучевая звезда армянской эмблематики чаще всего вписана в круг, который должен соотноситься либо с небесной сферой, либо с находящимся под небом земным миром. Верхняя и нижняя вершины звезды соотносятся с положением Солнца и Полярной Звезды, двух главных светил суточного цикла, знаменующих светлую и темную части суток. Две вершины по правую и левую стороны соотносятся с восходом и заходом Солнца в дни летнего и зимнего солнцестояний. Эта звезда, таким образом, приобретала смысл вечного круговращения жизни, непрерывной череды смертей и рождений. Шестиконечная звезда в виде плетенки имеет семантическую связь с виноградной лозой, символизировавшей круговорот смерти и воскресения.

Другой символической фигурой, довольно часто циркулировавшей в армянской общине, была «розетта» с шестью лепестками или «завихренная розетта». Обычно такие «завихренные» (по часовой стрелке или против – не существенно) фигуры интерпретируют как солярный знак (впрочем, как и всякий круг, подражающий, как считают, своей конфигурацией солнцу); иногда, пытаясь уяснить смысл «завихренности», говорят о влиянии ритуала бросания с горы горящего колеса. Израильский исследователь А. Голан склонен объяснять подобный графизм как аллегория небесной сферы, ниспосылающей животворящую влагу на землю. Наши наблюдения устанавливают тесную семантическую связь «завихренной розетты» с круглой, плетеной пальметтой, вновь обращая к мистическому мотиву виноградной лозы, связанному со смертью и воскресением христианского бога и его верных последователей.

Изучение мусульманской эмблематики, в особенности ее татарской (или, лучше сказать, ордынской) составляющей, становится возможным благодаря публикациям достаточно представительного ордынского материала, осуществленным в последнее время М.Г. Крамаровским. Среди наиболее характерных символов мусульманской общины на первое место выступают тамги джучидского и гиреевского типов; они встречаются в геральдике Кафы и подвластных ей мест, на монетах и других предметах. Обычно, тамги воспринимают как двузубцы, обращенные зубцами вниз. На наш взгляд, их нужно поворачивать на 180° и воспринимать не столько в качестве некоего державного жезла, сколько в качестве символического указания на рога быка, соотносившегося у евразийских кочевников (под средневосточным влиянием) с солярным культом. Солнце, нисходило на землю, согласно архетипическим воззрениям Среднего Востока, в образе быка; отсюда определенная «рогатость» головных уборов родоплеменных вождей евразийских номадов. Солярный смысл тамг может быть подкреплён ещё одним наблюдением. На одной из тамг джучидского типа, встречающихся в геральдике Кафы XIV в., к рогу присоединён знак, обозначающий месяц. В данном случае, несомненно, что рога (в аллегорическом смысле – солнце) и луна относились к одному уровню значений – небесной сферы и выступали в качестве символов харизмы Чингизидов.

Может быть отмечен ещё один символ, достаточно распространённый в городской символике Кафы – это фигура из четырех звеньев «сельджукской цепи», образующих восьмилучевую звезду, с точкой посередине. Это символ «всевидающего ока Аллаха».

Мусульманская эмблематика Кафы и подвластных ей земель погружает в особый мир восточных цивилизаций, арабо-мусульманской и тюрко-мусульманской.

К восточным же цивилизациям, несомненно, тяготеет и эмблематика иудейской и караимской общин, ещё не становившаяся предметом специального анализа. Здесь ещё предстоит сделать первые шаги.

РОССИЯ, КРЫМ, БАЛКАНЫ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

А.Т. ШАШКОВ
ЕКАТЕРИНБУРГ

БОЛГАРСКИЙ БОГОСЛОВ И РУССКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII В.

В 1912 г. вышел в свет справочный труд известного исследователя раскола и собирателя рукописей В.Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев», где в числе прочих сочинений под именем некоего Гумбертова Менандра из «бывшего града Тернова» были указаны написанные в 1726 г. «Вопросы с ответами», сохранившиеся в трех списках XVIII–XIX вв. (в собраниях П.П. Вяземского, А.С. Уварова и самого В.Г. Дружинина)¹. Позднее, уже в советское время, И.У. Будовниц в своем «Словаре русской, украинской, белорусской письменности и литературы» со ссылкой на того же В.Г. Дружинина упомянул «расколоучителя» Гумбертова Менандра, родом из Тернова, автора «Манифеста с прошением» 1726 г.²

В конце 1970-х гг., занимаясь изучением использования старообрядческими книжниками сочинений Максима Грека в полемике с официальной церковью, мне пришлось привлечь для работы текст ответов на вопросы Менандра Гумбертова в списке конца XVIII в. из хранилища рукописей и книг Уральского университета³. При этом выяснилось, что помимо знаменитых Поморских ответов, составленных в 1772–1723 гг.

¹ Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912. С. 86.

² Будовниц И.У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962. С. 57, 164.

³ См.: Шашков А.Т. Максим Грек в старообрядческой рукописной традиции XVIII в. Урала, Поморья и Сибири // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала: XVIII – начало XX века. Свердловск, 1979. С. 34-35.

в старообрядческой беспоповской Выговской пустыни⁴, авторы ответов Менандру Гумбертову обращались непосредственно к сочинениям самого Максима Грека (в вопросах о крещении, об образе св. Троицы, о написании имени «Исус», о воскресении Христа из мертвых, о бранности, а также, в связи с введением нового покроя одежды, к его Посланию некоему Алексею о тафях)⁵.

Возникший у меня тогда интерес к личности Менандра Гумбертова был усугублен тем, что как раз в это время Сектор древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) приступил по инициативе академика Д.С. Лихачева к подготовке многотомного справочника, получившего впоследствии название «Словарь книжников и книжности Древней Руси»⁶. В качестве одного из авторов этого издания был привлечен и я. Так в числе прочих моих словарных статей появилась небольшая статья о Менандре Гумбертове⁷.

В процессе работы над этой темой выяснилось, что специалистам в Болгарии человек по имени Менандр Гумбертов неизвестен. Так, не оказалось его в энциклопедии о литературном наследии болгарских средневековых писателей, изданной Болгарской Академией наук⁸. Не смог ничего сообщить о нем и болгарский ученый-славист Б. Ангелов, о чем свидетельствует письмо от 16 января 1980 г., полученное от него из Софии⁹. При этом профессор Ив. Дуйчев, с которым он кон-

⁴ См. о них: Дружинин В.Г. Подлинная рукопись Поморских ответов и ее издания // ИОРЯС. СПб., 1912. Т. 17. Кн. 1. С. 53-77; Он же. Поморские палеографы начала XVIII столетия. Пг., 1921; Он же. Дополнение к исследованию о поморских палеографах начала XVIII века // ЛЗАК за 1923–1925 гг. Вып. 33. Л., 1926. С. 100-102; Козлов В.П. Тайны фальсификации: Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX вв. М., 1994. С. 22-44, 258-259.

⁵ См.: ЛАИ УрГУ. Древлехранилище. Нижнетагильское собр. № 88. Р/239. Л. 101 об., 122 об., 196-196 об., 230 об., 237 об., 249.

⁶ См.: Буланин Д.М., Дмитриев Л.А. Задачи и принципы издания «Словаря писателей, деятелей книжной культуры и литературных памятников Древней Руси» // РЛ. 1980. № 1. С. 109-120; Буланин Д.М. Из опыта работы над «Словарем книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 4-17.

⁷ См.: Шашков А.Т. Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси»: Гумбертов Менандр // ТОДРЛ. Т. 44. Л., 1990. С. 88; Он же. Гумбертов Менандр // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1: А-З. СПб., 1992. С. 245-246.

⁸ См.: Речник на българската литература. София, 1976–1982. Т. 1-3.

⁹ Ответ Б. Ангелова на посланное ему по моей просьбе письмо Д.М. Буланина хранится в моем личном архиве.

сультировался по этому поводу, высказал предположение, что здесь какая-то ошибка и что происхождение Менандра Гумбертова, возможно, следует связывать не с болгарским городом «Търново» (Тырново), а «за Тирнава от Чехия».

Между тем «просительное письмо», или «Манифест с прошением», как называет его сам Менандр Гумбертов, которым после оглавления открывается произведение, недвусмысленно сообщает: «Лета от воплощения Слова Бога тысяща шесть сот семьдесят третьяго, бывшего столичнаго града земли Болгарьской Тернова, потщастся родители мои въдати мя в школу в научение грамоты, еще в юностных летех», где Менандр изучил «слоги и прочих свободных наук отчасти коснухся. Когда приидох в меру возраста исполнения Христова (то есть, по достижении 33 лет. – А.Ш.), а родители мои премениша сию тленную жизнь на вечну» (произошло это, судя по всему, в конце XVII в.), Менандр, по его словам, решил заняться поисками истинной веры, ибо увидел у себя на родине «многшее неустроение» в церковных обрядах. В связи с этим он совершил путешествие «в Великую греко-римскую монархию (речь, очевидно, идет о Священной Римской империи – А.Ш.), мя нечто, на ползу себе обретши, удержати; и видех их духовнаго папу и прочих тамо персон: кардиналов, архиепископов, иезуитов», однако искомого единогласия в вопросах веры здесь не обнаружил: «Овии с папою веруют, а инии Лютору последуют, другия Калвину возносят, а иные иных учителей похваляют и немалую рать о вере имеют».

После этого Менандр Гумбертов отправился «в Евлиногреческую землю, и до самого Констяннтинополя и прочих мест в Греции», где беседовал с «духовными мужи» и изучал их книги, но тоже разочаровался в истинности их веры, «понеже видех греков, не наблюдающе предков своих предание, и немалое несогласие в керимониих».

Тогда Менандр «помыслих в Великороссийскую монархию поити, якоже и сотворих, приидох в Киевскую епархию, потом в Московскую, и видех их, россиов, и между собою несогласны во обрядах церковных». Возвращаясь в 1726 г. из России в Болгарию, Гумбертов вступил в контакт со старообрядцами и передал им 13 своих вопросов о вере, на которые и получил ответы. Произошло это, как следует из старообрядческого предисловия к ним, в 1727 г.¹⁰

¹⁰ ЛАИ УрГУ. Древнелхранилище. Нижнетагильское собр. № 88. Р/239. Л. 5-11 об.

Возникает вопрос: к какому старообрядческому согласию принадлежали составители этих ответов? Н.Ю. Бубнов, описывая Дружининский список вопросов Менандра Гумбертова и ответов на них, указывает, что ими были выговцы¹¹. На самом деле, если судить по некоторым косвенным признакам, авторами ответов скорее всего являлись федосеевцы.

Еще в конце XVII в. основатель этого беспоповского согласия Феодосий (в перекрещивании Дионисий) Васильев, бывший дьячок Никитской церкви Крестецкого яма Новгородского уезда, переселился в Польшу. Здесь, в Крапивинской волости Невельского уезда, близ д. Русановой, на землях пана Куницкого, им были основаны мужская и женская обители. Однако начавшаяся вскоре Северная война вынудила федосеевцев перебраться в 1708 г. по разрешению князя А.Д. Меншикова на принадлежавшие ему земли в Вязовской волости Великолуцкого уезда. Через год они получили во владение от того же Меншикова Ряпину мызу в Юрьевском уезде, где построили общежительный монастырь. В 1711 г. приехавший в Новгород Феодосий Васильев был схвачен и вскоре умер в темнице в архиерейском доме. После этого руководителем согласия стал его сын Евстрат Федосеев. Когда весной 1719 г. Ряпина мыза была разорена солдатами, он со своими сторонниками бежал в Литву и поселился во владениях пана Эльзана, где впоследствии основал Гудишскую и Дегуцкую обители¹².

На принадлежность ответов Менандру Гумбертову федосеевским книжникам, в частности, указывают: 1) их явная беспоповская тенденция; 2) неоднократное подчеркивание вынужденного «чужестранствия» отвечающих; 3) категоричное отстаивание ими написания имени Христа «на титле Пилатовой» в форме «І. Н. Ц. І.» (Исус Назарянин царь Иу-

¹¹ См.: Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII века / Сост. Н.Ю. Бубнов. СПб., 2001. С. 73-74. (Описание Рукописного отдела Библиотеки РАН. Т. 7. Вып. 2). Кстати сказать, самого Менандра Гумбертова Н.Ю. Бубнов по недоразумению относит к числу «талантливых общественных деятелей и писателей Выголексинской поморской пустыни» наряду с Андреем и Семеном Денисовыми, Даниилом Викулиным и др. (Там же. С. 3).

¹² См.: Смирнов П.С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909; Бегунов Ю.К. Древнерусская книжно-рукописная традиция Причудья (обзор) // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 373-376; Понырко Н.В. Феодосий Васильев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4: Т-Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 142-147; Романова А.А. Евстрат Федосеев // Там же. С. 360-362.

ден), в отличие от признаваемой выговцами надписи «Ц. С. І. Х. Ника» (Царь Славы Исус Христос Ника), которую федосеевцы называли еретической; 4) признание составителями ответов законными браков, заключенных до перехода в «старую веру» (в отличие от них, выговцы учили о необходимости безбрачия и требовали девственной жизни от всех своих последователей); 5) обширное цитирование бывших доступными федосеевцам новгородских и псковских материалов, книг украинской и литовской печати, использование Хроники Мацея Стрыйковского, фактов из польской и литовской истории и т.п.

Одним из основных источников при составлении ответов Менандру Гумбертову послужили, судя по всему, уже упоминавшиеся Поморские ответы, включая почти дословно переписанные здесь статьи, посвященные разоблачению знаменитых антистарообрядческих подлогов – «Соборного деяния на еретика Мартина арменина» и «Требника Феогноста». Не исключено, впрочем, что составители ответов Менандру Гумбертову опирались на более раннюю их редакцию – так называемые Дьяконовские ответы, созданные на Керженце в 1719 г.¹³

В XVIII–XIX вв. рассматриваемый памятник старообрядческой полемической литературы неоднократно переписывался, но издан никогда не был. В настоящее время в рукописной традиции известны следующие его списки: 1) ОР РНБ. Собр. М.П. Погодина. № 1257¹⁴; 2) РО БАН. Собр. В.Г. Дружинина. № 12 (26)¹⁵; 3) ИРЛИ. Древлехранилище. Новгородско-Псковское собр. № 2¹⁶; 4) ОР РНБ. Собр. П.П. Вяземского. Q. XIV¹⁷; 5) ЛАИ УрГУ. Древлехранилище. Нижнетагильское собр. № 88.Р/239¹⁸; 6) ОР РГБ. Собр. Рогожского кладбища.

¹³ Известен список Дьяконовских ответов, собственноручно переписанный Евстратом Федосеевым в два приема – в октябре 1723 г. и в ноябре 1726 г. (РО БАН. Собр. В.Г. Дружинина. № 732 (775); описание рукописи см.: Сочинения писателей-старообрядцев... С. 62-63). Не его ли использовали федосеевцы (и, возможно, сам Евстрат) при составлении ответов Менандру Гумбертову?

¹⁴ См.: ИВАНОВА К. Български, сърбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи с сбирката на М.П. Погодин. София, 1981. С. 473-474.

¹⁵ См.: Сочинения писателей-старообрядцев... С. 73-74.

¹⁶ См.: ПАНЧЕНКО А.М. Рукописные книги Локнянского и Чихачевского районов Псковской области // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 559.

¹⁷ См.: Описание рукописей князя Павла Петровича Вяземского. СПб., 1902. С. 503-504.

¹⁸ См.: Каталог старопечатных и рукописных книг Древлехранилища Лаборатории археографических исследований Уральского государственного универси-

№ 832¹⁹; 7) ОР ГИМ. Собр. А.С. Уварова. № 482²⁰. Есть надежда, что целенаправленный поиск новых списков книги вопросов Менандра Гумбертова и ответов на них, а также привлечение других относящихся к теме материалов, позволят в дальнейшем пролить дополнительный свет на историю создания и бытования в старообрядческой среде данного произведения.

тета / Сост. С.А. БЕЛОБОРОДОВ, И.Л. МАНЬКОВА, А.В. ПОЛЕТАЕВ. Екатеринбург, 1994. Ч. 1. С. 121.

¹⁹ Рукопись печатного описания не имеет.

²⁰ См.: ЛЕОНИД, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А.С. Уварова. М., 1893. Ч. 1. С. 568-569.

Д.А. РЕДИН
ЕКАТЕРИНБУРГ

«ЦАРЬ ПАВЕЛ» С ИОНИЧЕСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ:
НЕИЗВЕСТНЫЙ САМОЗВАНЕЦ XVIII В.

Культурные связи России и Балкан имеют столь давнюю и прочную традицию, что впору говорить (пусть, может быть, и с некоторым полемическим преувеличением) о русско-балканском культурном континууме. Во всяком случае, даже в такой тонкой и не формирующейся без очень глубоких причин материи как общественная психология, можно обнаружить не только параллели, но прямые совпадения неких типовых ситуаций, присущих как русскому, так и балканским народам. В данном случае хотелось бы проиллюстрировать высказанную мысль примером из области социально-утопических конструирований, имевшим не только легендарную основу, но и практическую реализацию в начале 1770-х гг. Пример этот тем более заслуживает внимания, что до сих пор не находит удовлетворительного толкования и фактологического развития.

В Российском государственном архиве древних актов, в фонде «Панины-Блудовы» (№ 1274), в составе дела № 171 содержится небольшой, но очень любопытный комплекс документов, датированных июлем-августом 1773 г.¹ Комплекс состоит из копий пяти писем, предназначенных, как явствует из первого письма, графу А.Г. Орлову. Авторство подлинника первого, самого обширного письма, имеющего точную дату (16 августа 1773 г.), принадлежит графу Мочениго, губернатору (проведитору) о. Закинф, принадлежавшего тогда Венеции («от Цамтскаго губернатора графа Моссениго»). В этом письме венецианский вельможа сообщает своему корреспонденту о появлении в окрестностях Арты молодого человека, именующего себя «Павлом Петро-

¹ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 171. Л. 14-21об.

вичем, сыном августейшей императрицы» (Екатерины II. – Д.Р.). Сведения о самозванце Мочениго получил от двух жителей Парги, которые, по их словам, были специально посланы к нему «русским царем», что подтвердили, передав графу пять писем Лжепавла, написанных на греческом языке «весьма худыми литеррами». По распоряжению Мочениго эти письма перевели, с переводов (русских?) сделали копии и переслали в ставку А. Г. Орлова. Из пяти копий с посланий самозванца до нас дошли четыре (в виде копий с копий). Означенный комплекс документов был полностью опубликован мною в 2000 г.; во вступительной статье я подробно изложил свои соображения относительно подлинности, датировки и прочих источниковедческих и археографических особенностей памятника². Здесь же была предпринята попытка проанализировать обстоятельства возникновения этих писем, что поставило вопрос об их достоверности.

На первый взгляд в означенных документах интерес представляет только то, что они содержат сведения о некоем не известном в литературе балканском самозванце, действовавшем под именем русского наследника Павла (будущего императора Павла I). Место и время действия лжецаря объясняют его появление. В первой половине 1770-х гг. шла русско-турецкая война (1768–1774). В этой войне православные народы Балкан являлись союзниками России. Надежды местного населения на скорое освобождение от османского господства с помощью русской армии были столь велики, что популярность на все русское, давняя культурная и конфессиональная близость Балкан и России стимулировали формирование в регионе особого социально-психологического настроя, благоприятного для придания местному национально-освободительному движению наивно-монархической окраски «русского образца». В этом смысле использование утопических легенд о «царе-избавителе», столь характерных для русской практики социально-освободительного протеста, вполне естественны. Достаточно напомнить, что приблизительно в это же время (1767–1773) в Черногории правил Степан Малый, считавшийся среди своих сторонников русским императором Петром III. Объяснимы попытки Лжепавла связаться с графом Орловым – последний в эти годы был командующим русских морских и сухопутных сил в Архипелаге. Даже тот факт, что наш герой осуществил эти попытки через венецианского администратора, тоже

² Редин Д.А. Самозванец из Арты: Публ., вступит. статья, комм. // Историческая наука на рубеже веков: Статьи и материалы науч. конф., посвященной 60-летию исторического факультета Уральского государственного ун-та им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2000. С. 440-452.

может быть объясним: Венеция объективно скорее могла рассматриваться как пророссийски настроенное государство Средиземноморья. Но на этом ясность сюжета исчерпывается.

Почему персона Лжепавла оказалась незамеченной историками? Обстоятельства русско-турецкой войны 1768–1774 гг. имеют богатую российскую и зарубежную традицию изучения. Очередной «русский принц» не мог не озаботить Петербург (достаточно вновь вспомнить персону Степана Малого и тот пристальный интерес, который она вызвала у императорского двора). В этом случае вокруг Лжепавла неизбежно должна была возникнуть интенсивная дипломатическая и агентурная переписка, которая, конечно же не могла не оставить заметного следа в соответствующих архивных фондах и пройти мимо внимания позднейших исследователей. Однако кроме пяти копий с писем 1773 г., затерявшихся в панинских бумагах, мы не имеем на сегодняшний день ничего, что проливало бы свет на эту историю.

Почему самозванец выбрал для своей авантюры имя русского цесаревича, едва ли известного на Балканах, а не предпочел более популярного прототипа – Петра III? Даже в России имя Павла почти не использовалось самозванцами (причины этого феномена в свое время объяснил К.В. Чистов³). В то же время, благодаря событиям в Черногории, известность Петра III в регионе была очень широко распространена. Если вспомнить, что по некоторым данным Степан Малый – Лжепетр был убит именно в августе 1773 г., а слухи о том, что он, то есть Петр III, жив продолжали упорно держаться, вопрос о выборе имени нашим героем приобретает принципиальный характер.

Почему, все-таки в посредники между собой и графом Орловым «русский царь», засевший в горах под Артой, избрал венецианского сановника? Судя по содержанию писем, приписываемых Лжепавлу, он противодействовал не турецким, а венецианским властям и в дальнейшем собирался идти на Венецию! Кто такой сам «Цамтский губернатор граф Моссениго»? Представители этой аристократической фамилии хорошо известны и в качестве венецианских дождей⁴, и в качестве русских дипломатических представителей при Тоскан-

³ ЧИСТОВ К.В. Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967. С. 183–185.

⁴ BRAUNSTEIN P., DELORT R. Venise portrait historique d'une cité. Editions du Seuil. 1971. P. 246.

ском дворе⁵, но среди губернаторов Закинфа в интересующий нас период *Мочениго не было*⁶.

Между тем, ряд обращающих на себя внимание обстоятельств, не исключает возможности связать историю загадочного Лжепавла не с балканскими, а с внутренними русскими политическими событиями последней трети XVIII в. Цитируемые документы обнаружены мною в деле, представляющем делопроизводство канцелярии графа П.И. Панина в бытность его главнокомандующим войсками, посланными на подавление восстания под руководством Е.И. Пугачева (июль 1774 – август 1775 г.). Копии писем, повествующих о самозванце, были изготовлены специально для Панина, о чем свидетельствует характерная описка в начале первого письма: «Перевод с письма к Его с[иятельству] графу Панину...» – «Панину» зачеркнуто и написано «Орлову», как, по идее, должно было быть в подлиннике⁷. Следует напомнить, что графы Панины были тесно связаны с наследником Павлом Петровичем; в первую очередь это касалось графа Никиты Ивановича, воспитателя цесаревича. Будучи приверженцами Екатерины II во время переворота 1762 г., братья Панины вскоре разошлись с ней в вопросах политического устройства России. Вынашивая конституционалистские планы, они полагали, что законным главой государства и проводником их реформаторских идей должен стать цесаревич Павел. Обманувшись в своих надеждах, Н.И. Панин консолидировал вокруг своей персоны круг политических единомышленников, получивший в историографии название «панинской партии»; в этот кружок, разумеется, входил и его брат Петр. Естественно, что «панинская партия» попала под подозрения императрицы, ревниво относившейся к возможным политическим амбициям своего сына и глубоко переживавшей нелегитимный характер собственного воцарения. В связи с этим, начало 1770-х гг. оказалось отмечено ростом политической напряженности в придворных кругах. Вся атмосфера столицы была буквально пропитана ожиданием больших перемен. Декабрист М.Н. Фонфизин свидетельствовал позже, ссылаясь на воспоминания отца, что панинцы готовили переворот (дядя М.Н. Фонвизина, Денис Иванович, был активным членом панинского кружка). Екатерине II удалось опередить своих соперников. В августе-сентябре 1773 г. она организовала помолвку наследника, объявив его

⁵ БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Н.Н. Обзор внешних сношений России. М., 1896. Т. II. С. 271.

⁶ Chroniques gréco-romanes inédites on pen connues / Publ. ... par CH. NORF. Berlin, 1873. P. 410.

⁷ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 171. Л. 14; Редин Д.А. Самозванец из Арты. С. 448.

тем самым совершеннолетним и устранив, под благовидным предлогом, Н.И. Панина от особы цесаревича. Вскоре последовала опала и братья Панины попали под негласный надзор. Из этого скверного положения несостоявшихся заговорщиков спасло назначение графа Петра на пост командующего карательной армией. Хотя панинцы перестали представлять угрозу правлению Екатерины, их «конституционная активность» не исчезла вовсе⁸; кроме того, их деятельность невольно стимулировала широкий резонанс в обществе, представители которого, независимо от принадлежности к тем или иным слоям, высказывали свое недовольство фактом незаконного правления Екатерины. В частности, это недовольство выражалось в циркулировании разного рода слухов, распространении пасквилей и «подметных писем», составленных либо от имени цесаревича Павла, либо от имени лиц, «защищавших» его погрязшие властные полномочия⁹. В общественном мнении формировалась своеобразная бинарная оппозиция «Екатерина – Павел», «узурпатор/ненавистник народа – законный монарх/защитник народа». Надо ли доказывать, какую роль сыграл в этом процессе Пугачев, который не просто назывался Петром III, но многократно и публично заявлял, что действует в защиту «своего сиротинушки» Павла Петровича. Известно и то, с какой тревогой относилась императрица к возможному действию за спиной «маркиза Пугачева» иностранных держав, в первую очередь Франции. Если мы учтем, что Франция почти явно поддерживала Турцию, находившуюся с Россией в состоянии войны и что все вышеизложенные, малые и большие, внешние, внутренние, придворные, семейные и прочие обстоятельства происходили одновременно, мы можем предположить, что наш таинственный и никому не известный «Павел, король Российского царства», вполне мог быть плодом внутривнутриполитического российского кризиса 1770-х гг., фигурой, вымышленной в целях политического шантажа верховной власти. Но вот кем и с какими конкретными намерениями вымышленной – остается загадкой. Впрочем, эта версия не исключает и другой, первоначальной: в горной стране в окрестностях Арты под именем русского наследника реально действовал некий самозванец. В любом случае очевидно, что ответить на все эти вопросы станет возможным лишь при обнаружении новых источников.

⁸ См., напр.: САФОНОВ М.М. Конституционный проект Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина // ВИД. 1974. Т. VI.

⁹ Подробно об этом см.: СИВКОВ К.В. Подпольная политическая литература в России в последней трети XVIII века // ИЗ. 1946. Т. 19.

В.И. Байдин
ЕКАТЕРИНБУРГ

**«КРЫМ» И «АЗОВ» В СБОРНИКЕ КИРШИ ДАНИЛОВА
(К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ТЕКСТОВ: ВЗГЛЯД ИСТОРИКА)**

Среди памятников русской словесности, да и культуры в целом, одно из выдающихся мест принадлежит «Древним российским стихотворениям» – знаменитому Сборнику Кириши Данилова (далее – Сборник), – содержащему первые полные записи былин и исторических песен. Начиная с издания части книги в 1804 г. входящие в нее эпос, а также бытовая, лирическая и духовная песенная поэзия служат бесценными источниками для гуманитарных наук, питают литературу, музыку, изобразительное искусство. По значению для формирования национального самосознания Сборник не случайно ставят в один ряд с опубликованным четырьмя годами ранее «Словом о полку Игореве».

Почти два века десятки исследователей в России и за рубежом пытаются разрешить загадки Кириши Данилова и Сборника. В дошедшей до нас копии 1780-х гг. начальный лист утрачен и о том, что там в рукописи стояло имя Кириши, известно со слов первого публикатора А.Ф. Якубовича, приведенных К.Ф. Калайдовичем в предисловии ко второму, уже с воспроизведением нот, изданию 1818 г. По высказанному им мнению, то же имя встречается в одной из песен, «где он сам себя именует Кириллом Даниловичем». Долгое время затем сведения об истории книги и биографии Кириши Данилова исчерпывались фразой из обнаруженного С.П. Шевыревым в середине XIX в. письма (написано в Москве) владельца Невьянского и других заводов на Урале П.А. Демидова от 22.09.1768 г., сопровождавшего посланную академику Г.Ф. Миллеру историческую песню: «Я достал от сибирских людей, понеже туды всех разумных дураков посылают, которые прошедшую историю поют на голосу». Текст и ноты этой песни полностью совпадали с песней Сборника «Никите Романовичу дано село Преображенское». Судя по всему,

Прокофий Демидов был осведомлен об обстоятельствах жизни исполнителя, за пение «истории» попавшего в ссылку в Сибирь, а оригинал Сборника в 1768 г. уже существовал. «... Личность его и по сей день остается загадкой ... Никакими документальными данными о Кирше мы не располагаем ... Почти ничего не зная о Кирше Данилове и питая слабые надежды узнать что-нибудь в дальнейшем...»¹ – констатируется в последнем научном (2-м академическом) издании Сборника 1977 г.

Однако в свете архивных находок, сделанных крупнейшим современным исследователем творчества Кирши Данилова А.А. Гореловым и покойным екатеринбургским писателем-краеведом И.М. Шакинко, сомнения в существовании самого певца оказались развеяны и установлен примерный интервал, в который Сборник мог быть создан на письме: 1742–1768 гг.² Вместе с тем, отрывочность найденных документальных свидетельств о пребывании Кирши Данилова на Урале, с одной стороны, породила некоторые поспешные ошибочные настроения, с другой – жизненный путь Кирши в целом так и оставался непроясненным, как и обусловленные этим вопросы о времени, месте создания книги, ее авторстве, локализации отдельных произведений и многие другие.

С точки зрения историка возможности тех же текстов «Древних российских стихотворений» далеко не исчерпаны. Это касается, прежде всего, персоналий, топонимов, социальных и топографических деталей песен шуточно-бытового содержания. Поиск новых фактов и упоминаний, которые относились или могли быть отнесены к Кирше Данилову, а также разыскания материалов о его окружении проводились в архивохранилищах, библиотеках и музейных собраниях Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Тобольска, Перми, Нижнего Тагила, Барнаула. В сочетании с интерпретацией уже имеющихся данных о жизни певца и использованием реалий текстов Сборника такой подход оказался достаточно плодотворным, хотя и весьма трудоемким, так как пользовавшийся благосклонностью Акинфия Демидова и его приказчиков беглый ссыльный являлся фигурой глубоко законспирированной. Несмотря на прекрасно подобранную биографическую

¹ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подг. А. П. ЕВГЕНЬЕВОЙ и Б.Н. ПУТИЛОВЫМ. 2-е изд., доп. М., 1977. С. 388, 389, 390.

² См. об этом: ГОРЕЛОВ А.А. Цена реалии (Сборник Кирши Данилова – народная книга середины XVIII века) // РЛ. 1963. № 3. С. 167-169; Он же. Кирша Данилов – реальное историческое лицо // Русский фольклор. СПб., 1995. Т. 28. С. 97-110; ШАКИНКО И.М. Невьянская башня: Предания, гипотезы, история, размышления. Свердловск, 1989. С. 289-290; Он же. Кирша Данилов и Урал // Урал. 1989. № 12. С. 145-147.

легенду и целых пять разных прозваний, прозвищ и фамилий, которые встречаются в документах, – за ними удалось идентифицировать Киришу Данилова, в основных моментах реконструировать уральский период его биографии и установить годы жизни: ок. 1703–1776.

Кириша Данилов был неграмотен. Сведения о семействе певца и о деталях биографии других вероятных персонажей шуточной песни «Свиньи хрю, поросята хрю»³ позволяют считать, что на письме оригинал Сборника создан в 1761–1762 гг. на Невьянском заводе, где Кириша был записан в ревизские сказки еще во время 2-й подушной переписи и куда он переведен с Нижнетагильского завода в 1758 г. после завершения раздела наследства между сыновьями А.Н. Демидова. Заказчиками и (или) владельцами рукописи являлись, скорее всего, представители предпринимательской семьи Харитоновых, регулярно бывавшие в Москве и даже записавшиеся там в 1755 г. в купечество, но оставшиеся проживать в Невьянске.

Что касается предшествующего, сибирского, этапа жизни певца, его знакомства и встреч в Сибири с Акинфием Демидовым, то непротиворечивую версию этого периода позволяют выстроить приходно-расходные книги демидовского Колывано-Воскресенского завода на Алтае 1726–1735 гг., другие производственно-финансовые документы, законодательные акты, материалы по учету населения завода, деловая переписка А.Н. Демидова первой половины 1730-х гг. в сочетании с содержанием текстов и отдельных куплетов некоторых песен Сборника. Как и всякий сосланный «в дальние сибирские города на вечное житье», Кириша прошел через Тобольск (через тюремный острог), побывал также в Таре и Томске. Большую часть своего пребывания в Сибири (около трех лет) он провел на Колывано-Воскресенском заводе.

Превратилось в уверенность предположение о происхождении Кириши из нижегородских краев, сделанное ранее на основе анализа деталей нескольких песен Сборника. Родом он был из нижегородского лесного Заволжья, настоящая его фамилия, несомненно, Торопов. Следует подчеркнуть, что понимание содержания и структуры «Древних российских стихотворений», как и более-менее полная реконструкция биографии Кириши Данилова, вряд ли возможны без воссоздания, пусть в основных чертах, истории его рода певцов-скоморохов и музыкантов.

³ Здесь и далее названия произведений приводятся, в соответствии с устоявшейся традицией, по 2-му академическому изданию Сборника; цитаты и разбивка текста на строки – по последнему научно-популярному и первому полному (если не считать 100 именных экземпляров издания 1901 г.): Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым / Под ред. А.А. Горелова. СПб., 2000.

Сам Кириша являлся, судя по всему, певцом-потешником минимум в пятом поколении⁴.

В Сборнике собственно Крым упоминается в одном произведении: «Из Крыму и из Нагаю»; Азов – в двух песнях: «По край моря синего стоял Азов-город» и «О Стеньке Разине», в первой из которых присутствуют также «турецкой царь» Салтан Салтанович и «мурзы-улановья». В двух других текстах книги фигурируют: «Под Конотопом под городом» – крымский хан, крымские татары и степи; «На Бузане-острове» – «турецкие гости», «турский мурза» и его дочь. Еще две песни: «[Про] атамана польскова» и «О атамане Фроле Минеевиче», – хотя и не содержат на это прямых указаний, – основываются на эпизодах противостояния с Крымом и Турцией в конце XVI и конце XVII столетий.

«Под Конотопом под городом». В сражении под этим городом 28 июня 1659 г. с объединенным войском крымских татар и гетмана Правобережной Украины И.Е. Выговского (украинские казаки в песне вообще не упоминаются. – В.Б.) русская дворянская конница была заманена в засаду и потерпела сокрушительное поражение. Один из плененных воевод – С.Р. Пожарский, якобы плюнул в лицо крымскому хану и тот приказал отрубить князю голову; С.М. Соловьев приводил свидетельство очевидца, что Пожарского убили за прежние его походы «под Азов на крымских царевичей». В репертуар Кириши песня эта попала, скорее всего, вместе с несколькими другими от его родственника-певца, находившегося в числе примерно 30 «людей» боярина А.С. Матвеева, сопровождавших того в период опалы и ссылки в Пустозерск и на Мезень в 1676–1682 гг. Наиболее вероятной такой фигурой является, на данный момент, двоюродный дед Кириши Осип Никитин Торопов, скончавшийся в возрасте около 90 лет во второй половине 1730-х гг. Среди «доставшихся» от него текстов три исторических и одна лиро-эпическая песни находятся в Сборнике рядом и составляют своеобразный отдельный раздел, хорошо соотносящийся с фактами биографии бывшего «ближнего боярина» царя Алексея Михайловича. Так, отступающей от Конотопа русской армии избежать разгрома удалось благодаря умелому использованию артиллерии, что Матвеев ставил в заслугу себе: «окоп, обоз, образец и путь строил я, холоп твой, и отошли в Пу-

⁴ См.: Байдин В.И. Кириша Данилов: реконструкция основных этапов биографии // Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук: Конкурс грантов 2000 г.: Сб. реф. избр. работ. Екатеринбург, 2003. С. 23-27; Он же. Еще раз о времени и месте создания оригинала Сборника Кириши Данилова // Дергачевские чтения-2002: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2004. С. 11-17.

тивль в целости», – писал он царю Федору Алексеевичу в челобитной из Пустозерска. Все три последующие фиксации данной исторической песни первой половины XIX в., включая сомнительную⁵, – уступают в объеме и подробностях киршевской, но текстологически близки ей. Как и остальные более поздние записи остальных произведений «Матвеевского цикла» Сборника (у песни «Под Ригию стоял царь-государь» варианты неизвестны), они вполне объяснимы из обстоятельств жизненного пути Кирши или судеб потомков его рода певцов-скоморохов.

Одна из записей «Под Конотопом под городом» сделана К.Д. Кавелиным в Тульской губернии. В конце 1742–1743 гг. Кирша находился в «творческой командировке» при А.Н. Демидове в Туле; там заводчиком составлено завешание. Заверено оно 22 свидетелями, почти половину которых составляли дворяне – чины местной военной и гражданской администрации⁶. «Я знал и доселе знаю обыкновения тульских бояр собирать песельников и сказочников ... Потешники, так называли в старину этих людей...» – вспоминал И.П. Сахаров в начале 1840-х гг. Акинфий Никитич, отправляясь в 1742 г. из Невьянска в Тулу, приказал «послать Киршу Даниловича и с тарнобоем» (музыкальным инструментом). Следы выступлений певца перед указанной аудиторией остались в Сборнике: «А и уж ли вы миряне, /государевы дворяне!!/ Благословите-тка вы, дворяне, /про Сергея-та сказать...» («Сергей хорош»). Вот только понятный для здешних слушателей скоморошины намек: «на Уле (курсив мой. – В.Б.) на реке, /в Ямской слободе», где и стоял дом Демидова в Туле, – при записи с голоса репертуара Кирши превратился, видимо, в более привычное для слуха уральца: «на Уфе на реке»; хотя ямщиков в Башкирии никогда не имелось. Тогда-то, наверное, историческая песня о событиях 1659 г. попала к кому-то из тульских «потешников» и столетие спустя была записана Кавелиным. А Кирша запомнил «[Про] атамана польскова» – текст, зафиксированный только в Сборнике. Нет особых оснований видеть в песне «далекие исторические связи» с «Повестью о разорении Рязани Батыем» по упоминаниям в песне Зарайска, Старой Рязани, «высокого терема» (встречается в Сборнике свыше дюжины раз – В.Б.) и т.п.⁷ Названные пункты распо-

⁵ Исторические песни XVII века. М.; Л., 1966. № 116-118; С. 350-351 (комментарий).

⁶ КАФЕНГАУЗ Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVII–XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.; Л., 1949. Т. I. С. 236.

⁷ См.: Путилов Б.Н. Комментарий // Древние российские стихотворения. М., 1977. С. 455; Исторические песни XIII–XVI веков. М.; Л., 1960. С. 688-669. Зарайск в период Батыева нашествия не существовал, городом Николы Заразского, упоминаемого в «Повести», (известной, кстати, только в списках

лагались близ созданной в 1560–1590-х гг. для защиты от крымских и ногайских набегов Большой засечной черты; составной частью и центром ее стала Тульская «засака». Отсюда, в частности, действовал в «Диком поле» и против Азова и Крыма «атаман польской» Михайла (Еськович) Черкашенин. В конце XVI в. «за черкасским атаманом Лаврином Михайловым» (сыном Черкашенина?) два поместья числилось в Зарайском уезде, т.е. как раз «За Райским городом, за Рязанью за Старою», куда в песне «казачья вольная ... привезли убитова» М. Черкашенина. В это время в Туле существовала целая «слобода черкасов»⁸. В среде потомков служилых людей бывшей засечной черты подобные сюжеты должны были пользоваться популярностью. Следом в Сборнике находится еще одна песня о том, как «во чистом поле /стоят полки царския,/ а и роты дворянския...» («На литовском рубиже», вариантов нет). Наверное, вместе они когда-то исполнялись Киршей для тульской публики и именно в таком порядке были спеты им при записи.

Большая часть произведений и сюжетов с «крымско-турецкой» тематикой, мне кажется, была усвоена Киршей Даниловым в ходе его общения в тобольском тюремном остроге с группой донских казаков, сосланных на каторгу за попытку побега из крепости Новый Транжемент к ушедшим в турецкие владения на Кубань участникам восстания К. Булавина (некрасовцам). Семеро донцов прибыли в тобольский острог поздней осенью 1728 г. и оставались там до лета 1730 г., когда были отправлены на работы на казенные уральские заводы⁹. В феврале 1762 г. Кирша вновь оказался «в Тобольску провожатым за посланными в Нерчинск»: в составе команды сопровождающих первую партию отправленных с Невьянских заводов П.А. Демидова по указу 1760 г. о ссылке в Сибирь¹⁰. Чем еще руководствовались приказчики, посылая певца в эту поездку, – помимо вероятного использования его собственного специфического опыта прошедшего по этапу ссылочного, – можно толь-

XVI-XVII вв.) он назывался с 1528 г. См.: Города России: энциклопедия. М., 1994. С. 144.

⁸ Епифанов П.П. Войско и военная организация // Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. Ч. 1. С. 352.

⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 881. Л. 27 об.-29. Один из этих семерых – И.С. Воронков, – стал впоследствии героем урало-сибирских старообрядческих преданий и народных исторических сочинений. См.: СОБОЛЕВА Л.С., ПИХОЯ Р.Г. Царский секретарь Игнатий Воронцов и донской казак Игнатий Воронков (к истории новонайденной повести «Родословие поморской веры на Урале и в Сибири») // Новые источники по истории классовой борьбы трудящихся Урала. Свердловск, 1985. С. 60-81.

¹⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1699. Л. 114-115 об.

ко предполагать. Похоже, что именно после возвращения из Тобольска оригинал рукописи «Древних российских стихотворений» был дополнен помещенными в самом конце былиной и двумя историческими песнями. Видимо забытые, а потом вспомнившиеся, они (о чем неоднократно писали фольклористы и музыковеды) как бы «выпадают» из достаточно последовательной жанровой и общей музыкально-композиционной структуры Сборника. Притом, что использованные в них напевы в нем постоянно встречаются.

Былина «О станишниках или разбойниках» («Илья Муромец и разбойники») как самостоятельное произведение, вне сюжета о трех поездках богатыря, бытовала на Русском Севере и в казачьих районах¹¹. Текст Сборника, по мнению Б.Н. Путилова, близок к вариантам былины, которые «несут на себе яркий отпечаток южнорусского, позднего эпического творчества»¹². Историческая песня «О атамане Фроле Минеевиче» (донской атаман в 1670–1700-х гг.) – единственная известная запись. В ней в числе трех «малых пригородков» называется «крепкий Лютик», и это позволяет считать, что ранее, в утраченной части текста, в песне упоминался Азов. Неоднократно, с вариациями, повторяемое: «залегли пути-дороги /за сине море гулять/ еще от вора от Васьки/ от Голицына..» – воспоминание о неудачных крымских походах 1687 и 1689 гг. От исторической песни «О Стеньке Разине» в дошедшей до нас копии книги сохранилось только начало с сюжетом, не имеющим вариантов в разинском фольклоре, но совпадающее с началом песни «По край моря синего стоял Азов-город» Сборника.

Многое из услышанного Киршей от ссыльных донских казаков в конце 1729 – первой половине 1730 г., когда их пути и пересеклись, скорее всего, в тобольском остроге, – оказалось или было использовано певцом в составе его основного урало-сибирского репертуара. Казачья песня (по деталям – донская) о Ермаке в турецком плену «По край моря синего стоял Азов-город» стала первой частью созданной Киршей поэтической трилогии-биографии Ермака. В следующий текст «Ермакова цикла» Сборника – составленный из разных произведений «На Бузане-острове» (уникален, других записей нет), – включена донская песня

¹¹ Илья Муромец / Подг. текстов, статьи и комм. А.М. Астаховой. М.; Л., 1958. С. 488-491; АЗБЕЛЕВ С.Н. Неопубликованные записи былин // Русский фольклор. Л., 1981. Т. 20. С. 170, 194.

¹² Путилов Б. Н. К вопросу о составе Разинского песенного цикла (былина о Соколе-корабле) // Русский фольклор. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 326.

о нападении казаков на турецкий флот¹³. В результате получилось, что ермаковцы захватывают на Каспии турецкие суда и дочь турецкого «мурзы» (переплетение образов Ермака и Разина в фольклоре достаточно обычно), затем, впрочем, они убивают на Волге персидского посла и вынуждены уйти в Приуралье к Строгановым. Какой-то вариант пародии на былины «Как у нас на Дону, в избе на полу...», что отмечал еще П.Н. Шеффер в издании Сборника Императорской Публичной библиотеки 1901 г., был использован в шуточной песне «Агафонушка». Из того же источника попала к Кирише, наверное, помещенная в Сборнике перед «По край моря синего...» песня «Из Крыму и из Нагаю», сюжетно им дополненная. Крепость Новый Транжемент находилась как раз на стыке территорий Крымского ханства, Азова и орды Малых ногаев. «... Из тоя ли Орды бесурманския, /а ехали два братца родимыя», – говорится в начале песни. Интересно отметить, что в Невьянске, где появился оригинал Сборника, имелась известная семья Голицыных, происходящая от побывавших в татарском плену двух братьев; один из ее представителей, как и певец, работал молотовым мастером. Причем обстоятельства его жизни в это время вполне соответствовали дополнениям, внесенным Киришей в содержание второй части песни.

Таким образом, крымская, азовская или турецкая тематика непосредственно присутствует в 7 из 71 текста «Древних российских стихотворений»¹⁴. Если вычесть из общего количества текстов 24 былины, шуточные и лирические песни, духовные стихи, то ее удельный вес в поэтическо-музыкальной «энциклопедии русской жизни», каковой справедливо считается Сборник, будет еще выше. В какой-то мере в этом сказались, вероятно, перипетии личной судьбы Кириши Данилова. Но столь же несомненна большая значимость для России взаимоотношений с Крымом и Турцией в конце XVI – первой половине XVIII в., что и нашло отражение в фольклоре.

¹³ См.: ГОРЕЛОВ А.А. Трилогия о Ермаке из сборника Кириши Данилова (полемиические заметки) // Русский фольклор. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 344-354.

¹⁴ Не учитывались отдельные художественно-образные элементы ряда произведений, вроде «купава (красота) крымская» в применении к невесте Ивана Грозного черкешенке Марии Темрюковне в исторической песне «Мастрюк Темрюкович» и т.п.

Д.В. БУТРОВ
ЕКАТЕРИНБУРГ

РОССИЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ НА БАЛКАНАХ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ УТОПИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX В.

Особое место в ряду проблем, характеризующих динамику процесса межкультурного общения и взаимодействия, занимает вопрос о восприятии друг друга соседями по большому европейскому «дому», о стереотипах, которые в течение длительного времени служили (и отчасти продолжают служить) неким препятствием на пути к взаимопользному диалогу.

Окончательное преодоление взаимного недоверия невозможно без развенчания предубеждений и отказа от привычных поведенческих схем – таких, как противопоставление «своего» и «чужого», порождающее весьма живучие предрассудки, передаваемые из поколения в поколение. XXI столетие неизбежно поставит перед человечеством чрезвычайно непростую задачу. Речь идет о необходимости отказа от антиномии «свой – чужой» и перехода к дихотомии «свой – другой». Хочется верить, что доминантой в глобальном межэтническом полилоге станет трансформация мнимых антиподов в реальных симбионтов – в противном случае надвигающийся техногенный век может породить такие катаклизмы, перед которыми ужасы минувших эпох покажутся невинными забавами периода детства или отрочества цивилизации.

Преодоление стереотипов невозможно без идентификации причин, порождающих эти стереотипы. Сегодня, когда мир адаптируется к вызовам глобализма и мультикультурализма, комбинирует новации и традиции, определяет свое отношение к фундаментализму и робко пробует на вкус дикий плод под названием «толерантность», представляется актуальным обращение к опыту предыдущего излома эпох, когда новая история с ее верой в торжество и необратимость прогресса уступала ме-

сто новейшему времени, которое поставило под вопрос практически все сложившиеся до того ориентиры.

Русская литература досоветского периода традиционно служила ареной острой борьбы идей – в силу особенностей политических реалий России (отсутствие, а впоследствии неразвитость парламентаризма, стесненность процесса образования политических партий и т.д.). И, конечно же, особенно ярко борьба мнений относительно альтернатив развития страны выразилась в крайне интересном, но, к сожалению, слабо изученном жанре отечественной прозы – социокультурной утопии. Именно этот жанр позволял сторонникам той или иной альтернативы в известной степени произвольно конструировать некое идеальное будущее, воплощающее осуществленный политический идеал.

К началу XX в. русская утопическая литература, отдаляясь от классических образцов с их первичностью нравственного идеала, быстро модернизировалась (во многом – под влиянием новейшей западной литературы) и концентрировалась на первоочередном выражении идеала социальной организации, разумного устройства общества. Интересы идеального государства (в т.ч. и внешнеполитические), место и роль этого государства в мире и его отдельных частях также требовали рационального объяснения.

Утвердившись в первой четверти XVIII в. в качестве регионального восточноевропейского гегемона, Россия уже с середины этого столетия начала претендовать на участие в «большой» европейской политике – и преуспела в этом. «Окно в Европу», прорубленное Петром I в Прибалтике, к началу следующего века настолько расширилось за счет территориальных приобретений России, что обретение Россией нового статуса – статуса великой европейской державы стало само собой разумеющимся фактом. Дальновидные европейские политики, ревниво оберегавшие границы своих интересов, уже в XVIII в. понимали, что экспансия огромной Российской державы будет развиваться не только в центральноевропейском направлении, но и в балканском.

Во второй половине XVIII в. российское общественное мнение, выражавшее мироощущение, представления и стереотипы, бытовавшие в среде просвещенного вестернизированного дворянства, делало первые шаги, оценивая менявшуюся на глазах одного поколения роль России в Европе и мире. Переживавшая пору становления русская литература поначалу робко заимствовала проблематику и сюжетику из литературы европейского Просвещения – фокусировала свое внимание на рационалистических ценностях концепции просвещенного абсолютизма, следовала канонам классицизма с его акцентом на преемственности античной Европы и Европы нового времени. С успехами дипломатических и военных

акций России и вхождением страны в клуб великих европейских держав отечественная литература на правах полноценного участника общеевропейского литературного процесса, с истинно просветительским пафосом, занялась детальным рассмотрением социально-политических идеалов современности, помещая их в отдаленный золотой век, когда человечество усилиями античных философов и драматургов духовно и умственно поднялось до неведомых эпохе Средневековья высот. Произведения русских авторов живописали картины счастливых, процветающих, справедливо организованных обществ, населенных эллинами или древними славянами – причиной тому был не только распространившийся в XVIII столетии пietet в отношении античности, но и не менее свойственный просветителям интерес к общечеловеческой и национальной истории¹. Победные громы с южных рубежей молодой империи, торжество «храброго росса» над Магометом, новые приоритеты внешней политики Екатерины II (Греческий проект и пр.) наполняли жизнью сюжеты о древних греках и славных дулебах, делали их актуальными и полезными не только абстрактно, но и утилитарно. Константинополь, Балканы, Средиземное море, Ближний Восток стремительно делались для обитателей Петербурга, Москвы и дворянских гнезд Центральной России вовсе не такими уж сказочно далекими. Отныне каждый сюжет об утонченных греческих мудрецах воспринимался как своеобразное «приуготовление» читающих россиян к действительному появлению на древней земле, ответственность за судьбы которой уже готовы были взять на себя православные государи.

Начало XIX в. усилило эти мотивы – на Дунае вновь появились русские войска, а Турция, несмотря на поддержку Франции, испытала острое унижение.

Если до Крымской войны, в ходе которой Россия волею обстоятельств противопоставила себя Европе, русские литераторы-утописты (Ф.В. Булгарин в 1828 г., В.Ф. Одоевский в 1840 г.)² публиковали «ненаправленные» произведения, где будущее России виделось как великое

¹ ХЕРАСКОВ М.М. Кадм и Гармония: Древнее повествование. М., 1786. Ч. 1, 2; Он же. Полидор, сын Кадма и Гармонии. М., 1794. Ч. 1-3; Чулков М.Д. Пересмешник, или Славенские сказки. М., 1789; Эмин Ф.А. Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда, СПб., 1763; Он же. Приключения Фемистокла и разные политические, гражданские, философские и военные его с сыном разговоры. СПб., 1763; Он же. Письма Ернеста и Доравры. СПб., 1766. Ч. 1-4.

² См.: БУЛГАРИН Ф.В. Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в XXIX веке // Соч. СПб., 1843. Т. 6; Он же. Невероятные небылицы, или Путешествие к средоточию Земли // Там же. Т. 7; Он же. Сцена из частной жизни в 2028 году // Там же; ОДОЕВСКИЙ В.Ф. 4338 год: Петербургские письма // Утренняя заря. Альманах. СПб., 1840.

будущее сверхсильной державы, пользующейся высочайшим авторитетом в мире и не имеющей, по сути, явных врагов, то в канун войны и особенно после ее завершения сюжеты становятся куда более воинственными и адресными.

Еще в 1848 г. Ф.И.Тютчев патетически воскликнул:

«Москва и град Петров, и Константинов град –
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? И где его границы? –
На север, на восток, на юг и на закат?»

Автор стихотворения «Русская география» обозначил пределы «царства» семью «великими реками» (Дунай, Нил, Эльба, Нева, Волга, Евфрат, Ганг). Показательно, что особое внимание Тютчев уделил именно Дунаю как новому рубежу великой России.

Стремление России утвердиться на Балканах не соответствовало ни австрийским, ни английским, ни французским интересам. Крымская (Восточная) война, сражения которой прогремели на обширных просторах Причерноморья, Придунавья, Закавказья и даже на просторах Балтийского, Северного и Охотского морей, показала, насколько глубоки противоречия между великими державами – участниками европейского «концерта». Представления о том, какую роль суждено сыграть России в истории Балкан, нуждались в ревизии.

Общественное мнение России третьей четверти XIX столетия в оценках роли и места страны в восточном вопросе не было единым. Позиция того или иного деятеля прямо зависела от его политических пристрастий и сводилась к одной из 3-х платформ, излагавшихся как в публицистике, так и в беллетристике. Каждая из них была по-своему утопична. Многочисленные авторы выстраивали свои прогнозы соответственно собственным политическим убеждениям, и после Крымской войны русская утопическая мысль в целом соответствовала известной классификации К. Мангейма, одного из основателей социологии знания, выделившего в 1929 г. такие уровни утопической рефлексии, как консервативное, религиозно-хилиастическое и социалистическо-коммунистическое сознание³.

Консервативно настроенные поборники официальной имперской политики в балканском вопросе видели Россию, изгоняющую Турцию с проливов и из Европы вообще, укрепляющуюся на Балканах либо непо-

³ См.: МАНГЕЙМ К. Идеология и утопия // МАНГЕЙМ К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 180-207.

средственно, либо косвенно (через варианты а la Греческий или Дакийский проекты Екатерины Великой), а затем обозначающую свою гегемонию в Восточном Средиземноморье. Главным методом реализации этой политики признавалась прагматичная комбинация военных и дипломатических усилий в отношении не только (и не столько) одряхлевшей Турции, сколько в отношении компаньонов по клубу великих держав, а базовым принципом виделся лозунг: «Россия превыше всего!»

Известную ценность для реконструкции этого идеала решения восточного вопроса представляет неоконченный роман С.Ф. Шарапова «Через полвека», увидевший свет в 1902 г. и содержавший своеобразный консервативно-монархический ответ на вызов американского социалиста Э. Беллами, эпатировавшего и заинтриговавшего российскую интеллигенцию в 1888 г. своим утопическим романом «Через сто лет». Видный деятель консервативно-монархического движения С.Ф. Шарапов (1856-1911) – дворянин, публицист, экономист, редактор-издатель «Русского дела», «Русского труда» и «Сеятеля». В 1875 г. он отправился добровольцем в Боснию и Герцеговину, чтобы способствовать освобождению южных славян от турецкого владычества. На Третьем Всероссийском съезде русских людей, состоявшемся 2-7 октября 1906 г. в Киеве, С.Ф. Шарапов, благодаря киевлян за организационные хлопоты, высказал предположение, что в будущем именно Киеву суждено стать столицей России и всего славянства⁴.

Герой романа «Через сто лет», некий житель Москвы, заснувший в 1899 г., просыпается в благоденствующей России 1951 г., преобразованной согласно принципам «православия, самодержавия и народности». Знакомясь с географией заметно разросшейся Империи, герой узнает, что она привольно раскинулась от Северного и Адриатического морей на западе, до Индийского и Тихого океанов на востоке. Выясняется, что в 1930-е гг. Россия осуществила свою трехвековую мечту и овладела Константинополем, который, вслед за Киевом, Москвой и Петербургом, стал четвертой столицей великого государства. Характерно, что резиденцией имперского правительства является именно Киев, где находится и патриаршая кафедра. В состав России вошли Австрия, Чехия, Моравия, вся территория Польши, Восточная Пруссия, Венгрия, Сербия, Хорватия, Румыния, Болгария, Греция, Афганистан, Иран, Манчжурия⁵.

С переходом Центральной Европы и Балканского полуострова под юрисдикцию православного государя усугубился и без того глубокий

⁴ Правые партии. 1905–1917: Документы и материалы. М., 1998. Т. 1. С. 211, 227.

⁵ ШАРАПОВ С.Ф. Через полвека // Соч. М., 1902. Т. 8. С. 50-59, 77.

духовный кризис католической части Европы, в большинстве своем отшатнувшейся от папства и распавшейся на автокефальные национальные церкви, в т.ч. и германскую⁶.

Иную, при некоторой внешней схожести с официальной, позицию занимала славянофильски настроенная часть российского общества. Имперская политика в балканском вопросе казалась славянофилам узкокорыстной, чрезмерно прагматичной политикой «западного типа», когда в угоду реализму и конкретике приносятся в жертву глубинные интересы и духовность, а мессианство вырождается в лицемерный поиск компромиссов с другими державами (заметим – неславянскими и неправославными). Экстатическая вера в этноконфессиональную исключительность южного и восточного славянства, в мессианско-хилиастические перспективы славянской общности резко отличала славянофилов от националистов-прагматиков. В 1871 г., в период очередного обострения восточного вопроса, пробудившего всплеск панславистских настроений, эти настроения панорамно отразил Н.Я. Данилевский. Классифицируя «культурно-исторические типы», понимаемые им как «самобытные цивилизации», живущие, развивающиеся и умирающие по особым законам, выстроив систему антропологических аргументов, он попытался доказать, что европейцы (в первую очередь, германцы), будучи представителями «прямо-челюстных длинноголовых племен», по природе своей уступают славянским народам и тюркам, которые принадлежат, по его мнению, к «прямо-челюстным короткоголовым племенам». И в социально-политическом, и в экономическом, и в культурном отношении гармоничная четырехосновная славянская цивилизация также имеет больше перспектив, нежели двуосновный германо-романский тип с его «преимущественно научным и промышленным характерами культуры»⁷.

Необходимость противостоять османской угрозе, а затем стремление во что бы то ни стало сохранить свою идентичность в жесточайших условиях турецкого владычества, по мнению Данилевского, спасла самобытную культуру славян Балканского полуострова. В другой ситуации сербы и болгары не смогли бы «устоять против одновременно направленного на них политического гнета, религиозного гонения и житейского, бытового соблазна европейской культуры». В связи с этим колоссально возрастает значение Российской империи: «Все грозное значение России заключается в том, что она – прибежище и якорь спасения пригнетенного, но не раздавленного, не упраздненного обширного славянского мира». Период развития восточного вопроса, начавшийся со времен Карла Великого –

⁶ ШАРАПОВ С.Ф. Через полвека. С. 70.

⁷ См.: ДАНИЛЕВСКИЙ Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 174, 175, 177, 479, 508.

«период напора Запада на Восток, или, точнее, период напора германороманского, католического и протестантского мира на православный славяно-греческий мир» – закончился с наступлением эпохи Екатерины Великой. Новый период развития восточного вопроса начался «с зарождением мысли о возобновлении Восточной империи» и может быть назван временем отпора Востока Западу⁸.

Константинополь необходим России, поскольку Российская империя неуязвима с запада, севера и востока, но ее южные рубежи представляют собой огромную «Ахиллесову пяту». Черное море должно стать внутренним русским озером. Но превращение Константинополя (Царьграда) в столицу России виделось Данилевскому нецелесообразным. Царьград не должен непосредственно входить в состав Российской империи. «Освобожденный Константинополь, преобразенный в настоящий Царьград, должен быть сам по себе чем-то больше, нежели столицей русского царства, в отношении же к России быть меньше этого; не должен быть с нею в слишком тесной связи, иметь такое материнское значение, на которое имеет право только одна Москва. Одним словом, Царьград должен быть столицей не России, а всего Всеславянского союза», т.е. «федерации славянских народов и всех вкрапленных между ними инородных племен». «Всеславянская федерация, с Россией во главе, со столицей в Царьграде – вот единственно разумное, осмысленное решение великой исторической задачи, получившей в последнее время название восточного вопроса»⁹.

Эта федерация виделась Данилевскому в следующем составе: Русская империя (с Галицией и Угорской Русью); Чехо-Мораво-Словацкое королевство (с северо-западной Венгрией); Сербо-Хорвато-Словенское королевство (с Черногорией, Боснией, Герцеговиной, северной Албанией, Далмацией, Истрией, частями Штирии и Каринтии); Булгарское королевство (с большей частью Македонии); Румынское королевство (с Валахией, Молдавией, половиной Трансильвании, частями Буковины и Бессарабии); Эллинское королевство (с юго-западной Македонией, малоазийским побережьем Эгейского моря, Критом и Кипром); Мадьярское королевство (Венгрия и половина Трансильвании); Царьградский округ (с территориями, прилегающими к Босфору, Мраморному морю и Дарданеллам)¹⁰.

Балканским народам участие в федерации было бы чрезвычайно полезно не столько в силу противостояния турецко-мусульманской угрозе (само возникновение всеславянского союза в отмеченных географических

⁸ ДАНИЛЕВСКИЙ Н.Я. Россия и Европа. С. 318, 322.

⁹ См.: Там же. С. 375-377, 384-385.

¹⁰ Там же. С. 388-389.

рамках сделало бы эту угрозу «археологической древностью»), сколько в силу специфических причин, глубоко различных для Сербии, Болгарии, Румынии и Греции. Сербам членство в федерации помогло бы избежать «обытальяненья, омадяренья и онемеченья своей земли», а также не впасть в подражание Польше: «Бодрый и крепкий сербский народ должен опасаться польского обычая честолюбиво присваивать себе чужое, упуская свое». Сербский народ может преуспеть «только в политическом союзе со всем славянством, под главенством России». Болгарский народ в этом союзе «сможет сохранить свою самостоятельность, не сделавшись жертвою честолюбия соседней Сербии». Румынам ориентация на Россию и Всеславянский союз позволит обезопасить себя от «захватов мадьяризма» – но для этого «жалкой интеллигенции» Румынии нужно отказаться от подражательного галломанства. Грекам с их исторической склонностью к морской коммерции участие в союзе сулит расширение перспектив международной торговли путем деятельной поддержки торговых операций греков могущественным военным флотом федерации¹¹.

Таким образом, обретшая реальное воплощение Восточная Римская империя славянской (по преимуществу) нации оберегает федератов не только от внешних угроз, но и от неминуемых (вне союза!) столкновений между собой – в союзном пруду своеобразными потенциальными щуками среди карасей Данилевскому виделись Сербия и Венгрия.

Примечательно, что в литературно-утопической форме этот проект воплотил другой Данилевский – не биолог и философ, а известный беллетрист. В написанном Г.П. Данилевским в 1880 г. рассказе «Жизнь через сто лет» показан мир в 1968 г. Китай подчинил себе Западную Европу и Северную Америку, Россия, дружественно-нейтральная в отношении Китая, помогла славянам изгнать турок с Балкан в Азию. На многострадальном Балканском полуострове возникла союзная России Славяно-Греческая Дунайская империя. Россияне, следуя заветам Тютчева, вытеснили англичан из Восточной Индии и разместили в Калькутте третью, после Москвы и Санкт-Петербурга, столицу России¹².

Впечатляющая идея Восточной Римской империи славянской нации как правопреемницы Восточной Римской империи греческой нации и антипода Западной Римской империи германской нации побуждала ревнителей славянской общности начертать на своих знаменах: «Славянство превыше всего!»

¹¹ ДАНИЛЕВСКИЙ Н.Я. Россия и Европа. С. 402-405.

¹² См.: ДАНИЛЕВСКИЙ Г.П. Жизнь через сто лет // Полн. собр. соч. СПб., 1901. Т. 19. С. 12-34.

Наконец, третью позицию занимали те, кто отрицал и православие, и самодержавие, и уверенность в национальной исключительности – последователи А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского. Интеллигенты-народники, громко заявившие о себе в 1860–1870-е гг., в целом придерживались доктрины одного из своих вождей, лидера международного анархо-коммунизма М.А. Бакунина, изложенной в его программной работе «Государственность и анархия», написанной в 1873 г. в ответ на образование в сердце Европы пугающе могучей Германской империи. Бакунин отмечал, что носителей германской идентичности отличает «их затаенная страсть, их единая цель создать огромное пангерманское государство, насильственно-всепоглощающее государство, перед которым бы трепетали все другие народы»¹³. Балканские славяне, защищаясь от пангерманизма, ошибочно, по мнению Бакунина, «противопоставили ему другую отвратительнейшую нелепость, другой не менее свободопротивный и народоубийственный идеал – панславизм», «стали ждать спасения от нашего всероссийско-царского кнута». Стремление создать единое могущественное славянское государство в основе своей явилось попыткой подражать немецкому образу мышления, «потому что новейшее государство, централистическое, бюрократическое и полицейско-военное, вроде, например, Германской или Всероссийской империи, есть создание чисто немецкое». Сами славянские народы изначально чужды идее государственности – «по всей природе и по всему существу своему славяне решительно племя не политическое, т.е. не государственное, ни одно славянское племя само собой не создало государства». С точки зрения Бакунина, Польское государство образовалось под влиянием германизма и латинизма, Чешское – германизма. В политической истории южных славян решающим фактором явилось наличие турецкой угрозы. В создании Российского государства «участвовали и татарский кнут, и византийское благословение, и немецкое чиновно-военное и полицейское просвещение»¹⁴. Апологет идеи разрушения государства резюмировал: «Немцы ищут жизни и свободы в государстве; для славян же государство есть гроб. Славяне должны искать своего освобождения вне государства, во всенародном бунте против всякого государства, в Социальной Революции»¹⁵. Следовательно, приверженцы как русского крестьянского социализма, так и анархического коммунизма в России выдвинули альтернативный официальному курсу лозунг: «Революция превыше всего!»

¹³ Бакунин М.А. Государственность и анархия // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 422.

¹⁴ Там же. С. 328–330.

¹⁵ Там же. С. 337.

Европа неминусом двигалась к эпохе блокового противостояния – в этом проявилась неумолимая логика двух веков – уходящего XIX и близившегося XX, которому, как оказалось, суждено напоминать о себе грядущим поколениям кровавыми рубцами, оставшимися на теле человечества – двумя мировыми войнами. В первом (а в известной степени и во втором) глобальном потрясении роль «порохового погреба» суждено было сыграть именно Балканам – как региону, где противоречия великих держав переплелись в причудливо запутанный клубок с нерешенными межэтническими проблемами и взаимными претензиями локального характера.

Помимо «государственных романов» с их панорамным описанием будущего идеального социально-политического устройства, следует упомянуть еще об одном специфическом литературном жанре, который представляет существенный интерес в контексте изучения восприятия исторического опыта России и определения перспектив ее развития. Этот жанр, обозначенный известным шведским литературоведом А. Энгхольмом как «литературная (или воображаемая) война»¹⁶, особенно ярко проявился в мировой литературе конца XIX – начала XX в., ужасающе отчетливо провозвестившей приближение Первой мировой войны.

Заметим, что военно-фантастические романы, в немалом количестве публиковавшиеся на рубеже веков, были скорее не романами-предупреждениями (они характерны для более позднего времени, когда человечеством уже был накоплен негативный опыт мировых побоев), а являли собой два типа произведений жанра «литературной войны» – военно-технические предвидения (пропаганда технических идей, опережавших эпоху лишь на полшага) и геополитические размышления (определение литераторами, зачастую имевшими за плечами богатый послужной список, «вероятного противника» и направления главных ударов, прогнозирование итогов войн).

На развитие жанра в России непосредственно влияла многоплановость внешнеполитических устремлений Российской империи – амбиции двуглавого орла на протяжении XIX – начала XX в. реализовывались сразу на трех направлениях: на Западе (Польша, Центральная Европа), на Юге (Балканы, черноморские проливы), на Востоке (Закавказье, Средняя Азия, Дальний Восток).

Остановимся на двух наиболее типичных примерах. А.Г. Канкевич (псевдоним – Беломор), бывший морской офицер, дважды совершивший кругосветное плавание, в написанном в 1889 г. романе «Роковая война

¹⁶ Энгхольм А. Литературная война / Пер. Д.В. БУГРОВА // Уральский следопыт. 1991. № 3. С. 53.

18... года» обратился к русско-турецкому противоборству, увенчав его разгромом турецкого флота и обретением русскими заветных проливов¹⁷. Н.Н. Шелонский в романе «В мире будущего» (1892 г.) поместил действие в невообразимо далекий ХХІХ в., когда Англия, растеряв все свои колонии, погружается в застой самоизоляции, а Россия овладевает Передним Востоком и значительной частью Азии (кроме дружественных Китая и Индии)¹⁸.

Трагический для империй нового времени исход Первой мировой войны, завершившейся крушением Австро-Венгерской, Германской, Российской и Османской монархий, вкупе с приходом к власти в России большевиков подвел черту как под целой эпохой в истории международных отношений и эволюции российской внешней политики, так и под периодом в развитии отечественной социокультурной утопии. Любопытно, что неподдельный интерес к славянским народам Балканского полуострова не ослабевал и у белой эмиграции. Не случайно в 1920 г. атаман П.Н. Краснов (также пробовавший силы в утопическом жанре)¹⁹ предложил эвакуировать казаков в славянские страны и там начать готовить новый антибольшевистский поход на Дон, Кубань и Терек. Осенью же 1921 г. этот план был подкорректирован: живший с февраля 1919 г. в Германии Краснов обратился к казакам, призвав их организовывать по месту жительства в эмиграции станицы и хутора. Казаки откликнулись на этот призыв и стали переименовывать свои колонии в хутора, выбирать атаманов и реанимировать привычную военную организацию. Тот факт, что оказавшееся вдали от родной земли казачество с энтузиазмом воспринимало инициативу Краснова, находит подтверждение в создании в декабре 1921 г. в Белграде, а в 1922 г. в Венгрии станиц, носивших имя этого генерала²⁰. Идея реставрации монархической государственности в России именно с территории Балкан отнюдь не казалась фантастичной тем, кто на этот момент оставался верен панславистским настроениям.

Но в действительности Балканам предстояло сыграть совсем другую роль в сложнейшей интриге столкновения интересов различных государств, идеологий и военно-политических альянсов в постверсальском мире.

¹⁷ См.: БЕЛОМОР (КАНКЕВИЧ) А.Г. Роковая война 18... года. СПб., 1889.

¹⁸ См.: ШЕЛОНСКИЙ Н.Н. В мире будущего: Фантастический роман. М., 1892.

¹⁹ См.: КРАСНОВ П.Н. За чертополохом: Фантастический роман в 2-х книгах. Рига, 1928–1929.

²⁰ Россия в изгнании: Судьбы русских эмигрантов за рубежом. М., 1999. С. 124, 384.

В.В. ВЫСОКОВА
ЕКАТЕРИНБУРГ

ВОРОНЦОВЫ И КРЫМСКАЯ ВОЙНА 1853–1856 ГГ.

La familiar, семья и ее история – тема, не так давно маргинальная в отечественной историографии, сегодня решительно привлекла к себе внимание историков. Это было связано с обострением экзистенциальных проблем западного человека и его «бегством от свободы». Эта ситуация задала развитие «новой исторической науки», в рамках которой произошла «реабилитация» простого человека и его повседневности. «Простецы» заняли центральное место в современной историографии. Пересмотр классической концепции истории привел и к новому прочтению истории выдающихся людей. Произошла общая антропологизация исторического знания.

Изучением семьи как социальной ячейки долгое время занимались социологи и психологи. В 60–70-е XX в. было осознано, что проблемы семьи и человека могут быть адекватно поняты только на широком временном и географическом «поле». В это время оформляются как самостоятельные направления – историческая социология, историческая антропология, историческая психология. Классическими работами сегодня стали исследования М. Андерсона, Дж. Гуди, Л. Давидовф, Т. Ласлетта и Л. Стоуна¹. В их работах исследованы различные аспекты истории семейной жизни – брак и семья, родители и дети, положение женщины в семье и т.п. – на основе широкой исторической ретроспективы. Представители третьего поколения школы Анналов внесли значитель-

¹ ANDERSON M. *Approaches to the History of the Western Family, 1500–1914*. The Macmillan Press, 1980; LASLETT T.P.R. *Family Life and Illicit Love in Earlier Generations*. 1977; STONE L. *The Family, Sex and Marriage in England, 1500–1800*. 1977; DAVIDOFF L. *Family fortunes: men and women of English Middle class, 1780–1850*. L., 1992; GOODY J. *The European Family. An Historic-Anthropological Essay*. Blackwell, 2000.

ный вклад в развитие этого направления, в частности, откликнулись коллективной монографией под общей редакцией Ф. Ариеса и Ж. Дюби «История частной жизни»². Несомненно, проблематика истории семьи и частной жизни имеет на сегодняшний день существенное историографическое освещение в западной исторической науке.

В отечественной историографии эта проблематика разрабатывалась А.Я. Гуревичем и Ю.Л. Бессмертным, воспринявшим, очевидно, в большей степени традицию французской школы Анналов. Влияние альманаха «Одиссей» на развитие историографической ситуации в 90-е гг. XX в. в отечественной исторической науке общеизвестно. «Споры о главном» действительно воспринимались как «разговор» о самом насущном, человеческом. Общественное и политическое развитие здесь рассматривалось через призму «частного» в жизни человека. Внимание к его публичности было потеснено изучением «элементов» частной сферы: семья и повседневность, семья и личная жизнь; мужчины и женщина в браке; сакральное в жизни человека и т.п.³

Семья Воронцовых оставила заметный след в истории Российского государства XVIII–XIX вв. Михаил Илларионович (1714–1767), получивший в 1744 г. графский титул, служил верой и правдой императрице Елизавете Петровне. В 1758–1763 гг. он был канцлером Российской империи. Высокое положение М.И. Воронцова позволило ему оказать влияние на воспитание и карьеру племянников – Александра Романовича и Семена Романовича Воронцовых. Первый (1741–1805) в разные годы был посланником России в ряде европейских стран, занимал ответственные государственные посты, вершиной его карьеры стало назначение на пост главы внешнеполитического ведомства в 1802 г. императором Александром I. Его брат Семен (1744–1832) с середины 80-х гг. XVIII в. и до начала XIX в. оставался посланником России в Англии. Однако большей славы в своем отечестве снискал сын последнего – герой войны 1812 г., наместник Новороссии (с 1823 г.) и Кавказа (с 1848 г.) светлейший князь Михаил Семенович Воронцов (1782–1856).

История рода Воронцовых, казалось бы, имеет основательную историографическую традицию. Ни одна серьезная работа по истории Рос-

² Histoire de la vie privée / Ed. Ph. ARIES, G. DUBY. P., 1985–1987. Vol. I–V; History of Private Life. 1987–1991. Vol. I–V; АРИЕС Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1977.

³ Споры о главном // Под ред. Ю.Л. БЕССМЕРТНОГО. М., 1993; Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени // Под ред. Ю.Л. БЕССМЕРТНОГО. М., 1996; Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых аспектах в странах Азии до начала нового времени // Под ред. Ю.Л. БЕССМЕРТНОГО. М., 2000.

России середины XVIII – первой половины XIX в. не обходится без упоминания о них. Существует обширная литература, посвященная этому знатному дворянскому роду⁴. Однако даже самый поверхностный ее обзор позволяет сделать вывод о том, что изучались в основном государственная и общественная деятельность графов и князей Воронцовых⁵. История же частной жизни этой семьи еще должна быть написана. Хорошо известно о взаимоотношениях Александра и Семена с отцом Романом Илларионовичем (1707–1783) – наместником Владимирской, Пензенской и Тамбовской губерний – фактически оставившим детей от первого брака после смерти их матери в 1745 г., об их непростых отношениях с родной сестрой Екатериной Романовной Дашковой. Но несомненным остается тот факт, что всех их объединяли родственные чувства. Перед нами предстает семья, принадлежность к которой накладывала на ее представителей обязательства служения отечеству. И одновременно – являлась надеждой и опорой.

Далее хотелось бы сосредоточиться исключительно на «гнезде» Семена Романовича Воронцова. Юный паж в покоях Елизаветы Петровны, первая рота гренадеров Преображенского полка, рвение к службе в армии. Отличился в сражениях при Ларге и Кагуле. Однако военная карьера Воронцова не удалась. Он вышел в отставку по болезни после русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и при содействии старшего брата (назначенного Екатериной II в 1773 г. тайным советником и президентом Коммерц-коллегии) был отправлен посланником в Венецию⁶. Вскоре он женился на дочери адмирала А.И. Сенявина – Екатерине Алексеевне. 19 мая 1782 г. у них родился первенец Михаил, а 24 октября 1783 г. – дочь Екатерина (оба рождены в Санкт-Петербурге, улица Малая Морская). Однако личное семейное счастье уже немолодого Семена Романовича было недолгим – Екатерина Алексеевна скончалась в 1784 г. и была похоронена в Венеции близ греческой церкви Святого

⁴ См. библиографию: Воронцовы // Русский биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 452.

⁵ См., например: Воронцовы. Их жизнь и общественная деятельность. Биографические очерки В.В. ОГАРКОВА. СПб., 1892; ШТЕЙНБЕРГ Е. С.Р. Воронцов и англо-русские отношения на рубеже XVIII и XIX вв. // Исторический журнал. 1943. № 12; ГРИГОРАШ И.В. Воронцов Александр Романович – первый министр иностранных дел России // МЖ. 2001. № 6. С. 85–98; ЗАХАРОВА О.Ю. М.С. Воронцов – военный и государственный деятель России первой половины XIX столетия. 1997; Воронцовы – два века в истории России. 2000.

⁶ Автобиографическая записка графа Семена Романовича Воронцова (письмо к графу Ф.В. Ростопчину) / АКВ. Бумаги Семена Романовича Воронцова. М., 1876. Ч. 1. С. 2–27.

Георгия⁷. И собственно вся оставшаяся жизнь Воронцова была посвящена горячо любимым детям.

Семейная драма заставила Семена Романовича хлопотать о перемещении места службы. В 1785 г. его назначают чрезвычайным министром России в Англии, где и выросли его дети. Любовь к наукам и искусствам, начатая в семье Воронцовых дружбой Михаила Илларионовича с М.В. Ломоносовым и И.И. Шуваловыми, в полной мере была передана Семеном Романовичем детям. Михаил и Екатерина получили блестящее образование. В частности, Михаил свободно владел латинским языком, его любимым автором был Прокопий Кесарийский. Но может быть главное, что воспитывалось в детях – это любовь к родине, патриотами которой они остались до конца своих дней.

В 1803 г. Михаил начинает службу офицером на Кавказе в армии князя П.Д. Цицианова, участвует в кампаниях 1805–1806 гг. В чине генерал-майора молодой Воронцов командует гренадерской дивизией в Бородинском сражении. Он принял участие в заграничном походе русской армии и был назначен командиром оккупационного корпуса в Париже, где и встретил красавицу графиню Елизавету Ксаверьевну Браницкую (1792–1881) и женился на ней в 1819 г. А в 1823 г. император назначает его генерал-губернатором Новороссийского края, с обустройством и управлением которого связана вся дальнейшая жизнь Михаила Семеновича⁸. Можно только догадываться, какое чувство гордости и удовлетворения испытывал отец, наблюдая с «туманного Альбиона» за успехами сына.

Сам же Семен Романович, оказавшись в опале в последний год правления Павла I, был лишен владений в России. Этому предшествовало официальное предложение императора занять пост вице-канцлера, затем канцлера. Семен Романович отказался и не вернулся на родину со ссылкой на слабое здоровье дочери и собственную старость⁹. Император Александр восстановил его в должности посла, однако Воронцов в 1806 г. уходит от дел в силу ряда обстоятельств: преклонного возраста, смерти Александра Романовича, новой профранцузской ориентации

⁷ <http://www.voronsovmuseum>.

⁸ Мурзакевич Н.Н. Очерк заслуг сделанных наукам, светлейшим князем Михаилом Семеновичем Воронцовым // ЗООИД. 1860. Т. 4. С. 395-413; Россия и Крым в судьбе Воронцовых. М., 2000.

⁹ Выход в отставку 15 (27) июня 1800 / АКВ. Письма графа Семена Романовича Воронцова к брату его Александру Романовичу, 1796–1804 гг. М., 1876. Т. X. Ч. 3. С. 352.

внешней политики российского двора. И в последние годы жизни несомненной его отрадой явились дочь Екатерина и подрастающие внуки.

Екатерина Семеновна не покинула отца и в 1808 г. была выдана замуж за одиннадцатого лорда Пемброка (Pembroke, он же восьмой граф Монтгомери). Немолодой Георг Август Герберт (1759–1827) вторым браком составил «русской принцессе» надежную партию. 16 сентября 1810 г. у них родился сын, первый внук С.Р. Воронцова – Сидней Герберт, позже дочь Эмма Герберт. В браке Михаила и Елизаветы Ксавьеровны, которые часто бывали в Англии, первый ребенок появился на свет в 1820 г. Родовое поместье Пемброков – Уилтон (Wilton), которым они владели с XVI в., стало родным для Семена Романовича и Екатерины Семеновны. Скончался Семен Романович в 1832 г. в возрасте 88 лет, как и хотел, «в объятиях моих детей, кои закроют мои глаза». Похоронен в Лондоне, где в его честь была переименована улица (Woronzow Road), в фамильном склепе графов Пемброков.

Пемброки по своему вкладу в национальную историю отнюдь не уступали Воронцовым. Но, пожалуй, самую блестящую карьеру сделал второй сын одиннадцатого лорда Пемброка – Сидней Герберт (1810–1861), удостоенный титула первого барона Герберта Ли (1st Baron Herbert of Lea). Он получил традиционное аристократическое образование – военная школа Хэрроу, Оксфорд. В 1832 г. Сидней Герберт становится членом парламента от консервативной партии. В ситуации острейшего национального кризиса он вошел в кабинет сэра Роберта Пиля и в 1845–1846 гг. исполнял обязанности военного министра. Этот же пост был поручен ему в 1852–1855 гг. премьер-министром лордом Абердином, чье правительство взяло на себя ответственность за вмешательство Англии в русско-турецкую войну 1853–1856 гг.

Правнук адмирала Сенявина, внучатый племянник российского канцлера Александра Воронцова, внук Семена Романовича – Сидней Герберт начал в 1854 г. войну против России. По стечению обстоятельств дядя, генерал-губернатор Новороссии Михаил Семенович, и племянник, сын Екатерины Семеновны, должны были противостоять друг другу в этой войне. Между родственникам, как и прежде, велась (еще требующая изучения) переписка. Однако несомненным остается факт, что для немолодых уже брата и сестры Воронцовых Крымская война легла тяжелой ношей на сердце и ускорила их кончину. В марте 1856 г. в окружении сына и его семьи умерла Екатерина Семеновна. Последними ее словами были – «О мой Минга! Мой Минга» – домашнее имя брата, портрет которого она попросила внести в комнату. Ми-

хаил Семенович скончался в ноябре 1856 г. в Одессе на руках у Елизаветы Ксаверьевны¹⁰.

История семьи Воронцовых – благодатное исследовательское поле. В распоряжении историка обширная публикация «Архива князей Воронцовых» в сорока томах, осуществленная П. Бартеневым в 70–80-е гг. XIX в., коллекции Уилтоновской библиотеки в Великобритании, музейные коллекции дворцов в Алушке и Одессе, фонды Архива внешней политики Российской империи, Паблик рекорд Оффис и др. Короткий эпизод в истории семьи Воронцовых – Крымская война 1853–1856 гг. – позволил нам увидеть «другую» историю России, наполненную конкретными людьми, их чаяниями и нуждами. Это несомненно демонстрирует эвристические возможности и значимость такого направления в современной историографии как история семьи, повседневности и частной жизни.

¹⁰ МИКЕШИН М.И. Две смерти в семье Воронцовых (по публикации Г. Струве) // Фигуры Танатоса: Искусство умирания. СПб., 1998, С. 76-84; STRUVE J. An Anglo-Russian Medley: Woronzows, Pembroks, Nikolaijs, and Others // California Slavic Studies. 1970. Vol. 5. P. 93-136.

А.В. ШАМАНАЕВ
ЕКАТЕРИНБУРГ

ПАМЯТНИКИ КРЫМА И ОДЕССКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ

Деятельность Одесского общества истории и древностей по изучению, сохранению, публикации памятников старины Южной России давно привлекает внимание исследователей. Большой интерес к трудам Общества во многом обусловлен тем, что оно было первым в России специализированным научно-исследовательским объединением¹. Созданное в 1839 г. по инициативе нескольких одесских любителей старины, Общество занималось археологическими изысканиями в Южной России (Новороссийский край, Бесарабия, Крым)². Общие характеристика и оценка трудов ООИД были даны как дореволюционными, так и советскими учеными³. Интерес к работам Общества сохраняется и в последние годы⁴. В меньшей степени изучены конкретные направления деятельности Общества, в том числе связанные с Крымскими древностями.

¹ СТЕПАНСКИЙ А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // АЕ-1974. М., 1975. С. 49.

² МУРЗАКЕВИЧ Н.Н. Очерк заслуг сделанных наукам, светлейшим князем М.С. Воронцовым // ЗООИД. 1860. Т. 4. С. 397.

³ ЮРГЕВИЧ В.Н. Краткий очерк деятельности Императорского Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 52-58; РАЗГОН А.М. Охрана исторических памятников в России (XVIII – первая половина XIX в.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. С. 352-353; ФОРМОЗОВ А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 155; ТУНКИНА И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.

⁴ СОРОЧАН С.Б., ЗУБАРЬ В.М., МАРЧЕНКО Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 18-24.

Согласно Уставу, утвержденному 25 марта 1839 г., в задачи Общества входили: собрание, описание и сохранение остатков древностей в южной России; поиск и изучение документов, касающихся истории этого края; издательская деятельность⁵. Устав 1896 г. добавил в круг занятий «устройство ученых экспедиций и экскурсий для археологических исследований и раскопок», «предложение ученых задач на конкурс и назначение премий за сочинения исторического и археологического содержания»⁶. Вплоть до 1889 г. Общество имело право «на производство археологических разысканий по всей Южной России, на казенных землях с разрешения местного начальства, а на частных с согласия владельцев»⁷.

Не смотря на существенное государственное пособие (5000 рублей в год ассигнациями) Общество не имело ни средств ни кадров для проведения масштабных исследований. Неизбежно вставала проблема выделения приоритетных направлений научной работы. Вполне естественно, что Крым, известный к тому времени своими древностями, привлек первоочередное внимание членов ООИД⁸.

Следует отметить и влияние личной заинтересованности крымскими памятниками старины, прежде всего, со стороны Н.Н. Мурзакевича, одного из основателей Общества, с 1839 по 1874 гг. секретаря, а с 1875 по 1883 гг. его вице-президента. Еще до возникновения ООИД он обращался к крымской истории и опубликовал две небольшие работы по истории Херсонеса и генуэзских колоний⁹. В последующие годы Н.Н. Мурзакевич посвятил древностям Крыма более десятка статей, заметок и рецензий в «Записках» Общества. Кроме него, в состав членов ООИД входили исследователи, работавшие в Крыму постоянно или в течение длительного времени, а также лица оказавшие влияние на развитие исторической науки и археологии региона. Среди них можно назвать М.С. Воронцова, Д.В. Карейшу, П.И. Кеппена, А.Б. Ашика, З.С. Херхеулидзе, Г. Крузе, М.И. Бларамберга, М.П. Лазарева, З.А. Аркаса, Б.В. Кене, А.С. Уварова, А.И. Дюбрюкса, Е.К. де-Вилльнева, А.Е. и Е.Е. Люценко, Н.П. Конда-

⁵ Брун Ф.К. Тридцатилетие Одесского общества истории и древностей, его записки и археологические собрания // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 333.

⁶ Устав Императорского Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. 1896. Т. 19. Приложения. С. 2.

⁷ Летопись общества // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 567.

⁸ Там же. С. 571.

⁹ МУРЗАКЕВИЧ Н.Н. Краткая история древнего Херсона. Одесса, 1836; Он же. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837.

кова, игумена Херсонесского монастыря Анфима, К.Е. Геммельмана, К.К. Косцюшко-Валюжинича, А.Л. Бертье-Делагарда, В.Г. Тизенгаузена, А.А. Бобринского и др.¹⁰

В первые годы своего существования ООИД не располагало финансовыми возможностями для организации археологических экспедиций в Крыму. В 1843 г. член-соревнователь Общества М.А. Кологривов занимался раскопками курганов в Керчи за свой счет, получив только официальное разрешение и краткую инструкцию¹¹. В тоже время, Общество еще не имело достаточного авторитета для того, чтобы оказывать влияние на исследователей и местные власти. В частности, несмотря на критическое отношение к раскопкам Д.В. Карейши и А.Б. Ашика в Керчи изменить ситуацию не удавалось в течении длительного времени¹².

В 1840–1850-х гг. Общество столкнулось с большими трудностями, пытаясь организовать меры по сохранению Херсонесского городища (г. Севастополь). Несмотря на поддержку командира Черноморского флота и портов, военного губернатора Севастополя и Николаева адмирала М.П. Лазарева и представителя ООИД З.А. Аркаса (предположительно с 1845 г.) прекратить грабительские раскопки и разрушение памятника военным ведомством и частными лицами практически не удалось¹³.

В период с 1845 по 1849 гг. Обществом были предприняты меры по сохранению «Золотого» и «Царского» курганов в Керчи, гробницы на Южном берегу Крыма, между Ялтой и Ореандой, крепостных сооружений в Феодосии, мечети в Старом Крыму (Эски-Крым). Кроме того, проводились археологические изыскания в окрестностях Бахчисаря, пополнялись коллекции музея в Одессе¹⁴. В связи с началом железнодорожного строительства около Керчи и Феодосии в 1850-х гг.

¹⁰ Летопись общества // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 567-570; Обзор действий общества с 14 ноября 1843 по 14 ноября 1849 года // ЗООИД. 1848. Т. 2. С. 791-793; Летопись общества // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 325; Летопись общества // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 367-368; Летопись общества // ЗООИД. 1879. Т. 11. С. 433; Летопись общества с 14 ноября 1881 по 14 ноября 1883 г. // ЗООИД. 1883. Т. 13. С. 195; МАРКЕВИЧ А.И. Состав Императорского Одесского Общества истории и древностей в 1839–1901 гг. // ЗООИД. 1902. Т. 24. С. 93-106.

¹¹ Летопись общества // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 575.

¹² МУРЗАКЕВИЧ Н.Н. Записки // РС. 1888. Т. 59. С. 586-587; 1889. Т. 61. С. 253-255.

¹³ ГРИНЕВИЧ К.Э. Сто лет Херсонесских раскопок (1827–1927). Севастополь, 1927. С. 12-16.

¹⁴ Обзор действий Общества... С. 794.

Общество предприняло меры к собиранию отдельных находок и фиксации планов древних построек¹⁵.

В 1850–1860-х гг. Одесское общество внесло существенный вклад в дело сохранения исторических памятников Крыма. В 1851 г., по распоряжению М.С. Воронцова, под патронаж Общества был передан Феодосийский музей древностей. Он был основан еще в 1811 г., но практически не получал средств и находился в состоянии упадка. Заведующим музеем стал член Общества Е.К. де Вилльнев¹⁶. К сожалению, ООИД не имело возможности предоставлять значительные денежные суммы на поддержание музея, но добилось выделения 100 руб. ежегодно из крымского сбора (до 1864 г.). Кроме того, был произведен ремонт музейного здания, составлена опись фондов, передана коллекция из 200 греческих и римских монет, более 50 томов научных изданий по археологии и нумизматике. В 1864 г. встал вопрос о закрытии Феодосийского музея и расформировании коллекций. К счастью, благодаря усилиям Общества, удалось сохранить один из старейших в России историко-археологических музеев¹⁷.

В эти же годы Одесское общество не оставляло без внимания и керченские памятники. В 1864 г. Н.Н. Мурзакевич обследовал курган Куль-Оба, раскопанный еще в 1830 г. Состояние сооружения оказалось плачевным, что привело к обращению в Императорскую археологическую комиссию. Благодаря этому вмешательству, в 1865 г. были проведены реставрационные работы, способствовавшие сохранению уникального памятника¹⁸. В 1869 г. попечению Общества был поручен Мелек-Чесменский курган, изучавшийся А.Е. Люценко в 1858 г. В конце 1860-х гг. Общество предприняло меры для спасения и этого комплекса. В 1870 г. была получена правительственная субсидия в размере 300 руб. в год, что позволило провести реставрацию памятника. С 1871 г. Мелек-Чесменский курган стал функционировать

¹⁵ Летопись общества с 14 ноября 1852 по 14 ноября 1859 года // ЗООИД. 1860. Т. 4. С. 393.

¹⁶ ПЕТРОВА Э.Б., КАРПЕНКО А.В. Письма Е.Ф. де Вилльнева в ООИД: 150 лет с начала археологических раскопок в Феодосии // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2004. № 3-4. С. 37-38.

¹⁷ Летопись общества, с 14 ноября 1862 по 14 ноября 1866 года // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 480-482.

¹⁸ Там же. С. 482-483.

как музей, существовавший более полувека под покровительством ООИД¹⁹.

Еще одним объектом, взятым Обществом под охрану в 1868 г. стала Судакская крепость²⁰. Интерес к итальянским древностям Крыма в 1830-х гг. проявлял Н.Н. Мурзакевич. В 1861 и 1863 гг. В.Н. Юргевич (действительный член Общества с 1859 г., с 1874 г. – секретарь, с 1883 г. – вице-президент) занимался изучением эпиграфических памятников Судак, Феодосии и Балаклавы²¹. В конце 1860 – начале 1870-х гг. Общество организовало работы по консервации крепостной стены, ворот и реставрации капеллы 1423 г.²² В 1898 г. комиссия в составе А.А. Кочубинского, А.В. Лонгинова и А.И. Маркевича произвела инспекцию Судакской крепости. Как отметили члены комиссии в отчете «благодаря мерам, принятым к поддержанию древних крепостных сооружений, таковые представляются в удовлетворительном состоянии». В тоже время, были выявлены объекты (башни консульская, воротная, Аставерры, Джудичи), которые нуждались в срочной реставрации. Общество приняло решение о выделении на эти работы 150 руб.²³ В 1908–1912 гг. на реставрационные нужды и содержание сторожа выделялось от 130 до 460 руб. в год, что составляло всего от 0,04 до 7 % от общих расходов ООИД²⁴.

¹⁹ Летопись общества с 14 ноября 1868 по 14 ноября 1871 года // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 326; Летопись общества с 14 ноября 1881 по 14 ноября 1883 года // ЗООИД. 1883. Т. 13. С. 196–197; БОРОВКОВА В.Н. Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь, 1999. С. 61.

²⁰ МАРКЕВИЧ А.И. Состав Императорского Одесского Общества... С. 106.

²¹ Брун Ф.К. Тридцатилетие Одесского общества... С. 341.

²² ЮРГЕВИЧ В.Н. Краткий очерк деятельности Императорского Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 55–56.

²³ Протокол 311 заседания Императорского Одесского общества истории и древностей от 29 апреля 1898 г. // ЗООИД. 1898. Т. 21. С. 53–58.

²⁴ Смета прихода и расхода сумм Императорского одесского общества истории и древностей на 1908 г. // ЗООИД. 1910. Т. 28. С. 52–53; Смета прихода и расхода сумм Императорского одесского общества истории и древностей на 1909 г. // Там же. С. 56–57; Смета общества на 1910 г. // ЗООИД. 1911. Т. 29. С. 16–17; Смета прихода и расхода сумм Императорского одесского общества истории и древностей на 1911 г. // Там же. С. 111–112; Отчет о приходе и расходе сумм Императорского одесского общества истории и древностей за 1912 г. // ЗООИД. 1913. Т. 31. С. 114–115.

Ряд мер был предпринят Обществом в конце 1870-х – начале 1880-х гг. для сохранения крепости Алустон в Алуште²⁵.

Самым значительным проектом, реализованным Одесским обществом в Крыму были раскопки Херсонеса Таврического (Херсона). Как указывалось выше, еще в 1840–1850-х гг. ООИД предпринимало меры по сохранению этого памятника. Однако масштабные раскопки удалось начать только после открытия финансирования от Синода в 1876 г. в размере 1000 руб. ежегодно²⁶. С 1881 г. средства на исследования выделяло министерство народного просвещения²⁷. Одесским обществом был создан специальный комитет для организации работ (Н.Н. Мурзакевич, П.О. Бурчаков, К.Е. Геммельман, игумен отец Анфим) и разработан план, включавший программу раскопок и охранных мероприятий на городище. Кроме того, Обществом планировалось создание музея христианских древностей²⁸. В 1888 г. исследования Херсонеса окончательно перешли в ведение Императорской археологической комиссии, располагавшей большими средствами и возможностями²⁹.

Нельзя обойти вниманием издательскую деятельность Одесского общества. В каждом из 33 томов «Записок» помещены материалы, касающиеся крымской истории. Публикации имеют различный характер – издание архивных документов времен Крымского ханства и XVIII–XIX вв., источников по средневековой истории полуострова, описание новых находок и открытий, аналитические статьи (многие не утратили своего значения до настоящего времени), рецензии. Среди авторов можно выделить таких известных исследователей, как М.П. Погодин, В.В. Латышев, Н.Н. Мурзакевич, В.Н. Юргевич, А.Л. Бертье-Делагард, Э.Р. фон-Штерн, А.И. Маркевич. По мере возможности Общество оказывало финансовую поддержку изданию трудов по истории Крыма. Например были выделены средства для публи-

²⁵ Летопись общества с 14 ноября 1879 по 14 ноября 1881 г. // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 434–435; Летопись общества // ЗООИД. 1883. Т. 13. С. 197.

²⁶ Летопись общества // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 368–369.

²⁷ Юргевич В.Н. Краткий очерк деятельности Императорского Одесского общества... С. 58.

²⁸ ГАГС. Ф. 19. Д. 10. Л. 21–21об.; ГРИНЕВИЧ К.Э. Сто лет Херсонесских раскопок. С. 19.

²⁹ СОРОЧАН С.Б., ЗУБАРЬ В.М., МАРЧЕНКО Л.В. Жизнь и гибель... С. 25–26.

кации монографии А.Б. Ашика «Боспорское царство»³⁰. В 1890 г. был издан «Указатель Феодосийского музея древностей»³¹.

Одесское общество способствовало пополнению библиотеки Таврической ученой архивной комиссии (основана в 1887 г.), передав в Симферополь 42 книги. Вице-президент ООИД (с 1899 г.) и действительный член ТУАК (с 1889 г.) А.Л. Бертъе-Делагард подарил этой библиотеке 421 издание³². В конце XIX – начале XX в. Общество проводило конкурс премий для поощрения трудов по истории и археологии юга России. Среди них выделяется премия, учрежденная А.Л. Бертъе-Делагардом в 1894 г. за «лучшее ...сочинение по истории и археологии Новороссийского края и преимущественно Крыма» в размере 600 руб.³³

Члены Общества способствовали распространению информации об исторических памятниках Крыма, принимая участие в работе Всероссийских археологических съездов³⁴. Уже на I съезде в Москве (1869 г.) М.П. Погодин, действительный член ООИД с 1839 г., рассматривая проблемы охраны памятников истории и археологии в России, обращался к крымским материалам³⁵. На II съезде в Санкт-Петербурге (1871 г.) с докладом по истории Херсонеса выступил В.И. Григорович, действительный член ООИД с 1867 г. От имени Одесского общества он предложил обсудить организацию экспедиции для исследований этого памятника³⁶. Фактически на всех последующих съездах в той или иной степени затрагивались вопросы изучения крымских древностей. Принципиально важное значение для развития археологических и исторических исследований в Крыму имел VI съезд, организованный при участии Одесского общества (Одесса,

³⁰ Брун Ф.К. Тридцатилетие Одесского общества... С. 341.

³¹ Указатель Феодосийского музея древностей. Одесса, 1890.

³² Список лиц, пожертвовавших книги в библиотеку Таврической ученой архивной комиссии // Таврика. Симферополь, 1998. С. 16; Учреждения и организации, от которых поступили книги в библиотеку Таврической ученой архивной комиссии // Там же. С. 27.

³³ Премии, находящиеся в распоряжении Императорского Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. 1895. Т. 18. Приложение. С. I-II.

³⁴ Обзор докладов см.: НЕПОМНЯЩИЙ А.А. Крымоведческие исследования на Всероссийских археологических съездах (вторая половина XIX – начало XX века) // МАИЭТ. 2002. Вып. 9. С. 579-590.

³⁵ Погодин М.П. Судьбы археологии в России // Труды первого археологического съезда в Москве. М., 1871. Т. 1. С. 22-23, 37.

³⁶ Протоколы заседаний съезда // Труды второго археологического съезда в Санкт-Петербурге. СПб., 1881. Вып. 2. С. 40-42.

1884 г.). С докладами по крымской тематике выступили: В.Н. Юргевич, Х.Х. Гиль, В.В. Латышев, П.О. Бурачков, В.Г. Тизенгаузен, М.Н. Бережков, А.А. Авдеев, Ф.Ф. Лашков, А.Я. Гаркави и др. В программу форума была включена экскурсия по памятникам Крымского полуострова³⁷. Результаты работы VI съезда были высоко оценены уже современниками³⁸.

Таким образом, можно отметить значительный вклад Одесского общества истории и древностей в дело изучения и сохранения историко-культурного наследия Крыма. Деятельность Общества в этом направлении заключалась в организации исследований памятников (включая археологические экспедиции), охранных мероприятиях (в сотрудничестве с местными властями и ИАК), собирании отдельных находок для музеев, активной издательской работе, распространению информации о крымских древностях в научных кругах (Всероссийские археологические съезды), материальная поддержка исследователей и учреждений (ТУАК, музеи).

³⁷ Труды VI археологического съезда в Одессе (1884). Одесса, 1886. Т. 1; Непомнящий А.А. Крымоведческие исследования... С. 581-583.

³⁸ Анучин Д.Н. Шестой археологический съезд в Одессе // ВЕ. 1884. № 12. С. 812-834.

А.А. ФЕСЕНКО
СЕВАСТОПОЛЬ

ПЕРВЫЕ ПОЧЕТНЫЕ ГРАЖДАНЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО СЕВАСТОПОЛЯ

Севастополь, основанный более двух веков назад, стал поистине легендой. Но не название города, а люди, живущие в нем, творят историю. Были и есть в истории Севастополя люди необычной судьбы – почетные граждане города.

История почетного гражданства в России насчитывает более ста лет. Во второй половине XIX в. городские думы, отмечая полезную деятельность отдельных лиц, начали принимать решения об избрании их почетными гражданами городов.

Звание «почетного гражданина», в отличие от сословного почетного гражданства – потомственного и личного, не связывалось с получением материальных преимуществ и социальных привилегий, а являлось мерой морально-нравственной оценки деятельности человека, внесшего значительный вклад в развитие города или страны в целом.

В начале 60-х гг. XX в., с присвоением высокого звания почетного гражданина г. Севастополя первому космонавту планеты – Юрию Алексеевичу Гагарину, началось возрождение традиций почетного гражданства. На сегодняшний день в Севастополе 27 почетных граждан, среди них люди разных профессий – военные и строители, рабочие и служащие, поэты и драматурги. На сегодняшний день завершает плеяду почетных граждан города Президент Украины.

Тема дореволюционного почетного гражданства мало исследована. Мною, по документам Государственного архива г. Севастополя, была сделана попытка выявления лиц, которым было присвоено звание почетных граждан в дореволюционном Севастополе.

Начало 70-х гг. XIX в. было переломным моментом в истории города. После отмены в 1871 г. ограничительных статей Парижского мир-

ного договора Россия вновь получила право иметь военный флот на Черном море. 13 октября 1871 г. глава морского ведомства великий князь Константин Николаевич издал приказ, положивший начало возрождению Черноморского военного флота. Перед городским управлением стояли задачи восстановления разрушенного в годы Крымской войны города, а также его дальнейшего экономического развития. Вопросы военного и гражданского управления должны были заниматься градоначальник города и городской голова.

15 ноября 1873 г. на должность градоначальника был назначен контр-адмирал Павел Александрович Перелешин, который одновременно исполнял обязанности командира Севастопольского порта и военного коменданта. Перелешин принимал участие в Синопском сражении и обороне Севастополя в 1854–1855 гг. В звании капитана 2 ранга он командовал вторым бастионом и 5-й дистанцией. 30 мая 1855 г., после образования 5-го отделения оборонительной линии, Перелешина назначили его начальником. 6 июня 1855 г., в день первого штурма Севастополя, Павел Александрович, управляя огнем артиллерии и пехоты, отбил три атаки французов на свое отделение. За проявленный в ходе Крымской войны героизм его наградили орденом св. Владимира 3-й степени и золотой саблей с надписью «За храбрость»¹.

Сослуживцы о нем писали: «Был деятелен, хладнокровен, всегда здоров, никогда не оставлял своего места, не отдыхал, не жаловался на расстройство нервов, не изменялся в общении с людьми, был любим»².

Именно при Перелешине стал возрождаться разрушенный Севастополь. Он добился разрешения на использования Южной бухты для торгового судоходства, открытия в Севастополе отделения Государственного банка³. Первым помощником П.А. Перелешина стал городской голова Михаил Кази. М.И. Кази обладал высокими нравственными и незаурядными административными качествами. По ходатайству Перелешина и городского головы городу ассигновали 300 тыс. руб. на постройку 10 хлебных магазинов, которые впоследствии стали крупными источниками дохода. Чтобы добиться выделения Севастополю 50 тыс. руб. на устройство городской больницы и средств на устройство городской пожарной части, адмирал Перелешин сам ездил в Санкт-Петербург⁴. Был построен пароход «Первенец», строились железные

¹ Ляшук П.М. Герои «Севастопольской страды». С. 32-33.

² АЛТАБАЕВА Е., КОВАЛЕНКО В. Потомству в пример // Севастополь от основания до начала XX века. Симферополь, 1999. С. 213.

³ Фонды МГООС, А-7120. С. 11.

⁴ ГАГС, микропленка 1186.

и стальные колесные пароходы, со стапелей сошел трехмачтовый винтовой пароход «Кача», буксирный пароход «Косарь». В Севастопольском адмиралтействе строился первый после долгого перерыва военный корабль – пароход «Гальванер»⁵.

В 1872 г. начались работы по строительству железной дороги до Севастополя. С 1873 г. из Англии в Севастопольский порт регулярно прибывали суда с рельсами⁶. Строительство велось интенсивно и в 1875 г. железная дорога была пущена в эксплуатацию. Севастополь был объявлен отпускным (экспортным) коммерческим портом. На территории порта были построены амбары, пакгаузы для зерна, подведена железнодорожная ветка к причалам Южной бухты. Часть бухты была передана под коммерческий порт, что способствовало быстрому экономическому развитию города. Кроме того, в порту были открыты новые мастерские – артиллерийская и оптическая⁷.

В начале 80-х гг. XIX в. Севастополь стал центральным портом на Черном море, крупным торговым и благоустроенным городом. По выражению подполковника генерального штаба Одесского округа Валуева, Севастополь был самым богатым и обеспеченным среди черноморских городов России⁸.

В протоколе заседания севастопольской городской думы от 1 апреля 1875 г. отмечалось, что Дума, сознавая важность решения вопроса об использовании Южной бухты для торгового судоходства, постановила: «Предложить П.А. Перелешину и М.И. Кази звания почетных граждан Севастополя»⁹. Таким образом, первыми почетными гражданами в дореволюционном Севастополе стали контр-адмирал Павел Александрович Перелешин и городской голова Михаил Ильич Кази, а не Лев Николаевич Толстой, как ошибочно утверждает П.Я. Веселов¹⁰.

Однако императорским указом в почетном звании был утвержден только П.А. Перелешин. Дума еще дважды возбуждала ходатайства о присвоении звания и М.И. Кази, но они были отклонены. Лишь в 1895 г. последовал императорский указ о присвоении Кази звания почетного гражданина Севастополя, хотя к тому времени Михаил Ильич

⁵ ГАГС, ф. 22, оп. 1, д. 19. л. 4-8; д. 27, л. 4-8; д. 54, л. 4, 5.

⁶ ГАГС, микропленка 1186.

⁷ ГАГС, ф. 22, оп. 1, д. 62, л. 12.

⁸ ГАГС, микропленка 1118.

⁹ Фонды МГООС, А-7120. С. 11, 11об.

¹⁰ ВЕСЕЛОВ П.Я. Звезды Севастополя / ВЕСЕЛОВ П.Я. Документальные повести и очерки. Летопись Севастополя. Севастополь, 1999. Т. 6. С. 9-17.

уже 20 лет жил и работал в Санкт-Петербурге¹¹. В начале XX в. именем Кази в Севастополе была названа улица (ныне часть улицы им. генерала Петрова). Зал заседаний городской думы украшали портреты П.А. Перелешина и М.И. Кази¹².

Следующим кто удостоился звания почетного гражданина Севастополя был Лев Николаевич Толстой. В сражавшийся Севастополь двадцатилетний подпоручик-артиллерист Лев Толстой добровольно прибыл 7 ноября 1854 г., принимал участие в героической обороне города, командовал трехорудийной горной батареей на Язоновском редуте Четвертого бастиона, одном из самых опасных и важных участков обороны Севастополя. За храбрость и стойкость он был удостоен ордена св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Беспрецедентные подвиги севастопольцев, их мужество и самопожертвование вдохновили молодого писателя на создание знаменитых «Севастопольских рассказов».

В 1908 г. прогрессивная общественность России готовилась отметить восьмидесятилетие великого русского писателя. Севастополь не был исключением. 27 августа 1908 г., состоялось экстренное заседание Севастопольской городской думы. Причиной стало предложение общественности города и городской управы избрать Л.Н. Толстого почетным гражданином города. Гласные городской думы единодушно поддержали это решение, однако в Петербурге указ о присвоении Толстому звания был отклонен.

По архивным документам удалось установить имена еще двух почетных граждан дореволюционного Севастополя.

Богданович Евгений Васильевич (1829(32)–1914 гг.). Он служил сначала гардемарином на Черноморском флоте, затем мичманом на Балтийском. Накануне Крымской войны оставил военную карьеру. Во время Севастопольской кампании отличился быстрой постройкой моста для перевозки военных грузов через р. Днестр и умелой организацией помощи раненым. Инициатор и автор проекта строительства Транссибирской магистрали. Староста Исаакиевского собора и почетный член правления Исаакиевского братства в Санкт-Петербурге. Почетный гражданин семи городов России, генерал от инфантерии. С 1879 г. являлся издателем журналов «Кафедра Исаакиевского собора» и «Кафедра Андреевского собора», многочисленных сочинений военно-патриотического характера. К 100-летию со дня рождения П.С. Нахимова Богданович привез в Севастополь тысячу брошюр, посвященных биографии прославленного флота-

¹¹ ПОМАРНАЦКИЙ В. Остаюсь капитан-лейтенантом // Морской сборник. 1998. № 6. С. 80.

¹² Крымский вестник. 1898. 13 мая.

водца. 16 сентября 1903 г. на заседании городской думы был рассмотрен вопрос о присвоении генерал-лейтенанту Богдановичу Е.В. звания почетного гражданина Севастополя¹³. Скончался Евгений Васильевич 1 сентября 1914 г. в Ялте.

Еще одним почетным гражданином города был Рихтер Оттон Борисович (1830–1908). Он происходил из дворян Лифляндской губернии, сын генерал-адъютанта. Образование получил в Пажеском корпусе. Во время Крымской войны принимал участие в осаде турецкой крепости Силистрия. В 1856 г. его назначили адъютантом к главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютанту А.И. Барятинскому. В 1859 г. Рихтер был произведен во флигель-адъютанты и состоял при цесаревиче Николае Александровиче. В 1866 г. он получил назначение на должность управляющего делами Императорской Главной Квартiry, а позднее стал начальником штаба войск гвардии и Петербургского военного округа.

В 1869–1871 гг. О.Б. Рихтер был назначен военным агентом при Императорской Российской миссии во Флоренции. С 1871 по 1879 гг., в звании генерал-адъютанта, командовал 13-й пехотной дивизией. Следующим шагом его военной карьеры стало командование 7 армейским корпусом (с 1 мая 1879 г.). В 1881 г. он вновь занял пост управляющего делами Императорской Главной Квартiry.

О.Б. Рихтер принимал участие в работе комиссий по обустройству высшего военного управления, по обсуждению военно-судного судопроизводства и судопроизводства, в выработке Положения о полевом управлении войсками в военное время. С 1884 по 1895 гг. он возглавлял Канцелярию прошений, на Высочайшее Имя приносимых, а в 1886 г. был произведен в генералы от инфантерии. С 1889 г. являлся членом Государственного Совета. За службу Отечеству удостоился многочисленных наград, был почетным гражданином ряда российских городов¹⁴. 28 января 1897 г. на заседании городской думы был рассмотрен вопрос о присвоении Рихтеру Оттону Борисовичу звания почетного гражданина г. Севастополя¹⁵.

Очевиден тот факт, что к 1907 г. почетных граждан в Севастополе было пять. В одном из номеров газеты «Крымский вестник» приводится описание городской думы, в котором сообщается о пяти портретах почетных граждан, которые украшали зал заседаний.

¹³ ГАГС, микропленка 544.

¹⁴ НИКОЛАЕВ. История Пехотного Белостокского полка. СПб, 1907. С. 288, 289, 299.

¹⁵ ГАГС, микропленка 413.

В заключение позволим привести одно предположение. Возможно, что почетным гражданином г. Севастополя был председатель Главного комитета по крестьянскому вопросу, с 1863 г. наместник царства Польского, с 1865 г. председатель Государственного совета, морской министр и «один из культурнейших людей своего времени ... самый умный и образованный из лиц Императорской фамилии» Великий князь Константин Николаевич¹⁶.

Константин Николаевич активно содействовал развитию и возрождению Севастополя после Крымской войны, считая, что он обладал лучшим портом Европы. 23 августа 1861 г. Константин Николаевич участвовал в закладке первого камня в основании Владимирского собора в Херсонесе. На одном из мраморных киотов в надписи о закладке храма было указано его имя¹⁷.

Великий князь оказывал покровительство и выделял денежную помощь на строительство в Севастополе реального училища для дворян, купцов, чиновников и мещан. В августе 1875 г. училище было открыто, впоследствии оно называлось «Константиновским»¹⁸.

Константин Николаевич по праву мог быть почетным гражданином г. Севастополя, но пока это не находит подтверждения в архивных документах.

¹⁶ Отечественные архивы. 1998. С. 102.

¹⁷ ГАГС, ф. 21, оп. 1, д. 67, л. 14 «А», 19; ф. 19, оп. 1, д. 15, л. 2.

¹⁸ ГАГС, микропленка 1186.

Е.А. Бойко
СЕВАСТОПОЛЬ

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО МОРСКОГО ГОСПИТАЛЯ (1898-1930 ГГ.)

Севастополь родился более двух веков назад. За свои 220 лет город был дважды разрушен до основания и был дважды воскрешен, то есть всего Севастополь пережил три рождения. Судьбу города разделит и военно-морской госпиталь: 16 июня 1783 г. состоялся «смотр» лазарету, размещенному в районе нынешней Сухарной балки. В 1791–1792 гг. строится новое здание госпиталя на 100 коек на восточной стороне Южной бухты – это было первое рождение госпиталя. В 1898 г. совершенно новый госпиталь вступил в строй на Павловском мыске – это второе рождение. В годы Великой Отечественной войны здания госпиталя были разрушены, но полностью восстановлены к 1954 г. на том же месте – это было его третье рождение. Сейчас реконструкция и сооружение новых лечебных корпусов продолжается систематически, идет оснащение современным оборудованием, повышается профессиональный уровень сотрудников.

Период истории Севастопольского морского госпиталя с 1898 по 1930 гг. поражает своей многогранностью и противоречивостью событий. Всего за 30 лет наша страна, наш город и госпиталь вместе с ним пережил три революции и две войны – это слишком большое испытание, и прежде всего для людей.

Несмотря на все сложности, которые возникали в это время, общественная работа активизировалась, и научная медицинская мысль продолжала жить. Врачи госпиталя участвовали в конференциях, выступали на заседаниях различных обществ, писали статьи и монографии. Общественная активность врачей проявилась, прежде всего, в их самоорганизации уже в 1890 г. было создано «Общество морских вра-

чей в г. Севастополе», которое в послереволюционный период, несколько изменив характер своей деятельности стало профессиональной организацией «Союзом морских врачей». Так как госпиталь за это время никуда не эвакуировался, то естественно его сотрудники не могли оставаться равнодушными к происходящим событиям, хотя бы потому что они давали клятву Гиппократу и обязаны были оказать помощь всем нуждающимся. В 1905 г. госпиталь принял раненых с «Очакова и других кораблей, в 1916 г. – свыше 400 пострадавших с линкора «Императрица Мария», в 1927 г. были приняты все пострадавшие в результате сильного землетрясения.

В начале 80-х гг. XIX в. началось восстановление Севастополя как главной базы Черноморского флота. В 1887 г. началось формирование военно-морского госпиталя. В 1898 г. утвержден «штат Севастопольского морского госпиталя на 350 кроватей».

Годы строительства Севастопольского морского госпиталя совпали с грозными годами первой русской революции. В связи с восстанием на броненосце «Потемкин» главный доктор Кибер писал в частном письме: «Многочисленные аресты создали много работы и по медицинской части. В госпитале помещение для арестованных переполнено...».

В период с 1909 по 1912 гг. госпиталь стал центром проведения известных на весь военно-морской флот России санитарных маневров по испытанию путевого знака, который был разработан на основе учения Н.И. Пирогова о медицинской сортировки. Он стал прообразом известной период Великой Отечественной войны «Медицинской карточки передового района».

Первая мировая война внесла значительные изменения в медицинскую жизнь города. Здравоохранение Севастополя снова становится здравоохранением военного времени. Большой проверкой оперативной готовности госпиталя явилось поступление раненых при взрыве линкора «Императрица Мария»

Годы революций в Крыму характеризовались многократной сменой власти, которая приводила к смене руководства в Севастопольском морском госпитале, вместо выборного главного доктора появлялся назначенный, затем снова выборный, за 1917–1921 гг. сменилось несколько главных докторов.

В ходе Гражданской войны определилось лицо врачебного состава. В 1923 г. прошла всеобщая перерегистрация врачей – это способствовало закреплению кадров за госпиталем, и параллельно шла проверка врачей, служивших в белой армии и флоте.

В предвоенные годы Севастопольский морской госпиталь был благоустроенным, хорошо оснащенным лечебным учреждением. Госпиталь располагал коечным фондом в 700 коек по своему оборудованию, оснащению и квалификации специалистов он не уступал первоклассным клиникам.

В.В. КРЕСТЬЯННИКОВ
СЕВАСТОПОЛЬ

«ВАРФОЛОМЕЕВСКИЕ» НОЧИ В СЕВАСТОПОЛЕ В ФЕВРАЛЕ 1918 Г.

После событий декабря 1917 г. в Севастополе к власти пришли большевики. В коалиции с левыми партиями – левыми эсерами и анархистами – они сумели в течение нескольких дней прекратить в городе правовую вакханалию.

Во второй половине января – первой половине февраля в связи с демобилизацией, численность Черноморского флота и его береговых частей сократилась в три раза, к тому же многие матросы находились в Красногвардейских отрядах, что изменило расстановку политических сил на флоте и в городе. Тем самым сократилась политическая база большевиков и левых эсеров. В связи с подготовкой Брестского мирного договора наметился разлад между большевиками и левыми эсерами, которые отстаивали необходимость «революционной войны». Анархистские отряды также стали представлять угрозу для новой власти.

В этой ситуации, 16 февраля (по новому стилю), фракции эсеров (правых) и меньшевиков заявили о своем возвращении в состав Севастопольского Совета (до этого фракции на заседании не являлись)¹. На улицах города шли митинги, где выступали ораторы эсеров и меньшевиков; говорили о предательстве большевистских вождей, о полном провале их политики, предсказывая гибель революции под германским сапогом, если массы не сбросят господство большевиков.

Около 23 часов 20 февраля вооруженная группа меньшевиков и эсеров ворвалась в типографию газеты «Таврическая правда» и отпечатала заключенную в траурную рамку прокламацию «Бюллетень мира», направленную против заключения Брестского мира². На следующий день в Севастополе было получено по радио воззвание СНК «Со-

¹ Сирченко И.Т. Выполняя приказ В.И. Ленина. М., 1969. С. 73.

² Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. М., 1932. С. 138, 139.

циалистическое Отечество в опасности» и приказ главковерха Н.В. Крыленко о всеобщей мобилизации для отпора начавшемуся наступлению германских войск. Эти документы были поставлены на обсуждение Совета. Выступления лидеров правых эсеров и меньшевиков вызвали негативную реакцию большинства депутатов.

В городе сложилась взрывоопасная ситуация. К этому следует добавить еще целый ряд факторов, повлиявших на последующие события. Это военные действия на Дону, откуда поступали сведения о погибших красногвардейцах, и похороны их в Севастополе³; ослабление большевистской организации в связи с уходом некоторых ее членов на борьбу с контрреволюцией и отсутствием в городе наиболее авторитетных ее руководителей Н.И. Островской и Ю.П. Гавена. К тому же нельзя забывать, что Совет был коалиционным и большевики в нем большинства не составляли. Многие члены Совета компрометировали новую власть постоянным пьянством при существующем сухом законе. Так, 20 февраля охрана Графского тоннеля задержала автомобиль, в котором ехали члены Совета М. Баклан, Лаврентьев и Евсиков – «при осмотре автомобиля было обнаружено 55 бутылок вина, которые и были

Прибывший в Севастополь в феврале представитель ВЦИК Г.Ф. Коломин констатировал: «Мы знаем, что отчасти армия разлагалась, отчасти к этому примазывались бандиты, но истинно советские работники борются с этим злом». Во время инспектирования Г.Ф. Коломин увидел во дворе Совета массу пустых бутылок и услышал от поваров, что члены Совета напивались до безумия.

Около 21 часа 21 февраля на линкоре «Борец за Свободу» состоялось собрание судовых комитетов, которое решило заставить буржуазию «опустить голову». Намечен был ряд действий «вплоть до поголовного истребления буржуазии». Была избрана комиссия из 25 человек, во главе с председателем ЦК ЧФ С.И. Романовским, Басовым и С.Г. Шмаковым – все анархисты.

Узнав о готовящейся акции, руководители Совета, большевики Н.А. Пожаров и П.З. Марченко отправились на Каменную пристань, пытаясь отговорить прибывающих туда матросов от погромов. Ответ был короткий: «Не хотите – не надо. Мы сами это сделаем, а вас знать больше не хотим». Под воздействием агитации матросы были уверены, что идут защищать власть Советов⁵.

³ Революция в Крыму. Симферополь, 1927. №1 (7). С. 268.

⁴ ГАГС, ф. Р-266, оп. 1, д. 30, л. 428.

⁵ РГА ВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 40, л. 88.

Около двух часов ночи вооруженная толпа матросов вошла в город и начались массовые обыски, грабежи и убийства. По некоторым источникам, в течение нескольких ночей было убито около 250 человек, хотя на самом деле эта цифра несколько преувеличена⁶. Один из руководителей комиссии С.Г. Шмаков в ночь с 23 на 24 февраля провел аналогичную акцию в Симферополе, в результате которой было убито до 170 человек⁷.

Матрос Беляев так рассказывал о событиях этой трагической ночи: «Матросов было много, 3000 человек. Все они заняли улицы города, сам город был оцеплен так, чтобы никто не убежал. Я не знаю, как они, а я арестовывал и приводил в Совет, но Совет от арестованных отказывался, говорил, что это не нужно, т. Пожаров уговаривал, чтобы этого не было. Их увели обратно и привели человек 60 или 40, а может 50 в Морское собрание. Когда все люди были собраны в одной комнате, я посмотрел на них; там были и офицеры, и священник, а так, просто разные, кто попало. Там были старые совсем больные старики.

Половина матросов требовала уничтожить их. Была избрана комиссия, куда попал и я. Я старался, чтобы люди шли через эту комнату. Людей было много, были и доктора, была уже полная зала. Было много людей. Матросы не знали ничего. Никто не знал ни арестованных, ни того, за что их арестовали. Больше стоять было негде. Пришла шайка матросов и требовала отдачи. Я уговаривал, что это офицеры на выборных началах, доктора и старики. Ничего не слушали. Согласились вывести из залы. А около 12 ночи звонит телефон из городской больницы, меня спрашивают, что делать с 40 трупами, что возле больницы. И тогда я узнал, что всех поубивали. Я слышал, что в Стрелецкой бухте на пригнанных много убитых»⁸.

Утром за Малаховым курганом были обнаружены 6 трупов мужчин, сброшенных в овраг. У всех лица были «разбиты до неузнаваемости». Личности убитых установить не удалось. Вдова капитана I ранга А.Г. фон Ризенкампа, заведующего Пристрелочной станцией и складом мин Уайтхеда, писала в ходатайстве о предоставлении пенсии: «Ночью 22/9 февраля с.г. ко мне в квартиру явилось несколько вооруженных в форме матросов и приказали моему мужу Анатолию Григорьевичу Ризенкампу, вместе с моим зятем Григорием Афанасьевичем Марковым (мичман с Подводной бригады) и племянником Анатолием

⁶ Революция в Крыму. №1 (7). С. 269.

⁷ Платонов А.П. Февраль и октябрь в Черноморском флоте. Севастополь, 1932. С. 92.

⁸ Протоколы заседаний 2-го Общечерноморского съезда. МГООС, А-1157/10, л. 6-8.

⁹ ГАГС, ф. Р-266, оп. 1, д. 27, л. 140-141.

Александровичем Ризенкампом (армейский прапорщик) идти с ними в Совет Военных и Рабочих депутатов.

На следующий день я узнала, что мой муж, зять и племянник в Совет не приводились, а были расстреляны у ворот Исторического бульвара, причем муж и зять были убиты на смерть, а племянник тяжело ранен и на его выздоровление надежд очень мало (умер 7/20.03.1918)¹⁰. После этой ужасной ночи, я осталась вдовой с тремя детьми из них две дочери еще в гимназии, а третья осталась вдовой пробыв замужем за Георгием Ефимовичем Марковым только пять дней»¹¹.

23 февраля в городскую больницу были доставлены тела убитых отставного контр-адмирала Н.А. Сакс, его жены Л.Н. Сакс, дочери Ольги (21 год) и сына Николая (15 лет)¹².

«В ночь 22 февраля в 2 часа ночи во двор вошла группа матросов в 20-25 человек и велела мужу моему – отставному подполковнику Сергею Ивановичу Жирар идти с ними в Революционный комитет якобы для выяснения личности и затем повели его к Историческому бульвару, а 2 матроса остались с ружьями у калитки и когда их спросил квартирант можно ли жене дать успокоение, что это правда, они сказали – пускай не ждет, их повели на расстрел – и тогда всей группе это же квартирант говорил: зачем такого человека берете, мы его знаем, он нигде не замешан, отвечали: все равно все офицеры из одного теста...» – так писала в те дни вдова М. Жирар¹³. Вот еще свидетельство тех дней, прошение вдовы генерала Г.Н. Милошевича. «Мой муж, казак Кубанского войска Григорий Никитич Милошевич, 63-х лет, участник русско-турецкой и русско-японской войны, прослужил 35 лет, с 1908 года вышел в отставку, доживал свой век тихо на небольшую пенсию, заработанную за защиту своей Родины. Желая участвовать в войне с немцами, просился, но по слабости сердца, не принят. В 2 часа ночи с 22 на 23 был взят вооруженными людьми вместе с сыном хозяйки нашего дома отставным гусаром Жирар, причем заявили, что в Севастополе объявлена всеобщая мобилизация и всех мужчин забирают ... Каков же был мой ужас, когда на другой день, утром я узнала, что он убит возле ворот Исторического бульвара, вблизи от моей квартиры, без всякого суда и следствия и тело его выброшено в море...»¹⁴.

Помощник комиссара Севастопольской уголовной милиции Петр Козынец сообщал: «24 февраля 1918 г. я был дома. В гостях у меня си-

¹⁰ ГАГС, ф. 30, оп. 1, д. 30, л. 57об.-58.

¹¹ ГАГС, ф. Р-266, оп. 1, д. 13, л. 225-226.

¹² ГАГС, ф. 30, оп. 1, д. 147, л. 54об.-55.

¹³ ГАГС, ф. Р-266, оп. 1, д. 30, л. 327об.

¹⁴ ГАГС, ф. Р-266, оп. 1, д. 3, л. 998-999об.

дел мой сосед по комнате, раненый офицер 12-го отдельного тяжелого дивизиона Николай Алексеевич Шапкин. Неожиданно в комнату вошли 4 матроса с линейного корабля «Свободная Россия» и «Воля» и потребовали у капитана Шапкина оружие. Но такового не оказалось и, после безрезультатного обыска, матросы забрали часть документов, арестовали К. Шапкина и увезли его якобы в Морское собрание ... О судьбе К. Шапкина мне и хозяйке дома до сих пор ничего не известно; ходят слухи, что он был расстрелян в ту же ночь...»¹⁵. Козынец помочь соседу не смог, несмотря на то, что он был официальным лицом. Матросы ничего и никого не признавали.

В этот же день они отобрали оружие у помощников комиссара уголовной милиции Пильке и Засаганского, агентов Ленера и Кожина¹⁶.

В два часа ночи в городскую тюрьму пришли матросы и увели на расстрел группу арестованных, среди них – муфтия Челебиева, контр-адмирала Львова, капитана I ранга в отставке Карказа, бывшего городского Синицу и др. В четыре часа утра новая группа матросов увела на расстрел офицеров Шперлинга, Яновского, Прокофьева, Захтина, Антонова, Целицо, Гаврилова, Кальбуса, купцов Шульмана и Шварцмана, инженера Шостака, матроса Блюмберга и др. Последним двум удалось бежать. Арестованных зверски избили и расстреляли во дворе тюрьмы. События в тюрьме описал в воспоминаниях находившийся в заключении офицер В.Л.¹⁷ Эту ночь не смог пережить 61-летний смотритель тюрьмы И.Г. Дудников, умерший от паралича сердца¹⁸. После февральских событий подали прошение об отставке начальник тюрьмы Н.А. Сердюк, так как обстановка в тюрьме «особенно в последнее время так сильно отразилась на здоровье жены и моем»¹⁹, и надзиратель Г.М. Ленивец²⁰.

Убивали офицеров, даже не смотря на то, что они были избраны своими командами. Опасаясь за жизнь своих командиров, матросы и солдаты направляли письма в ВРК, Севастопольский Совет и ЦК ЧФ. Так Центральный комитет крепостной артиллерии потребовал «отдать распоряжение отрядам, производящим обыски и аресты, что бы они не лишали свободы и жизни тех товарищей артиллеристов, которые избра-

¹⁵ ГАГС, ф. Р-266, оп. 1, д. 27, л. 73.

¹⁶ ГАГС, ф. Р-266, оп. 1, д. 14, л. 209 и об.

¹⁷ Л-р В. Варфоломеевская ночь в Севастополе. Морской сборник. Бирерта, 1922. № 4.

¹⁸ ГАГС, ф. 30, оп. 1, д. 147, л. 55.

¹⁹ ГАГС, ф. Р-266, оп. 1, д. 30, л. 1025.

²⁰ ГАГС, ф. Р-266, оп. 1, д. 13, л. 176.

ны на демократических началах на командные должности, а только проверять документы»²¹.

Собрание учеников училища им. Менькова ходатайствовало о выдаче преподавателю отставному полковнику И.Д. Липовко-Половинец «удостоверения могущего оградить его от всяких насильственных мероприятий со стороны лиц, производящих незаконные обыски, грабежи и убийства». В этом Исполкомом Совета было отказано, так как «такое не может вполне оградить поименованное лицо от насилия темных личностей»²². Убийства в городе сопровождались грабежами. У убитого купца и общественного деятеля Гидалевича была «похищена драгоценная коллекция старинных монет, имевших огромную археологическую ценность»²³. 24 февраля в имении Шталя ограблена матросами лавка Громова, потребовавшими к 00 часам приготовить 1000 рублей. «А если не приготовили то расплочи своей жизнью»²⁴.

24 февраля на заседании Исполкома Севастопольского Совета были осуждены действия матросов, военная комиссия Совета издала приказ № 180, в котором говорилось: «...считать всех действующих низко и преступно ... явными контрреволюционерами, и всеми мерами подавлять подобные преступления, ведущие только к гибели революции»²⁵. Вопрос о событиях в Севастополе в этот же день рассматривался на заседании II Общечерноморского съезда. В резолюции съезда говорилось: «Заклеймить самым энергичным образом позорное выступление, бывшее в Севастополе ... Немедленно создать комиссию для установления степени виновности замешанных лиц и решить, как с ними быть и меры пресечения. Все судовые комитеты и товарищи матросы обязуются способствовать раскрытию этого гнусного дела, дабы показать пролетариату западных государств, что русские социалисты не палачи, подобно царским»²⁶.

Реакция матросов на происшедшие в городе события и резолюцию съезда была неоднозначна, правда, большинство осудило «контрреволюционные выступления». Команда линкора «Свободная Россия» в будущем обещала «выступить с оружием в руках только по зову своих высших демократических организаций», но заявила, что «виновных в этих событиях не должно быть. А если их будут предавать суду, мы выступим им в защиту». Команда эскадренного миноносца «Громкий»

²¹ ГАГС, ф. Р-266, оп. 1, д. 7, л. 108.

²² ГАГС, ф. Р-266, оп. 1, д. 12, л. 114, 119, 120.

²³ ГАГС, ф. Р-266, оп. 1, д. 12, л. 188.

²⁴ ГАГС, ф. Р-266, оп. 1, д. 30, л. 168-170.

²⁵ Жуков В.К. Черноморский флот... С. 144, 145.

²⁶ Протоколы заседаний... А-1157/10. С. 8.

считала, что нужно расследовать действия только председателя Центрофлота Романовского. А команда блокшива № 9 (база Минной бригады) считала действия моряков справедливыми, заявив: «Налагая на нас позорное пятно, вы так же ошибаетесь, как ошибались и мы, называя контр-революционерами товарищей балтийцев, которые в первые дни революции вели решительную борьбу, уничтожая подпорье царизма»²⁷. В результате, виновники к ответственности привлечены не были, только отстранили от должности председателя Центрофлота С.И. Романовского.

Севастопольский Совет, Ревком и ЦК ЧФ в течение нескольких дней сумели стабилизировать обстановку в городе. Под угрозой применения оружия отряд Шмакова из Симферополя был в конце февраля переведен в Севастополь, затем отправлен на Румынский флот²⁸.

Февральские расстрелы и безнаказанность виновников привела к тому, что на выборах в севастопольский Совет в начале апреля 1918 г. коалиция большевиков и левых эсеров потеряла доверие жителей города и к власти пришли правые эсеры и меньшевики.

Уже 24 февраля Следственная комиссия Севастопольского Совета просила участки милиции представить списки убитых и без вести пропавших²⁹. Вслед за этим II Общечерноморский съезд постановил создать комиссию для расследования событий. 22 марта в газете «Путь борьбы» был опубликован список жертв из 45 человек. Правда, список оказался не точен, в него попали лица, спасшиеся от гибели – инженер Шостак, матросы Блумберг и Димитраш, старший лейтенант Яковлев, лейтенант Шукин (правильно Цука), были искажены фамилии погибших (Пелица, правильно Целицо, Резенкат – правильно фон Ризенкампф)³⁰.

23 апреля 1918 г. Следственная комиссия нового состава Севастопольского Совета вновь предприняла попытку составить списки погибших³¹, однако события не позволили это сделать.

23 октября 1918 г., в оккупированном германскими войсками городе, русские офицеры составили «Список убитых большевиками офицеров Черноморского флота», в который было занесено 67 фамилий флотских и армейских офицеров, убитых в декабре 1917 – феврале 1918 г. (не только в Севастополе)³². Но и этот список оказался далеко не полным.

²⁷ Там же. А. 1157/11. С. 2-8.

²⁸ Моряки в борьбе за власть советов на Украине. Киев, 1963. С. 102, 596, 655; РЕМПЕЛЬ А.И. Красная гвардия в Крыму. Симферополь, 1931.

²⁹ ГАГС, ф. Р-266, оп. 1, д. 30, л. 130.

³⁰ ЗАРУБИН А. Севастопольская трагедия. К событиям 22-24 февраля 1918 года // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. 1995. № 11. С. 58.

³¹ ГАГС, ф. Р-266, оп. 1, д. 52, л. 2 и об.

³² РГА ВМФ, ф. Р-72, оп. 1, д. 78, л. 14-15об.

В 1995 г. крымский историк А. Зарубин опубликовал два списка погибших, извлеченных из газет «Путь борьбы» и «Крымский вестник», а в 1997 г. в журнале «Родина» появилась статья «Еремеевские ночи», в которой дан мартиролог расстрелянных в декабре 1917 г. и феврале 1918 г. морских офицеров³³. Этот список также не полон (61 фамилия), имеет много искажений и неточностей.

В распоряжении автора этой статьи, помимо указанных публикаций и документов, находятся документы из фондов городского архива г. Севастополя – Ф. Р-266 (документы Следственной комиссии Севастопольского Совета), Ф. 30 (Метрические книги Севастопольских церквей) и приказы Центрального комитета Черноморского флота, позволяющие составить более точный, но увы не полный, список жертв февральских событий в г. Севастополе.

22 ФЕВРАЛЯ 1918 г. УБИТ – Харченко Ф.И., купец (дата рождения неизвестна).

23 ФЕВРАЛЯ 1918 г. УБИТЫ: Антонов А.А., капитан I ранга (род. 11.06.1868); Баль Е.Л., мичман (род. 13.12.1892); Богданов С.Н., лейтенант (род. 29.09.1890); Быкадоров Я.И., полковник пограничной стражи (род. ?); Васильев П., инженер-технолог (род. ?); Васильковский С.Ф., вице-адмирал (род. 27.07.1860); Бахтин Б.В., капитан 2 ранга (род. 31.01.1882); Гестеско Е.Е., капитан I ранга (род. 31.12.1868); Гидалевич А.Я., купец I гильдии (род. ?); Дефабр И.И., генерал-майор корпуса гидрографов (род. 04.07.1868); Долин Г.П., городской архитектор (род. ?); Доценко И.Н., подпоручик по адмиралтейству (род. 23.06.1870); Жирар С.И., отставной подполковник (род. ?); Зиновьев А., подполковник (род. ?); Иванович Н.А., поручик, морской летчик (род. 1878); Ильяшенко В., штабс-капитан (род. ?); Иофе (Иоффе), купец (род. ?); Коган М.А., купец (род. ?); Казас М.М., прапорщик, художник (род. ?); Кальбус, прапорщик по адмиралтейству (род. ?); Карказ Ф.Ф., отставной капитан I ранга (род. 05.03.1868); Кессельман А.И., купец (род. ?); Кефели, купец (род. ?); Литвинов Д.Ф., лейтенант (род. 14.08.1886); Львов Н.Г., контр-адмирал (род. 22.05.1869); Марков Г.Е., мичман (род. ?); Милашевич Н.И., отставной генерал-майор (род. 1857); Мохоныко, булочник (род. ?); Неофит А.Х., купец (род. ?); Неофит И.Х., купец (род. ?); Новицкий Л.Ф., коллежский регистратор, лекарский помощник (род. 20.10.1862); Островерхов М.Е., купец (род. ?); Плотников Н.И., капитан по адмиралтейству (род. 09.12.1867); Побережный А., купец (род. ?); Прик И.Е., купец (род. ?); Прокофьев Г.К., лейтенант (род. 08.04.1892); фон Ризенкамф А.А., прапорщик (род. ?);

³³ Лобыцин В., Дядичев В. Еремеевские ночи // Родина. 1997. № 11.

фон Ризенкамф А.Е., капитан I ранга (род. 14.04.1868); Робаков (Рыбаков), купец (род. ?); Сакс Н.А., отставной контр-адмирал (род. 1861); Сакс Л.И., жена адмирала (род. 18.01); Сакс О.Н., дочь адмирала (род. 1898); Сакс Н.Н., сын адмирала (род. 1906); Савченко И.М., подполковник (род. ?); Сеница Л., бывший городской (палач) (род. ?); Сухо-репов А.М., бывший помощник полицмейстера (род. ?); Тихов И.П., лейтенант (род. 30.09.1891); Траутман И., полковник (род. ?); Харченко, купец (род. ?); Цвингман И.Г., капитан 2 ранга (род. 19.05.1865); Цели-цо Л., мичман (род. ?); Цинин, мичман (род. ?); Челебиев Г., муфтий (род. 1885); Шапкин И.А., капитан (род. ?); Шварцман И.А., купец (род. ?); Шепелев, мичман (род. ?); Шифранов (Чефранов) М., священ-ник (род. ?); Шперяинг Н.А., полковник по адмиралтейству (род. 09.09.1866); Эртель (Эргель) В.А., полковник (род. ?); Юдково-кий, мичман (род. ?); Юрьев, домовладелец (род. ?); Юрьевич И.И., мичман (род. ?); Яковлев 4-й А.А., капитан 2 ранга (род. 30.11.1879); Яновский Ф.Г., полковник по адмиралтейству (род. 12.08.1857).

24 ФЕВРАЛЯ 1918 г. УБИТЫ: Казас А.С., купец (род. ?); Ланге К.Х., от-ставной генерал-майор флота (род. ?); Попов 2-й К.Н., капитан I ранга (род. 06.03.1867).

25 ФЕВРАЛЯ 1918 г. УБИТЫ: Книжников, содержатель дома терпимости (род. ?); Пожаров П.С., купец (род. ?); Шульмам Л.М., купец (род. ?).

В различных публикациях упоминаются еще 14 фамилий – офицеры Вышемирский, Гаврилов, князь Маврокордато, Мищенко, Насакин, Ор-лов П.С., Габовский Р.А., гражданские лица – Бронштейн Г.А., Квятков-ский А.Ф., Кефели, Китросер, Мясников, Фастовский, Харченко. Однако документально их гибель не подтверждена.

Из 71 убитого в февральские дни 1918 г., представленных в этом списке – 31 офицер флота и чиновник, 9 армейских офицеров, один священник и 28 гражданских лиц, в том числе две женщины и ребенок.

Н.М. ТЕРЕЩУК
СЕВАСТОПОЛЬ

ПОЛОЖЕНИЕ ГРЕЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ В 1920-Е ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА Г. СЕВАСТОПОЛЯ)

Отсчет истории греческих общин периода революции и становления Советской власти, пожалуй, следует начать с 1918 г. В связи с эвакуацией частей русской армии из Лизистана началась широко-масштабная эмиграция греков из Трапезунда. В феврале 1918 г., желая как-то помочь беженцам, имущие греки севастопольской общины добились разрешения Севастопольского горисполкома начать сбор средств в их пользу¹.

Через несколько месяцев, 1 мая 1918 г., Севастополь был оккупирован германскими войсками. После ухода немцев специальная комиссия занялась подсчетом ущерба, нанесенного войсками. Судя по документам наиболее значимый ущерб был причинен П.Л. Кидонису. Порча помещений в принадлежавшей ему гостинице «Гранд-Отель» от расквартированных в ней немецких войск оценивалась в 137 800 руб., а уничтоженная и испорченная мебель – в 184 430 руб.² Комиссия признала претензию П.Л. Кидониса подлежащей удовлетворению, правда немного снизила суммы, а возмещение ущерба от простоя гостиницы во время ремонта в размере 500 руб. в день рассматривать отказалась³.

Перед приходом частей Красной армии в июне 1919 г. из Крыма начали в массовом порядке уезжать греки. Как сообщала газета «Юг», только на одном пароходе «Антигона» уехало 250 греков⁴.

После окончательного установления Советской власти в Севастополе (1921 г.) была проведена Всекрымская перепись населения. В это

¹ ГАГС, микропленка № 925.

² ГАГС, ф. Р-437, оп. 1, д. 1, л. 14об.

³ Там же.

⁴ Юг. 1919. 5 октября.

время население города составляло 74 070 человек. На третьем месте по численности после русских и евреев находились греки – 1740 человек (2,3%)⁵. В течение последующих лет эти цифры изменились из-за очередной эмиграции греков.

В июле 1921 г. в Севастополе было образовано морское агентство (ГОСЧАП), которое подчинялось государственному Черноморско-Азовскому пароходству. Это агентство занималось перевозкой греков-эмигрантов. «Иммиграция греков-беженцев из пределов Крыма и Кавказа постепенно принимает все более и более широкие размеры. По имеющимся у управления сведениям предстоит переселение всего до 15 000 человек, главная масса которых должна выехать из портов Кавказа и некоторое количество из Крыма. В связи с организацией ГОСЧАПом регулярных рейсов, дающих возможность совершать прямой беспересадочный переезд из любого порта в Пирей, управление чрезвычайно заинтересовано вопросом привлечения иммигрирующих греков на свои пароходы комбинированной скидкой»⁶.

Наиболее полные данные о населении города середины 1920-х гг. содержатся в фонде Севастопольского районного исполнительного комитета рабочих, крестьянских, красноармейских и военно-морских депутатов. Согласно переписи 1926 г. при общей численности населения 74 551 человек греков насчитывалось 1198 (1,6%). В Балаклаве общая численность населения составляла 2324 человека, из них греков – 480 (20,6%). В Севастопольском районе – соответственно 19 711 и 947 человек (4,8%)⁷. В селах Севастопольского района греки в основном проживали на территории Камарского и Караньского сельсоветов. В деревне Камары их насчитывалось более 400 человек, а в Карани чуть больше 300⁸. Очевидно, что вследствие эмиграции численность греческой диаспоры значительно сократилась по сравнению с 1921 г.

Причиной массовой эмиграции греков являлись, среди всего прочего, новые законы Советской власти. Одним из них был декрет об отделении церкви от государства. В соответствии с этим документом, в сельсоветы были направлены секретные циркуляры об учете посещаемости храмов, о проведении сравнительного анализа их посещаемости до 1920 г.⁹ Например, Камарский сельсовет дал сведения о том, что храмы до 1920 г. посещали по воскресеньям от 30 человек и более, по большим праздникам (Рождество, Пасха и др.) от 150 человек.

⁵ Крылов С. Красный Севастополь. Севастополь, 1921. С. 63.

⁶ ГАГС, ф. Р-513, оп. 1, д. 2, л. 1.

⁷ ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 417, л. 80-81.

⁸ ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 338, л. 1, 6.

⁹ ГАГС, ф. Р-431, оп. 1, д. 2, л. 3.

В 1926 г. церковь посещали в воскресенье от 5 до 20 человек, по большим праздникам от 50 до 130¹⁰. Местными органами власти было взято на учет все церковное имущество. Сельсоветам было дано негласное задание выяснить, не ведется ли в храмах религиозная пропаганда, направленная против Советской власти. Все священнослужители города и района были взяты на учет. В этот список был включен и бывший флотский священник М.Н. Василькиоти, которого власти считали вожаком реакционно настроенных греческих приходов. Согласно документам, в 1921 г. его квартира подверглась обыску, во время которого было изъято большое количество золота и серебра. Кроме того, ему в вину ставилось наличие родственников за границей. Через несколько лет он был лишен избирательных прав и выселен из города¹¹.

В начале 1920-х гг. верующие начали объединяться в общины и регистрироваться в местных органах власти. В документах Севастопольского райисполкома имеются сведения об организации и деятельности Караньского греческого православного общества при церкви свв. Константина и Елены и религиозной общины камарской Мариинской церкви. На примере Камарской общины можно определить процент верующих среди членов греческой диаспоры: членами религиозной общины было 85 человек, всего прихожан – 246 (80% от 342 греков)¹².

В документах Камарской общины сохранились личные анкеты ее членов. Анализируя их можно проследить изменение имущественного положения греков до революции и в первой половине 1920-х гг. Например, у К.П. Целио до революции, помимо дома с виноградником, была корова, четыре лошади и тридцать овец. После революции осталось две лошади и восемнадцать овец. Его брат Константин Целио до революции владел двумя коровами, двумя лошадьми, пятьюдесятью овцами. В 1920-е гг. у него осталось две коровы и пятнадцать овец¹³. Налицо значительное обеднение греческого населения. В этих же анкетах привлекает внимание следующая графа: «укажите детально, какие цели преследуете, вступая в общество». Верующие греки, отвечая на этот вопрос, писали: «быть честным и справедливым гражданином», «стремиться к нравственному совершенству», «защита своей религии», «достижение доброй жизни и христианского просвещения»¹⁴.

Борьба власти с религией проявлялась даже в таких мелочах, как запрещение созыва сходов односельчан звоном церковных колоколов. Опо-

¹⁰ ГАГС, ф. Р-431, оп. 1, д. 2, л. 4.

¹¹ ГАГС, ф. Р-79, оп. 2л, д. 23, л. 8.

¹² ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 232.

¹³ ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 100.

¹⁴ Там же.

вещать граждан о созыве сходов и собраний предлагалось осуществлять посредством оповещений или вывешиванием объявлений¹⁵. И это притом, что подавляющее число населения не умело читать.

Как сообщала газета «Маяк Коммуны», в 1925 г. по проценту неграмотности греческое население занимало среди национальных меньшинств первое место¹⁶. Это объяснялось отчасти абсолютным отсутствием учебных пособий на греческом языке. Следует отметить, что Советская власть принимала усилия для ликвидации неграмотности. В ноябре 1925 г. Севастопольский райполитпросвет открыл в деревне Карань первый греческий ликпункт и планировал открыть второй в Балаклаве¹⁷. Определенную работу по ликвидации неграмотности проводил Крымсовнацмен. Например, он организовал закупку литературы, выпускаемой греческим рабочим издательством в Чикаго¹⁸.

Большинство греков, проживавших в Севастополе, имело подданство Греции. В 1929 г. из 1216 иностранцев 883 (72,6%) человека были греческими подданными¹⁹. В основном это были молодые, работоспособные люди: от 20 до 30 лет – 224 человека (26,5%), от 40 до 50 лет – 185 человек (20,9%), от 50 до 60 лет – 119 человек (13,5%), от 60 до 70 лет – 46 человек (5,2%), свыше 70 лет – 6 человек (0,8%), детей и подростков – 67 человек (8%).

По профессиям греческие подданные распределялись следующим образом: домохозяйки – 321 человек, пекари – 113, приказчики – 32, рыбаки – 30, хлеборобы и сельхозработники – 29, торговцы – 27, сапожники – 24, мясники – 19, каменщики – 17, парикмахеры, табаководы, шлюпочные мастера, лудильщики, виноделы – по 7, кондитеры, шоферы – по 5, учителя – 4, фотографы, повара, белошвейки, шлюпочники – по 3, бухгалтера, строители, фармацевты – по 2. Были среди греков представители более редких профессий: кожевник, портной, вафельщик, юрист, живописец, зубной техник, мастер по дельфинному промыслу, мраморщик, бузовар. Подавляющее большинство греков приехало из Греции, но были выходцы и из Турции.

В нарушение существующего законодательства, начиная с 1926 г. иностранных подданных начали лишать избирательных прав. КрымЦИК прислал разъяснение, что иностранцы, попадающие под действие статьи 11 Конституции, должны пользоваться избирательными правами наравне со всеми гражданами РСФСР. Сложилась парадоксальная ситуация – ино-

¹⁵ ГАГС, ф. Р-431, оп. 1, д. 2.

¹⁶ Маяк Коммуны. 1925. 24 ноября.

¹⁷ ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 316.

¹⁸ ГАГС, ф. Р-79, оп. 2л, д. 14.

¹⁹ ГАГС, ф. Р-79, оп. 2л, д. 65а.

странцы голосуют в другом государстве. В апреле 1918 г. ВЦИК распространил разъяснение о том, что иностранные подданные не должны включаться в списки лиц, лишенных избирательных прав, так как они вообще не имеют права голосовать. Впоследствии особая комиссия пересмотрела дела о лишении избирательных прав и вынесла постановление – «из списка граждан, лишенных избирательных прав, исключить, не включая в списки избирателей»²⁰.

В 1927–1928 гг. число греков, лишенных избирательных прав, составило 312 человек. Большая часть из них подлежала выселению. Среди прочих под выселение попали Афанасий Дмитриевич Кутрас, торговец чаем и прохладительными напитками, Павел Григорьевич Михайли (иностраннный подданный). Иван Дмитриевич Василькиоти, выселенный за то, что в своей парикмахерской имел одного наемного рабочего, и многие другие²¹.

Гражданам, подлежащим выселению объявлялось, что в десятидневный срок они должны выехать за пределы г. Севастополя без права проживания в Севастопольском районе, а также районах Бахчисарая и Ялты. В случае невыполнения постановления они будут высланы в принудительном порядке административным отделом райисполкома.

Как сообщалось в докладе тройки избиркома, к началу 1931 г. в Севастополе были лишены избирательных прав 2319 человек, а восстановлены 681²². За пределы города планировалось выселить 852 человека, но фактическое количество выехавших никто не учитывал вследствие плохой организации работы стола гражданских прав и адресного стола. Для восстановления отчетности были мобилизованы 80 комсомольцев, которые должны были провести проверку по домам выбывших.

Далеко не все смирились с несправедливым решением советского руководства. Дмитрий Николаевич Василяди, греческий подданный, проживавший в д. Любимовка Бартеньевского сельсовета, шесть лет добивался правды, считая свое выселение незаконным. Он был лишен избирательных прав за то, что его отцом, через Дворянский земельный банк, был приобретен до революции пустующий скалистый участок земли. В течение 12 лет семья выплачивала банку ссуду. За прошедшие годы семьей этот участок был разработан, высажен виноградник. Наемный труд использовался только частично. Одним росчерком пера 19 лет работы всей семьи были уничтожены. Пытаясь отстоять свое хозяйство, Д.Н. Василяди доказывал, что в соответствии с постановлением ВЦИК лишение избирательных прав не распространяется на бывших земельных собственников, которые приоб-

²⁰ ГАГС, ф. Р-79, оп. 2л, д. 24.

²¹ ГАГС, ф. Р-79, оп. 2л, д. 24, л. 157; д. 31, л. 2об.

²² ГАГС, ф. Р-79, оп. 2л, д. 41.

ретали в свое время землю через земельные банки. Однако решающую роль в вынесении приговора сыграло то, что хоть и частично, но использовался наемный труд. Наконец, после долгих лет мытарства КрымЦИК приказал пересмотреть дело Д.Н. Василиади, но его имущество к тому времени найти было трудно. По-видимому, в документах оно значилось как колхозное. Дело заканчивается в 1935 г. выпиской из протокола заседания президиума товарищу Салиеву определить наличие изъятого имущества, подлежащего возврату²³.

Списки лиц, лишенных избирательных прав, печатались и развешивались по городу. Всех так называемых лишенцев увольняли с работы, выселяли из собственных домов, лишали имущества. Иногда лишение избирательных прав было напрямую связано с доносом. Примером служит заявление А.А. Косоговой, бывшей прислуги, на своего бывшего хозяина К.В. Пепера. Она писала, что, имея юридическое образование, он при оккупации Севастополя служил личным секретарем греческого консула. Затем эвакуировался, но при Врангеле вернулся. Выдал властям, по словам заявительницы, ее мужа, рабочего Севморзавода, которого вместе с ней посадили в тюрьму. Постановление комиссии было однозначным – лишить избирательных прав²⁴.

Чистка советского и кооперативного аппарата в 1930 г. выявила ряд недостатков и нарушений в работе. Мелкие чиновники, как правило, не вникая в суть дела, ставили на доносах и других бумагах резолюцию «считать проверенным». Но стоило заместителю председателя колхоза Марии Сиро выступить в защиту кулака, как это было признано колебанием в вопросах раскулачивания²⁵. Сведения о присвоении сала, отобранного у кулаков председателем колхоза Львом Целио, при проверке в расчет не приняли, но впоследствии сообщили следственным органам²⁶. Согласно другому доносу, председатель сельсовета Лазарь Даго продал обнаруженное в подвале осужденного Спиридонова вино не в винтрест, а своему приятелю, присвоив разницу в цене²⁷.

Итак, это лишь небольшой пласт информации из документов архива, отражающих положение греческого населения в Севастополе в первые десятилетия Советской власти. Лишение избирательных прав и чистки явились разновидностью политических репрессий, за которыми вскоре последовали и другие, более трагические и масштабные.

²³ ГАГС, ф. Р-79, оп. 2л, д. 30.

²⁴ ГАГС, ф. Р-79, оп. 2л, д. 1.

²⁵ ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 1088, л. 85.

²⁶ ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 1088, л. 67.

²⁷ ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 1088, л. 114.

В.В. ГУРУЛЕВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

КОМИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУРЕЦКОГО АНТИКВАРА ОСМАНА НУРИ-БЕЯ И ЕГО РОЛЬ В ПОПОЛНЕНИИ СОБРАНИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ ЭРМИТАЖА

В начале XX в. в Россию почти ежегодно приезжал из Константинополя образованный и предприимчивый торговец древностями Шериф Осман Нури-бей. Он собирал и приобретал античные и средневековые памятники прикладного искусства, нумизматики и сфрагистики на всей территории Османской Порты, а затем привозил их на продажу в музеи и частные коллекции Лондона, Парижа, Берлина, Санкт-Петербурга и Москвы.

Московским и Петербургским ученым, коллекционерам и музейным хранителям: В.В. Розанову, И.В. Цветаеву, И.И. Толстому, Н.П. Лихачеву, А.К. Маркову и другим неоднократно доводилось иметь дело с Нури-беем, приобретая у него для музейных и личных коллекций античные, восточные и византийские монеты, печати, весовые знаки. Имя турецкого антиквара упоминается в трудах, письмах и дневниковых записях указанных лиц, однако каких-либо подробных сведений о Нури-бее пока найти не удалось.

В архиве Государственного Эрмитажа хранятся дела, связанные с покупками у Нури-бея памятников древности для различных подразделений музея. Документы датируются 1900–1914 гг. и в основном состоят из платежей и счетов Эрмитажа и писем Нури-бея с представлением предлагаемых музею памятников, иногда с подробным списком, чаще – просто с указанием общего количества предметов.

В начальный период своей комиссионерской деятельности в Петербурге Нури-бей привозил античные и восточные памятники (камен, резные камни, перстни, цилиндры), в числе которых неизменно были и монеты. Свидетельством высокого профессионализма Нури-бея могут

служить строки рапорта от 26 марта 1910 г. хранителя отделения древностей Е.М. Придика на имя директора Императорского Эрмитажа: «Имею честь довести до сведения Вашего Сиятельства, что продавец Шериф Осман Нури представил в Эрмитаж первоклассные древности, приобретение которых весьма желательно».

Византийские монеты, приобретенные у Нури-бея, впервые упоминаются в дневнике И.И. Толстого в записи от 14 мая 1908 г.: «После завтрака я занялся с турецким торговцем монетами Нури-беем и отобрал у него некоторое количество византийских монет». Для И.И. Толстого это было время интенсивных занятий нумизматикой – русской и византийской – время, когда он начал осознавать необходимость публикации своей коллекции, лучшей из европейских частных собраний византийских монет.

В Императорский Эрмитаж Нури-бей начал привозить византийские монеты и весовые знаки с 1911 г. Сохранившиеся в архивах и в Дневнике И.И. Толстого даты визитов Нури-бея свидетельствуют, что в первую очередь он предлагал монеты Эрмитажу. 28 апреля 1911 г. И.И. Толстой записал в Дневнике: «После завтрака поехал в Эрмитаж, где рассматривал и отметил для своей будущей работы византийские монеты от Аркадия до Анастасия. Встретился там с П.В. Зубовым, сегодня приехавшим из Москвы, и с Нури-беем, привезшим монеты из Константинополя». И.И. Толстой принимал Нури-бея у себя дома 4 и 6 мая и купил у него византийские монеты.

С 1911 по 1914 гг. Эрмитаж, судя по архивным документам и по книге поступления монет в Минцкабинет, приобрел у Нури-бея 77 византийских монет и 76 весовых знаков, из них 72 экз. стеклянных экзагиев. Интерес хранителей Эрмитажа к этим памятникам нумизматической метрологии, предназначенным для проверки полновесности золотых монет, в то время был не случаен. Только к концу XIX в. они были точно атрибутированы и привлекали пристальное внимание ученых и коллекционеров. В 1910 г. на Международном конгрессе в Брюсселе хранитель Минцкабинета Эрмитажа А.К. Марков сделал о них доклад, в том же году опубликованный. И уже на следующий год Нури-бей привез в Петербург несколько десятков стеклянных экзагиев (48 весовых знаков было приобретено для Эрмитажа в апреле-мае 1911 г. и 7 – в декабре того же года).

В настоящее время в собрании Отдела нумизматики удалось выделить 53 экз. стеклянных и 1 экз. серебряного экзагиев, приобретенных у Нури-бея. Этому во многом способствовало обращение к хранящейся в архиве РАН в Санкт-Петербурге неизданной монографии Н.П. Лихачева «Византийские экзагии». В 20-е гг. XX в. Н.П. Лихачев изучил

и зафиксировал все известные на то время памятники нумизматической метрологии, опираясь в первую очередь на коллекцию Эрмитажа. Подробно описывая стеклянные экзагии, Н.П. Лихачев всегда указывал их вес и цвет, давал ссылку на тот номер, под которым памятник был издан в статье А.К. Маркова 1910 г., а также отмечал новые поступления, т.е. те памятники, которые попали в Эрмитаж после публикации А.К. Маркова. В книгах поступлений Отдела нумизматики после 1910 и вплоть до 1931 года значатся только экзагии, приобретенные у Нури-бея в 1911–1914 гг. Следовательно, отмеченные у Н.П. Лихачева «новые поступления» могут относиться только к экзагиям, привезенным в Петербург турецким антикваром. Немаловажное значение имеют указания в труде Н.П. Лихачева на места находки или покупки экзагиев из «новых поступлений»: Константинополь, Мизия, Киликия, Египет, Смирна, Алеппо и другие города и провинции Малой Азии. Видимо, эти сведения были зафиксированы хранителем Минцкабинета А.К. Марковым при приеме памятников от Нури-бея. Некоторые этикетки с пометками Маркова о происхождении экзагиев сохранились в коллекции весовых знаков Эрмитажа.

Серебряный экзагий, приобретенный у Нури-бея, совершенно подобен тому, который поступил ранее в Эрмитаж в составе коллекции Фотиадиса-паши (№ 675). Памятник относится ко времени совместного правления императоров Андроника II и Михаила IX (1295–1320). На его лицевой стороне круговая надпись: $\text{ΑΝΤΡΟΝΙΚΟΣ ΔΕΣΠΟΤΗΣ}$, изображены стоящие в полный рост императоры, которые поддерживают древко креста. На оборотной стороне надпись в пять строк: $+\text{ΧΑΡ/ΑΓΜΑΣΕ/ΠΤΟΙΚΑΤ/ΑΒΟΛΙΚΥ/ΒΔΙΛΟΝ}$ ($\text{Χάρισμα αεττόν κατὰβόλῃ κιβδήλου}$). Г. Шлюмберже переводил ее как «Монета, изготовленная на священном Монетном дворе, дискредитирует подделку» Этот перевод сохраняется и в современной научной литературе, где памятник считается экзагием для проверки полновесности серебряных базиликонов этих правителей. Но Н.П. Лихачев справедливо замечал, что известные ему 4 экземпляра подобных памятников (в их числе и два эрмитажных) имеют разброс в весе от 2,1 до 2,55 г, что выше веса серебряных монет Андроника II и Михаила IX (вес базиликонов колеблется в пределах 1,5–2,2 г). Это обстоятельство – поскольку вес экзагиев должен быть немного меньше веса проверяемых с его помощью монет — в совокупности стем, что весовые знаки обычно изготавливались из недрагоценных материалов, заставило Н.П. Лихачева усомниться в том, что данные памятники являются экзагиями, и предположить, что они скорее образцовые, или рекламные, монеты. Перевод надписи он передавал в его

общем смысле, как «настоящая «императорская монета» по своему качеству «искоренение подделок» («сама за себя говорит»)).

Сложнее выделить ныне в собрании Отдела нумизматики византийские монеты, приобретенные у Нури-бея. Списки, имеющиеся в книге поступлений Минцкабинета и в архиве Эрмитажа, очень кратки: в них указывается только правитель и металл, из которого чеканены монеты, а также отмечена их стоимость в рублях и франках. Но даже таких общих данных бывает достаточно, когда речь идет о редких монетах. А имеющиеся в ряде случаев в списках указания, что данная монета не опубликована у П. Сабатье, или, напротив, подобна той, что издана в каталоге коллекции Фотиадиса-паши, помогают идентификации монет. Некоторые монеты в собрании Эрмитажа сохранили старые этикетки, в том числе имеется три этикетки для монет, купленных у Нури-бея.

Приведу наиболее интересные и редкие серебряные и медные монеты, поступившие от Нури-бея (золотые монеты, приобретенные у него, не относятся к числу редких выпусков, выделить их в собрании Эрмитажа пока не представляется возможным).

Вероятно, к этому поступлению относится монета Анастасия I (491–518), чеканенная по типу солида, со следами золочения, имеющая два отверстия по вертикальной оси. Она значится в документах Отдела нумизматики как «подделка того времени», однако, скорее всего это подражание, выполненное для ювелирного украшения.

Силикву Юстиниана I (527–565) помогли выявить в коллекции Эрмитажа два указания в архивных документах: ее стоимость в 37 рублей 50 копеек (при сравнении с ценами на подобные типы, указанными в издании И.И. Толстого «Византийские монеты») и ссылка «нет у Сабатье».

По этим же признакам была опознана в собрании Отдела нумизматики гексаграмма Юстиниана II (685–695), чеканенная по типу солида, с изображением на лицевой стороне Христа, впервые появившемся именно на монетах этого императора.

Редкая монета в 1/3 милиарисия Константина X (1059–1067) ранее, в том числе и в описи Нури-бея, приписывалась Константину IX (1042–1055). Монета имеет на лицевой стороне поясное изображение Богоматери Оранты, а на оборотной надпись в 4 строки: ΘΚΕ/ΡΘΚωΝ/ΔΕΣΠΟ/ΤΗ. Известно еще только два экземпляра этого типа – из коллекции Думбартон Окс и из частной коллекции в Афинах.

Две трахеи Михаила VIII (1258–1282), впервые были опубликованы мною в 1998 г., неизвестных ранее типов:

1. Лицевая сторона: погрудное изображение св. Николая в епископском облачении, держащего Евангелие. Надпись располагается в две

колонки: Г /А /N I K/ -- К/ О /Λ А /C /; справа и слева от фигуры святого буквы: С – А.

Оборотная сторона: Иисус Христос сидит на троне с высокой спинкой, слева от Христа стоит император. Титлы IC-XC. Надпись слева в одну колонку: X/ M/ Λ /V I/ П.

2. Лицевая сторона: Иисус Христос сидит на троне без спинки. Титлы IC-XC. Обратная сторона: император стоит в полный рост с лабарумом и державой в руках. Надпись в две колонки: X /M/Δ C / П О/ -- Λ / ..I/.. I/.

Из медных монет наибольшего внимания заслуживают выпуски кипрского узурпатора Исаака Комнина (1184–1191). В источниках нет сведений, которые упоминали бы о чеканке Исааком монет, но существуют сами монеты, которые находят по больше части на Кипре, с именем Исаака, свидетельствующие, что он их выпускал. Помимо монетного двора Никосии, отмечены еще два места чеканки, обозначающиеся в литературе как неизвестный кипрский монетный двор «А» и «В». Монеты этих неизвестных городов чрезвычайно редки. В коллекции Эрмитажа хранятся три экземпляра медных тетартеронов монетного двора «В», один из которых был приобретен у Нури-бея. На лицевой стороне они имеют изображение Христа, сидящего на троне, а на оборотной – изображение Богородицы, благословляющей императора, оба стоят в полный рост. В Никосии эпизодически выпускались электроновые монеты (в коллекции Эрмитажа отсутствуют) и велась массовая чеканка биллоновых и медных. Биллоновая трахья, купленная у Нури-бея, имеет на лицевой стороне изображение Богородицы, сидящей на троне, а на оборотной – изображения стоящих в полный рост императора и св. Георгия, которые держат между собой патриарший крест.

Не только редкие монеты, но и массовые выпуски столичного и провинциальных монетных дворов Византии, которыми изобилуют антикварные рынки в Турции, но которые почти не находили на территории России, были также важны для музейных и частных коллекций. Поэтому комиссионерская деятельность Нури-бея имела большое значение для формирования полноценного по подбору типов собрания византийских монет Эрмитажа.

Г.Е. ЛЕБЕДЕВА, В.А. ЯКУБСКИЙ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ПЕТРОГРАДСКО-ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА АКАДЕМИКА Ф.И. УСПЕНСКОГО

Деятельность Русского археологического института в Константинополе, основанного в начале 1895 г. Ф.И. Успенским и бессменно им руководимого, прекратилась в октябре 1914 г. Вступив в Первую мировую войну на стороне Германии, Турция выслала его сотрудников в Россию. Старый академик (в феврале 1915 г. ему исполнялось 70 лет) обосновался в Петрограде. К его служебным обязанностям прибавилось редактирование «Византийского временника». Когда весной 1916 г. русские войска заняли Трапезунд, он возглавил направленную туда академическую экспедицию.

Революционные перемены 1917 г. и последующих лет были ему глубоко чужды. Однако Федор Иванович продолжал работать, не покладая рук. В 1918 г. он создал при Академии наук Комиссию по изучению произведений Константина Порфирородного (через пять лет преобразованную в Русско-византийскую историко-словарную комиссию, в работе которой принимали участие около 40 ученых Петрограда, Москвы, Одессы, Казани). С 1921 г. Успенский возглавлял Российское Палестинское общество, в 1922 г. его избрали председателем Круга друзей греческого языка и литературы при Исследовательском институте им. А.Н. Веселовского. Ему удалось возобновить издание «Византийского временника» – с 1922 по 1927 гг. вышли три тома. Список научных трудов самого Федора Ивановича за эти годы пополнился примерно сорока названиями. В их числе – первая часть второго тома «Истории Византии» (Л., 1927), «Очерки по истории Трапезундской империи» (вышли из печати посмертно – Л., 1929) и др. Среди публикаций источников – знаменитые, изданные совместно с В.Н. Бенешевичем, «Вазелонские акты: Материалы для истории крестьянского и монастырского

землевладения в Византии XIII–XV веков» (Л., 1927). Ряд работ остался в рукописи.

Такое, надо подчеркнуть – лишь выборочное, перечисление сделанного в советский период Ф.И. Успенским впечатляет. Оно, на первый взгляд, может служить иллюстрацией к нередко встречающимся в историографической литературе жизнерадостным описаниям того, как даже в трудных для страны условиях гражданской войны и преодоления военной разлуки не переставало развиваться отечественное византиноведение. Однако, во-первых, на деле тут все же было не столько поступательное развитие византиноведческих исследований, сколько настойчивые, порой отчаянные попытки сберечь, не растерять окончательно то, что было достигнуто ранее, – работа, как говаривал Федор Иванович, «воссобирая рассыпавшейся было храмины византинологии». Во-вторых, эта работа шла не при поддержке новых властей, а во многом вопреки им.

У самого академика отношения с советской властью складывались непросто. Если в среде старой интеллигенции ученый, давно ставший общепризнанным главой российских византинистов, по-прежнему пользовался уважением, то в глазах партийного начальства, да и молодежи, увлеченной пафосом революции, он был фигурой скорее одиозной, олицетворявшей идеологическую и политическую реакцию. Впрочем, в этом отношении Ф.И. Успенский был далеко не одинок.

О том, в каких условиях ему доводилось жить и работать, свидетельствуют два документа, обнаруженные нами в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

Первый из них – выписка из протокола заседания Совета Академии наук от 6 марта 1920 г. Она зафиксировала обращение Федора Ивановича к Академии «в надежде, что будут приняты хотя бы некоторые меры, дабы дать мне покой в моем скромном помещении из двух комнат». Из протокола явствует, что он уже не раз обращался к академическим властям по поводу проводимых в занимаемой им в то время квартире В.И. Вернадского многодневных обысков и конфискации имущества прежнего владельца, в ходе чего были изъяты и манускрипты, принадлежащие Успенскому. Вице-президент в своем ответе пообещал «сделать возможное», тут же добавив, что «сделать можно очень мало».

С этим эпизодом, на наш взгляд, внутренне связан отказ Успенского подавать формальное заявление о переизбрании в академики во время проводимой в первой половине 1920-х гг. реорганизации Российской академии наук. С.А. Жебелев, которому в конце концов удалось его уговорить (« К нашему счастью, – повествует он, – Федор Иванович согласился подать заявление, и Академия имела честь со-

хранить Ф.И. Успенского в числе своих сотрудников»), объяснил нежелание академика подвергнуться требуемой процедуре сомнением, достоин ли он принадлежать к высокой корпорации. Но, можно думать, мемуарист, подчиняясь цензурным ограничениям, тут завуалировал истинные мотивы, а настоящая причина была в другом: в отращении к новым порядкам, при которых Академия теряла свой прежний статус и превращалась в рядовое советское учреждение, подчиненное диктату партийных инстанций.

Второй документ из академического архива, адресованный Непременному секретарю АН СССР и датированный 7 августа 1928 г., содержит ответ на запрос об участии в международных конгрессах. «В последнее время я лишен сведений по предмету, о котором запрашивает меня Непременный секретарь», – писал Ф.И. Успенский, напоминая: «Правительство не нашло возможным дать мне позволение присутствовать на II международном конгрессе византистов в Белграде». Не была разрешена, говорится далее, и поездка в Константинополь (как на старый лад академик именовал Стамбул) по делам бывшего Археологического института и Российского Палестинского общества.

Умер Федор Иванович Успенский 10 сентября 1928 года, месяц спустя после отправки этого, проникнутого горечью, письма.

С.С. БЕЛЯКОВ
ЕКАТЕРИНБУРГ

ХОРВАТСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: ОТ ИДЕЙ ПАРТИИ ПРАВА К ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМУ УСТАШЕЙ

Идеология этнического национализма сущностным образом отличается от классических политических идеологий, таких как либерализм, консерватизм, коммунизм и т.д. Классические идеологии так или иначе обращаются к обществу, разделенному на группы в соответствии с ролью этих групп в социально-экономической жизни общества: классы, страты и т.д. Националистическая идеология обращается к обществу, разделенному на нации или нации-этноты (собственно этнонационализм). Национализм – идеология и умонастроение, основанное на убеждении, что нация составляет особую политическую общность, имеющую монополию на государственно-политическую власть в рамках так называемого национального государства. При этом национализм представляет собой одну из наиболее эффективных интеграционных идеологий, обладающую колоссальным мобилизационным потенциалом¹.

С нашей точки зрения, идеология этнонационализма имеет в себе две составляющие. 1 основную: собственно этнонационалистическую, которая включает в себя концепцию нации и национального государства, отношение к этническим меньшинствам. 2 вспомогательную, которая включает в себя концепции социально-экономического развития, политического устройства. Именно этнонационалистическая составляющая является базисом, основой идеологии. Вспомогательная составляющая зависит от исторических условий. Этнонационализм, таким образом, может выступать в либеральном, консервативном и даже коммунистическом облики. «Вспомогательные» идеи становятся лишь средством достижения целей этнонационализма (создание моноэтнич-

¹ АЛЬТЕРМАТТ У. Этнонационализм в Европе. М., 2000. С. 28.

ного национального государства). Исполнив свою миссию, добившись своих целей, этнонационализм может сойти с арены, освободив место для тех идей, что прежде играли лишь вспомогательную роль. Именно анализу собственно этнонационалистической концепции в идеологии хорватского национализма посвящена данная работа.

Идеология хорватского национализма прошла долгий путь исторического развития, найдя свое воплощение впервые в идеологии Партии права, основные принципы которой были сформулированы отцами-основателями хорватского национализма А. Старчевичем и Э. Кватерником еще в конце 1850–1860-е гг. Партия права создавалась не для отстаивания интересов какой-либо социальной группы или класса, но претендовала на то, чтобы защищать интересы хорватского народа в целом. Важнейшим условием существования хорватского народа идеологам Партии права представлялось создание независимого хорватского национального государства². Примечательно то, что Старчевич ставил задачу достижения независимости выше вопросов социально-экономического и политического устройства³.

Важнейшую роль в обосновании необходимости создания независимого государства играла концепция исторического государственного права хорватского народа, согласно которой хорватский народ имеет право на восстановление своего суверенитета над всеми территориями, которые когда-либо входили в состав хорватского государства. Эта теория дополнялась «правашской» трактовкой концепции естественного права народа на создание своего государства на той территории, которую он населяет, что при расширительном, панхорватском понимании хорватского народа означало включение в состав будущего хорватского государства всех земель между рекой Сочей (в Словении) на северо-западе, Македонией на юго-востоке, Дунаем на северо-востоке и Адриатическим морем на юго-западе⁴. Ограничивать территорию хорватского государства землями собственно Хорватии и Славонии, с точки зрения Старчевича, «было бы все равно, что считать Византийскую империю XIII века подлинной Римской империей»⁵.

Идеологи «правашества» придерживались панхорватской трактовки хорватской нации. По этой трактовке все население земель, которые они считали хорватскими, принадлежит к хорватской нации⁶. Таким обра-

² STARCEVIC A. Misli i pogledi. Zagreb, 1971. S. 58-59.

³ Ibid., S. 59.

⁴ HORVAT J. Ante Starcevic. Zagreb, 1940. S. 301.

⁵ STARCEVIC A. Misli i pogledi. S. 88, 89.

⁶ STARCEVIC A. Izabrani spisi. Zagreb, 1943. S. 537.

зом, к хорватам были причислены словенцы («хорваты-горцы»), сербы и боснийские мусульмане («хорваты восточной церкви» и «хорваты-мусульмане»). Религия в качестве фактора, определяющего национальную принадлежность, не признавалась⁷. А. Старчевич, придерживаясь этно-расового понимания нации, тем не менее признавал, что в XIX в. не могло быть и речи о сохранении «чистоты» хорватской нации и полагал, что хорватское население во многом является плодом ассимиляции «чистокровными» хорватами иноэтничного населения⁸. Помимо «народности» (этно-расового фактора) Старчевич также считал, что важным фактором, определяющим национальную принадлежность, является язык. Он подчеркивал, что единство хорватского языка скрепляет народность⁹.

Отрицание самого существования других славянских наций, прежде всего сербов, на хорватских землях, в глазах правящей, автоматически делало носителей сербского (равно как и югославянского) национального самосознания, врагами Хорватии. Редкая статья или публичное выступление А. Старчевича обходилась без нападок на так называемых «славосербов». Само это понятие использовалось им, в широком смысле, как синоним слова «предатель» и/или человек «рабской породы». Сербское и славянское имя Старчевич считал «позорным, рабским» и связывал этимологию этих слов с латинскими *sclavus* и *servus*¹⁰. При этом он не отрицал этническое родство со славянскими народами, но, как и другие деятели Партии права, оставался противником как панславизма, так и югославизма и сербского национализма, полагая, что цели этих идеологий противоречат целям хорватского национализма.

Новый этап в развитии хорватского национализма наступил с приходом в партию Й. Франка. Франк и его сторонники не только отошли от прежней антиавстрийской политики, переориентировавшись на поддержку Габсбургов «как законных королей Хорватии», но и пересмотрели свою национальную программу. Существование сербов в собственно Сербии не подвергалось сомнению (признание факта существования сербов в собственно Сербии появляется уже в некоторых работах

⁷ Правда, у Э. Кватерника были элементы клерикализма и отождествления понятий «хорват» и «католик». Убежденный католик, он доказывал совпадение интересов католицизма и хорватов в борьбе против православия и «византизма» на Балканах. См.: ФРЕЙДЗОН В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу: Подъем освободительного движения в 1859–1873 гг. История, идеология, политические партии. М., 1970. С. 196, 197.

⁸ Цит. по: HORVAT J. Ante Starcevic. S. 299, 300.

⁹ STARCEVIC A. Politicki spisi. Zagreb, 1971. S. 299.

¹⁰ Ibid., S. 420–241.

Старчевича)¹¹, однако требование сербского национального движения о предоставлении сербам политического равноправия в хорватских землях отвергалась, ибо «государственная власть должна принадлежать во всех землях хорватской нации и никому другому»¹². Рудиментом панкохорватства осталось причисление словенского народа к «горным хорватам». Однако «исторические» границы Хорватии несколько сузились: «франкованцы» включали в них «только» Хорватию, Славонию, Далмацию, Истрию, Боснию и Герцеговину¹³.

В декабре 1918 г. Хорватская партия права (ХПП) выступила против создания югославского государства. Вскоре часть ее лидеров эмигрировала, остальные продолжили борьбу против правительства нового государства. В 1919 г. секретарем партии стал адвокат Анте Павелич. В 1919 г. партия приняла новую программу, в которой подчеркивалось, что целью партии является «сохранение национальной самобытности и государственной самостоятельности хорватского народа»¹⁴.

В 1920-е гг. ХПП оставалась сравнительно слабой и малочисленной, однако резкий рост хорватского шовинизма, спровоцированный убийством в скупшине лидера крупнейшей оппозиционной Хорватской крестьянской партии Степана Радича привел к усилению радикальных националистов. После введения королем Александром чрезвычайного положения Павелич эмигрировал из страны и начал за рубежом создание усташского (повстанческого) хорватского националистического движения. Началась разработка идеологии нового движения, в основном завершившаяся к 1932–1933 гг., когда были созданы основополагающие, программные документы: «Устав Усташа – хорватского освободительного движения» и «Принципы хорватского усташского движения»¹⁵. Сам Павелич подчеркивал преемственность своих идей «правашству» и «франкованству», указывая даже, что «усташство есть практическое применение старчевичанства, оно ему идентично»¹⁶. Действительно, несмотря на то, что идеология усташества испытала сильное влияние итальянского фашизма и германского национал-социализма, собственно этнонационалистическая основа усташской идеологии явилась прямым продолжением идей Партии права.

¹¹ См.: STARCEVIC A. Politicki spisi. S. 224-231.

¹² Starceviceva hrvatska stranka prava. Zagreb, 1907. S. 34.

¹³ Ibid., 10-11.

¹⁴ COLIC M. Takozvana Nezavisna Drzava Hrvatska. 1941. Zagreb, 1973. S. 16, 17.

¹⁵ Nacela Hrvatskog Ustaskog Pokreta // KRIZMAN B. Ante Pavelic i ustase. Zagreb, 1986. S. 117-119; Ustav Ustasa – Hrvatskog oslobodilackog pokreta // CULINOVIC F. Okupatorska podjela Jugoslavije. Beograd, 1970. S. 180-181.

¹⁶ KRIZMAN B. Ante Pavelic i ustase. S. 300.

Основной целью усташства было создание независимого хорватского государства «на всей исторической и национальной территории»¹⁷, при этом словенские земли уже не включались в это понятие. В целом же, правашско-франкованское понимание национального государства было почти без изменений включено усташами в свою концепцию. Не удовлетворившись Соглашением Цветкович-Мачек (26 августа 1939 г.), усташа продолжали борьбу за создание независимого хорватского государства. В ходе Апрельской войны 1941 г. они сыграли активную роль в развале военной системы Югославии, надеясь получить от победивших держав «Оси» карт-бланш на создание хорватского государства.

Трактовка усташами хорватской нации имела больше отличий от правашства и даже от франкованства, чем концепция национального государства. Если Старчевич и Кватерник не отрицали этнического родства со славянскими народами, хотя и не считали его существенным, то усташа обратились к теории неславянского происхождения хорватов, подчеркивая чуждость хорватов славянскому миру и, в особенности, сербству («готская» и «иранская» теории)¹⁸. Этно-расовое понимание природы нации было сохранено идеологами усташства, и даже получило дальнейшее развитие, при этом языковой фактор отошел на задний план.

Характерной чертой усташства стала идея миссии хорватского народа как бастиона против «византизма» и сербского «варварства»¹⁹. Нападки на «византизм» (без расшифровки этого термина) и на православие встречались и у правашей²⁰, однако именно в усташской идеологии окончательно сложилась стройная концепция о Хорватии как «бастионе Европы» против «Востока».

Усташа, так же как праваша и франкованцы, считали сербов главным препятствием к осуществлению хорватского национального государства. Кроме того, сербская гегемония в югославском государстве способствовала усилению антисербских настроений у хорватских националистов. Идеологи усташства уже не отрицали само существование сербского населения не только в Сербии, но и на хорватских землях, однако считали его угрозой для хорватского народа, с которой необходимо покончить любым способом. Попыткой проведения в жизнь этой идеи стал геноцид сербского народа в созданном усташами Независимом государстве Хорватия в 1941–1945 гг.

¹⁷ Nacela Hrvatskog Ustaskog Pokreta. S. 118; Ustav Ustasa... S. 180-181.

¹⁸ См.: LORKOVIC M. Narod i zemlja Hrvata. Zagreb, 1939.

¹⁹ PAVELIC A. Hrvatsko pitanje // Doktor Pavelic rijesio Hrvatsko pitanje. Zagreb, 1942. S. 15-16.

²⁰ См.: STARCEVIC A. Politicki spisi. S. 242, 528-530, 536-539.

В.П. МОТРЕВИЧ
ЕКАТЕРИНБУРГ

ИНОСТРАННЫЕ ПОДДАННЫЕ В КРЫМУ ПО ДАННЫМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ СССР 1937 Г.

Одним из важнейших источников по демографической истории Советского Союза является Всесоюзная перепись населения СССР 1937 г. Как известно, данная перепись долгое время считалась уничтоженной, и только в последние годы ее материалы постепенно вводятся в научный оборот. Всесоюзная перепись населения 1937 г. – единственная советская перепись, проведенная как однодневная. С 1 по 5 января 1937 г. счетчики заполняли переписные листы, а в течение 6 января приводили записи к состоянию на критический момент переписи (12 часов ночи с 5 на 6 января). Программа переписи включала 14 признаков (пол, возраст, национальность, родной язык, религия и др.), формулировки многих вопросов были упрощены.

Перепись прошла в целом успешно, однако численность учтенного населения оказалась гораздо ниже оглашенных ранее преувеличенных оценок и опровергла тезис о быстром росте населения при социализме. Ввиду этого было объявлено, что Всесоюзная перепись населения 1937 г. была проведена с грубыми ошибками и огромным недоучетом, ее организаторы в центре и на местах были репрессированы, а в 1939 г. в СССР была проведена новая перепись населения. Уцелевшие в архивах основные результаты Всесоюзной переписи населения 1937 г. были впервые опубликованы только в 1990 г.

В дальнейшем в РФ и за рубежом вышел целый ряд работ, основанных на разработке материалов данной переписи. Однако до настоящего времени вне поля зрения авторов оказались материалы о численности иностранных подданных, оказавшихся во время проведения переписи на территории СССР. Это был значительный массив населения, составивший 192943 человека. Из них на территории

РСФСР было учтено 88215, а в Крымской АССР – 8748 иностранцев. Учитывая, что по состоянию на 6 января 1937 г. население Крымской АССР составляло 994,8 тыс. человек, иностранные подданные составляли 0,88% ее населения.

Перепись учитывала иностранцев по сокращенной программе и содержала данные по подданству, полу и возрасту (до 18 лет и старше 18 лет). Материалы переписи свидетельствуют, что в начале 1937 г. в Крыму было учтено 34 гражданина Австрии, 62 – Германии, 6728 – Греции, 48 – Польши, 1265 – Турции, 38 – Чехословакии, а также 168 подданных Ирана, 187 – Италии и 81 Румынии. Среди учтенных в Крыму иностранцев были граждане Венгрии, Испании, Китая, Латвии, Литвы, Монголии, Португалии, США, Франции, Эстонии, а также подданные Болгарии, Великобритании, Дании и др.

Данные о половозрастном составе иностранных подданных свидетельствуют о том, что большинство их составляли лица мужского пола – 4719 человек, против 4029 женского. Следовательно, диспропорция полов была незначительной. Что касается возраста иностранных подданных, то лица в возрасте до 18 лет составляли 3331 человек, то есть свыше трети (38,1%) их общего числа в Крыму.

Таким образом, содержащиеся в Российском государственном архиве экономики (б. ЦХАНХ СССР) разработки данных Всесоюзной переписи населения 1937 г. по иноподданным в разрезе союзных и автономных республик, краев и областей позволяет: 1) с высокой степенью точности определить численность, состав и размещение иностранных граждан на территории СССР; 2) облегчает выяснение судеб тех из них, кто оказался жертвами тоталитарного режима в годы массовых репрессий.

С.В. ГОРШКОВ
ЕКАТЕРИНБУРГ

СТАЛИНСКИЕ ДЕПОРТАЦИИ В КРЫМУ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ПРОБЛЕМА ЧИСЛЕННОСТИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ

Накануне Второй мировой войны на территории Крымской автономной республики по данным архива ИРИ РАН проживало 1 126 429 человек. Из них русские составляли 558 481 человек (49,6 %), татары – 218 179 чел. (19,4 %), украинцы – 154 120 чел. (13,7 %), немцы – 65 452 чел. (5,8 %), греки – 20 652 чел. (1,8 %), болгары – 15 353 чел. (1,4 %), армяне 12 873 чел. (1,1 %), прочие национальности (евреи, белорусы, караимы, крымчаки и т.д.) – 81 319 чел. (7,2 %)¹.

К середине 1944 г. население Крыма сократилось в три раза и составило уже 379 тыс. человек². Такое резкое сокращение населения безусловно связано с Великой Отечественной войной.

Десятки тысяч жителей Крыма получили повестки или записались в народное ополчение. С 22 июня 1941 г. по 20 апреля 1944 г. из Крымской Республики были призваны в Красную Армию 40 тыс. человек³. Многие приняли участие в партизанском движении.

С первых дней войны началась эвакуация населения из Крыма. Сначала она коснулась женщин и детей, а затем остальной части населения. С 22 июня 1941 г. до 1 июля 1942 г. из Крыма были эвакуированы 75 тыс. чел.⁴

Бомбежки, артобстрелы, боевые действия войск, от которых в первую очередь страдало мирное население, унесли тысячи жизней. Только

¹ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно вашему указанию...». М., 1995. С. 143.

² Там же. С. 154.

³ Там же. С. 143.

⁴ Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 638.

с 22 июня 1941 г. по 10 мая 1942 г. немецкая авиация совершила 207 налетов на г. Севастополь⁵. По мере захвата Крыма, который начался с октября 1941 г., нацисты развернули в Крыму, как и на всех захваченных врагом территориях, кровавый террор. За время оккупации гитлеровцами г. Севастополя было уничтожено 27 тыс. мирных жителей, а 42 тыс. угнаны на принудительные работы в Германию⁶. В ходе уничтожения еврейского населения нацисты «попутно» уничтожили около 70-80 % крымчаков. После войны в Крыму их осталось 700–750 человек⁷.

Но, значительной части своего довоенного населения (почти 1/3) Крымский полуостров лишился в результате сталинских депортаций. До начала Великой Отечественной войны насильственное переселение из Крыма не носило массовый характер. Так до начала войны из Крыма выселили часть армян и болгар⁸. Но после 22 июня 1941 г. масштабы депортаций возросли. Массовые переселения из Крыма, как и по всей стране, начались с лиц немецкой национальности. Летом 1941 г. из Крыма в Орджоникидзевский край и Ростовскую область были перемещены 3 тыс. немцев⁹. Оставшиеся в Крыму по той или иной причине немцы переселялись и позднее, в мае-июне 1944 г. вместе с крымскими татарами, греками, армянами и болгарами. Всего же принудительному переселению в 40-е гг. из Крыма подверглись более 50 тыс. советских немцев (по другим архивным данным 64 233 чел.)¹⁰. Таким образом депортации подвергли все немецкое население, проживавшее в Крыму до начала войны.

После освобождения Крыма советскими войсками масштаб и размах депортаций приобрел беспрецедентный характер. Они распространялись практически на все этнические группы освобожденного полуострова. Начались они с крымских татар, и этому имеется свое объяснение. По мнению Сталина и его ближайшего окружения необходимо было очистить территорию Крыма от любого антисоветского и неблагонадежного элемента. А так как по неполным данным более 20 тыс. крымских татар (10 % всего татарского населения) служили в подразделениях немецкой армии, дислоцированной в Крыму, и часть татар ориентировалась на Германию, начали именно с них¹¹. С 18 по 31 мая 1944 г. было принудительно выселено 191 014 крымских татар (по другим архивным источникам 194 111 чело-

⁵ Великая Отечественная война С. 638.

⁶ Там же.

⁷ От киммерийцев до крымчаков. Симферополь, 2004. С. 202.

⁸ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? М., 1989. С. 194.

⁹ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину... С. 39.

¹⁰ Там же. С. 39.

¹¹ Там же. С. 145-148.

век)¹². В ходе операции по выселению Лаврентий Берия неоднократно подчеркивал: «...что в Крыму ни в коем случае нельзя оставлять укрывшихся от выселения татар и другой бандитский элемент»¹³.

Во время переселения с полуострова крымских татар были дополнительно выявлены 396 немцев, 32 румына, 21 австриец, 7 финнов, 1 венгр и некоторые из казанских татар. Всех их выселили в Казахстан¹⁴.

После татар из Крыма стали выселять болгар, греков, армян. Только с 27 по 28 июня 1944 г. из Крыма были депортированы 41 854 человека. Из них: греков – 15 040 чел., болгар – 12 422 чел., армян – 9 621 чел., представителей других национальностей – 1 119 чел.¹⁵ В общей сложности по данным переучета спецпереселенцев из Крыма выселили 228 392 крымских татарина, болгар, армян и греков¹⁶. Кроме того с территории Крыма выселялись и иностранные граждане, имевшие просроченные национальные паспорта. По этой категории из Крыма «убыли» в Узбекистан 3 531 грек, 105 турок и 16 иранцев¹⁷.

Из Крыма наравне с основным контингентом, подлежащим депортации по «государственному заданию», крымскими татарами, греками, болгарями, армянами были отправлены на восток страны и «прочие» («другие») – всего 3 628 чел., из них 1 280 русских, 1 109 цыган, 272 турка (без гражданства), 257 украинцев и др.¹⁸

Летом была предпринята попытка выселить из Крыма 6 500 караимов. Но после того, как выяснилось, что эта особая этническая группа населения не связана с крымскими татарами, их выселение прекратилось. Но тем, кого успели подвергнуть насильственному перемещению, запретили возвращаться на свою малую Родину.

По данным справки из архива Верховного Совета СССР, датированной 16 декабря 1965 г., из Крыма за период с 1940 по 1953 гг. было выселено 230 тыс. чел.¹⁹ На наш взгляд, эта цифра существенно занижена. Только по вышеприведенным данным с территории Крыма в годы Великой Отечественной войны было депортировано от 290 до 310 тыс. лиц различных

¹² Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину... С. 154.

¹³ Цит. по: Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину... С. 154.

¹⁴ Там же. С. 155.

¹⁵ Там же. С. 199.

¹⁶ Стецовский Ю.И. История советских репрессий. М., 1997. Т. 1. С. 466.

¹⁷ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину... С. 198; Стецовский Ю.И. История советских репрессий... С. 466-467.

¹⁸ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину... С. 219-220.

¹⁹ Там же. С. 6.

национальностей. Но ведь насильственные выселения продолжились и в послевоенный период.

Каковы же причины столь масштабных и массовых депортаций в Крыму в годы Великой Отечественной войны? Кроме общих причин депортации, отмеченных в исторической литературе – стремление руководства страны очистить общество от противников административно-командной системы и господствовавшей в стране идеологии, от влияния религии и церкви, подавить открытые выступления против Красной Армии и органов власти, не допустить обострения криминогенной обстановки²⁰ – следует отметить и ряд других. Они обусловлены, с одной стороны, внутренними и внешними обстоятельствами функционирования политического режима в годы Великой Отечественной войны, с другой – специфическими особенностями, свойственными только Крыму.

Любая война, объективно приводит к росту самосознания наций и народностей. Начиная с середины 30-х гг., в рамках усиления имперских начал в политическом развитии СССР, постепенно возобладали тенденции к русификации и подавлению национальных культур. Поэтому в советской национальной политике в годы Великой Отечественной войны возобладали теория «старшего брата» и «братьев младших», согласно которой на высшей ступеньке кремлевской национальной иерархической схемы стоял русский народ, ниже него стояли украинцы, еще ниже – белорусы, затем шли другие народы союзных республик, автономных, и так далее, по нисходящей. При этом Сталин считал, что именно русский народ, а затем и остальные советские народы показали в годы войны свою лояльность правящему режиму. Но, по мнению «вождей всех времен и народов», не все советские народы прошли проверку на верность сталинизму. Так, в годы войны сформировалось мнение о «народах-предателях», которые должны быть наказаны. Это нашло свое воплощение в массовых депортациях целых народов, в том числе крымских татар.

С другой стороны усиливали такую политику в национальном вопросе и специфические причины депортаций, связанных только с Крымским полуостровом. Во-первых, это подготовка и проведение в Крыму 4-11 февраля 1945 г. Ялтинской конференции руководителей трех союзных держав антигитлеровской коалиции. Во-вторых, наличие на полуострове военноморской базы ВМФ СССР. В-третьих, Крым являлся «особой» здравницей для руководителей высшей партийной и государственной номенклатуры. В-четвертых, территория Крымского полуострова являлась пограничной зоной. Отсюда стремление Сталина «разгрузить» этническую ситуацию в Крыму, удалить представителей различных национальностей из пограничного района.

²⁰ БУГАЙ Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину... С. 6.

Е.В. ПЕРШИНА
ЕКАТЕРИНБУРГ

США И СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИЙ КОНФЛИКТ 1948 Г.

Ялтинско-потсдамская система международных отношений, возникшая как результат послевоенного взаимодействия союзников в деле мирного урегулирования в Европе, и последующее оформление биполярной структуры мира разделили европейские государства на сферы влияния великих держав. Страны Восточной Европы, сформировавшие «пояс безопасности» СССР, вошли в советскую сферу влияния и составили основу «социалистического лагеря». Однако на Балканах СССР не достиг своих целей: там сильны были позиции югославского лидера Й. Броз Тито, чьи национально-государственные интересы противоречили стремлениям Сталина создать прочную советскую зону, в которую входила бы и Югославия.

Несовпадение политических и экономических интересов СССР и ФНРЮ в послевоенные годы хоть и имелось, но не могло само по себе привести к такому масштабному и длительному конфликту в отношениях между двумя государствами. Советско-югославский конфликт 1948 г. имел не столько двусторонний, сколько геополитический характер, обусловленный важностью стратегического положения ФНРЮ. Образовавшийся в ходе гражданской войны в Греции и провозглашения доктрины Трумэна горячий узел в Юго-Восточной Европе, грозивший возможностью военных действий со стороны США, заставил Сталина снизить активность всех участников конфликта в Греции. Применительно к Югославии это означало стремление ограничить панбалканские амбиции Тито и направить политику в регионе в русло кремлевской стратегии.

Конфликт Югославии с Советским Союзом непосредственным образом повлиял на отношения ФНРЮ с Соединенными Штатами. В стратегическом отношении входящая в советский блок Югославия позволяла СССР иметь выход к Адриатике и оказывать давление на Италию. Проза-

падная позиция ФНРЮ отодвигала линию соприкосновения сфер влияния к середине Балканского полуострова, изолируя Албанию от других социалистических стран, что отвечало интересам безопасности США.

С момента зарождения советско-югославского конфликта и параллельно с его развитием американская политика по отношению к ФНРЮ претерпевала значительные изменения. В конце мая – начале июня западные представительства в Белграде стали отмечать возникновение разногласий между СССР и Югославией. Однако значение этих событий для внешней политики США «было не сразу оценено в Вашингтоне»¹. Появление Резолюции Информбюро «О положении в коммунистической партии Югославии», в соответствии с которой КПЮ исключалась из «семьи братских компартий»², вызвало определенную реакцию представителей Соединенных Штатов в ФНРЮ. Так, американский военный атташе в Югославии Партридж призывал руководство Соединенных Штатов быть готовыми к ответу на такие вопросы, как «Поддержит ли Запад Тито? Каким образом? Посредством ООН или путем военного вмешательства? Как скоро это случится? Что должен будет Тито пообещать взамен?»³

Первым обобщающим документом, обозначающим политику США по отношению к советско-югославскому конфликту, стал Доклад Совета планирования политики госдепартамента о позиции правительства США в вопросе о событиях в Югославии⁴. В документе подчеркивалось, что советско-югославский конфликт ставит перед правительством США совершенно новую проблему, причем отношение Америки к ситуации, которое будет сформулировано сейчас, станет важным прецедентом, поскольку возможна дальнейшая дезинтеграция в лагере советских сателлитов.

Авторы документа призывали учитывать тот факт, что Югославия остается коммунистической страной с присущей ей враждебностью по отношению к капиталистическому миру. В связи с этим не следовало «демонстрировать излишнее дружелюбие к югославским лидерам и предаваться преувеличенным ожиданиям, что Югославия скоро станет интегральной частью западного мира». С другой стороны, авторы опа-

¹ Цит. по: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. М., 2000. Т. 1. С. 261.

² Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 460.

³ Foreign Relations of the United States. 1948. Vol. IV. Washington, 1974. P. 1076 (далее – FRUS).

⁴ Ibid., P. 1079-1081.

сались, что если Запад не поддержит Тито, Москва использует данный факт, чтобы доказать коммунистам во всех странах, что у них нет никакой другой альтернативы, кроме покровительства СССР. Рекомендовалось заявлять югославам, что американское правительство приветствовало бы «подлинное восстановление Югославии в своих собственных правах как политического субъекта» и его контакты с югославским правительством в дальнейшем зависели бы от характера политики ФНРЮ по отношению к США, европейским странам и международному сообществу в целом. Таким образом, документ обозначал достаточно осторожную политику Соединенных Штатов, идущую в русле с провозглашенной в США политикой «сдерживания» коммунизма и поведением американского руководства во время более ранних конфликтов в советской сфере влияния.

Переход США от концепции «осторожного наблюдения» за развитием событий в Югославии к более активной политике был предложен Римсом уже в сентябре 1948 г. Считая, что политические условия выдвигать пока рано, американский дипломат ратовал за принятие экономических мер, в том числе отмену ограничений и контроля и поощрение западноевропейских стран к установлению торговых отношений с Белградом. Параллельно Римс советовал распространять через средства массовой информации материалы советско-югославской переписки, всячески показывая серьезность идеологического вызова Сталину со стороны Тито, его конкурентоспособность в интерпретации Маркса и Ленина и в «претензиях на лидерство в международной коммунистической стратегии». Таким образом США способствовали бы укреплению способности Югославии противостоять давлению с Востока и продемонстрировали бы свою позицию другим сателлитам, желающим большей независимости от Кремля, но опасавшимся за способность своей экономики выдержать это⁵. Рекомендации Римса нашли отражение в документах Совета национальной безопасности в феврале 1949 г.

Первые шаги по предоставлению американской экономической помощи Югославии относятся к марту 1949 г., когда Американский банк одобрил кредит ФНРЮ на 29 млн. долл., а Международный банк реконструкции и развития – на 53 миллиона долларов для реализации сельскохозяйственных проектов⁶. В обстановке нарастающей блокады со стороны СССР и стран социалистического лагеря результаты не заставили долго ждать: 10 июля на митинге в г. Пула Тито заявил о реше-

⁵ FRUS. 1948. Vol. IV. P. 1109-1110.

⁶ АНИКЕЕВ А.С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002. С. 147.

нии закрыть границу с Грецией, имея в виду прекращение поддержки греческих партизан. Тем самым в ходе советско-югославского конфликта США решили одну из своих главных проблем – подавление партизанского движения в Греции. Таким образом, в жизнь была воплощена основа доктрины Трумэна – «поддержка свободных народов, сопротивляющихся давлению вооруженного меньшинства или давлению извне»⁷.

Разрыв договора о дружбе между Югославией и СССР, а также другими советскими сателлитами вызвали появление в США документов, допускавших возможное нападение на страну с Востока. В сентябрьском документе Совета планирования госдепартамента в ответ на нападение со стороны «народных демократий» либо усиление политического, экономического и психологического давления аналитики Совета предлагали несколько вариантов контрдействий, включая вероятность продажи оружия Белграду, предоставление другой материальной помощи югославским вооруженным силам. В то же время в докладе отмечалась высокая боеспособность югославской армии, в силу чего не рекомендовалось в возможном конфликте между странами советского блока и Югославией, если он примет военную форму, использовать американскую армию, но попробовать опереться в поддержке Белграда на авторитет ООН⁸.

Заявление делегации США за три недели до выборов в Совет Безопасности о решении голосовать не за Чехословакию, а за Югославию обусловило тот факт, что 19 октября 1949 г. ФНРЮ была избрана постоянным членом Совета Безопасности ООН⁹.

В 1950–1951 гг. экономическая помощь Югославии со стороны США приобрела еще большие масштабы. 1 марта 1950 г. экспортно-импортный банк США объявил о предоставлении второго займа ФНРЮ на сумму 20 млн. долларов, а в августе – третьего на сумму 15 млн. долларов, что вместе с первым (в 1949 г.) составило, менее чем за год, сумму в 55 млн. долларов¹⁰.

8 января 1952 г. было заключено долгосрочное экономическое соглашение между США и ФНРЮ.

В дополнение к мерам по экономической поддержке Югославии со стороны Соединенных Штатов, 14 ноября 1951 г. в Белграде было подписано соглашение между ФНРЮ и США о военной помощи.

⁷ The Truman Doctrine, 1947 // *The Makings of America: The United States and the World*. Vol. 2. Lexington, 1993. P. 313.

⁸ FRUS. 1949. Vol. II. Washington, 1975. P. 245.

⁹ АНИКЕЕВ А.С. Как Тито от Сталина ушел... С. 171-172.

¹⁰ Там же. С. 190.

Всего за период с 1950 по лето 1955 г. ФНРЮ получила от США экономическую помощь в виде займов, кредитов, поставок вооружения и продовольствия на сумму в 1,2 млрд. долларов¹¹.

В 1953 г. в двух супердержавках к власти пришли новые люди: в СССР Сталина сменил Н.С. Хрущев, а в Соединенных Штатах президентом стал Д. Эйзенхауэр, назначивший госсекретарем Дж. Ф. Даллеса. С именем Даллеса связывают появление новой внешнеполитической доктрины США в отношении стран Восточной Европы, известной как полтика «освобождения». В качестве альтернативы «сдерживанию» Даллес настаивал на обязанности администрации «всемерно способствовать подлинному освобождению тех порабоженных народов» Восточной Европы, которых демократы «оставили ... один на один с коммунистической агрессией»¹².

Вопреки громким лозунгам «освобождения» приход к власти в США республиканского кабинета Эйзенхауэра-Даллеса не привел к изменению американской политики в отношении ФНРЮ. Этому, в том числе, способствовал тот факт, что в мае 1953 г. началось постепенное движение Москвы в сторону нормализации отношений с Югославией. В подготовленном в конце июня 1953 г. разведывательными ведомствами докладе о перспективах внутренней и внешней политики ФНРЮ утверждалось, что вероятность присоединения этой страны к советскому блоку до тех пор, пока у власти находится режим Тито, незначительна. Вместе с тем американцы подчеркивали, что Кремль может попытаться ослабить связи Белграда с Западом. Авторы доклада рекомендовали продолжать предоставление финансовой, экономической и военной помощи ФНРЮ¹³.

В стремлении к достижению своей главной цели – усилению геополитических позиций на Балканах – США добивались ассоциации Югославии с НАТО при помощи создания Балканского пакта в составе Югославии, Греции и Турции. 28 февраля 1953 г. в Анкаре был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между Турцией, Грецией и Югославией, а 9 августа 1954 г. между этими тремя странами в г. Блед был подписан Договор о союзе, политическом сотрудничестве и взаимной помощи. Участники Договора обязывались помогать друг другу в мирное время в укреплении вооруженных сил, рассматривать «всякую вооруженную агрессию в отношении любого из них как агрессию против всех участников Балканского пакта, оказывать взаимную помощь,

¹¹ Центральная-Восточная Европа... С. 262.

¹² Цит. по: АМБРОЗ С. Эйзенхауэр. Солдат и президент. М., 1993. С. 240.

¹³ FRUS. 1952–1954. Washington, 1988. Vol. VIII. P. 1357–1358.

включая использование вооруженных сил»¹⁴. Таким образом, добившись создания Балканского пакта, США значительно расширили свое влияние на Балканах и в Восточном Средиземноморье.

Последующее изменение ситуации в Европе, усиление центробежных тенденций внутри пакта и потепление отношений между СССР и ФНРЮ не были восприняты в Вашингтоне как провал стратегии США в регионе. В геополитическом отношении даже нейтральная Югославия означала победу для Соединенных Штатов. С точки зрения идеологи советско-югославский конфликт показал странам-сателлитам СССР, что существует возможность противостоять давлению Москвы при поддержке Запада, причем извлекая из этого материальные выгоды. Конфликт Советского Союза и Югославии позволил США проникнуть в коммунистический мир, так же как Москва проникла в капиталистический мир через Кубу. Тем самым западный блок заметно укрепил свои позиции в противостоянии с социалистическим лагерем в начавшейся «холодной войне».

¹⁴ Цит. по: Центрально-Восточная Европа... С. 263.

Ю.А. Русина
ЕКАТЕРИНБУРГ

ДОКУМЕНТЫ САМИЗДАТА О КРЫМСКО-ТАТАРСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ 1960–1980-Х ГГ.

60 лет прошло с того трагического дня, когда 18 мая 1944 г., крымские татары были депортированы из Крыма. В годы «оттепели» крымско-татарская проблема породила национальное движение за возвращение на историческую родину, восстановление автономии и политическую реабилитацию. Сегодня это движение оценивается как одна из форм диссидентства и инакомыслия в советский период¹. Уже имеется довольно интересная историография вопроса². А, задав в системе поиска Интернет словосочетание «крымские татары», в ответ мы получим указание на 664 сайта, содержащих упоминание об этом народе. Наиболее интересной для историка представляется страничка «Крым и крымские татары» (www.kirimtatar.com), где имеются разделы «Исследования» и «Исторические документы».

Обратившись к истории крымско-татарского движения, не будет преувеличением отметить, что одно из главных мест здесь занимает тема исторических источников³. Первая обобщающая работа, посвя-

¹ АЛЕКСЕЕВА Л.М. История инакомыслия в СССР: Новейший период. Вермонт: Хроника-Пресс, 1984.

² БЕКИРОВА Г. Источниковедческие аспекты изучения крымскотатарской проблемы в СССР (1950–1980-е гг.) // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Доклады и тезисы XIV научной конференции. М., 2002. С. 112–116; Она же. Крымскотатарское национальное движение в 50–60-х гг.: становление, первые победы и разочарования // www.kirimtatar.com (Кримськи студії. 2001. № 11–12; 2002. № 1–2) и др.

³ БЕКИРОВА Г. Источниковедческие аспекты... С. 112 сл.; Она же. «Информация» крымскотатарского движения (1965–1980): вопросы сохранения; архивоведческий и археографический аспекты // www.kirimtatar.com.

шенная инакомыслию в СССР и его различным формам, написанная Людмилой Алексеевой в США, в 1984 г., в основном базируется на известном бюллетене правозащитников «Хроника текущих событий» (ХТС), выходившем в самиздате с 1968 по 1982 гг. Автор ссылается на факты, опубликованные в 14-ти выпусках этого журнала. Л. Алексеева отмечает, что в Архиве самиздата на Западе самые ранние документы крымско-татарского движения относятся к 1967 г., а 1954–1966 гг. не обеспечены материалами. Гульнара Бекирова в своих исследованиях и выступлениях на конференциях обращает внимание на сложности, препятствующие научным изысканиям: политические мотивы, засекреченные архивные фонды, плохая сохранность документов самиздата. Она предлагает применять комплексный подход в изучении партийно-государственных материалов, самиздата, художественной литературы, периодической печати и устной истории.

Проблема источников и доступа к ним, действительно, очень остра, когда речь идет об истории инакомыслия в СССР. В этой связи, необходимо привлекать все доступные свидетельства об интересующих нас событиях и персоналиях, развивая и совершенствуя методику их изучения.

В целом по истории инакомыслия в СССР второй половины XX в. принято выделять две основные группы источников. Во-первых, это документы партийных и государственных органов и, во-вторых, материалы самого диссидентского движения, к которым, прежде всего, относится самиздат.

Источники первой группы хранятся в системе бывших партийных архивов и, в определенной степени, доступны. Самиздат, имеющий огромный информационный потенциал для изучения различных форм диссидентства и занимающий особое место в культуре инакомыслия, как социального явления, в силу законов своего возникновения и функционирования на территории нашего государства, сохранился фрагментарно. Можно выделить фонды общества «Мемориал», Народного архива и архива А.Д. Сахарова. Одним из главных хранилищ документов по истории инакомыслия в СССР является Архив «Открытое общество» (OSA) при Центральном Европейском Университете (Будапешт, Венгрия), возникший на основе исследовательского отдела радиостанции «Свобода» – «Свободная Европа»⁴. Фонд самиздата составляет здесь более 6 тыс. документов и охватывает период 60–80-х гг. прошлого столетия.

⁴ Soviet samizdat archive. Fond 300, sub-fond 85. Open Society Archives. Budapest, Hungary.

В OSA хранится 30-томная публикация «Собрание документов самиздата»⁵, которая была подготовлена Исследовательским отделом Радио «Свобода» и вышла ограниченным тиражом в 1970-е гг. в Мюнхене. «Собрание» включает тексты первых 2 тысяч зарегистрированных документов из Архива самиздата. Они датируются примерно 1965–1972 гг. Каждый том публикации составляет около 600 листов формата А4. 12-й том «Собрания» полностью посвящен крымско-татарскому движению. Сюда включено 45 документов за 1968–1974 гг., в том числе материалы «Информации» (бюллетень движения, выходивший в самиздате с 1965 г.), «Ташкентского процесса» 1969 г., переписи крымско-татарского народа, «проведенной самим народом», письмо А. Д. Сахарова в защиту Мустафы Джемилева и другие письма, заявления и обращения крымских татар, как коллективные, так и индивидуальные. В других томах серии также встречаются документы движения. Например, в 5-ом томе помещены отрывки и выдержки из «Информации» 1967–1968 гг., из писем крымских татар в различные государственные и партийные органы; в 9-ом – обращение 60 тысяч крымских татар к Президиуму и делегатам XXIV съезда КПСС (март 1971 г.) и т.д.

Другим достаточно информативным источником является уже упомянутая ХТС – «главное достижение правозащитников», как называл ее А.Д. Сахаров. На сайте общества «Мемориал»⁶ создана полнотекстовая база данных этого информационного бюллетеня. «Хроника», насчитывает 64 выпуска и около 4 тысяч машинописных листов формата А4. Журнал имеет колоссальный научный потенциал, как богатейший исторический источник, позволяющий исследовать феномен диссидентского движения в целом и его различные формы. Большинство документов, появившихся в самиздате, попадали на страницы ХТС. Хотелось бы отметить, что в полном объеме выпуски «Хроники» доступны, кроме сайта «Мемориала», только в упомянутом будапештском архиве.

Анализ номеров ХТС показал, что материалы о крымско-татарском национальном движении помещены в тридцати одном из шестидесяти четырех выпусков бюллетеня: №№ 2, 5–10, 12, 13, 18, 19, 27, 31, 32, 34, 37–43, 44, 47, 48, 51, 52, 53, 54, 57, 60. С 18-го номера (5 марта 1971 г.) в «Хронике» появился самостоятельный раздел о движении и преследованиях крымских татар, который назывался, в зависимости от содержания опубликованных документов: «Крымско-татарское движение», «Преследования крымских татар», «Положение крымских татар в Кры-

⁵ Soviet samizdat archive. Fond 300, sub-fond 85, series 11. Open Society Archives. Budapest, Hungary.

⁶ www.memo.ru/history/diss/

му», «О крымских татарах». 31-й выпуск (17 мая 1974 г.) посвящен 30-летней годовщине депортации и все его материалы относятся к этой форме национального протеста.

Первым документом, опубликованным в «Хронике», было «Обращение представителей крымско-татарского народа к мировой общественности», подписанное 118 именами и снабженное комментариями (2-ой номер бюллетеня от 30 июня 1968 г.). В «Обращении» отражена позиция несогласия с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г., снявшего с крымских татар обвинение в предательстве, но не позволившего им вернуться «на землю отцов».

На страницы ХТС попали сведения о крупных судебных процессах: суды над десятью представителями крымско-татарского народа в Ташкенте (№ 9 от 31 августа 1969 г.); над Ильей Габаем и Мустафой Джемилевым, который проходил с 12 по 19 января 1970 г. (№ 12 от 28 февраля 1970 г.). Достаточно подробно описан ход суда над М. Джемилевым в апреле 1976 г., опубликовано последнее слово подсудимого и протесты против его осуждения на срок 2,5 года строгого режима, которые принадлежали П. Григоренко, Л. Копелеву, А. Некричу, Л. Чуковской (№ 40 от 20 мая 1976 г.).

Материалы «Хроники» содержат выдержки из обращений и писем крымских татар, направленных в партийные и государственные органы, другие документы движения. Так, например, в № 19 (30 апреля 1971 г.) помещен текст из «Обращения крымско-татарского народа к XIV съезду КПСС, советской печати, всем коммунистам». В этом документе дается оценка Указов Верховного Совета СССР 1946 г. (обвинение крымских татар в измене Родине в годы Великой Отечественной войны), 1956 г. (отменил режим спецпоселения, но не разрешил возвращаться в места, откуда народ был выселен) и 1967 г. Здесь же формулируются требования: «Решить вопрос об организации возвращения крымских татар в Крым; восстановить автономию Крымской республики; освободить осужденных за участие в национальном движении; привлечь к ответственности фальсификаторов крымско-татарской истории».

31-й, специализированный, номер бюллетеня от 17 мая 1974 г. составляет 37 машинописных страниц. В нем описано два судебных процесса (над Р. Акимовым и Р. Джемилевым в Ташкенте), отмечены факты преследования крымских татар, переселившихся в Крым после указа 1967 г. «Перед крымским татаринном, пытающимся вернуться на родину встает глухая стена «оформления» – прописка, работа, договор о покупке дома». В выпуске также опубликованы индивидуальные заявления переселенцев из Узбекистана в международные организации, приведены тексты обращений, писем, заявлений и запросов крымско-татарского

народа к XXIII и XIV съездам КПСС, в политбюро ЦК КПСС в связи с 50-летием образования СССР, генеральному секретарю ООН, аннотации выпусков «Информации», историческая справка по материалам «народной» переписи, где доказывается участие крымских татар в Великой Отечественной войне и гибель 46% спецпереселенцев в первые годы ссылки.

В 34-ом выпуске (31 декабря 1974 г.) сообщается, что в Крыму начал выходить машинописный информационный бюллетень, где отражены факты притеснения татар в Крыму: насильственные выселения, отказ в прописке, конфискации домов, осуждение по статье «нарушение паспортных правил» и т.п. Информация такого рода содержится более чем в половине указанных номеров ХТС: № 5 от 31 декабря 1968 г., № 37 от 30 сентября 1975 г., № 41 от 3 августа 1976 г., № 42 от 8 октября 1976 г., № 52 от 1 марта 1979 г., № 53 от 1 августа 1979 г., № 57 от 3 августа 1980 г., № 60 от 31 декабря 1980 г. и др. Эти сведения отличаются детальностью, подробное описание событий, касающихся конкретных семей. В 39-ом номере (12 марта 1976 г.) отмечается, что «... к началу 1976 г. в Крыму без прописки и работы проживало около 300 семей крымских татар». На страницах 51-го выпуска (1 декабря 1978 г.) опубликован страшный рассказ о самосожжении Мусы Мамута, которому было отказано в прописке (июнь 1978 г.).

Изучение инакомыслия в советский период невозможно без привлечения документов самиздата, информационный потенциал которых позволяет исследовать идеологию его форм и движений, причины их возникновения, механизмы действия и менталитет участников. Самиздат, рожденный в недрах крымско-татарского национального движения, источник, безусловно, уникальный и ценный, но и чрезвычайно сложный. Толкование этих текстов требует применения комплексной методики интерпретации, прежде всего, ее психологических подходов. Учитывая трудности в установлении авторства и истоков появления информации, необходимо также особое внимание уделять компаративному источниковедению.

Ю.С. КИРЬЯКОВ, Е.Г. ВОЛКОВА
ЕКАТЕРИНБУРГ

БАЛКАНЫ – ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: В ЛАБИРИНТЕ ИНТЕГРАЦИИ

С 1 мая 2004 г. членами Европейского союза (ЕС) стали 10 новых стран, в том числе 8 государств бывшей социалистической Восточной Европы. Население 25 стран «объединенной Европы» составило 450 млн. человек, а её границы вплотную приблизились к границам стран-членов СНГ. Вступление новых государств в ЕС стало пятым и наиболее массовым этапом европейской интеграции, начиная с 1973 г., когда членами ЕЭС стали Великобритания, Дания и Ирландия¹. За пределами ЕС остаются ещё 8 стран, подавших заявки на вступление: Турция – наиболее «старый» кандидат на присоединение (с 1987 г.), Болгария и Румыния, присоединение которых в связи с неудовлетворительным темпом экономических и политических реформ отложено до 2007 г., а также 5 «западнобалканских» государств – Хорватия, Босния и Герцеговина, Сербия и Черногория, Македония и Албания. Именно присоединение балканской «пятерки» призвано завершить процесс европейской интеграции и ликвидировать наиболее опасный очаг напряженности за пределами СНГ – на «постюгославском» пространстве.

Проблема новой региональной идентичности и активизации взаимного сотрудничества центральноевропейских стран обрела зримые очертания сразу же после 1989 г. и усилилась после демонтажа летом 1991 г. структур ОВД, СЭВ, а также распада СССР. В этих условиях возник ряд региональных организаций, нацеленных на развитие «центральноевропейского» сотрудничества, а также апробации на региональном уровне механизмов присоединения к общеевропейской инте-

¹ С 1981 г. её членом стала Греция, с 1986 г. – Испания и Португалия, с 1995 г. – Австрия, Швеция и Финляндия.

грации: Вишеградская группа, Центральноевропейская инициатива, Центральноевропейское соглашение о свободной торговле, Организация Черноморского экономического сотрудничества, а с июля 1999 г. (после кризиса в Косово) — Пакт стабильности для стран Юго-Восточной Европы². Кстати, одним из «пионеров» региональной интеграции была Югославия, ставшая инициатором создания в 1989 г. «Инициативы 4-х» (включавшую Австрию, Венгрию, Италию и СФРЮ), на основе которой и была создана Центральноевропейская инициатива.

Первым шагом на пути к новым отношениям между ЕС и государствами Юго-Восточной Европы стала программа ФАРЕ, а принципиальное решение о возможности «пятого расширения» и критерии присоединения к ЕС были приняты на заседании Европейского Совета в Копенгагене в июне 1993 г.³ Однако распад Югославии и десятилетняя война на «постюгославском» пространстве (1991–1999) серьезно осложнили и затормозили как процесс региональной интеграции, так и перспективы присоединения «западнобалканских стран» к общеевропейскому процессу⁴.

Основы политики ЕС в отношении перехода стран региона (Албании, Боснии и Герцеговины, Сербии и Черногории, а также Хорватии и Македонии) к эволюционной интеграции в общеевропейские рамки были сформулированы Европейской комиссией в мае 1999 г. в программе SAP (Stabilization and Association Process)⁵. Для реализации «Процесса стабилизации и присоединения» 24 ноября 2000 г. на Загребском Саммите ЕС были подписаны региональные соглашения, которые ставили определенные цели и условия развития государств Юго-Восточной Европы.

² См.: Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI веков. Справочник. М., 2003. С.253–254.

³ Шемятенков В.Г. Европейская интеграция. М., 2003. С. 306.

⁴ Принципиально противоположные оценки «югославского кризиса» и роли в нем ЕС см.: Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001; Романенко С.А. Югославия: История возникновения. Кризис. Распад. Образование независимых государств. Национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв. М., 2000.

⁵ См. официальный сайт ЕС: Отношения ЕС со странами Юго-Восточной Европы (Западные Балканы) // www.eu.int / The EU's relations with South Eastern Europe (Western Balkans) / EU's actions From Regional Approach to the Stabilization & Association process.htm.

Дополнением к последней программе стало «Европейское интеграционное партнерство» или «Agenda for the Western Balkans»⁶, соглашение, которое было принято в ходе заседания ЕС Совета в Салониках в июне 2003 г. Этот достаточно развернутый документ охватывает все сферы сотрудничества между ЕС и странами Юго-Восточной Европы — от борьбы с терроризмом и организованной преступностью до развития региональной кооперации и контроля над вооружениями.

Оценивая результаты встречи в Салониках, Крис Паттен, комиссар ЕС по внешней политике, отметил определенный прогресс в проведении реформ в 5 балканских странах, которые приближают их к вступлению в ЕС. При этом он подчеркнул, что эти реформы стали результатом усилий и самого Евросоюза, «который в течение последних четырех лет инвестировал колоссальные суммы в стабилизацию и развитие западных Балкан», а на период 2000–2006 гг. одобрил программу помощи на общую сумму 4650 млрд. евро. В то же время, К. Паттен, заявил, что на встрече в Салониках роль представителей ЕС состояла в том, «чтобы четко прояснить две вещи: с одной стороны, перспектива вступления в ЕС реальна, но, с другой стороны, она сможет претвориться в жизнь лишь ценой больших усилий и твердого политического желания руководителей региона»⁷.

В то же время, сложность решения вопроса о присоединении стран-наследниц бывшей Югославии к ЕС и относительную неэффективность реализуемых программ стабилизации и интеграции подтверждает тот факт, что после непродолжительного периода либерализации политических режимов в Боснии и Герцеговине, Хорватии и СРЮ в конце 90-х гг., там произошел своеобразный реванш националистических, традиционалистских сил.

На парламентских выборах в октябре 2002 г. в Боснии и Герцеговине практически произошла реставрация власти трех этнических партий: хорватской националистической партии Христианское демократическое содружество (ХДС), мусульманских националистов из Партии демократического действия (ПДД) и сербских радикалов из Сербской демократической партии (СДП). Эти три партии уже были у власти и несут ответственность за развязывание боснийской войны 1992–1995 гг.⁸

Наконец, недовольство политикой США и ЕС выплеснулось во время выборов в скупшину (парламент) Сербии, когда потерпела поражение ли-

⁶ www.eu.int / The EU's relations with South Eastern Europe (Western Balkans) / The Thessaloniki agenda for the Western Balkans.

⁷ Le Monde. 2003. 26 июня.

⁸ La Temps. 2004. 30 января.

дер реформаторских сил – Демократическая партия. Даже громкое политическое убийство в марте 2003 г. лидера демократов – премьер-министра Зорана Джинджича – не смогло предотвратить впечатляющую победу Радикальной партии Сербии Воислава Шешеля. Только в результате трехмесячного правительственного кризиса и, опираясь на поддержку Социалистической партии Сербии (С. Милошевича), 3 марта 2004 г. лидеру Демократической партии Сербии В. Коштунице удалось сформировать коалиционное правительство, в которое, наряду с самим премьером, вошли так называемые умеренные традиционалисты, близкие к известному «кружку Чосича» (академик Добрица Чосич – инициатор принятия в 1986 г. известного меморандума САНИ, автор обновленной идеи «Великой Сербии»). Отмечая непоследовательность нового сербского премьера В. Коштуницы в отношении выполнения условий вступления Сербии и Черногории в ЕС, белградское «Время» подчеркивало, что Коштуница неоднократно давал понять, что он «верит и ожидает столкновения между США и ЕС – на что во многом надеялся и С. Милошевич». Как сам премьер, так и его ближайшее окружение мыслят архаичными геополитическими категориями конца XIX – начала XX в.⁹ Тем самым, после формирования кабинета В. Коштуницы, по мнению сербских либералов, шансы Сербии и Черногории на присоединение к ЕС ухудшились, а сама Сербия оказалась на пути к изоляции¹⁰.

Именно от развития ситуации в этих трех странах, в частности, от развития ситуации в государственном образовании Сербия и Черногория (с 4 февраля 2003 г.), где 17-18 марта 2004 г. произошел новый всплеск насилия в Косово, где остается неопределенным будущее отношений между ее образующими республиками, во многом зависит сегодня перспектива всего внутрибалканского урегулирования, а значит и шансы на присоединение «западнобалканской пятерки» к ЕС. Тем самым развитие политического процесса в Сербии окажет определяющее влияние на обстановку в сопредельных странах и их шансы на присоединение к ЕС. И это несмотря на то, что ключевые фигуры в руководстве Сербии и Черногории (Президент Святозар Марович, министр обороны, последовательный сторонник политики Х. Джинджича, Борис Тадич и утвержденный в середине апреля на посту министра иностранных дел Вук Драшкович) заявляют себя как последовательные сторонники интеграции и выполнения условий вступления в ЕС.

⁹ CERović S., Terorizam, Evropa i Srbija // Vreme, Beograd, № 689. <http://www.vreme.com/cms/view.php?id=372123>.

¹⁰ Republika. Beograd. 1-15 mart 2004 // <http://www.republika.co.yu/328>.

В ежегодном «Отчете о стабилизации и присоединении Сербии и Черногории к ЕС», подготовленном Джеффри Баретом, шефом делегации Европейской комиссии в Белграде в апреле 2004 г., отмечаются принципиальные претензии ЕС к выполнению Сербией и Черногорией условий присоединения. Это, в первую очередь, сохраняющаяся неэффективность общегосударственных институтов, таких как парламент, правительство, верховный суд, а также затягивание процесса внесения оговоренных с ЕС изменений в Конституцию созданного год назад общего государства. Отмечая значительный прогресс в отношениях с соседними странами, в частности подписание с Боснии и Герцеговины 12, с Хорватией 19, со Словенией 18, Македонией 25 конкретных межправительственных соглашений, авторы доклада подчеркивают, что если со Словенией и Македонией у Сербии и Черногории принципиальных противоречий нет, то в отношениях с Боснией и Герцеговиной и, особенно, с Хорватией полной нормализации, по-прежнему, препятствуют нерешенные вопросы с возвращением беженцев, территориальным разграничением, а также находящиеся на рассмотрении Международного суда исками этих стран в отношении Сербии и Черногории по поводу признания актов геноцида в период войн 90-х гг. В качестве факторов, осложняющих предстоящие переговоры о присоединении Сербии и Черногории к ЕС авторы доклада называют также недостаточно лояльное сотрудничество сербских властей с Гаагским трибуналом, а также обострение ситуации в Косово в результате мартовских событий 2004 г.¹¹

Таким образом, страны Балканского полуострова на рубеже XX-XXI вв., пройдя через острейший региональный кризис падения коммунистических режимов, распада полиэтнической федерации и гражданской войны в Югославии, находятся в мучительном поиске собственной идентичности на путях интеграции в евроатлантические структуры, особенно в структуры Европейского союза. При этом, каждая из Балкан, как это неоднократно было в истории, пытается пройти «путь в Европу» в одиночку, невольно оказываясь в лабиринте региональных проблем. Опыт региональной интеграции других стран ЦВЕ, в частности ставших с 1 мая 2004 г. членами ЕС, свидетельствует о том, что кратчайшим «путем в Европу» является решение региональных проблем. В первую очередь решение сложных межгосударственных отношений и проблем национальных меньшинств.

¹¹ Политика, Београд, 10. 04. 2004.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЙБАБИН А.И., д.и.н., профессор, директор Крымского отделения Института востоковедения НАН, Симферополь, Украина.

Авилушкина Л.Т., к.и.н., инженер издательства Санкт-Петербургской государственной Академии театрального искусства, Россия.

АЛЕКСЕЕНКО Н.А., д-р, зав. филиалом Национального заповедника «Херсонес Таврический», Севастополь, Украина.

АФИНОГЕНОВ Д.Е., д.ф.н., ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ.

Байдин В.И., к.и.н., доцент кафедры истории России Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

БАЙЕР Х.-Ф., д-р, профессор Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

БРАНОВ Н.Н., к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Бармина Н.И., к.и.н., доцент кафедры музееведения Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

БЕЛЯКОВ С.С., аспирант кафедры новой и новейшей истории Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

БИБИКОВ М.В., д.и.н., заместитель директора Института всеобщей истории РАН, Москва, Россия.

Бойко Е.А., главный специалист отдела национального архивного фонда Государственного архива города Севастополя, Украина.

БОРИСОВ Б., д-р, доцент университета «Свв. Кирилл и Мефодий», Велико Тырново, Болгария.

БОЧАРОВ С.Г., к.и.н., старший научный сотрудник Крымского филиала Института археологии НАН, Симферополь, Украина.

БУГРОВ Д.В., к.и.н., доцент, декан исторического факультета Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Ваклинова М., д-р, старший научный сотрудник Института археологии БАН, София, Болгария.

Высокова В.В., к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Гаген С.Я., к.и.н., докторант кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Георгиев П., д-р, старший научный сотрудник филиала Института археологии БАН, Шумен, Болгария.

Герцен А.Г., к.и.н., профессор, зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков Таврического национального университета, Симферополь, Украина.

Глушанин Е.П., д.и.н., профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Горохов Ф.С., аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Горшков С.В., доцент кафедры истории России Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Горянова С., аспирант Института археологии БАН, София, Болгария.

Гурулева В.В., к.и.н., старший научный сотрудник Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург, Россия.

Деминцев М.С., аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Тюменского государственного университета, Россия.

Домановский А.Н., аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета, Украина.

Дончева Ст., д-р, научный сотрудник Регионального исторического музея, Шумен, Болгария.

Дончева-Петкова Л., д.и.н., профессор, Институт археологии БАН, София, Болгария.

Евсеенко Т.П., к.ю.н., доцент Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия.

Еманов А.Г., д.и.н., профессор, зав кафедрой истории древнего мира и средних веков Тюменского государственного университета, Россия.

Жекова Ж., д-р, научный сотрудник Регионального исторического музея, Шумен, Болгария.

Зайков А.В., к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Залесская В.Н., д.и.н., зав. сектором Отдела Востока Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург, Россия.

Золотарев М.И., к.и.н., зав отделом античной археологии Крымского филиала Института археологии НАН, Севастополь, Украина.

Иванов А.В., научный сотрудник Национального заповедника «Херсонес Таврический», Севастополь, Украина.

Йорданов И., д.и.н., профессор, директор филиала Института археологии БАН, Шумен, Болгария.

Йотов В., д-р, директор Регионального исторического музея, Варна, Болгария.

Кирьяков Ю.С., к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Климанов Л.Г., к.и.н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, Россия.

Клименских А.В., аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Козак А.Д., научный сотрудник Института археологии НАН, Киев, Украина.

Козлов А.С., к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Крамаровский М.Г., д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург, Россия.

Крестьянников В.В., директор Государственного архива города Севастополя, Украина.

Курышева М.А., аспирант сектора истории Византийской цивилизации Института всеобщей истории РАН, Москва, Россия.

Куц Т.В., к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Кънев Н., аспирант исторического факультета университета «Епископ Константин Преславский», Шумен, Болгария.

Лаптева М.Ю., старший преподаватель исторического факультета Тобольского государственного педагогического института, Россия.

Лебедева Г.Е., д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории средних веков Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Лобовикова К.И., аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Манолова-Войкова М., д-р, научный сотрудник Института археологии БАН, София, Болгария.

Могаичев Ю.М., д.и.н., профессор Крымского экономического института, Симферополь, Украина.

Мотревич В.П., д.и.н., профессор кафедры археологии, этнологии исторического факультета Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Мохов А.С., к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Науменко В.Е., преподаватель кафедры истории древнего мира и средних веков Таврического национального университета, Симферополь, Украина.

Нешева В., д-р, научный сотрудник Института археологии БАН, София, Болгария.

Овчинникова Б.Б., к.и.н., профессор кафедры истории России Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Орецкая И.А., к.и.н., научный сотрудник Института искусствознания, Москва, Россия.

Ошарина О.В., научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург, Россия.

Павлова В., научный сотрудник Регионального исторического музея, Варна, Болгария.

Пашкин Н.Г., к.и.н., преподаватель кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Пелевина О.Л., научный сотрудник Регионального исторического музея, Варна, Болгария.

Першина Е.В., аспирант кафедры новой и новейшей истории Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Поляковская М.А., д.и.н., профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Редин Д.А., к.и.н., доцент кафедры истории России Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Романчук А.И., д.и.н., профессор кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Рубцов П.В., аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Русина Ю.А., к.и.н., доцент кафедры документоведения Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Сазанов А.В., д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета, Россия.

Седикова Л.В., к.и.н., зам. Генерального директора Национального заповедника «Херсонес Таврический», Севастополь, Украина.

Серов В.В., к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Сорочан С.Б., д.и.н., профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета, Украина.

Степаненко В.П., д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Степанова Е.В., к.и.н., старший научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург, Россия.

Терещук Н.М., зам. директора Государственного архива города Севастополя, Украина.

Тотев Б., научный сотрудник Исторического музея, Добрич, Болгария.

Ушаков С.В., к.и.н., доцент Севастопольского национального технического университета, Украина.

Фесенко А.А., начальник отдела информации и использования документов Государственного архива города Севастополя, Украина.

Халфин А.Б., аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Чекалова А.А., д.и.н., ведущий научный сотрудник сектора истории Византийской цивилизации Института всеобщей истории РАН, Москва, Россия.

Чумаченко А.Ю., зав. сектором Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника, Киев, Украина.

Шаманаев А.В., к.и.н., доцент кафедры археологии, этнологии Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Шамгунова Т.А., аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Шандровская В.С., к.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург, Россия.

Шашков А.Т., к.и.н., профессор, зав. кафедрой истории России Уральского государственного университета, Екатеринбург, Россия.

Шевченко А.В., научный сотрудник Национального заповедника «Херсонес Таврический», Севастополь, Украина.

Шерева И., д-р, старший научный сотрудник Института археологии БАН, София, Болгария.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	Античная древность и средние века
АЕ	Археографический ежегодник
АКВ	Архив князей Воронцовых
БАН	Библиотека Академии наук
ВВ	Византийский временник
ВДИ	Вестник древней истории
ВЕ	Вестник Европы
ВИД	Вспомогательные исторические дисциплины
ГАГС	Государственный архив города Севастополя
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ГИМ	Государственный исторический музей
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей
ИГАИМК	Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИЗ	Исторические записки
ИОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук
ИРЛИ	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛАИ	Лаборатория археографических исследований
ЛЗАК	Летопись занятий Археографической комиссии
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики
МЖ	Международная жизнь
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
НЗХТ	Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
НИМ	Национальный исторический музей, София
ОАК	Отчеты императорской Археологической комиссии

Список сокращений

ПИФК	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва, Магнитогорск
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
ПХХ	Памятники христианского Херсонеса
РА	Российская археология
РГА ВМФ	Российский государственный архив военно-морского флота
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГБ	Российская государственная библиотека
РЛ	Русская литература
РНБ	Российская национальная библиотека
РС	Русская старина
СА	Советская археология
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук
ХСб.	Херсонесский сборник
Byz.	Byzantion
BZ	Byzantinische Zeitschrift
CFHB	Corpus Fontium Historiae Byzantinae
CJ	Codex Justinianus
CTh	Codex Theodosianus
DOP	Dumbarton Oaks Papers
MGH, AA	Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi
ODB	Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. KAZHDAN. N.-Y., Oxford, 1991
PG	Patrologiae cursus completus. Series graeca / Rec. J.-P. MIGNE
PLP	Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. F. I–XII. With Add. / Erst. E. TRAPP. Wien, 1976–1996
PLRE	Prosopography of the Later Roman Empire / Ed. A. JONES, J.R. MARTINDALE, J. MORRIS. Vol. 1–3. Cambridge, 1971–1992
REB	Revue des Études Byzantines
REG	Revue des Études Grecques
RESEE	Revue des Études Sud-Est Européennes
SBS	Studies in Byzantine sigillography
TM	Travaux et mémoires
VR	Variorum Reprints

СОДЕРЖАНИЕ

Баранов Н.Н., Бугров Д.В., Козлов А.С. Проблемы диалога культур и толерантности на исторической оси «Россия — Крым — Балканы»	5
Античная история и археология	15
Лаптева М.Ю. Афины и Пилос в ионийской миграции	17
Зайков А.В. Скифские элементы в спартанской культуре архаической и классической эпох (К проблеме виртуального спартанского нomaдизма)	23
Евсеев Т.П. Гегемонистская симмахия как форма построения территориальной государственности в античном Средиземноморье	29
Шевченко А.В. Культ Кибелы в античном Херсонесе	33
Ушаков С.В. О трех группах краснолаковой керамики из Херсонеса	35
Серов В.В. О ранневизантийских монетах в фондах музеев Эрмитаж и «Херсонес Таврический»	39
Чекалова А.А. Императорская идея в Ранней Византии: теория и реальность	41
Рубцов П.В. Вопрос о наследственности императорской власти в латинских панегириках	45
Домановский А.Н. Государственный контроль за иноземными торговцами в пределах Византийской империи в IV—VI вв.	49
Козлов А.С. Балканы в V — середине VI в. в изображении комита Марцеллина	55
Глушанин Е.П. Юстиниан Великий как тип военного реформатора	62
Ваклинова М. Епископия Никополис на Месте (Nicomopolis ad Nestum)	66
Щерева И. Ранневизантийский епископский центр Цоида	68

Византия и страны ее культурного круга	71
Бибиков М.В. Генезис и парадигматика идеи власти в Византии	73
Афиногенов Д.Е. Император Фока — фракиец или каппадокиец?	77
Георгиев П. Фанагурис — Томитуракан и «Велика България»	83
Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Крым и Хазарский каганат в первой половине — середине VIII в.	88
Науменко В.Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: политико-административный аспект	93
Степанова Е.В. Связи Сицилии и Херсонеса по данным сфрагистических и нумизматических памятников	96
Алексеев Н.А. Defensor civitatis (Ἐκδῖχος) и его роль в управленческом аппарате Херсона	99
Йорданов И. Печати на византийские епархии по Западному Черноморью	102
Степаненко В.П. Образы святых на печатях представителей византийской элиты XI—XII вв. (Закономерности и случайности)	104
Шандровская В.С. Представители рода Куртикиев в Византии	107
Кънев Н. Византийската титла новелисим през втората половина на VIII — XII в. Приносът на сфрагистиката	108
Мохов А.С. Варяго-русские и болгарские контингенты византийских войск в Южной Италии в первой половине XI в.	111
Курышева М.А. Византийская провинция X—XI вв. Города и поселения Южной Италии	112
Авилушкина Л.Т. Апокрифический сюжет о Лоте в «Хронике» Михаила Глики и древнерусских памятниках	114
Горохов Ф.С. К вопросу о проибеленской позиции Эрнула	117
Клименских А.В. К вопросу об условиях болгаро-византийского договора конца 1201 г.	120
Деминцев М.С. Осадное положение Константинополя (1270—1271 гг.)	123
Климанов Л.Г. От Венеции до Ханбалыка: следы Марко Поло на Шелковом пути	127
Поляковская М.А. Следы диссидентства в Поздней Византии	132
Шамгунова Т.А. Совмещение церковных и светских должностей в Палеологовское время (дикайофилакс Великой Церкви и протекдик)	134
Гаген С.Я. Альянсы против турок в 1332—1344 гг. и проблема унии греческой и латинской церквей	137

Куц Т.В. Поездка Димитрия Кидониса в Италию в 1390–1391 гг.: надежды и разочарования	140
Халфин А.Б. К вопросу о византийско-турецких отношениях конца XIV в. (По материалам «Надгробной речи» Мануила II Палеолога)	143
Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV вв. Консульство Солдайское	146
Байер Х.-Ф. Была ли династия Алексея, господствовавшая над Готией в XV в., таврского происхождения?	152
Пашкин Н.Г. Византия в концепциях европейского универсализма первой половины XV в.	154
Герцен А.Г. Молдавия и княжество Феодоро в 1475 г.	157
Лобовикова К.И. Коранические сюжеты в трактатах Георгия Трапезундского	162
Археологические памятники средневековья	167
Йотов В. Археологические свидетельства скандинавской и русской материальной культуры на Нижнем Дунае	169
Айбабин А.И. Византийская крепость на горе Эски-Кермен в Крыму	175
Овчинникова Б.Б. Крепость «Годлик» Лазаревского района города Сочи	180
Нешева В. Средневековый болгарский город X–XV вв. (По данным археологических исследований в Юго-Западной Болгарии)	188
Горянова С. Городской квартал — улица — дом в средневековой Болгарии XII–XIV вв.	192
Золотарев М.И., Ушаков С.В. Новые исследования в Северо-восточном районе Херсонеса (средневековые памятники)	194
Седикова Л.В. Исследования квартала поздневизантийского времени в Южном районе Херсонеса	198
Сорочан С.Б. Об архитектурном комплексе византийского претория в Херсоне	200
Романчук А.И. Раскопки второго портового квартала	206
Иванов А.В. Об антропологическом типе населения пещерных городов Крыма	209

Козак А.Д. К вопросу об особенностях диеты древних киевлян (По данным палеопатологического исследования)	216
Жекова Ж. Бронзовая матрица X в. для производства свинцовых ядер из Северо-Восточной Болгарии	218
Средневековая культура Балкан и Причерноморья	221
Ошарина О.В. Образ Ионы в ранневизантийском искусстве	223
Залесская В.Н. Репертуар болгарских средневековых амулетов	226
Дончева-Петкова Л. О некоторых типах крестов-энколпионов из Херсона и средневековой Болгарии	230
Тотев Б., Пелевина О.А. Новые данные о ранних поясах дунайских болгар	232
Павлова В. Принос към средновековния мъжки колан от XIII-XIV век (По данни от колекцията във Варна)	236
Крамаровский М.Г. Куманские пояса в Дешт-и Кыпчак и на Балканах в XIII—XIV вв.	239
Борисов Б. Херсонесские (Крымские) параллели т.н. «болгарской» сграффито керамики	249
Манолова-Войкова М. Поливные сосуды, расписанные ангобом, из городов болгарского Причерноморья	254
Чумаченко А.Ю. К вопросу об иконографическом типе наместного образа Великой церкви Киево-Печерского монастыря	255
Орецкая И.А. О миниатюрах рукописи Гомилий Григория Назианзина (ГИМ, Син., гр. 61)	257
Бармина Н.И. Мангупская базилика: от возникновения до разрушения	260
Дончева Ст. Параллели и влияния на формирование композиций средневековой культовой архитектуры Балкан и Руси	266
Еманов А.Г. Эмблематика Кафы XIII—XV вв.	269
Россия, Крым, Балканы в новое и новейшее время	273
Шашков А.Т. Болгарский богослов и русские старообрядцы в первой трети XVIII в.	275

Редин Д.А. «Царь Павел» с Ионического побережья: неизвестный самозванец XVIII в.	281
Байдин В.И. «Крым» и «Азов» в Сборнике Кирши Данилова (К вопросу об источниках текстов: взгляд историка)	286
Бугров Д.В. Российские интересы на Балканах в интерпретации отечественной социокультурной утопии конца XVIII — начала XIX в.	294
Высокова В.В. Воронцовы и Крымская война 1853—1856 гг.	305
Шаманаев А.В. Памятники Крыма и Одесское общество истории и древностей	311
Фесенко А.А. Первые почетные граждане дореволюционного Севастополя	319
Бойко Е.А. Второе рождение Севастопольского морского госпиталя (1898—1930 гг.)	325
Крестьянников В.В. «Варфоломеевские» ночи в Севастополе в феврале 1918 г.	328
Терещук Н.М. Положение греческого населения Севастополя в 1920-е гг. (По материалам Государственного архива г. Севастополя)	337
Гурулева В.В. Комиссионерская деятельность турецкого антиквара Османа Нури-бея и его роль в пополнении собрания византийских монет Эрмитажа	343
Лебедева Г.Е., Якубский В.А. Петроградско-ленинградский период жизни и творчества академика Ф.И. Успенского	348
Беляков С.С. Хорватский национализм: от идей Партии права к этнонационализму усташей	351
Мотревич В.П. Иностранные подданные в Крыму по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г.	356
Горшков С.В. Сталинские депортации в Крыму в годы Великой Отечественной войны: проблема численности репрессированных народов	358
Першина Е.В. США и советско-югославский конфликт 1948 г.	362
Русина Ю.А. Документы самиздата о крымско-татарском национальном движении 1960—1980-х гг.	368
Кирьяков Ю.С., Волкова Е.Г. Балканы — Европейский Союз: в лабиринте интеграции.	373
Сведения об авторах	378
Список сокращений	383

Программа “Межрегиональные исследования в общественных науках” была инициирована Министерством образования РФ, “ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)” и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги и Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) в 2000 г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОН), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. “ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)” осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей Программы: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а/я 231

Электронная почта: info@ino-center.ru,

Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

Министерство образования и науки Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, развития федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров и наукоградов, интеллектуальной собственности, а также в сфере молодежной политики, воспитания, опеки, попечительства, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Федерального агентства по науке и инновациям и Федерального агентства по образованию.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

АНО "ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)" – российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Билдингтона и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX века, который, благодаря своим стараниям и книгам о России, сыграл важную роль в развитии лучшего понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от мира политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки "развития и распространения знаний и понимания". Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна "творить реальное и прочное добро в этом мире".

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются: образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжен» содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) - частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР. Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ, поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих, осуществлен по ответственного выбора в области репродукции человека, а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению результатов, просвещения и профессиональной подготовки, и практической деятельности.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

РОССИЯ – КРЫМ – БАЛКАНЫ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР

**Научные доклады Международной конференции
(Севастополь, 6-10 сентября 2004 г.)**

Оригинал-макет: А.С.Мохов, А.В.Шаманаев

Подписано в печать 25.05.2004. Формат 60 × 90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Заказ 793
Тираж 500 экз.

НПМП "Волот", 620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Лицензия на издательскую деятельность ИД № 02328 от 11.07.2000 г.

Отпечатано с оригинал-макета в ОАО "Полиграфист"
620151, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 20

